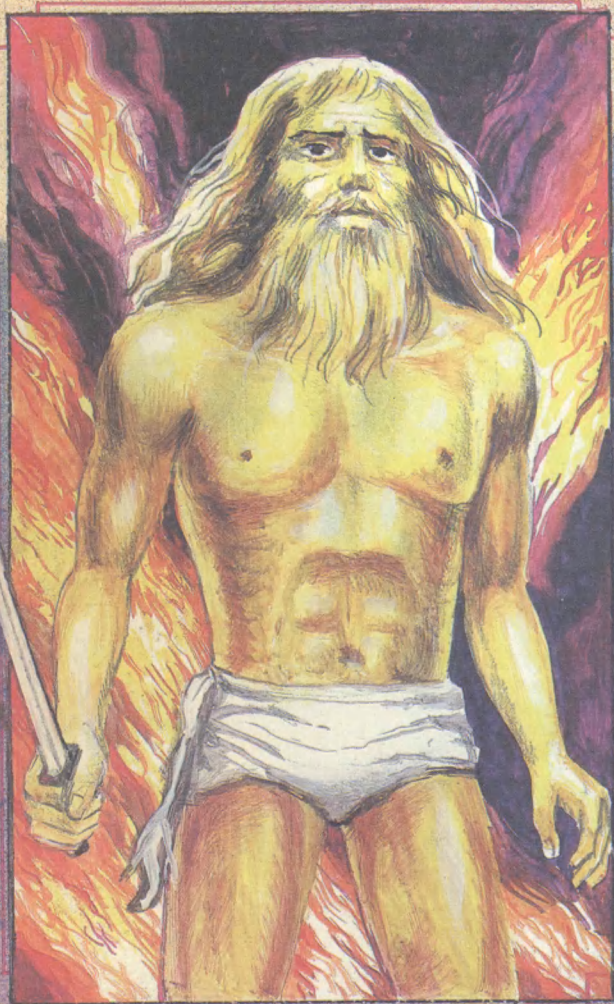

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

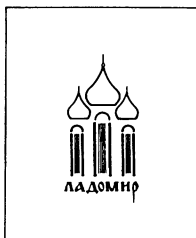
ŒUVRES ROMANESQUES

**LOUIS
BOUSSENARD**

**Les Robinsons
de la Guane**

Le Secret de l'Or

**Le Mystères
de la Forêt Vierge**

MOSCOU • 1993

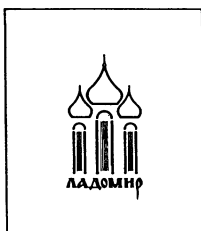
Луи Буссенар

СОБРАНИЕ РОМАНОВ

Гвианские робинзоны

Части 2, 3.

Перевод с французского

МОСКВА ● 1993

ББК 84.4 Фр
Б 92

Перевод
В. Брюггена

Примечания
Л. Лебедевой

Художник
А. Махов

Б 4703010100-026 Без объявления
593(03)-93

ISBN 5-86218-052-4 (т. 10)
ISBN 5-86218-002-8

- © В. А. Брюгген. Перевод,
1993.
- © Л. И. Лебедева.
Примечания, 1993.
- © А. С. Махов. Иллюстрации,
1993.
- © Научно-издательский центр
«Ладомир». Оформление,
литературная правка текстов,
1993.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается.*

Гвианские робинзоны

Часть вторая

ТАЙНА ЗОЛОТА

*Памяти Ж. Б. Лабурдетта
Досточтимому Ж. Б. Казальсу*

Помните ли, мой дорогой Казальс, ту исполненную волнения минуту, когда, покидая прииск Гермина, я говорил, прощаясь тогда и с Лабурдеттом: «До свидания!»?

Вы открыли мне полную опасностей и приключений жизнь золотодобытчика, и я дал себе клятву засвидетельствовать свою глубочайшую признательность, посвятив вам обоим этот труд, немыслимый без полученных от вас технических знаний.

Лабурдетта, увы, нет более с нами. Пусть же моя книга станет памятью об этом неутомимом труженике.

Что касается Вас, дорогой друг, чья помощь была поистине неоценима, соблаговолите принять сей скромный дар как знак моего живейшего расположения.

Луи БУССЕНАР

ГЛАВА I

Пленный индеец.— Тукан и оноре.— Лагерь на речных порогах.— Золотая стрела.— Легенда об Эльдорадо.— Губернатор и краснокожий.— Тайна, которая убивает.*

— Давай-ка сюда краснокожего!

— погоди... Одну минутку!

— Крепко ли он связан?

— Не беспокойся, отлично! Уж я позаботился об этом! Не шевельнется!

— А он случаем не отдал Богу душу? А?

* Тукан, или перцеяд — сравнительно крупная птица с огромным ярко окрашенным клювом, длина которого почти равна длине тела; туканы составляют отдельное семейство в отряде дятлов, все виды этого семейства обитают в Центральной и Южной Америке. Установить научное название другой упомянутой птицы, оноре, не удалось.

— Гм...— В голосе отвечавшего проскользнуло сомнение.

— Смотри, только без глупостей! Помни, индеец для нас — целое состояние! Наши будущие миллионы.

— Так развязать его, что ли?

— А вдруг вырвется и удерет?

— Ну, а так... если задохнется?

— Ты прав! Не следует резать курицу, несущую золотые яйца. Знаешь, расслабь-ка немного узлы! — приказал спрашивавший: по всему был виден бывалый моряк, привыкший отдавать команды.— Поторопись!

Индеец по-прежнему не выказывал признаков жизни, и его подняли без особых усилий.

— Кажется, готов! — испугался сторож краснокожего.

— Да ты что?! Черт побери! Хороши же мы будем, если он задохнулся!

— Проклятье! Ведь я глаз с него не спускал!

— Кого ты проклинаешь? Кому доверили стеречь этого типа?!

— Но погляди, сколько я истратил на него самой крепкой плетенки! Никак не меньше пятнадцати сажень!..*

— Думаю, веревка не могла послужить причиной смерти...

— За восемь дней наших скитаний он наверняка выкинул бы не одно коленце, не прими я мер предосторожности.

— Да ладно, ладно, чего уж там, давай лучше убедимся, живой ли он.

— Ну... дьявол меня побери! Если он подох, мы с тобой по уши в дерьме! Просто пропали!

— Как пропала и тайна золота!.. Вот тогда-то, приятель, ты за все заплатишь! Кожу спущу... по кусочку...

— Да погоди ругаться! Краснокожий ни с того ни с сего никогда не подохнет. Они живучи как собаки! Сейчас сам убедишься!

Говоривший засунул руку в карман грубых домотканых штанов, достал оттуда огниво и длинный желтый трут, обычный у курильщиков. Скоро посыпались искры, трут задымился, показался язычок пламени.

Освободив запястья юноши-индейца, по-прежнему безжизненно-обмякшего, с проступившими синеватыми бо-

* Сажень — мера длины; здесь имеется в виду французская маховая сажень, равная 1,62 м.

роздками на коже от просмоленной грубой веревки, человек вложил тлеющий трут между пальцами рук пленного и крепко сжал их.

Тошнотворный удушливый запах паленого противно защекотал ноздри. Грудь краснокожего судорожно приподнялась, втянула воздух, из горла вырвался болезненный хрип, похожий на вздох. Казалось, от огненной припарки бедняга стал приходить наконец в себя.

— Жив, курилка, жив! — довольно похохатывал истязатель в восхищении от собственной выдумки.

— Ну и слава Богу! Подхвати-ка его покрепче под мышки и давай... тащи!

— Готово! Главное — не шлепнуться в воду... А вы — эй, там — следите за веслами! Уф-ф-ф... Да тяни ты его, тяни!

Атлетически сложенный мужчина поднял, словно пушинку, несчастного малого, у которого все еще слегка дымилась кожа на руке, и опустил на голую скалу у своих ног.

— Ну, друзья, теперь ваша очередь! Давайте по порядку!..

Четверка путников готовилась перебраться через одну из скалистых гряд, которые в Гвиане нередко пересекают реки, создавая путешественникам дополнительные трудности.

Гряда была никак не менее четырех метров над уровнем воды. Крепко ухватив конец веревочного крепления для подъема индейца, один из мучителей вскарабкался на каменную преграду и кое-как пристроился на вершине гранитного островка, вокруг которого с ревом бушевали пенистые каскады.

Бросившую якорь у подножия скалы пирогу* болтало и подбрасывало, грозя разнести в щепки. Следом за пленником переправили продукты и бочонки с куаком**, ящики сухарей, солонину и копченую рыбу, оружие, боеприпасы, инструменты.

Наконец, вдвое удлинив якорные крепления, действуя точно и слаженно, четверка в едином усилии подняла на руках, словно на таях, пирогу, и стала осторожно вдви-

* Пирога — лодка, выдолбленная из ствола дерева.

** Куак — лепешки из муки маниоки, растения семейства молочайных, родом из Южной Америки. Маниоку (другие названия: тапиока, кассава) возделывают ради клубней, из которых приготавливают муку. В сыром виде клубни (их вес до 10 кг) ядовиты, но при варке или печении ядовитые вещества разрушаются.

гать ее нос на маленькую гранитную платформу, уже сплошь заваленную охотничьими ружьями, мотыгами, топорами и прочим снаряжением.

Пригреваемый солнцем, неподвижно лежал распростертый на голой скале индеец. Если бы не едва заметно приподнимавшаяся грудь, не исполненный ненависти взгляд черных раскосых глаз, который время от времени бросал пленник на своих мучителей, когда те поворачивались к нему спиной, можно было подумать, что несчастный в глубоком обмороке. Совсем юный, лет двадцати, он был невелик ростом, но ладно и крепко сложен. Из одежды — одни калимбе*, плечи и грудь не разукрашены по местному обычаю рисунками, которыми с помощью сока генипы размазывали лица и тела его соплеменники. Не смазанная животным жиром загорелая кожа юноши казалась не намного темнее, чем у незнакомцев, захвативших его в плен.

Трое из компании были явными европейцами: в рубашках с засученными по локоть рукавами, в штанах, закатанных выше колен, открывавших мускулистые сильные ноги, сплошь исполосованные шрамами разной степени давности, в широкополых соломенных шляпах. На худых, бледных лицах застыло жесткое, даже жестокое выражение, а небольшие бородки, отпущенные, вероятно, не более двух месяцев назад, подчеркивали еще и свирепость их обладателей. Трудно определить возраст каждого, скорее всего никто из этой тройки не перевалил за тридцать.

Четвертый, непомерно широкий в плечах, с атлетическим торсом и походкой вразвалочку, как у медведя, судя по всему, являлся у них вожаком. Кривые мощные ноги с рельефными мускулами были обуты в грубые на шнуровке ботинки с низким задником, типа армейских, белая каскетка**, едва прикрывавшая макушку, красная шерстяная рубашка, туго обтягивавшая плечи, довершали наряд. Лицо четвертого скрывалось под огромной черной бородой с проседью. Он выглядел старше своих компаньонов, ему явно перевалило за сорок. Хотя он распоряжался весьма решительно и все безоговорочно выполняли команды предводителя, чувствовалось, что тут установились отношения полного равенства, основой которых, видимо, служили общие жизненные цели и планы. И даже не

* Калимбе — индейские штаны особого покроя, сшитые из грубого полотна.

** Каскетка — здесь: форменный головной убор, шапка с прямой тульей и с козырьком.

будучи свидетелем жестокого, бессердечного обращения с пленным, легко было догадаться, что сговор этой кучки авантюристов зиждился отнюдь не на исполнении высокого долга, а на удовлетворении корыстных интересов, граничивших, вполне возможно, и с преступлением.

Наверное, при стороннем взгляде на эту, не лишенную живописности, компанию у иного бесстрастного наблюдателя могло невольно вырваться: «Ну и хорошенькая же подобралась шайка негодяев!..»

Впрочем, им было трудно отказать в способности держаться вольготно и уверенно под палящими солнечными лучами как людям, привыкшим к местному климату, опасному для впервые попавшего сюда европейца. Легкость, с которой они выполняли все, что требовалось, говорила о сноровке, нажитой в трудах тяжких и изнурительных.

— Послушай, шеф,— бесцеремонно обратился к старшему один из команды.— Не настало ли время перекусить?

— Только после того как загрузим лодку! — последовал ответ.

Уловив общее недовольство отказом, главарь твердо, не без легкой издевки пояснил:

— А ну, мои овечки, беремся дружно за провиант и прочие бебехи! Вы же меня знаете, я вкалываю наравне с вами. Думаете, у меня не сосет под ложечкой? Ошибаетесь! Еще как сосет! Но мне не привыкать. Глядите, подаю вам пример!

И, подтверждая сказанное делом, он играючи подхватил бочонок с куаком в добрые полцентнера, без особого напряжения перекинул его в лодку, которая теперь тихо покачивалась на волнах по другую сторону каменной гряды. Всю операцию завершили менее чем в четверть часа.

Мужчины приступили к скудной трапезе. Несколько горстей муки, замешанной на воде, да ломтик свежепосоленной свинины, обжаренной накануне,— вот и все меню.

Молодой индеец понемногу приходил в себя,— наученный горьким опытом, он уже не демонстрировал столь явно своей полной неподвижности. Краснокожий с трудом проглотил брошенный ему кусок лепешки и, казалось, ничего не замечал и не слышал.

Вдруг из глубины зарослей неподалеку от водопада вырвался пронзительный крик, похожий на скрип плохо смазанного тележного колеса. Однако никто не обратил на него внимания, кроме пленника, чуткий слух которого тотчас уловил этот необычный сигнал. Он узнал голос

тукана, или перцеяда, птицы, которую гвианисты-креолы* называют «большим клювом».

Вспышка любопытства, а может быть, надежды на миг осветила неподвижное лицо юноши, но тут же сменилась прежней безучастностью. Между тем послышался и другой голос, звонкий и сочный, который было странно слышать в этих местах. Четыре ноты — до, ми, соль, до — словно исходили из горла оперного баритона и звучали долго, с удивительной точностью.

Краснокожий вздрогнул и этим движением чуть было не выдал волнения.

— Эй, калина!** Что с тобой? — подозрительно уставился на него мужчина с бородой, которого все величали шефом. — Пение действует тебе на нервы? Это тукан забавляется, а оноре ему отвечает. Любопытная птичка, что и говорить, так и кажется, что человек.

Тукан проскрипел вновь. До, ми, соль, до — тотчас последовал ответ. И снова непроницаемый лес погрузился в тишину.

— Странно, что они распевают в полдень. Никогда такого не слыхивал, шеф... Послушай-ка, а если это сигнал? — заметил один из гребцов.

— От кого сигнал, дубина? И кому адресован?

— Почему мне знать? А мы разве не прибегаем к подобным уловкам? Ты уверен, что там, в траве, под листвой, за деревьями не прячется несколько пар любопытных глаз, следящих за нами, и что крик тукана и пение оноре лишены какого-то тайного смысла? Очень странно, что они поют в полдень. В такое время все птицы, кроме пересмешника***, молчат. Я осмотрел все кругом, но тукана не заметил. А ведь его крик прозвучал довольно близко...

Загадочный дуэт, при внешней незначительности эпизода вдруг ставший событием, зазвучал вновь в обратном порядке. Начал оноре, а тукан ему ответил.

Четверо мужчин пронзили взглядами индейца, безмолвного и бесстрастного.

— Если бы я знал, — проворчал шеф, — что ему дают знак, то вплеп бы нашему приятелю пару увесистых оплеух.

* Креолы — потомки африканских рабов в Гвиане.

** Калина — так белые называют индейцев Гвианы.

*** Пересмешник — птица, получившая название благодаря способности включать в свое пение много заимствованных звуков; в Южной Америке обитает многоголосый пересмешник, наделенный особенно развитой способностью к подражанию.

— Ну, и многого бы добился? Из него и словечка не вытянешь. Эти скоты упрямы, как ослы. Если что-то возьмут себе в голову, черта лысого потом из них выбьешь.

— Не беспокойся... Это моя забота. Мы почти у цели. Наступает момент, когда мы не сможем ориентироваться сами. Он один знает дорогу, и если не пожелает говорить... Тогда я поджарю ему ноги до живота, а руки — до плеч, и заговорит как миленький.

— В добрый час! Это о тебе речь, калина, слышишь, эй, ты!

Индеец не удостоил говорившего даже взглядом.

Четверо мужчин заняли свои места в лодке, связанного индейца уложили в центре, и все принялись яростно грести.

Русло реки, суженное у порогов, постепенно расширялось.

— Будем держаться левого берега,— сказал старший.— Вы видите гору, вон там? Или это всего лишь облако?

— Это гора.

— Хорошо, я держу курс на нее.

В четвертый раз прозвучал крик тукана, но с такой силой, что путешественники одновременно вскинули головы, как будто птица пролетела совсем рядом. Главарь подавил желание выругаться, схватил ружье и быстро зарядил. Пирога почти вплотную приблизилась к берегу. Послышался легкий шорох потревоженных веток. Затем лодка ткнулась носом в песок. Бородач выстрелил наугад в густые заросли на высоту человеческого роста. Посыпались листья, скошенные свинцом, но испуганного крика, издаваемого туканом в минуту опасности, не последовало.

— Ты был прав. Это сигнал. Пословица гласит: за одного битого двух небитых дают. Итак, мы стоим восьми, ведь нас четверо. Полагаю, вскоре предстоит заварушка. Будем плыть вдоль берега, а потом пристанем в подходящем месте.

Однако план, казавшийся таким простым, не удалось осуществить. Стрелявший едва успел уложить в лодку дымившееся ружье и взяться за весло, как огромное, давно высохшее дерево, удерживаемое только лианами, резко покачнулось, а затем со страшным шумом рухнуло в воду, взметнув целые фонтаны брызг.

К счастью для авантюристов, падение произошло в сотне метров от носа лодки: упало дерево на пять минут позже, пирогу бы расплющило. Пришлось им выплывать

на стрежень и, приближаясь к противоположному берегу, осторожно обходить возникшее препятствие, столь неудачно загородившее фарватер*.

— Черт подери! Хорошо отделались! Если бы это вакапу оказалось на два метра длиннее, даже не знаю, как бы мы прошли. Ну ладно, все в порядке. Продолжим путь и постараемся найти подходящее место для причала. Глядите в оба, вон еще сколько сухих деревьев торчит по всему берегу...

— Ну, вряд ли это повторится. Хорошего понемножку! Не думаю, что они специально поджидают, чтобы свалиться нам на голову.

— О, тысяча чертей! — зарычал главарь.

Одновременно проклятия сорвались и у других гребцов, ошеломленных небывалым зрелищем, которое предстало их глазам.

— Храните спокойствие, иначе мы погибли! Гребите сильнее! К берегу! Да за индейцем следите!..

Эти возгласы и указания перекрыл оглушительный грохот. Казалось, целая стена леса рухнула в одночасье. Пять или шесть лесных гигантов, на расстоянии двадцати — двадцати пяти метров друг от друга, такие же высохшие, как упавшее дерево, угрожающе закачались на лианах, как будто чья-то незримая рука подрубила их под самый корень. Колоссы с нарастающим треском кренились в сторону реки. Удерживавшие их лианы превратились в натянутые якорные цепи, вот-вот готовые лопнуть. Живые деревья, захваченные падением мертвых, вырывались из земли с корнями, наклонялись, в свою очередь, и падали наземь с неимоверным грохотом. Затем зеленая баррикада обрушилась в реку, чьи воды сразу исчезли в невообразимой мешанине из листьев, цветов, стволов и веток.

Бледные, охваченные ужасом, четверо мужчин молчали, едва не лишившись рассудка от этого необъяснимого и пугающего зрелища. Они с трудом удерживали на плаву пирогу, которая бешено плясала на волнах, поднявшихся из-за внезапного падения деревьев.

Была ли это случайность, от которой путники могли погибнуть? Или же сама земля с ее нераскрытыми сокровищами взбунтовалась против ничтожных пришельцев, поднявших руку на ее девственный покров? Какие тита-

* Фарватер — безопасный для судов и достаточно глубокий проход по водному пространству.

ны смогли опрокинуть многовековые деревья и разнести их в щепки, словно мачты разбитого ураганом судна?..

Русло реки оказалось теперь полностью забаррикадировано. Авантюристы не могли подняться вверх по течению, да и причалить там, где рассчитывали, не представлялось возможным. Противоположный берег — простиравшаяся до горизонта болотистая саванна*, бездонное пристанище огромных змей и электрических угрей — также был недоступен. Оставался единственный выход — пробить дорогу через поверженные стволы и ветки, пустив в ход топоры и мачете для прокладки фарватера. Работа изнурительная, требовавшая не менее трех-четырех дней.

Излишне говорить, что, обладая упорством честных людей, негодяи и не помышляли об отступлении. Продуктов было в изобилии на несколько месяцев, и они не собирались капитулировать перед первой же неудачей. Едва улеглось волнение на реке, как решение было принято, план составлен.

— Ну, шеф, что ты скажешь об этом?

— Скажу... Я скажу, что ни бельмеса не понимаю, как все стряслось.

— Теперь ты согласен, что птичьи крики — это тайные сигналы?

— Вполне возможно, после всего... Однако если бы в лесу находился отряд краснокожих, то логичнее допустить, что они не стали бы развлекаться рубкой леса и сооружением плотин, а просто превратили бы нас в котлеты своими двухметровыми стрелами... Мы находимся так близко от берега, а они стреляют отлично... Нет, это не поддается объяснению... Тем более что мертвые деревья следовало заранее подпилить под корень.

— Быть может, это первая линия укреплений, прикрывающая страну золота!

— Мы преодолеем и ее и другие! — подхватил главарь решительным тоном. — А теперь — за работу!

— Послушай-ка, шеф, есть идея! Мы ведь не можем ночевать в пирог. С другой стороны, нельзя подвесить наши гамаки к деревьям, что растут на краю саванны. А что, если снова спуститься к каменной гряде? Там можно выгрузить провизию на скалу и соорудить «патаву».

— Отличная мысль, дружище, и мы принимаем ее

* Саванна — местность, покрытая травянистой растительностью, среди которой встречаются одиночные деревья. Буссенар обозначает этим же словом обширные болота и трясины Гвианы.

к исполнению. Устроим поудобнее в подвесной койке нашего славного индейца, привяжем его покрепче, чтобы отбить всякую надежду на побег. Затем возьмемся за мачете и — в добрый час! — проложим дорогу...

Пирога пристала к скалам, двое мужчин выбрались на берег, быстро срубили три дерева толщиной с человеческое бедро, очистили от веток, а их товарищи тем временем разгрузили лодку.

Обе операции завершились одновременно. Срубленные деревья перенесли на скалу, накрепко связали их макушки, после чего трое мужчин ухватили каждый по стволу и быстрым движением подняли всю конструкцию, раздвинув стволы у основания, так что образовалась пирамида со сторонами примерно в три с половиной метра.

Сооружение выглядело устойчивым и надежным, и вскоре все три его грани были заняты подвесными койками. Вот такая конструкция, очень простая и удобная, используемая неграми и индейцами экваториальной зоны, называется *патава*. Она незаменима для ночлега в местах влажных и лишенных деревьев. Ведь в Гвиане невозможно отдыхать на земле, не рискуя напороться на весьма неприятных и часто опасных лесных визитеров — скорпионов*, сороконожек, гигантских пауков, муравьев, змей и проч.

Тщательно проверив все путы на теле пленника, бородач уложил юношу в гамак, как ребенка. Поскольку солнце опаляло знойными лучами ничем не защищенного молодого человека, главарь срезал несколько широких листьев *барлуру* и связал их вместе, так что получилось нечто вроде тента, который он и водрузил над головой юноши. Несчастный мог теперь не опасаться солнечного удара.

— Вот тебе зонтик... Зонтик для ребеночка,— ухмыльнулся здоровяк.— Ведь я для тебя как отец родной, правда же? Заботливый папочка... Не воображай только, что это ради твоих прекрасных глаз, мой ангелочек... Если бы ты не стоил таких денег, я бы давно отправил тебя к твоему Гаду**, к любимому боженьке черных и крас-

* Скорпион — членистоногое отряда беспозвоночных животных класса паукообразных; на конце удлиненного брюшка находятся ядовитая железа и кривое острое жало.

** Гаду, или Масса Гаду — «Господь Бог»; этим именем гвианские дикари наделяют свое божество. Их религиозные верования представляют собой разновидность языческого дуализма (над миром владычествуют постоянно борющиеся добро и зло. — Л. Л.) и с полнейшей непринужденностью «подключаются» к повседневным нуждам и заботам.

ных... Ну, до свидания, и будь паинькой. Я немного поработаю топором... Да не забывай, что я не спущу с тебя глаз!

Четверо проходимцев незамедлительно вернулись к зеленой баррикаде и мощными ударами мачете и топора атаковали ее с яростным иступлением. Работа оказалась нелегкой, продвигалась медленно, но труды не пропали даром. Появилась надежда, что через сорок восемь часов совместных усилий они выберутся из тупика. Когда солнце склонилось к закату, они вернулись к патаве, весело горлая, как старательные работяги, которым трудовой день доставил большое удовольствие.

Но последняя нота разудалого припева сменилась воплем негодования при виде пустого гамака. Краснокожий, так тщательно спеленутый шефом, разорвал свои узы и исчез.

Впрочем, не было ничего загадочного в этом исчезновении, хотя оно и казалось непостижимым фокусом. Юный индеец, видя, что его палачи заняты расчисткой завала, решил воспользоваться выпавшей ему передышкой. Он тут же принялся грызть веревки, сжимавшие запястья. Белые зубы, острые, как у белки, работали так усердно и ловко, что через час нечеловеческих усилий ему удалось перегрызть волокна.

Первый этап на пути к освобождению туземец одолел. Теперь следовало освободиться от пут, которые сковали не только лодыжки, но и колени. Индеец был настолько изобретателен, насколько смел, и в высочайшей степени владел искусством бесконечного терпения, которое у его соплеменников нередко переходит в апатию.

Он носил на шее маленькое ожерелье из зубов патиры*, очень острых, с широкими режущими гранями. С их помощью эти животные глубоко роют землю и перегрызают огромные, мощные корни. Юноша разорвал нитку ожерелья, схватил один из зубов и принялся пилить, а точнее — перетирать нить за нитью волокна крепкой веревки.

Время от времени он украдкой поглядывал через сетку гамака на своих палачей, по-прежнему увлеченных работой. Последние, в свою очередь, могли видеть его всякую минуту, но он умудрялся, не прерывая ни на миг своего

В общем же они достаточно равнодушны и намного больше боятся черта, нежели почитают Бога. (Примеч. авт.)

* Патира — толстокожее млекопитающее из рода свиней, распространенное в Гвиане. (Примеч. авт.)

занятия, сохранять такую видимость полной неподвижности, что они ничего не заподозрили. Наконец приблизился кульминационный момент. Ноги обрели свободу! Со сладостным чувством индеец вытянулся в гамаке, позволив себе отдохнуть с четверть часа. Потом растер затекшие конечности, чтобы вернуть им эластичность, и, воспользовавшись мгновением, когда четверо белых оказались спинами к нему, сел на край койки, прыгнул на скалу и бросился вниз головой с высоты каменной гряды в бурный поток водопада.

Проплыв под водой все расстояние до берега, метров двадцать пять, юноша ступил на землю, покрытую цветущими пурпурными геликониями, и скрылся в густом лесу.

Ярость авантюристов не знала границ. Хотя преследование было немыслимым, невозможным, они рискнули пуститься в погоню за беглецом. По обе стороны реки простиралась заболоченная саванна. Твердый грунт, занятый лесом, тянулся неширокой полосой (не превышавшей ста пятидесяти метров) вдоль реки. Именно в этой части местности и обрушились гигантские деревья, поверженные таинственной силой.

Три бандита во главе с шефом ринулись к полузатопленным стволам, надеясь по ним добраться до берега, а четвертый остался охранять провиант. Они почти достигли земли, когда послышался резкий, звенящий свист, а вслед за ним впереди идущий громко вскрикнул от страха и боли.

Длинная стрела с древком из стебля тростника, оперенная чем-то черным, пронзила ему бедро навылет.

Преодолевая мучительную боль, раненый попытался выдернуть ее, но безуспешно.

— Оставь, — сказал главарь. — Она прошла насквозь, и я сломаю кончик с другой стороны.

Операция закончилась удачно, и вскоре пострадавший с любопытством рассматривал металлический наконечник стрелы, длиной около пяти сантиметров, слегка зазубренный. Хотя его окрасила кровь, но местами он желтовато блестял. Раненый машинально вытер наконечник рукавом.

— Глядите! Да ведь он золотой! — воскликнул возбужденный и потрясенный бандит.

После открытия Нового Света, заманчивых рассказов первых мореплавателей Европу охватила настоящая лихо-

радка. Вслед за знаменитым Колумбом* (1492) и его бесстрашными последователями Жаном и Себастьяном Кабо** (1497—1498), Америго Веспуччи*** (1499), Винсентом Пенсоном**** (1500), которые были по крайней мере «мирными» завоевателями, на эти богатые земли обрушились целые сонмища грабителей, как стаи стервятников на беззащитную дичь.

Не говоря уже о таких конкистадорах*****, как Эрнан Кортес***** (1519) или Франсиско Писарро***** (1531), авантюристах большого размаха, которые умели корчить из себя вельмож, совершая набеги, вернее опустошная, первый — Мексику, а второй — Перу, к вящей славе и выгоде своего державного повелителя, мы найдем еще превеликое множество мелких лазутчиков и исследователей восточной части экваториальной Америки.

Франсиско Писарро был убит в 1541 году в Куско. Один из его лейтенантов, Орельяна*****, мечтая о более богатых странах, где золото столь же обычно, как самые презренные металлы в наших краях, спустился по

* Колумб (лат. Columbus, ит. Colombo, исп. Colon) Христофор (1451—1506) — мореплаватель, руководил испанской экспедицией на трех каравеллах, в 1492 году достигших берегов Америки, которую сам Колумб принял за Индию.

** Кабо Жан и Себастьян — правильное: Кабот, или Кабото (Cabot, Caboto) — итальянские мореплаватели, отец, Джованни (между 1450 и 1455—1499?), и сын, Себастьян (ок. 1475—1557), исследователи Северной и Южной Америк.

*** Веспуччи (Vespucci) Америго (1454—1512) — мореплаватель, родом из Флоренции. Участвовал в испанских и португальских экспедициях к берегам Южной Америки и первым высказал предположение, что эти земли — новая часть света. В его честь они были в 1507 году названы Америкой.

**** Пенсон Винсент — правильное: Пинсон (Pinzon; 1460—ок. 1524) — испанский мореплаватель, участник первой экспедиции Колумба; в 1499—1500 годах участвовал в экспедиции, которая открыла устье р. Амазонки и берег Гвианы.

***** Конкистадоры — букв.: завоеватели; испанские авантюристы, на свой страх и риск отправлявшиеся в недавно открытую Америку для захвата новых земель.

***** Кортес (Cortes) Эрнан (1485—1547) — испанский завоеватель Мексики, с 1522 года ее губернатор, в 1529—1540 годах генерал-капитан (в то время Мексика называлась Новой Испанией).

***** Писарро (Pizarro) Франсиско (между 1470 и 1475—1541) — испанский завоеватель Панамы и Перу. Разграбил и уничтожил государство инков.

***** Орельяна (Orellana) Франсиско (1505 или 1511—1546 или 1550) — испанский завоеватель, первый европеец, пересекший Южную Америку в самой широкой ее части, исследовал среднее и нижнее течение Амазонки.

Амазонке до ее устья и обследовал берег от экватора до Ориноко.

Правду ли говорил Орельяна? Или же принял за реальность химеру*, которую лелеял столь долго? В самом ли деле приоткрыл он уголок этой райской земли, о которой его устами нарисована такая обольстительная картина? Верно лишь то, что к 1548 году магическое словечко «Эльдорадо» звучало у всех на устах как символ сказочного изобилия.

Пересекая моря, перелетая от одного рассказчика к другому, легенда разрасталась, обогащалась. Географическое местонахождение золотого рая существенно и часто менялось. То ли это была Гвиана, то ли Новая Гренада, тогда еще мало изученные... Поиски велись на огромных пространствах. От севера к югу, от востока на запад экваториальная область кишела обезумевшими от золотой лихорадки искателями сокровищ, чьи иссохшие скелеты усеивали потом эту землю. Долгим путем разочарований пришли наконец к общему согласию, что именно в Гвиане и находилось загадочное Эльдорадо, сказочное богатство Сыновей Солнца. Легенда уточнялась и приобретала земные очертания, некоторые даже утверждали, что после падения инков** их самый молодой правитель, Атабалепа***, завладел сокровищами и спустился по Амазонке к истокам Ояпок.

Этого короля золота называли «великий Пэйтите», «великий Моксо», «великий Пару».

Уверяли, что его даже видели. Среди прочих Вальтер Рейли****, фаворит Елизаветы, подстрекаемый, несомнен-

* Химера — здесь: несбыточная фантазия.

** Инки — индейское племя, обитавшее в XI—XIII веках на территории Перу; позднее этим словом обозначали господствующий слой и верховного правителя государства Тауантинсуйу (XV в.). Инки — создатели одной из крупнейших цивилизаций в Южной Америке.

*** Атабалепа — неточно переданное Буссенаром имя Атауальпы (исп. Atahualpa, на языке индейцев кечуа Atawallpa), последнего правителя инкского государства Тауантинсуйу, которого испанские завоеватели во главе с Ф. Писсаро заманили в ловушку, взяли в плен, получили с него большой выкуп золотом, а потом казнили в 1533 году после инсценированного над ним «суда».

**** Вальтер Рейли — современная русская транскрипция его имени Уолтер Рэли (Walter Raleigh; ок. 1552—1618). Английский политический деятель, мореплаватель, поэт, ученый, автор книги «Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи...» (1596; в русском переводе вышла в 1963 г.). Последняя экспедиция в Гвиану за золотом в 1617 году была неудачной, и после возвращения в Англию Рэли в 1618 году казнили.

но, личными интересами или даже приказом свыше, убеждал королеву Англии в правдивости этих небылиц. Испанец Мартинес* пошел еще дальше. Он заявил, будто провел семь месяцев в Маноа, столице этого воображаемого королевства. Описание, которое он дает, настолько необычно, что стоит привести из него выдержку: «Город огромен, население бесчисленно. На улице Орфевр живет не менее трех тысяч рабочих. Беломраморный дворец императора возвышается на утопающем в зелени острове и отражается в водах озера, прозрачных, как хрусталь. Его окружают три горы, одна из чистого золота, другая из серебра, а третья — соляная. Дворец покоится на алебастровых и порфировых колоннах и окружен галереями из кедра и черного дерева с многочисленными инкрустациями из драгоценных камней. Две башни охраняют вход. Каждая опирается на колонну двадцати пяти футов высотой, и обе увенчаны огромными серебряными лунами. Два живых льва прикованы к тумбам золотыми цепями. Внутри дворца — большой квадратный двор с фонтанами и серебряными бассейнами, куда вода поступает по четырем золотым трубам. Маленькая медная дверь (но почему же только медная?!) в углублении скалы прячет от нескромных взоров внутренние покои дворца, величие которых не поддается описанию.

Хозяин дворца носит имя Эль-Дорадо, от слова «*Lé dore*»**, по причине небывалой роскоши своего туалета. Каждое утро его тело растирают драгоценной губкой, затем пропитывают золотым составом чуть ли не до костей, так что он превращается в подобие золотой статуи» и т. д. и т. п.

Не задерживая внимания на этих ребячествах, объясним в двух словах, что же именно согласно Гумбольдту*** могло послужить основой для последней выдумки. Известно, что в Гвиане раскрашивание заменяет татуировку. Индейцы некоторых племен, сегодня сильно поредевших от алкоголизма, сохранили обычай обмазываться черепашьим жиром, а потом покрывать себя чешуйками слюды.

* Мартинес — монах Мартинес Ниса, распространявший в середине XVI века легенды о «золотой стране» Эльдорадо и ее столице Маноа на берегу озера Парима. Впоследствии озеро и город не раз попадали даже на географические карты.

** Позолоченный (*фр.*).

*** Гумбольдт (Humboldt) Александр (1769—1859) — немецкий ученый, естествоиспытатель, географ и путешественник. Исследователь Центральной и Южной Америки, автор 30-томного труда «Путешествие в равноденственные области Нового Света» (1807—1834).

В их металлическом блеске и улавливают простодушные сияние «драгоценных металлов». И вправду издалека кажется, что это простенькое украшение соткано из золотых и серебряных нитей.

Каковы бы ни были мотивы Вальтера Рейли, уставшего от мрачной реальности Старого Света, он, не колеблясь, отдался своей мечте и в 1595 году отправился через огромный океан в поисках земли обетованной. За два с лишним года (1595—1597) он совершил не менее четырех экспедиций и обследовал — хотя и без малейшего успеха — все дальние уголки, доселе не изученные. Желанное Эльдorado, этот невиданный земной рай, все время оставалось за горизонтом.

Более двадцати путешествий, совершенных с той же целью, не дали, вполне понятно, никакого результата. Наконец, каким бы невероятным ни показался этот факт, последняя, весьма серьезно подготовленная экспедиция состоялась в 1775 году! Такой упорной была вера в эту несуществующую страну.

Хотя и приносивший сплошные разочарования, призрак Эльдorado оказался щедрым на сопутствующие открытия и результаты, как бы повторяя историю поисков «философского камня». Эта мечта помогла познать Гвиану и ее подлинные богатства. А в 1604 году несколько французов под предводительством Ляривардьера закрепились на острове Кайенна*.

Удивительная, но объяснимая вещь: легенда об Эльдorado нашла свое продолжение у гвианских индейцев с новой силой и новой верой! Берет ли эта традиция свое начало в рассказах европейских исследователей или она обязана своим рождением настойчивым поискам, предпринятым вследствие этих рассказов, а может быть, сами индейцы выдумали миф об Эльдorado, еще до прихода своих покорителей? Никто и никогда не узнает об этом.

Но если сказочные сокровища инков не существовали и, следовательно, не могли находиться в Гвиане, значит, гвианские колонии, граничащие с Бразилией, Перу и Венесуэлой, должны были тоже содержать залежи золота. Именно в надежде открыть месторождения драгоценного металла англичане и голландцы завладели Гвианой

* Остров Кайенна — остров в устье одноименной реки, на котором французы основали в 1604 году одноименный же город, ставший административным центром колонии.

в XVII веке. Это зафиксировано в переписке, находившейся в правительственных архивах. В 1725 году португальский монах, живший в районе бразильских рудников, предложил властям Кайенны отыскать золотоносные земли, но получил вежливый отказ.

Наконец странность еще более поразительная, чем слепое доверие к мечтателям об Эльдорадо: их потомки не желали больше и слышать о золоте. Повсюду его находили во Французской Гвиане, а они отрицали очевидное! На смену беспредельной доверчивости пришел беспредельный скептицизм.

В 1848 году проблема золота как бы обретает второе дыхание, становится вновь актуальной. Губернатор Гвианы месье Паризе, главный инспектор флота, находился в поездке в городе Мана. К нему привели индейца из района Ояпок, который вот уже несколько лет как осел в данной местности. Он был человеком деятельным и смекалистым, вождем индейской деревни. Говорили, что ему известно очень богатое месторождение золота.

Губернатор стал его расспрашивать. Хитрый краснокожий, почуяв, что можно пожить тафией*, сперва не хотел ничего говорить. Но бутылка, которую он тут же вылакал, развязала язык. После многочисленных околичностей и ужимок он признался:

— Да, я знаю тайну золота.

Но тут же пожалел о сказанном и попытался, невзирая на опьянение, увильнуть в сторону.

— Ты мне соврал,— сказал губернатор с напускным гневом.— Нет никакого золота. А если и есть, то ты не знаешь, где оно.

Задетый за живое, индеец немедленно возразил:

— А! Ты говоришь, что я соврал! Ну ладно же! Ожидай меня здесь ровно семь дней, тогда увидишь!

Он ушел ночью, не дожидаясь рассвета. Губернатор оставался на месте всю неделю. Вождей не возвращался. Прошли еще сутки. Истомившись ожиданием, Паризе собрался уже отплыть на шхуне, которая шла в Кайенну, как вдруг появилась индейская пирога.

Краснокожий сошел с лодки, серьезный и невозмутимый, и направился напрямик к правителю. Он распустил пояс своих калимбе, подвязанных лианой, и маленький пакет, обернутый пальмовым листом, упал с глухим стуком на палубу шхуны.

* Тафия — водка из тростникового сахара.

Это был небольшой самородок весом в двадцать пять — тридцать граммов.

На все вопросы губернатора о том, как он нашел золото, последовал краткий ответ:

— Ты заявил, что я лгун. Никогда не раскрою тебе тайну золота.

Самые щедрые посулы не смягчили индейца. Он удалился без единого слова.

И «золотая проблема» снова отступила в тень. Лишь в 1851 году португальский индеец по имени Мануэль Висенте, знавший месье Лагранжа, старшего комиссара округа Апруаг, сообщил ему, что в верховьях реки имеется золото. Он работал прежде на шахтах в Бразилии, и, используя рыбацкий бредень, соорудил необходимые для промывания песка приспособления, аналогичные применяемым у него на родине. Индеец просил комиссара изготовить такие же и немедленно приступить к обработке наносного песка.

Лагранж переговорил с двумя собственниками из Апруага, месье Куи и Урслером-отцом. Оба заявили, что у индейца нет другой цели, как поэксплуатировать доверчивость комиссара, и обращение Мануэля осталось безрезультатным.

В конце 1854 года тот же Висенте уехал в Бразилию. Там он нашел месье де Жардена, которому повторил свое предложение, сделанное Лагранжу три года назад. Предприниматель немедленно зафрахтовал шхуну, взяв на борт шестерых, в том числе индейца Паолина, имевшего репутацию отличного золотоискателя. Бразилец сошел на берег в Апруаге, виделся с месье Куи в его снабженческой конторе, однако сохранил в тайне цель своего путешествия. Вскоре он отправился к верховьям реки и обосновался в совершенно заброшенном уголке, в хижине португальского индейца Хуана Патавы, тестя Мануэля Висенте. Месье Жарден нашел золото. К несчастью, через несколько дней он заболел дизентерией и три недели пролежал в постели. Едва оправившись, золотоискатель первым делом поспешил к своей шхуне. И с величайшим отчаянием обнаружил, что все его товары и запас продовольствия похищены. Пришлось возвращаться домой под угрозой голодной смерти.

Его люди называли виновником Паолина. Жарден отправился на шхуне пополнить запас провианта, расставшись с вором и не раскрыв своего секрета. Однако здоровье не позволило ему продолжить работы, он вынужден был оставаться в Бразилии в течение полугода.

Автор так подробно останавливается на этих деталях лишь потому, что они имеют большое значение в истории открытия золота в нашей колонии, почти неизвестной и никем не описанной с 1848 года до наших дней. Ведь в высшей степени странно это неприятие очевидных и достоверных фактов в сопоставлении подлинных и мифических событий тех времен, когда загадочная страна Эльдorado существовала только в заоблачных мечтах.

Мы подходим к развязке. В 1855 году упомянутый выше Паолин, взяв себе в помощники португальского индейца Теодоза, его зятя Никола и свою сестру, жену последнего, поднялся по реке Апруаг до притока Аратей, где они намыли много песка в местечке, именуемом Аикупай. В итоге у них оказалось несколько граммов желтого металла. Старатели вернулись в Кайенну и показали свою добычу месье Шатону, бразильскому консулу. Анализ подтвердил, что это золото.

Однако Шатон еще сомневался. Тогда месье Куи, осведомленный о происходящем, вспомнил давнее сообщение Лагранжа и обратился к месье Фаварду, директору департамента внутренних дел; здесь он получил субсидию в 3000 франков и подготовил экспедицию из семнадцати человек на трех лодках. Руководителем похода был Луврие Сен-Мари*. 12 апреля 1856 года в пять часов пополудни отряд прибыл в Аикупай. Наутро Паолин приступил к работе и промыл множество лотков золотоносного песка**. Шеф экспедиции последовал его примеру, невзирая на протесты индейца, который опасался его неопытности и приговаривал:

— Бросьте это, бросьте... Золото от вас убегает!

К восьми часам утра несколько граммов желтого металла впервые было собрано в Гвиане французом. Они покоились в глубине лотка Луврие Сен-Мари.

Отныне эта страна могла больше не завидовать Калифорнии и Австралии.

Открытие золота в Гвиане прошло почти незамеченным. Старый Свет не всколыхнулся, как в те дни, когда драгоценный металл обнаружили в водах австралийских

* Приводимые факты, нигде еще не опубликованные, записаны со слов этого господина. (*Примеч. авт.*)

** Лоток — деревянное блюдо, примерно сорока сантиметров в диаметре, напоминающее по форме перевернутый абажур, только без отверстия. (*Примеч. авт.*)

и калифорнийских рек. Золотая лихорадка обошла нашу колонию, влачившую жалкое существование. Богатейшие месторождения экваториальной области мирно дремали. Метрополия* ничего не сделала для извлечения выгоды из природных даров, о которых французская общественность ничего не знала, да и сегодня не подозревает.

Первые концессионеры эксплуатировали прииски далеко не на полную мощность, бывая счастливы, когда месячная добыча достигала нескольких килограммов. Всеобщая апатия была такова, что в целом выработка по колонии в 1863 году составила только 132 кг. В 1872 году она поднялась до 725 кг и, наконец, благодаря ресурсам частного капитала достигла в 1880 году, по официальным данным, 1800 кг. Поскольку при вывозе из страны налог на золото составлял восемь процентов, процветала контрабанда. В связи с этим его добыча в колонии составляла, по крайней мере, 2250 кг или 6 750 000 франков.

Еще одно замечание, перед тем как продолжить наш рассказ. Собранный в Гвиане драгоценный металл являлся аллювиальным, то есть его добывали путем промывки золотоносного песка. Рудные жилы, многочисленные и очень богатые, в 1881 году совершенно не разрабатывались.

В году 186..., когда разворачивается наша драма, чей пролог мы уже наблюдали, золотые прииски ограничивались бассейнами рек Апруаг, Синнамари и Мана. Бассейн Марони не был еще изучен. Вполне естественно, ходили всяческие легенды о его несметных богатствах. Эльдорадо вновь переместилось. Неожиданное событие вскоре дало больше оснований смутным слухам, бродившим в обществе.

За двадцать два года до описываемых дней доктор В., имевший практику в городе Мана, увидел на речном берегу индейца с умирающим малышом на руках. Он подошел к нему и спросил, куда тот держит путь.

— Я хочу бросить в воду этого ребенка,— последовал ответ.— Он меня очень обременяет...

И поскольку доктор стал возмущенно протестовать, индеец пояснил:

— Его мать только что умерла. У меня нет молока для младенца. Что же мне делать? Уж лучше привязать камень ему на шею... Хищные рыбы аймара освободят его от житейских забот.

* Метрополия — государство, имеющее колонии.

— А ты можешь отдать его мне?

— Пожалуйста.

И краснокожий исчез. Доктор доверил младенца негритянке. Ребенок вырос. Приемный отец дал ему то образование, какое позволяла натура маленького дикаря. Спустя пятнадцать лет появился настоящий отец, заявил свои претензии на мальчика и в итоге увел с собой. Юноша боготворил своего воспитателя, и, хотя таинственная потребность в кочевой жизни давно тревожила и привлекала его, он возвращался в Ману не реже одного раза в три месяца. Достигнув двадцати лет, он женился на дочери вождя своего племени, которому была известна тайна золота. Доктор В. тем временем покинул город Ману и поселился в Сен-Лоране. Жак (такое имя носил приемный сын), желая доказать свою преданность и доверие благодетелю, признался ему во время последнего визита в 186... году, что он тоже посвящен в этот секрет.

Доктор с осторожностью воспринял откровение сына и пожелал, прежде чем осведомиться о деталях, посоветоваться со своим другом, начальником исправительной тюрьмы. Однажды вечером он взял Жака с собою, но молодой человек, как некогда индеец у месье Паризе, не захотел распространяться на эту тему и всячески уклонялся от расспросов. Начальник посчитал его лжецом и заявил, что юноша просто не знает месторождения драгоценного металла.

Глубоко уязвленный подозрением во лжи, Жак воскликнул:

— Нет, я не вру! Вы же знаете, начальник, как я люблю и уважаю моего приемного отца. Ну ладно! Клянусь своей головой, что не позже чем через месяц я проведу вас туда... в то место, где находится золото.— Голос его внезапно дрогнул, как будто он произнес нечто ужасное.

— Но чего же ты боишься, дитя мое? — ласково спросил доктор.

— Понимаешь, отец, из-за привязанности к тебе я стал клятвопреступником! Эту тайну нельзя раскрывать, она опасна! И убивает тех, кто ее выдает. Злые духи меня погубят...

Глаза его округлились, голос охрип от волнения, черты лица исказились — все указывало на мучительную душевную борьбу.

После паузы он продолжил более спокойным тоном:

— Ты спас меня совсем маленьким. Моя жизнь принадлежит тебе, отец! И все-таки я не пойду до самого

конца... А вы идите вместе с начальником. Злые духи краснокожих боятся белых. Мы отправимся... через месяц... Ты возьмешь заступы, молотки.

— Молотки? Зачем?

— Потому что золото находится там не в земле, как в Аикупай или Синнамари. Оно в скале.

— В скале! — воскликнули хором начальник и доктор, пораженные этим известием.— Но до сих пор в Гвиане не открыли ни одной рудной жилы!

— Я не знаю, что вы называете «рудной жилой», но там скалы беловатые с голубыми прожилками, а в них запрятаны большие зерна металла. Там еще есть черные скалы, и кусочки золота светятся внутри, как глаза тигра! А кроме того, я видел большую пещеру, которая всегда шумит. Там раздаются удары грома, а молний никогда не видно. В этой пещере живет дьявол, который убивает всех, кто проникает в его тайну.

— А много ли там золота? Ты бы мог набрать?

— Когда я тебя туда проведу, ты соберешь его столько, что сможешь сделать ободья для колес своей повозки, дать солдатам золотые сабли и ружья, будешь есть из золотой посуды и заменишь им все, что сделано из железа!

Оба европейца с улыбкой слушали этот вдохновенный рассказ, в котором волшебство легенды переплеталось с действительностью.

— В каком же направлении надо двигаться к цели?

— Я скажу тебе, когда вернусь.

— Значит, ты покидаешь нас?

— Уйду этой ночью. Хочу повидаться с моей женой. Она вместе со своим отцом и моими родственниками находится недалеко от пещеры золотого дьявола. Я боюсь за нее, лучше приведу ее сюда.

— А сколько времени займет путешествие?

Юный индеец ненадолго задумался. Затем извлек из своих калимбе несколько щепочек разной длины. Там было шесть одинаковых. Он стал считать:

— Шесть дней плыть по Марони.

Взял две покороче и добавил:

— Два дня в заливе.

Осталось три щепки длиной с палец. Туземец выложил их рядом с другими:

— И три дня идти в лесу. Перед тобой встанут семь гор, и это золотые горы... Прощайте,— сказал он вдруг, безо всякого перехода.— Я вернусь через месяц с моей женой.

— Дождись хотя бы рассвета... Темень такая, хоть глаз выколи...

Жак улыбнулся.

— Взгляд краснокожего пронзает тьму. Он не боится ночи. День — это предатель. Ночь — это друг. Никто не пойдет по моим следам. Прощайте!

— До свидания, дитя мое, до скорой встречи! — сказал доктор, крепко обнимая сына.

Начальник проводил юношу до будки часового, который не пропустил бы гостя без пароля, и молодой индеец растворился в черноте ночи.

Просторное жилище начальника тюрьмы оставалось пустым. Отбой прозвучал уже давно, каторжники спали в лагере под присмотром надзирателей, вахты морских пехотинцев и часовых, занявших свои посты с оружием на изготовку.

Несмотря на тщательную предосторожность, на все дозоры и сигналы, эта беседа, которую двое друзей полагали абсолютно секретной, имела слушателя. Притаившись за могучими кустами пышных китайских роз, мужчина, о присутствии которого никто не подозревал, жадно ловил каждое слово из разговора двух белых с индейцем.

Когда молодой человек вышел в сопровождении начальника, неизвестный воспользовался моментом, чтобы покинуть свой тайник. Крадучись, ползком, производя не больше шума, чем хищник на охоте, он выскользнул из кустов, затем вскочил на босые ноги и стремительно промчался по аллее маговых деревьев, ведущей к реке, чьи воды катились метрах в четырехстах от дома. Он с трудом перевел дыхание после бешеного бега, но ему удалось намного опередить индейца, который со всей неизбежностью должен был проследовать этим же путем, направляясь к дебаркадеру, где оставил свою лодку.

Незнакомец резко остановился, пробежав две трети дистанции по аллее, и тихо присвистнул сквозь зубы. На этот сигнал, который разве что изощренное ухо дикаря могло расслышать в нескольких метрах, молча выступили из темноты двое босых мужчин, скрывавшихся за манговыми деревьями.

— Внимание! — чуть слышно прошептал первый. — Вот он! Хватаем без шума... Ставка на жизнь!

Индеец сказал: «Взгляд краснокожего пронзает тьму. Он не боится ночи. День — это предатель. Ночь — это друг». Слова бедного юноши очень скоро оказались жестоко опровергнутыми. Глаза его были еще ослеплены светом, не успели приспособиться к темноте.

В глухом лесу, где опасность подстерегает в многочисленных и причудливых ликах, его бы не захватили врасплох.

Но мог ли он даже помыслить о ловушке в цивилизованном месте, среди такого множества охранников и военных...

Вот почему молодой человек даже не вскрикнул, когда железная рука неожиданно сдавила ему горло с такой силой, что он чуть не задохнулся, только легкий храп вырвался из груди. В считанные мгновения ему заткнули рот кляпом и связали так плотно, что бедолага не в силах был даже пошевелиться. Один из похитителей взвалил пленника на плечи, и все трое быстрыми тенями проскользнули по тропинке, которая поднималась от берега Марони и исчезала в лесу над бухтой Балсте. Уверенные в том, что их не преследуют — настолько быстро и ловко совершили они похищение! — разбойники замедлили свой шаг и достигли устья притока, не вымолвив ни единого слова.

— Лодку! — грубым голосом скомандовал человек, несший индейца.

— Вот она, — лаконично отозвался один из сообщников, наткнувшись на лиану, служившую якорным креплением. Он стал потихоньку ее подтягивать.

Черная скорлупка пироги возникла среди водных зарослей; одна из ее оконечностей, изогнутая, как у гондолы, едва возвышалась над уровнем реки.

Неподвижного, словно труп, индейца уложили в средней части легонького суденышка.

— Садимся! Все на весла! Ну, готово?..

— Готово!

— Отчаливай!

Абсолютно бесшумно маневрируя веслами, трое незнакомцев вывели пирогу из прибрежных зарослей. Судя по всему, они в совершенстве владели стилем гребли, незнакомым европейцам. Не мешкая, преступники покинули французскую территорию и устремились на речной простор, держа курс наискось, по кратчайшей прямой к голландскому берегу. Поднявшаяся приливная волна помогала им двигаться вверх по реке. Вскоре они миновали поселок Кепплера, тянувшийся не более километра, какое-то время еще плыли вдоль берега, затем бросили весла.

— Мы прибыли к месту! — сказал старший, не подавая команды причаливать.

Он громко свистнул несколько раз, причем свистки его по ритму и модуляции напоминали звучный, пронзительный голос флейты. Такой сигнал далеко слышен... Подождав несколько минут и не услышав ответа, он повторил все сначала. Прошло не менее четверти часа, и хриплый голос, как будто из-под земли, грубо крикнул: «Кто идет?»

— Беглые каторжники! — последовал ответ.

— Причаливай!

Предводитель бандитов поставил пирогу на якорь, взвалил себе на плечи индейца и ступил на маленький пятачок земли, образующий дебаркадер. Двое соучастников молча следовали за ним.

— Как тебя звать? — продолжал голос из темноты. При слабом свете звезд чуть-чуть поблескивал ствол наведенного ружья.

— Да это я, Тенги, слуга начальника тюрьмы. Со мною Бонне и Матье. Слышишь, Бенуа?

— Проглоти свой язык, чтобы не называть меня по имени!

— Да, шеф, ты прав!

— Ну, ладно. Идите в хижину.

Как! Этот отшельник, забившийся в свое логово, словно кабан, который обменивался тайными знаками с каторжниками, поддерживал с ними дружеские отношения вплоть до того, что те обращаются к нему на «ты», этот «Бенуа», этот «шеф» и есть тот самый человек, которого видели десять лет тому назад в мундире военного надзирателя? Бенуа, не расстававшийся со своей дубинкой, этот палач Робена? Неужели он настолько деградировал, что стал сообщником самых мерзких узников исправительной колонии?..

Вот уже четыре года, как он, изгнанный из отряда военных надзирателей за недостойное поведение, вынужден был покинуть Сен-Лоран, презираемый своими прежними сослуживцами.

Нет нужды распространяться о причинах его отставки, многочисленные выходы жестокого и подлого надзирателя вполне ее оправдали. Негодяй исчез из городка в один прекрасный день, заявив, что попытает счастья в Суринаме*. На самом же деле он только пересек Марони, устроился тайно в лесу, соорудил себе хижину, раздобыл ружье

* Суринам — граничившая с Французской Гвианой область на северо-востоке Южной Америки; во время, описываемое Буссенаром, была колонией Голландии (Нидерландов) и называлась Голландской Гвианой. С 1975 года независимое государство Суринам.

и занялся делами более чем сомнительными. Контрабанда среди прочих была самым невинным его грешком.

Шепотом передавали из уст в уста, что он содействовал побегам из колонии, что каторжники находили у него оружие и провиант, что он стал для них чем-то вроде поставщика и банкира. Пусть не удивляются читатели слову «банкир». У осужденных водятся деньжата. А у некоторых собираются значительные суммы благодаря кражам за пределами тюрьмы. Эти суммы поступают к ним в глубочайшем секрете, деньги закапывают в землю или же отдают вышедшим на волю, которые пускают их в оборот, а в назначенное время и в условленном месте возвращают владельцу. Случаи ограбления редки между каторжниками. Роль воровского банкира очень прибыльна, дела Бенуа процветали. Он был так ловок, смел и энергичен, так заботился о мерах предосторожности, что никому не удавалось не только застать его врасплох, но даже подойти на близкую дистанцию, за исключением, понятно, его сообщников. Жил он уединенно и днем нигде не показывался.

Прибытие троих беглецов очень обрадовало бывшего надзирателя. Он понял все значение пленного индейца, когда ему рассказали о нем и обо всех обстоятельствах этого дерзкого захвата.

— Ну, ребятки, вам пофартило. Это находка, что и говорить.— Его мрачный смех тонул в густой черной бороде.— Да тут пахнет настоящим богатством! Молодец, Тенги, ловкий придумал трюк! Ну, дети мои, тяпнем по стаканчику тафии! Эй вы, там, проснитесь, понюхайте, какой аромат!

— Твое здоровье, шеф!

— За ваше, мои ягнята... Ну, а теперь, Тенги, выкладывай, как тебе удалась эта замечательная проделка.

— История такова,— ответил Тенги, устраиваясь поудобнее и напуская на себя важный вид.— Все просто как Божий день и не очень долго... Ты ведь знаешь, я служил у начальника, имел право входить и выходить в любое время. А поскольку через год кончался мой срок, то от меня особенно не таились. Когда я прислуживал за столом, то мотал на ус все, о чем там болтали, запоминая самое важное. Я сразу наострил уши, поймав на лету сообщение старого доктора моему патрону несколько дней назад. Они договорились о встрече на сегодня. Когда обед закончился, все перешли в галерею. Я заранее спрятался под окном, среди цветов. Ни одного словечка из их беседы

не упустил. А когда краснокожий ушел, наложил на него лапу с помощью Бонне и Матье, которых предупредил заранее и которые поджидали меня в конце манговой аллеи. Вот видишь, как все просто, проще пареной репы...

— Ну, это замечательно! — грубо расхохотался шеф. — Ты мастер на все руки! И вы решили притащить вашего звереныша к старому шефу, который может дать добрый совет, а также обладает необходимыми средствами для такого предприятия?

— Ну, конечно, черт подери! — заявил Тенги, главный оратор банды, в то время как его подельники в знак согласия кивали головами.

— Вы правильно поступили, мои друзья, и не пожалее-те об этом. Я не обману вашего доверия... Мы разбогатеем, станем миллионерами... Нам все будет доступно, любая фантазия! Мы даже сможем — пропади оно пропадом! — купить для каждого из нас диплом честного человека!

— Так-то оно так, но лишь при одном условии: надо, чтобы индеец заговорил.

— Он заговорит, — глухим и угрожающим голосом заявил Бенуа.

— ...И чтобы он провел нас к месту.

— Он проведет, — заключил бывший надзиратель еще более мрачным и уверенным тоном.

ГЛАВА 2

Логово бандита. — На пути к Эльдorado. — Соло на флейте. — Бегство аргонавтов. — Затопленная саванна. — Требования этикета. — Великий вождь Акомбака. — Кубок дружбы. — Так это она, долгожданная?..*

Четыре дня и четыре ночи индеец упорствовал. Ничто не могло заставить его говорить. Палачи не давали ему ни крошки съестного. Он стойчески переносил голод. Ему не давали пить. Из его сухих, потрескавшихся губ вырывался сдавленный хрип, но они хранили заветную тайну. Негодяи не позволяли ему заснуть, и от бессонницы он чуть не погиб. Юношу мучили судороги, тошнота, он терял сознание, но не произнес ни слова.

* Аргонавты — в греческой мифологии герои, отправившиеся на корабле «Арго» под предводительством Ясона в Колхиду за золотым руном, которое охранялось драконом.

Бенуа бесстрастно содействовал этой долгой агонии*. За десять минувших лет его жестокость не только не смягчилась, но, как заявил он со своей гнусной ухмылкой палача, «методика» его стала еще более изощренной. Теперь, когда он поступал по собственному усмотрению и без помех, можно было глумиться вволю...

Бенуа уродился свирепым, а когда его животные инстинкты совпадали со шкурными интересами, испытывал подлинный восторг палача-любителя, который находил случай дать волю своим садистским фантазиям.

— Ты убьешь его,— говорил Тенги.— Плакали наши денежки, если дикарь сдохнет.

— Заткнись, мокрая курица! Краснокожий так просто не околеет! Он только дошел до нужного градуса. Даю голову на отсечение, что к вечеру туземец станет сговорчивее! А пока Бонне будет щекотать ему пятки иглами *ауафы*, чтобы он не дремал, и почесывать кожу ветками *кунана*, мы подготовимся к отъезду. Провизии нужно, по крайней мере, на три месяца. К счастью, мой погреб забит до отказа. На загрузку лодки уйдет два часа, не больше. Ну, хлопнем по стаканчику для поднятия духа. А ты, Бонне, мой сыночек, будь начеку!

— Не беспокойся, шеф,— отвечал Бонне с гадким смехом, напоминавшим визгливое тявканье гиены.

Трое прохвостов уже заканчивали таскать в лодку бочки, ящики и тюки, когда среди ночной тишины прозвучал крик, не имевший ничего общего с человеческим. Это был душераздирающий вопль, заключавший в себе весь мыслимый ужас, какой только может испытать человеческое существо, весь отчаянный протест одушевленной материи против страдания, достигшего высшей точки.

— Да он его прикончит! — воскликнул Тенги, менее жестокий, чем его напарники, а возможно, просто более алчный.

— Брось ты! Если он орет, то ничего страшного. Никогда человек, которого убивают, не станет так вопить. Ты бы должен знать,— хохотнул бородач,— что самые тяжелые страдания молчаливы.

— Может быть, ты и прав... Но если его так кромсать, то можно вызвать настоящую горячку...

— Хинин придумали не для собак. Если краснокожий не очухается, то получит свою дозу.

* Агония — предсмертное состояние.

— У тебя на все есть ответ. Но я предпочел бы не слышать эти вопли...

Еще более отчаянный и пронзительный крик, перешедший в хриплый вой, оборвал говорившего на полуслове.

— Вот уж не думал, что Бонне такой ловкач... Смотрите-ка! Индеец валялся, словнодохлый баран, а теперь заливается, как петушок. Ну уж, наверное, дошел до ручки... Давайте вернемся к дому. Пирога к отплытию готова...

Бандиты вступили в хижину, едва освещенную отблесками очага. Скорчившийся от боли Жак, с погасшими глазами и застывшей судорогой на лице, бессознательно выстукивал зубами и хрипел. Сидевший напротив палач вперил в него злобный взгляд. Дьявольская улыбка играла на тонких губах, а физиономия хорька с плоскими щеками и отсутствующим подбородком морщилась от удовольствия.

Вот в чем заключалась выдумка негодяя. Он обнаружил, что страдалец, истощенный голодом и бессонницей, потерял чувствительность к уколам.

— У этой скотины шкура бегемота... Иголка входит, как в подушку, а ему — что с гуся вода... Ну, погоди же, мой дружок!

Бандит заметил прибор для заточки ножей, повешенный над очагом во избежание сырости. Снял его со стены, взвел предохранитель и огляделся, что-то прикидывая. Он ощупал себя и общипал, как бы отыскивая наиболее уязвимое место. Затем ухмылка заиграла на лице: его осенило!

Схватив руку индейца, по-прежнему недвижимого и крепко-накрепко спеленутого, мучитель приставил предохранитель к кончику указательного пальца, после чего медленно повернул металлический стерженек. Инструмент, как известно, состоит из двух скрещенных спиралей с острыми оконечностями, расположенными в сантиметре друг от друга. Один из концов проник под ноготь, а другой вонзился в кожу. Она побелела, выступила капля крови. Сила пружины была такова, что сталь закрипела о косточку.

Пронзенный страшной болью, Жак вышел из состояния оцепенения и испустил первый крик.

— Заговоришь ты наконец? — достиг его ушей свистящий голос бандита. — Скажешь нам, где золото? Приведешь к нему?!

— Н-нет...— прохрипел сквозь стиснутые зубы стойкий юноша, чья грудь бурно и неровно вздымалась.

Каторжник нанес следующий удар... еще один. Пот струился по телу мученика. На губах его запеклась пена. Глухие стоны вырывались из груди.

— Ну-ка, пораскинь мозгами... Когда я пощекочу тебе все пальчики, наступит очередь ног. Так что не валяй дурака... Эй, калина, ты согласен быть нашим гидом? — крикнул он в ухо индейцу, нанося очередной удар, чуть не вырвавший ноготь с мясом.

Жак хрипло шепнул:

— Да... да...

Трое сообщников ждали этого момента.

— Поклянись!

— Да... я... клянусь...

— Где золото?

— Поднимайтесь... по Марони...— Его голос стал неразборчивым.

— Сколько времени плыть? — допытывался садист, выкручивая пленнику искалеченный палец.

— Шесть дней... О! Больно!

— Хорошо... Хорошо... А потом?

— ...Бухта!

— Какая бухта? Слева, справа? Говори же!

— Слева... шестая... после... водопада...

— Ну, для начала хватит,— вмешался Бенуа.— У нас еще впереди шесть дней. Poiшачим на реке, а там поглядим... Однако же, Бонне, черт побери! Отличный из тебя следователь, дружище!

— Пхе! — со скромностью отвечивал бандит, отставляя в сторону орудие пытки.— Эти профессиональные ищейки не знают своего ремесла.

— Что правда, то правда... Применяй они вот такие же штучки, ни одному урке не сносить головы... Передумали бы всех вас, как кроликов.

— Это уж точно! От судейских-то можно скрыть, о чем говорить не хочешь... Я тебя уверяю, что ради спасения своей шкуры никто не вытерпел бы и тысячной доли того, что выпало краснокожему...

— Ну, ладно! Коль он раскололся, не надо тратить усилий на собственные штучки...

— Конечно! Да, ты говорил, что знаешь средство развязать ему язык... Интересно, какое? Можешь сообщить?

— С удовольствием! Шесть дюймов пропитанного серой фитиля намотать на пальцы ног, и гарантирую, что он

бросит изображать из своих губ замок от сейфа! Защебечет, как соловей!

— Замечательно! Ты в этом деле — дока,— уважительно поддакнул палач, сопровождая свои восторги самой гнусной ухмылкой.

— А теперь — в дорогу, мои ягнята! О вашем бегстве скоро узнают. К четырем часам полицейские лодки будут шарить по обоим берегам, здесь станет неуютно. Тем более что я не слышу за святого... Ах! Если бы я все еще был там! — проворчал он, морща нос, как ищейка, бегущая по следу.

— Да тебе пришили бы срок побольше, чем другим,— подлил масла в огонь Тенги.— Говорили парни, что и десяткой пахло, здорово тебя облапошил этот беглый трюкач!

— Так-то оно так,— яростно выдохнул бывший надзиратель,— трюкач, говоришь, это точно, уж он бы положил на лопатки четырех таких, как ты... Однако если бы ягуар* не разордал мне бедро в тот день, клянусь головой, я бы заарканил беглеца так же просто, как и этого краснокожего...

— Ягуар! — воскликнули хором все трое мошенников в предчувствии драматической истории.— Так там был еще ягуар!

— Да, и огромного роста! Что же вы думаете? Этот зек одним ударом тесака перешиб ему холку, словно цыпленку!

— Ну, а ты что делал в это время?

— Валялся пластом, как рыба на песке, рядом с издохшим ягуаром...

— А беглый каторжник... что он сделал с тобой?

— Тебя не касается! — грубо оборвал Бенуа.— В путь!

Несколько минут спустя груженная пирога, корма которой возвышалась над водой не более чем на пять сантиметров, тихо скользила по спящей Марони. Бандиты развязали своему пленнику руки, и он с жадностью обгладывал кусок задней ножки кариаку**. В его черных глазах, когда он поглядывал на спутников, сквозила ненависть.

— Тайна золота смертельна,— сказал индеец, едва лодка тронулась с места.— Я проведу, но она вас убьет. Мы все погибнем,— закончил он с мрачной радостью.

— Это хорошо! — откликнулся Бенуа, заливаясь грубым саркастическим смехом.— Не робей, мой мальчик! Мы

* Ягуар — крупное (длина до 2 м, хвост до 75 см) хищное животное семейства кошачьих; обитает в Южной Америке, где его нередко — и с научной точки зрения неправильно — называют тигром.

** Кариаку — местное название косули, парнокопытного животного из семейства оленей.

позаботимся о твоей безопасности. Нашим наследникам будет чем развлекаться... А пока ешь, пей, спи, сколько душе угодно. И не пытайся обвести нас вокруг пальца, ты ведь знаешь, что я не люблю шутить, когда меня злят!

Жак не ответил.

Через шесть дней лодка пересекла пороги, проникла в залив, указанный юношей, и задержалась ненадолго перед водопадом. Далее развернулись события, свидетелями которых мы были в начале предыдущей главы. Пленник вырвался на свободу, а Бонне рухнул на землю, пораженный в бедро индейской стрелой.

— Но это же золото! — вскричал Бенуа, протерев обгаренный кровью наконечник стрелы.

Четверо бандитов с горящими глазами разглядывали и ощупывали грубо сработанный кусочек металла. Сам раненый, казалось, позабыл о своих страданиях. Он даже не позаботился остановить кровотечение: темная струйка так и бежала по обнаженной ноге.

Золото!

При виде вожаденного металла алчные желания негодаев вспыхнули с новой силой. Они достигли наконец той загадочной страны, куда еще не ступала нога белого человека. Их намерения скоро осуществлятся. Легенда об Эльдорадо становилась реальностью.

И какое значение имеет то, что первый образчик драгоценного металла явился перед ними в форме мрачного посланника смерти. Наоборот, разве не говорило применение золота для столь низкой цели о его грандиозном изобилии?.. Да и бегство индейца, владевшего знаменитым секретом, не имело сейчас особого значения... Его первоначальных объяснений вместе с той информацией, которую удалось Тенги выудить из беседы в исправительной колонии, вполне достаточно для этих бесшабашных людей, вооруженных до зубов, обеспеченных провизией, нужными инструментами и презирающих всякие предрассудки.

Жак говорил доктору и начальнику тюрьмы: «После двух дней плавания в заливе откроются семь гор». Так и вышло: в означенные сроки на бледной линии горизонта возник темно-голубой силуэт лесистого холма. С полным основанием они могли предположить, что это одна из тех гор, о которых рассказывал индеец, и что происхождение стрелы, посланной неизвестным лучником, теперь не вызывает сомнений.

— Оставаться здесь небезопасно, — подытожил ситуа-

цию Бенуа.— Золотая стрела не намного лучше железной, когда она попадает в тебя. Вернемся-ка назад, ребята, если, конечно, Бонне не желает воспользоваться случаем снова послужить мишенью, чтобы одарить каждого из нас полудюжиной таких игрушек... Ведь это все равно, что получать сотню франков за один лиар...*

— Нет уж, благодарю покорно, я выхожу из игры...— отозвался бандит, начинавший бледнеть от потери крови.

— Решено! Мы отступаем. Утро вечера мудренее...

Поддерживая раненого, они перебрались через поверженные стволы и ветви, сели в пирогу и без препятствий доплыли до своей патавы, три столба которой торчали на скале.

После долгой ночи, расцвеченной золотыми снами, авантюристы с удвоенной энергией приступили к дальнейшей расчистке пути. Бонне оставили охранять лагерь. Его рана, хотя и казалась не слишком серьезной, требовала несколько дней отдыха.

— Понимаете,— рассуждал Бенуа, пока они поднимались по реке к зеленой плотине,— сюда их чертовы стрелы не достанут. К тому же нас прикрывают завалы из деревьев. А нападать с тыла они вряд ли осмелятся. Да и у нашего друга Бонне есть ружье...

— Должен тебе признаться, шеф,— вступил в разговор Матье, туповатый понурый мужчина, обычно хранивший молчание,— мне бы очень хотелось что-нибудь понять во всей этой чертовщине...

— Губа не дура! Я и сам бы не прочь...

— Ну, ты ведь образованный человек, а я нет.

— Образование здесь мало помогает...

— Я никак не могу себе объяснить, почему эти типы, побросавшие деревья в воду, не подождали, пока мы окажемся под ними, чтобы сразу нас прихлопнуть?

— А кто тебе сказал, что деревья свалили умышленно? Они ведь могли упасть и сами по себе...

— Ну, возможно. Однако стрела, прошившая ногу Бонне, сама ведь не полетела. И почему этот хмырь не всадил ее прямо в грудь Бонне?..

— Мы же не знаем, куда он целился.

— Ну, нет! Тебе отлично известно, что индейцы никогда не промахиваются! Мы все видели, как они снимают с верхушек деревьев черных обезьян или фазанов,

* Лиар — старинная французская медная монета достоинством в четверть су.

а с тридцати метров попадают в апельсин, насаженный на воткнутую в землю стрелу...

— Так ты сердишься, что они не поступили с Бонне, как с черной обезьяной?

— Не глупи. Я не сержусь, а удивляюсь. Ведь было так легко перебить всех нас по одному. Вот что меня смущает. А тебя, Тенги?

— Стоит ли портить нервы из-за пустяков... Уж если они не передавили всех нас поодиночке, как гусениц, то, значит, не посмели. А может быть...

— А может быть,— вмешался Бенуа,— они полагали, что не стоит тратить стрелы на такую дичь. Ну, хватит болтать! За работу! Тут еще придется попотеть!

Несколько часов трое мужчин ожесточенно орудовали пилой, мачете и топорами. Такая ярость переполняла их сердца и такими закаленными были их крепкие тела, что, казалось, они не замечали палящих лучей солнца. Пот струился по их торсам, дымящимся, словно серные сопки. Работа спорилась. Эти отверженные умели трудиться! Удары ускорялись, заполняя узкую долину громким эхом, которое вибрировало где-то вдали, среди теснившихся макушек огромных деревьев.

Тридцать шесть часов они с бешеной энергией врубались в завал, ничто не могло их остановить. Путь был проложен. Фарватер шириной чуть более метра разрезал груду стволов и ветвей.

В очередной раз они аккуратно загрузили свой провиант в пирогу, разобрали *патаву* и удобно устроили Бонне в центре лодки на матрасе из свежих листьев. Рана начала зарубцовываться благодаря холодным примочкам, наилучшему болеутоляющему средству.

— Все в порядке, дети мои? — Шеф оглядел лодку.— Ну, трогаемся! В добрый час!

«Добрый час» оказался недолгим. Едва пирога вошла в узкий канал и стала медленно продвигаться, лавируя между ветвей, как странная музыка послышалась вдалеке за плотиной.

Исполнялось как бы соло на флейте, чьи низкие и очень нежные звуки скользили по спокойной воде и разносились вокруг. Эта примитивная тягучая мелодия при всем однообразии излучала какое-то очарование, но в то же время и нервировала путников. Тот, кто жил среди

прибрежного племени *галиби** или знаком с бытом глубинных племен *рукуен*** и *оямпи****, сразу бы узнал звук большой индейской флейты, которая изготавливается из длинной бамбуковой трубки.

Мелодичный речитатив прервался через пять-шесть минут, а затем возобновился безо всякого перехода, только на октаву выше. Звуки стали пронзительными и производили уже другое впечатление. Мягкую тягучесть первоначального мотива сменило неприятное чувство тревоги. Казалось, ненавидящая музыку стая собак подняла вдруг неистовый вой.

Четверо авантюристов забеспокоились. Бенуа, признанный вожак шайки, первым нарушил молчание.

— Эта какофония**** раздражает мне уши. Я предпочел бы прямую атаку. Подлые гниды нас видят как на ладони. Какого черта им надо со своими дурацкими свистками... Будто у цыган-медвежатников на ярмарке... Матье, и ты, Тенги! Налегайте на весла! А я буду начеку!

Бывший надзиратель схватил ружье и зарядил его, поглядывая на Бонне:

— А ты, бездельник, тоже берись за винтовку! Если не годишься для весел, то пулнуть дробью сможешь при необходимости!

— Конечно, шеф! — бодро откликнулся раненый. — Давай мне ружье!

Между тем снова полилась тягучая музыка в низких тонах, исполненных невыразимой мягкости и нежности. Но эти приближающиеся звуки исходили явно от враждебной стороны.

— Да что им от нас надо, в конце концов? — раздраженно проворчал бандит.

Вскоре он уразумел всю глубину опасности. Лодка миновала узкий фарватер, прорубленный в зеленой плотине, и четверо проходимцев увидели скорее с удивлением, нежели с испугом, что река покрыта листьями муку-муку (*caladium arborescens*). Связанные вместе лианами, они

* Галиби — индейское карибское племя, и до настоящего времени обитающее на берегах р. Ояпок(и) во Французской Гвиане.

** Рукуен — индейский народ группы карибов, переселившийся во Французскую Гвиану из Бразилии. Современное название — уаяна.

*** Оямпи — индейское племя, переселившееся в начале XIX века на берега р. Ояпок(и) во Французской Гвиане из Бразилии. К настоящему времени численность оямпи сократилась с 6 тысяч человек в XIX веке до 250 человек.

**** Какофония — беспорядочное, негармоничное нагромождение звуков.

образовали целую гирлянду маленьких плотов, площадью около двух квадратных метров каждый.

Конца этой флотилии не было видно, она очень медленно спускалась по течению, едва заметному в этом месте.

— Если они собираются таким образом нас задержать, то напрасно теряют время,— пробормотал Бенуа.— Мы пройдем через эти листочки, как нож сквозь масло...

Плотики стали надвигаться быстрее, поскольку пирога шла навстречу, и вскоре шеф заметил, что на них находились живые существа, совершавшие какие-то странные движения. Бородач поднялся на ноги. И его спутники увидели, как внезапно он побледнел. Расширенные от ужаса глаза уставились во что-то невиданное. Губы у него задрожали, дыхание стало хриплым и прерывистым, с трудом вырываясь из перекошенного рта. Обильные капли пота скатывались по щекам.

Столь явное выражение страха на лице такого жестокого человека было особенно пугающим.

— О!.. Дьявол!..— прохрипел он.— Бежим... Мы погибли... Это смерть... Ужасная смерть... Змеи... Тысячи змей... Мороз по коже...

Музыка вспыхнула с новой силой, пронзительная, свистящая, яростная. Незримый виртуоз двигался берегом одновременно с плотами, соизмеряя свой шаг с их скоростью. От опасной встречи авантюристов отделяло уже не более двадцати метров.

Леденящий душу спектакль открылся их взорам. Как только что сообщил главарь, вся эта листовенная поверхность была буквально усеяна змеями — любых форм, расцветок и величины. Казалось, пресмыкающиеся всей Гвианы собрались на это рандеву.

Жуткий экипаж странной флотилии медленно приближался в сопровождении невидимого флейтиста, чья музыка почти мгновенно доводила змей от состояния полнейшего спокойствия до страшного яростного возбуждения. То они падали прямые, словно эпилептики, на листья, то вытягивались кверху, готовые к броску, то закручивались спиралью, выставив головы с раскрытой пастью, подвижным языком, испуская свистящее шипение, от которого бросало в дрожь. На одном «плоту» гремучая змея* посту-

* Гремучая змея — ядовитая змея длиной до 2,4 м; чешуи на хвосте образуют погребок, отсюда и название.

кивала своими трещотками, на другом ужасная *граж** (trigonocerphale) скручивалась в тугие кольца бок о бок с проворной *коралловой*** *змеи*, от укуса которой спасения нет. Та вроде бы играла с маленькой *ай-ай*, выставившей свой смертельно опасный зуб; чуть подальше самая смелая из всех, *змея-охотник* с тигриной окраской, казалось, собиралась полакомиться нежно-зеленой медлительной змейкой-лианой, достигавшей трех метров длины при толщине не более пишущей ручки.

Со всех сторон скользили в воде, как бы презирая хрупкую листовенную опору, гигантские ужи, устрашающие удавы, огромные питоны... Они, словно лебеди, выставляли головы над водой на добрый метр и округляли свои желтые, зеленые, голубые или розовые глотки. Все это месиво рептилий*** извивалось, переплеталось, плавало, ползало, шипело, окружая беглых каторжников фантастической блокадой и наполняя воздух тошнотворным запахом мускуса.

Охваченные ужасом, четверо несчастных развернули лодку на месте двумя мощными ударами весел. И в самый раз. Опоздай они на несколько секунд, им бы не выбраться из центра змеиного клубка. Верховье реки, словно отгороженное стофутовой стеной, стало для них недоступно. Трепеща от страха, они проследовали узким каналом, который только что преодолели, и с бьющимися сердцами, обливаясь потом и стуча зубами, выплыли к скалистой гряде.

Как далее спускаться по реке?.. Перепад воды в порогах не менее трех метров. Нечего и думать о том, чтобы переправиться через водопад в пироге, ее наверняка разнесет в щепки. С другой стороны, как вырваться из ловушки? Слева тянутся дремучие леса, охраняемые людьми с золотыми стрелами. Справа — затопленная саванна. Впереди — пенистая бездна. Положение просто удручающее. А музыка звучала непрерывно... И змеи продолжали свой марш, зачарованные пленительной мелодией. Плоты

* Граж — местное название тригоноцефала, чрезвычайно ядовитой змеи с жесткой, похожей на терку чешуей.

** Коралловая змея — скорее всего один из многочисленных видов так называемых коралловых аспидов, ярко окрашенных и смертельно ядовитых змей Южной Америки; установить принятие в зоологии названия для упомянутых далее Буссенаром змей ай-ай (в романе «Белый тигр» автор утверждает, что название произошло от возгласа, который только и успевает выкрикнуть укушенный этой змеей человек перед тем, как умереть) и змейки-лианы не удалось.

*** Рептилии — пресмыкающиеся (змеи, ящерицы, крокодилы).

из листьев муку-муку остановились перед препятствием из поверженных деревьев. Пресмыкающиеся покинули свои «корабли» и ринулись атаковать разбросанные сучья и ветви.

Вот это было зрелище поистине захватывающее и поразительное — тысячи змей самых разных форм и оттенков, от гигантских до миниатюрных, оплетали ветви, выбрасывая раздвоенные языки, образуя как бы сетчатую ткань из гибких колец, бесконечно свивались и развивались в своем неукротимом походе.

Безжалостный виртуоз не умолкал ни на минуту, путники с трепетом ожидали мгновения, когда будут полностью окружены. Мало-помалу, однако, ритм замедлялся, шипение прекратилось, и грозный отряд остановился, едва перевалив через препятствие, хотя и сохраняя явную готовность двинуться дальше по первому сигналу.

Змеиный авангард* не бросался в атаку, но его поведение ясно указывало охваченным ужасом бандитам, что рептилиям просто запретили двигаться дальше. Бенуа первым обратил на это внимание. Не желая признавать, что таинственный музыкант, которому ничего не стоило отдать его вместе с компаньонами на растерзание разъяренным страшилищам, мог довольствоваться одной лишь обороной, бывший надзиратель решил, что «факир» колеблется. И его терпение Бенуа охотно приписал трусости или слабости.

— Нет, — бурчал он, — мы не для того приперлись сюда, чтобы убираться восвояси с пустыми руками... Погодите немного! Я воспользуюсь передышкой, чтобы определить по компасу местонахождение гор и угол, который это направление образует с заливом. Неизвестно, что может приключиться... Вот так... Все в порядке, — заключил он, сверившись с компасом и сделав карандашом какие-то пометки в блокноте.

— Надо сматывать удочки, шеф! Бежим скорее! — жалобно скулили Тенги и Матье, у которых от страха побелели губы, а рубашки прилипли к телу. — Переправим лодку, потом продукты и вернемся на Марони... Мы проиграли свою партию...

— Нет, пока что не проиграли, — возразил Бенуа. — Есть еще козыри на руках...

— Что ты снова затеваешь?

— Вы разве не видите, что один из этих плотиков

* Авангард — передовой отряд.

мужу-мужу сперва зацепился за деревья, а теперь сделал поворот и медленно плывет через затопленную саванну?..

— Да, правда,— поддержал Бонне, вглядываясь своими зоркими глазами хорька в болотные воды, утыканные редким тростником.

— Ну и что тут такого?..— тянул плаксивым тоном Тенги.

— А то, мокрая ты курица, что течение, пускай даже слабое, пересекает саванну. А если есть течение, то вода обязательно должна выливаться куда-то с другой стороны. Я теперь убежден, что саванна представляет собой озеро, может быть, не очень большое, из которого непременно вытекает река, впадающая либо в Марони, либо в бухту большего размера.

— Ну, ладно! Так что из того? Какой нам от этого прок?

— Не надо будет перебираться через водопад, к которому нас прижало змеиное войско. Вместо того чтобы возвращаться по собственным следам, мы повернем направо. Теперь, когда я знаю, в каком направлении находятся золотые горы, легко рассчитать наш маршрут. И если, по счастью, река, которую нам предстоит найти, уходит в глубины территории, а не теряется в Марони, то мы спасены!

Хотя совещание было недолгим, змеиный предводитель, как видно, забеспокоился. Он остановился, движимый чувством великодушия, которым злодеи подло пользовались. Таинственный флейтист полагал, что полученный урок заставит их немедленно убратся восвояси. Видя, что они не выполняют маневр, которого требовал рельеф реки и предлагали Матье с Тенги, то есть перетаскивание продуктов и пироги, он извлек из своей флейты пронзительно резкий и долгий звук.

Это напоминало призыв к оружию, который поднимает на ноги экспедиционный корпус и бросает вперед боевые порядки солдат, воодушевленных предстоящей битвой.

— Вот видишь, видишь! — закричали каторжники, вновь объятые неописуемым страхом.

— Заткнитесь! Трясогузки... Я рискую так же, как и вы. Вам дорога ваша шкура, а мне моя... И я не испытываю ни малейшего желания оставлять хотя бы клочок ее в зубах этих мерзких тварей. Дружно за весла! Мы поворачиваем вправо, через саванну... Я держу курс

на это большое желтое пятно, по-моему, эбеновое* дерево в цвету... До него с километр... Готово? Вперед!

Восемь крепких рук дружно рванули весла — Бонне, невзирая на рану, не захотел отставать от других, — и пирога чайкой полетела по уснувшим водам саванны.

Напрасно флейтист извлекал из своего инструмента все новые и новые звуки, чтобы ускорить движение змей и возбудить их гнев. Бандиты ушли в сторону, а заклинатель, оставшись на другом берегу, не мог больше преследовать и направлять свое ползучее воинство по их стопам.

— Свисти себе, дружок, сколько угодно! Если у тебя нет хорошей пироги, чтобы угнаться за нами, то ищи ветра в поле! А попадешься мне когда-нибудь — пеняй на себя, живого места на твоей подлой шкуре не оставляю!

Ускользнув на первый случай от неминуемой гибели, бродяги успокоились и повеселели. Затопленная саванна оказалась достаточно глубокой, чтобы можно было беспрепятственно продвигаться. Лодка медленно шла по тяжелой стоячей воде, раздвигая заросли водяных растений, шуршавших о борта. Оттуда вздымались тучи комаров.

— Да эта саванна — настоящее озеро, — сказал Бенуа. — Черт подери, оно вроде растопленного свинца. Ну, ничего, рядом со свинцом водится золото, верно, Бонне? Кстати, как твоя нога?

— Заживает. Скоро надеюсь попрыгать. Я делаю холодные примочки с добавлением водки, это здорово помогает.

— Отлично! Наши беды покуда невелики, больше потерпелись страху. Впрочем, переделка была серьезной, мы выскочили удачно. В конце концов ничто не дается без труда! Не следует ждать, что золотые слитки свалятся нам на голову, будто манна небесная**. Какого-то успеха мы уже добились. Время и терпение принесут остальное.

— Все равно, — подал голос Тенги, чье изможденное

* Эбеновое дерево — тропические деревья (брауна и др.) с темной, иногда почти черной древесиной, очень твердой и красивой при обработке.

** Манна небесная — имеется в виду библейская легенда о «манне небесной», ниспосланной израильтянам во время их 40-летнего странствия в пустыне. Считается, что такой «манной» могли быть переносимые ветром на далекие расстояния мелкие съедобные лишайники (комочки диаметром до 4 см).

лицо казалось бескровным,— я много бы дал, чтобы узнать, с какими это чертями нам довелось схлестнуться? Эй, шеф, не мог бы ты сказать? Ведь ты такой ученый, знаешь кучу всякой всячины...

— Что ты хотел от меня услышать? — откликнулся тот, явно польщенный наивным восхищением каторжника.— Могу столкнуться со всеми кайманами* колонии. Но если я не знаю, кто нам мешает пройти к горам, то абсолютно уверен в мотивах их действий. Нет никакого сомнения, мы находимся на подступах к стране золота. И таинственные враги не стали бы так изошряться, если бы наше вторжение не имело значения. Любой ценой необходимо найти щель, чтобы проскользнуть в золотой рай! Глядите-ка, здесь все, кажется, сделано из золота! Эбеновое дерево с желтыми цветами, птицы с желтыми перьями, эти водоросли, покрывающие саванну желтой скатертью!

— Правда, правда! — вскричали, как один, трое гребцов. При всей своей примитивности они ощутили легкое волнение от неимоверной роскоши природы.

И действительно, она с безумной щедростью одевалась в цвета драгоценного металла, который им предстояло завоевать, подобно султанше, безразличной к своему окружению.

Это странное плавание по мертвым водам продолжалось довольно долго. Саванна казалась бесконечной. Бродяги гребли неумоимо, как будто усталость была им неведома. Они обходили огромные массивы исполинских растений, откуда поднимались в воздух испуганные птицы, впервые потревоженные человеком в своем уединении. Они увязали в илистом грунте, цеплялись за корневища, запутывались в лианах. Ничто не могло охладить их пыла. Один за другим, они преодолевали препятствия с присущим им терпением, с той особой настойчивостью каторжников, от которой рушатся кандалы, открываются камеры, раздвигаются стены.

Они едва успевали перекусить. Все их усилия, все способности сосредоточились на одном: работе веслами. С заходом солнца они причаливали к берегу, развешивали гамаки на нижних ветвях и засыпали над тихими водами со спокойствием, которому неведомы были угрызения совести, хотя по этим отверженным давно плакала веревка..

* Кайман, или аллигатор — американский крокодил, различные виды которого распространены в Южной Америке.

Каких замечательных результатов могли они добиться, направив силы и проворство на доброе, благородное дело!

Бенуа все время выверял маршрут. Внешний берег саванны, противоположный берегу «змеиной реки», описывал длинную дугу, уводившую путников в глубину территории. Это была удача. Они прошли четверть круга, радиус которого неизбежно упрется в золотые горы.

Предположения главаря пока полностью подтверждались. Если затопленные земли сохраняют в течение трех дней свою конфигурацию, то шайка выйдет с тыла к неизведанному региону, к желанной цели. Описав полуокружность, они окажутся на другом конце прямой, проходящей через горы, местоположение которых определил Бенуа.

Не важно, насколько эти расчеты выполнены тщательно — когда горы появятся в их поле зрения, этого хватит для ориентации, для поиска верных путей.

Наутро четвертого дня путники заметили, что берег как будто отклоняется вправо, что появилось легкое течение, а вода содержит много красных частиц окисла железа. Выпуклая линия берега стала вытягиваться, удлиняться, приобретая форму лимана.

— Ну,— сказал предводитель,— настала решающая минута. Саванна наверняка переходит в реку. Куда же она движется? Мы это скоро узнаем.

Действительно, трудно было предугадать заранее. Голубые потоки в Гвиане отличаются той особенностью, что далеко не всегда проходят по долинам, стиснутым горами. Довольно часто они текут перпендикулярно горной местности и впадают в реку через целую вереницу порогов и водопадов.

Водная артерия*, питаемая саванной, с равными шансами могла устремляться и в правую, и в левую сторону. Итак, пирога вошла в залив, напоминавший длинную оконечность пруда; плоские берега, покрытые водяной растительностью, стали сближаться. Там и сям попадались небольшие скалы. Насыщенность окислами железа заметно возросла. Вскоре ширина речки уже не превышала десяти метров.

Плавание длилось целый день. Скалы становились все многочисленнее. Бенуа, хорошо знавший тропические леса, понял, что их ожидает встреча с водопадом. До него

* Артерия — кровеносный сосуд, несущий кровь от сердца к другим органам; в географических описаниях это слово иногда употребляется для обозначения крупных судоходных рек, имеющих значение для экономики страны.

уже близко! Такая перспектива удручала тем более, что в этот момент он поворачивался спиной к стране своих грез. Сердитое ворчание воды вскоре возвестило о точности его предположения.

Как поступить? Далее плыть невозможно. Возвращение по своим следам грозит гибелью. Бывший охранник растерялся. Зато «хорек» Бонне, который греб неустанно, невзирая на рану, нашел выход из положения.

— А если мы свернем в ту маленькую речушку, которая видна вон там, за большими скалами?

— Ты видишь какой-то пролив?!

— Черт побери, ты что, слепой? Вон там, возле сухого дерева!

— А и вправду,— с радостью откликнулся патрон,— да к тому же она течет налево, какая удача! Все в порядке, парни, не дрейфь! Налегай на весла! Воистину нам везет как порядочным! ·

Не теряя времени, пирога свернула в пролив метров пяти шириной, зажатый невысокими берегами. Речушка оказалась отличной, глубокой, с течением ни быстрым, ни медленным. Почти идеальные условия для плавания. К тому же она кишела рыбой, что позволило разнообразить меню, долгое время состоявшее из консервов и солонины.

Бенуа предполагал, и не без оснований, что увиденные некогда горы, прилегающие к ним земли, большая затопленная саванна и вязкие грунты, ее окружающие, образуют относительно высокий массив, откуда разбегаются лучами во всех направлениях множество потоков. Горы — это кульминационная точка возвышенности, саванна служит природным резервуаром воды, который пополняется в сезон дождей и питает многочисленные реки и речушки.

Добавим, для подтверждения достоверности, что данный массив представлял собой настоящее плато, ограниченное на северо-востоке заливом Спервайн, на востоке — рекой Марони, на юге — рекой Абунами. Восточная оконечность, мало изученная, находилась примерно в пятидесяти километрах от реки Арауни, притока Маны. Плато располагалось между $5^{\circ} 45'$ и $5^{\circ} 20'$ северной широты. Западный край плато тянулся примерно по линии $56^{\circ} 40'$ западной долготы. Наконец, его наибольшая вершина сталкивалась лицом к лицу с водопадом Синга-Тетей, неподалеку от места слияния Авы и Тапанаони, образовавших реку Марони. Гора эта, хорошо заметная издалика, носила название Французской.

Один из видных офицеров флота, капитан корабля месье Видадь в 1861 году, за несколько лет до описываемых событий, обследовал этот район, до него совершенно не изученный. Бенуа не мог не знать об этой блестящей экспедиции, поскольку группа Видаля возвратилась в Сен-Лоран за год до изгнания недостойного надзирателя. Как бы там ни было, теперь бывший охранник чувствовал себя уверенно и без конца повторял:

— Тайна золота у нас в кулаке! На этом плато находится разгадка, главное место, которое мы ищем... Наши усилия не напрасны! Перероем тут всю землю, найдем брешь... Черт возьми, не может быть, чтобы туземцы окружили клад со всех сторон своей змеиной армией...

Его компаньоны, воодушевленные надеждой, старались вовсю, весла неугомонно бороздили спокойную воду.

После двух дней напряженного и монотонного плавания они заметили легкий столб дыма на одном из берегов. Несколько подвесных коек из белой хлопчатобумажной ткани раскачивались на ветках; дюжина индейцев вдруг появилась на мелководье залива, посередине которого двигалась лодка.

Отступать было поздно. Авантюристы решили продемонстрировать бесстрашие. Впрочем, в поведении краснокожих не замечалось ничего угрожающего, и Бенуа, за четыре года жизни среди прибрежного племени галиби порядочно изучивший их язык и нравы, вознамерился извлечь из этого какую-нибудь пользу.

На всякий случай держа оружие под рукой, они стали медленно подгребать к берегу. Бродяги находились в сотне метров от стоянки, когда из-за деревьев ударили вдруг громкие звуки музыки. Это было весьма однообразное соло на неизменной бамбуковой флейте, без которой вождь племени никогда не покидает свое селение.

У Тенги и Матье, наименее смелых из экипажа, холодок пробежал по телу от макушки до самых пяток. Не появится ли вновь после этой дикарской какофонии тот ужасный эскадрон пресмыкающихся?..

Бенуа расхохотался.

— Ну, все идет отлично! — воскликнул он. — Нам подадут сигнал и нас примут, как друзей. Главное, представьте мне вести дело и проявляйте ко мне подчеркнутое уважение. Надо показать им, что я большой начальник.

— Но что все это значит? — спросил Матье, чье лицо, несмотря на успокоительные слова патрона, покрылось, будто мрамор, зеленоватыми пятнами.

— А то, мой дружок, что каждый уважающий себя вождь держит при своей персоне флейтиста, и тот объявляет о его прибытии специальным сигналом. Господи, это так естественно! В цивилизованных странах есть марши полков, дивизий, армейских корпусов... Ну, и здесь примерно то же самое! Однако, черт подери! Слишком долгая музыка. Наверное, очень важная персона. Но я ведь тоже, хотя мое войско невелико. Как жаль, что у нас нет какой-нибудь завалящей трубы... А впрочем, обойдемся. Я им дам глотнуть из фляжки, они это больше любят.

— Послушай,— заметил Бонне,— а если поприветствовать их выстрелами из ружья?

— Отличная идея! Но подождем еще немного. Внимание, подготовились!

Весла убрали в лодку, которая уткнулась носом в песок.

— Огонь! — вскричал авантюрист.

И восемь выстрелов прозвучали громким салютом, к вящей радости индейцев. Восхищенные такими почестями, они пустились в пляску подобно клоунам, в то время как барабан добавлял пронзительным звукам флейты свое оглушительное «бом-бом-бом!».

Бенуа сошел на берег первым, на почтительном расстоянии за ним следовали три компаньона, палившие в воздух из своих ружей. Поскольку посох или жезл являются непременным атрибутом власти во всей экваториальной Америке, то и шеф держал в левой руке багор с железным крюком на конце. Ружье у него висело на ремне за спиной, в правой руке блеснул мачете, и вид он имел довольно внушительный.

Бенуа сделал несколько шагов и остановился при виде неподвижно застывшего метра в двадцати от хижины индейца. С диадемой* из желтых перьев на голове, с роскошным ожерельем из оперения белой курицы вперемежку с голубыми и красными перышками тукана и попугая ара краснокожий опирался на жезл. Это был вождь племени. Он сделал два-три шага навстречу и тоже остановился. Возникла заминка в этикете, связанная с проблемой старшинства.

И вот почему. Если индеец посещает одного из собратьев, то особый характер музыкального сопровождения указывает на его ранг. Если прибывший превосходит по значению встречающего, то последний отвечает своими

* Диадема — головное украшение в виде венца. Здесь: индейский головной убор из перьев.

фанфарами*, выходит навстречу и останавливается лишь в непосредственной близости от лодки. Он кланяется, произносит несколько приветственных слов и ждет, пока новоприбывший представит его членам своей свиты. После этого гостя приглашают в дом, женщины вешают гамаки, предлагаются сигареты с наркотическими веществами, и празднество начинается.

Если у обоих вождей одинаковый ранг, то хозяин останавливается на полдороге от дома к месту причала. Визитер движется к нему, представляет своих сопровождающих, и церемония завершается по описанному выше образцу. Когда прибывший вождь более низкого ранга, то хозяин не выходит из хижины и принимает его стоя. Если же наконец появляется незначительное лицо, какой-нибудь простолюдин, то вождь не покидает даже своего гамака, а женщины не прерывают повседневных трудов. Прибывшего отсылают устраиваться в пустую хижину, где ему, впрочем, предоставляется полная свобода, выделяют что-нибудь из продовольствия, но никаких почестей не оказывают.

Весь этикет выполняется с бесподобной серьезностью, и ни один камергер** с золотым ключом на бедре, ни один посол на официальном приеме не придерживаются так безупречно его правил, как эти краснокожие простаки, размалеванные в павлиньи цвета, словно солдатики Эпиналя***.

С Бенуа индейский вождь обращался как с равным. Это неплохо, но бродяга рассчитывал на большее и застыл неподвижно, устремив на индейца смелый до дерзости взгляд. Тот с трудом преодолел свою гордость и приблизился еще на несколько шагов.

— Что это за вождь, который так принимает великого белого начальника? — свысока вопрошал авантюрист, используя местные выражения. — Неужели он не знает, что я — единственный большой вождь из всех Белых тигров**** с мыса Бонапарте? Индеец никогда не бывал

* Фанфары — здесь: торжественный трубный сигнал.

** Камергер — придворное звание старшего ранга; отличительный знак — золотой ключ на голубой ленте.

*** Эпиналь — город во Франции, известный произведениями лубочной графики — простыми, доступными для восприятия картинками с подписями.

**** Белый тигр — прозвище, которое давали туземцы бежавшим с каторги европейцам. Первая часть трилогии Буссенара о гвианских робинзонах, в которой идет речь о дерзком и успешном побеге героя книги Робена, так и названа — «Белый тигр».

в Сен-Лоране? Разве он не знает, что мои люди, в сто раз более многочисленные, чем его, находятся в трех днях пути отсюда?

Краснокожий, потрясенный тем, что белый говорит на его языке, ринулся к нему с извинениями. Он не виноват! Его гость не объявил о своем прибытии фанфарами. Он слышал, что у начальника Сен-Лорана есть медные флейты...

— Тебе сказали неправду. Я ведь приветствовал тебя из ружей! Есть у тебя столько?

Довод был тем более неопровержимым, что краснокожий совсем не располагал огнестрельным оружием. Подавленный невольным нарушением экваториального этикета, бедняга пустился расточать знаки самого почтительного внимания к этому верховному существу, обладавшему таким могуществом.

— А ну-ка, Бонне,— кивнул шеф раненому, ковылявшему следом,— свистни погромче, как ты умеешь, это доставит ему удовольствие!

Каторжник тотчас вложил пальцы в рот и несколько раз пронзительно свистнул, затем, поскольку слыл большим мастером этого дела среди товарищей по тюремной камере, изобразил крик черной обезьяны, симитировал голоса тукана, птицы-пересмешника, цапли... И все это с такой оглушительной громкостью, от которой могли бы лопнуть самые крепкие барабанные перепонки.

Индейцы пришли в экстаз. Их детский восторг был тем более искренен, что виртуоз не использовал никакого музыкального инструмента, а обошелся всего лишь вложенными в рот пальцами. Авторитет Бенуа немедленно возрос и стал непререкаемым.

— Добро пожаловать, белый вождь! Ты будешь для Акомбаки желанным гостем!

Бенуа протянул руку краснокожему, о котором уже доводилось слышать, поскольку репутация храбреца докатилась до племени галиби в низовьях Марони. «Акомбака» означает «который уже пришел». Всегда оказываясь первым в самых опасных местах, будь то на охоте или на войне, он возглавлял довольно большую группу индейцев эмерийонов, которые покинули бассейн реки Апруаг и объединились с остатками племени тиос, почти вымершего от алкоголя и оспы.

Бывшего надзирателя и его компаньонов с большой помпой провели в дом Акомбаки, и праздник начался

с обильного поглощения *кашири**. Когда кубок дружбы распили до дна и выкурили сигареты, Бенуа, желавший расположить к себе туземцев, приказал выдать в их полное распоряжение настойку из можжевельника и бутылъ тафии. Невиданная щедрость вознесла его в глазах индейцев на уровень божка, настолько глубоко укоренилась любовь к спиртному у этих несчастных.

Племя эмерийонов, довольно еще многочисленное, пребывало в плачевном состоянии. Охотничье вооружение выглядело убого. Для законечников стрел использовались либо косточки, извлеченные из головы рыбы лаймара, либо обломки лучевой кости носухи**. Металлических предметов не доставало. Во всем хозяйстве насчитывалось три-четыре мачете, столько же топоров и несколько грошовых ножей.

Худоба жителей наводила на мысль о хроническом голодании, да вождь и не скрывал от нового друга своего бедственного положения. Негры бони из двух объединившихся племен опустошили их земли, а потом скрылись, не приняв сражения. Теперь Акомбака ожидал подкрепления и будущего урожая, чтобы взять реванш. Он похвалялся наголову разбить недругов.

Бенуа сразу учуял выгоду, которую можно извлечь из бедности индейцев и из их жажды мести. Он располагал провизией и оружием, достаточным количеством топоров и мачете и — услуга за услугу! Он предложил вождю помочь расправиться с черными, а взамен попросил сопроводить экспедицию в горы.

Краснокожий с радостью согласился. Договорились «опьянить» воду в реке***, добытых рыб и животных закоптить, собрать побольше маниоки и ямса****, а затем уже отправиться с белым вождем.

Акомбака выразил желание заполучить вожаденные предметы немедленно, однако Бенуа был неумолим. Индеец выторговал право убраться восвояси, как только цель будет достигнута, и предоставить своему союзнику выпутываться самостоятельно. Договор, который свято соблю-

* Кашири — алкогольный напиток.

** Носуа — иначе: коати. Всеядное американское животное семейства енотов, в длину около 70 см, хвост немного длиннее тела, мордочка сильно вытянута.

*** ... «опьянить» воду в реке — в первой части трилогии Буссенара подробно описана ловля рыбы, которую предварительно одурманивают растительным соком, подмешанным в воду озера или реки.

**** Ямс — растение рода диоскорей со съедобными клубнями.

дался впоследствии, закрепили по индейскому обычаю. *Пиэй** извлек у них несколько капель крови и смешал ее в чашке с небольшой дозой *кашири*. Договаривающиеся стороны выпили каждый свою половину чашки, и союз был заключен.

Две недели спустя большой отряд, состоявший из двадцати пяти индейцев на шести пирогах, под предводительством Бенуа взял курс к «золотым горам».

Не обошлось без опасений, что негры из враждебных племен станут их преследовать до самого места назначения, овеянного мрачными легендами. Но «главный начальник» убедил индейцев, что белые сами проникнут в обиталище злых духов, а туземцы смогут потом закупить всю тафию объединенной Гвианы, так что последние колебания и сомнения рассеялись.

Путешествие прошло беспрепятственно и увенчалось полным успехом. Бывший надзиратель так предусмотрительно обо всем позаботился, а рельеф берега оказался настолько благоприятным, что маршрут был вычислен почти с математической точностью. Определив угол, условно образованный прямыми между «змеиной бухтой», горой и водопадом, ему удалось правильно рассчитать местонахождение будущих сокровищ. Покинув лодки и оставив там для охраны часть экипажа, отряд углубился в лес, неся на себе восьмидневный запас продуктов.

Через двенадцать часов вышли к горе. Четверо белых уже без эскорта** проворно вскарабкались на склон. Неожиданно они наткнулись на следы культурных растений, явно принадлежавших человеку. Бенуа подал знак своим компаньонам затаиться, а сам бесшумными прыжками, словно хищник на охоте, продолжал двигаться вперед, напрягая зрение и слух.

Разведывательный рейд длился уже около часа, но ни одна ветка не хрустнула под его ногами, как вдруг он застыл на месте, изумленный и потрясенный почти до

* Пиэй — колдун племени. Обязанности жреца он соединяет с занятиями медициной. Его авторитет очень велик и соперничает с влиянием вождя. Он творит хорошую погоду или дождь, перевязывает раны, шаманствует, всеми возможными средствами эксплуатирует доверчивость соплеменников, которым внушает трепет, и обладает неограниченными правами. Слово пиэй служит не только для обозначения колдуна, но также целого ряда лекарств туземной «аптеки», талисманов и амулетов. Употребляют его и в смысле «порча», «колдовство». (Примеч. авт.)

** Эскорт — почетное сопровождение.

ужаса. Надзиратель с трудом подавил желание заорать во всю глотку.

— Черт побери, да ведь я знаю этого типа...— шепотом пробормотал он.

ГЛАВА 3

Таинственный лучник.— Десять лет спустя.— Слишком велик для ненависти.— Новичок.— Секрет защиты.— Лесной марафон.— Природа просит помощи.— Гвианские робинзоны.— Земной рай на экваторе.— Тропический ученый.— Золотой кофейник.

Совершив дерзкий побег, индеец Жак медленно брел через лес; правой рукой он надламывал мелкие веточки, оставляя за собой почти невидимый след. Юноша понимал, что, не имея ни оружия, ни провизии, ему скорее всего придется вернуться к реке, предоставлявшей больше возможностей поддержать силы, нежели девственный лес. Вот почему так важно было не заблудиться и отыскать потом дорогу к воде по этим незаметным знакам.

Краснокожий был убежден, что правильно разгадал значение таинственных сигналов, заставивших его ускорить события и пойти на огромный риск, чтобы вернуть свободу. Такие сигналы использовали индейцы внутренних районов для передачи сведений втайне от чужаков, европейцев. Вне всякого сомнения, Жаку сообщали о присутствии неведомых друзей, которые, вероятно, давно следовали по пятам его похитителей.

В скором времени это предположение обратилось в уверенность. Осторожно пробираясь через тугие переплетения лиан и гигантских трав, покрывавших наносные земли, беглец услышал справа тихий свист. Повинуясь инстинкту, он замер на месте, хотя в звуке не было ничего подозрительного. Притаившись за огромным стволом, Жак переждал несколько минут, а затем, увидев на земле обломок камня, схватил его и быстро постучал о толстую нижнюю ветку. Сухой звук разнесся далеко.

Свист повторился без промедления и на сей раз гораздо ближе.

Юноша смело покинул свой тайник и двинулся в направлении услышанного сигнала. Вскоре он вышел на поляну и оказался лицом к лицу с рослым молодым человеком, который держал в руке большой лук с пучком длинных стрел и, улыбаясь, смотрел на Жака.

Невзирая на обычное свое спокойствие, беглец был потрясен и даже напуган неожиданной встречей, но облик незнакомца излучал что-то доверительное и очень располагающее к себе. Выглядел он не старше двадцати лет. Открытое лицо с правильными чертами дышало энергией и искренностью. Воинственный вид смягчался добрым взглядом больших черных глаз навывкате, с длинными ресницами под густыми бровями. Дружески улыбаясь, воин приоткрыл два ряда блестящих белых зубов. Пышная копна черных волос с пряжкой из эбенового дерева вырывалась из-под маленькой белой шапочки, лихо сдвинутой на ухо и украшенной черным пером гокко*.

Золотисто загоревшие под палящим тропическим солнцем руки атлета с мощными бицепсами высовывались из облегавшей тело куртки-безрукавки, сшитой из белой с голубыми полосами материи, напоминавшей матрасную ткань. Того же цвета брюки доходили только до колен, предоставляя полную свободу мускулистым ногам, которые отлично гармонировали с могучими руками. Ходил он босиком.

Смелый Жак съезжился в комок перед молодым богатырем, он казался себе жалким мальчишкой с тонкими руками и ногами перед этим воплощением силы и ловкости. Ему приходилось слышать о злобном индейском племени, жившем на берегах Авы, которое не поддерживало со своими соседями никаких контактов. Цветом кожи эти люди напоминали европейцев, были такими же сильными и носили бороды. Их называли *оякуле*. Легенда, усиленная страхом, приписывала им небывалую жестокость. Жак испугался тем более, что незнакомец носил щеголеватую молодую бородку, похожую на нежный каштановый пушок, одну из тех, которые смягчают черты лица. Хотя кожа красавца была покрыта плотным загаром цвета хлебной корки, Жак отлично видел, что это не тот матовый, непрозрачный оттенок кофе с молоком, присущий представителям его расы.

«Так и есть, это, наверное, оякуле...» — мелькнуло у него в отчаянии, и беглец потупил глаза, не в состоянии вымолвить хотя бы слово.

Молчание нарушил юный богатырь.

— Эй! Ты пришел в мои места. Умеешь говорить покреольски? — спросил он на местном наречии.

* Гокко — особое семейство отряда куриных, так называемые древесные куры (все виды выют гнезда на деревьях), крупные птицы, легко одомашниваются.

Вздых огромного облегчения вырвался из груди краснокожего.

— Конечно, но я умею говорить и по-французски! — радостно воскликнул он, шагнув вперед, совершенно успокоенный. Протянутая им рука утонула в крепкой ладони собеседника. — Я изучил французский в Мане... Меня воспитал доктор В., он живет сейчас в Сен-Лоране. Вы не знаете доктора В.? Это друг начальника тюрьмы... — добавил он не без гордости.

При этих словах его собеседник нахмурился. Он отозвался глухо и как будто встревоженно, продолжая говорить на привычном для креолов языке:

— Нет, я его не знаю... Я вообще не знаю никаких белых в колонии...

На Жака нахлынули внезапно все пережитые ужасы плена, воспоминания о похищении, об издевательствах беглых каторжников, и он снова схватил руку незнакомца, говоря с необычными для индейцев откровенностью и волнением:

— Да что же это я, в самом деле... Я даже не поблагодарил вас за ту огромную помощь, которую вы мне оказали! Извините, Бога ради, мой благодетель, вы меня вырвали из лап этих бандитов! Благодаря вам я смогу увидеть свою жену и своего приемного отца! Я обязан вам жизнью... Теперь она принадлежит вам так же, как и моему отцу...

Странное дело: обычно сдержанный и немногословный, не подверженный душевным порывам, индеец говорил с пламенным воодушевлением, а молодой человек, явный европеец по происхождению, хранил молчание, оставаясь полностью безучастным. Они как бы поменялись местами, привычками и поведением. Воспитываясь у белых, индеец в некотором смысле «офранцузился», а белый, ведя первобытную жизнь лесных обитателей, стал похож на туземца. Один владел красноречием приемного родителя, другой сохранял сдержанность аборигенов* экваториальной зоны.

Когда Жак сообщил, что знает европейцев из Сен-Лорана, какая-то тайная причина усугубила немоту молодого атлета, лишенную, впрочем, всякой холодности.

Краснокожий, рассыпаясь в своей признательности, не придал этому значения. Оказанная ему услуга повелевала благодарному индейцу быть скромным и нелюбознатель-

* Аборигены — коренные жители какой-либо местности.

ным. Если его благодетель не желал оказывать ему доверия, то, наверное, имел на это свои причины, и Жак не стал его расспрашивать.

Они тронулись в путь. Незнакомец шел впереди легко и уверенно, демонстрируя сноровку в сложном и тяжелом передвижении в девственных лесах. Без колебаний выдерживал он верное направление, не испытывая потребности в зарубках на деревьях, как будто все уголки темного загадочного пространства давно были ему известны. Жак поражался силе, гибкости и уверенности невозмутимого спасителя, хотя и сам был настоящее дитя природы. Он не подозревал такой ловкости в человеке другой расы и без всякой зависти искренне восхищался спутником.

Внезапно глухое рычание оборвало его речь. Он машинально потянулся к отсутствующему оружию и воскликнул, дрожа:

— Тигр!

Юный богатырь улыбнулся и продолжал путь, посвящая.

Могучий ягуар с великолепной шкурой, с горящими глазами и огромными клыками оскаленной пасти выпрыгнул, увидев пришельца, заурчал, как разомлевшая кошка, и подставил свой лоб для ласки, которая незамедлительно последовала.

Окаменевший Жак с застывшей речью, пересохшими губами и расширенными от ужаса глазами не смел пошевелиться. Грозный хищник время от времени бросал на него взгляд, от которого бедняга стучал зубами и собирался распротиться с жизнью, несмотря на ободряющую улыбку таинственного благодетеля.

— Спокойно, Кэти,— говорил юноша на незнакомом языке,— спокойно! Этот индеец — наш друг, ты его полюбишь, ты с ним подружишься! Кстати,— продолжил он покреольски,— как тебя звать?

— Жак,— с трудом выдавил тот.

— Хорошо! Жак, друг мой, не бойся Кэти. Она добрая, как лань. Подойди, приласкай ее для начала!

Несчастный механически протянул вспотевшую и судорожно сжатую руку. Ягуар, как хорошо воспитанное животное, наклонил голову, а затем повалился на спину и принялся кататься по траве.

— Ну, вот видишь, она не желает тебе худого! Кэт бывает злой только с плохими людьми!

Негромкие, но радостные голоса слышались впереди, за густой завесой лиан; ягуар ринулся в их направле-

нии. За ним последовали молодой человек и индеец, слегка успокоенный, но еще не полностью оправившийся от потрясения, вызванного странной близостью нового друга с могучим хищником.

Посреди беспорядочного нагромождения сломанных ветвей, поверженных стволов, срезанных лиан предстали неподвижные фигуры шестерых людей: пятерых белых и одного негра. Белолицые, одетые по образцу новопривычного, были вооружены луками, стрелами и большими мачете. Мужчина, который казался главным, выглядел лет на сорок пять.

Бросалось в глаза разительное сходство его с юным спутником Жака. Черты лица, атлетическая фигура, и даже печальная и нежная улыбка... Но лицо старшего уже бороздили морщины, волосы поседели на висках, а борода и совсем побелела.

Возле него держалось трое красивых молодых людей, один почти ребенок, лет тринадцати — четырнадцати, но с выправкой и статью взрослого. Двум другим было лет шестнадцать — восемнадцать.

Удивительное сходство заставляло признать в них четверых братьев, и мужчина с отцовской нежностью взирал на свое потомство.

Пятому было лет тридцать. С белокурой спутанной бородкой, с голубыми глазами и кирпичным румянцем на щеках, он обладал физиономией слегка лукавой, но открытой и симпатичной. Наконец, заключал эту группу старый негр со снежно-белыми волосами, курчавыми и всклокоченными, производивший странное впечатление своим добрым, сморщенным и блестящим лицом. Казалось, он достиг пределов старости, однако передвигался довольно бодро, невзирая на пораженную слоновой* болезнью правую ногу.

Жак удивлялся все больше и больше. Его спутник быстро подошел к старшему, приложив палец к губам. Доносился лишь легкий шум от реки, где в какой-нибудь сотне метров каторжники прокладывали путь через древесные завалы.

— Отец,— сказал по-английски молодой человек,— я привел индейца. Он кажется мне добрым и честным, но это необычный туземец. Не станем ли мы когда-нибудь раскаиваться, что оказали ему услугу?

* Слоновая болезнь, или акромегалия — болезнь, при которой ненормально разрастаются кости конечностей или нижней челюсти.

— Мой дорогой Анри,— тихо отвечал тот,— никогда не стоит жалеть о совершенном добром деле. Я хорошо знаю, что индейцы не грешат избытком признательности, но этот еще совсем юный!

— Конечно, но он мне сказал, что его воспитали белые в Мане, что он лично знаком с тюремщиками из исправительной колонии... Ты слышишь, отец, из исправительной колонии! Проклятое место, из-за которого мы пролили столько слез, где ты так страдал! От одного названия мне становится не по себе. Этот индеец заявил, что мечтает повидать жену и своего благодетеля, приемного отца. Мы же не сможем держать его постоянно при себе. Он вернется к белым, кто помешает ему раскрыть секрет?! И вот уже под угрозой наша безопасность и тайна убежища. Поэтому я скрыл свое французское происхождение и нелегкое прошлое и сделал вид, что говорю только по-креольски, как все жители страны, чтобы он даже не заподозрил о наших отношениях с Францией.

— Ты действовал сообразно условиям, мое милое дитя, и поступил очень предусмотрительно. Могу только одобрить проявленную тобой осторожность. Подождем. У этого молодого человека, конечно, найдется что рассказать интересного и важного... Хотя бы историю похищения... Или о мотивах, которые заставили этих проходимцев отправиться в неизведанную местность. Пока продолжим говорить между собой по-английски, чтобы не сболтнуть лишнего в его присутствии... Самая главная цель на сегодня достигнута. Дорога перегорожена, пленник освобожден. А поскольку незнакомцы питают, несомненно, дурные намерения, вышлем навстречу им резервы наших войск. Думаю, такого урока будет достаточно, чтобы они убрались подальше и чтобы их здесь не видели... Казимир,— обратился глава семейства к старому негру,— час пробил, мой друг, приступай к тому, о чем мы с тобой договорились.

Добряк радостно засуетился, припадая на ногу-пьедестал:

— Будет сделано! Я напущу на чужаков всех своих зверей! Это злые люди. Только пусть маленький муше Шарль пойдет со мной!

Самый юный из сыновей приблизился к отцу.

— Ты согласен, папа; чтобы я сопровождал Казимира?

— Разумеется, дорогой Шарль! Он воспитал из тебя вполне приличного зачинателя змей, и я не стану мешать тебе использовать свой талант!

Старик и мальчик вооружились длинными индейскими флейтами из бамбука и отправились в северо-западном направлении.

Тем временем мужчина с белокурой бородкой, доселе молчавший, но не пропустивший ни слова из беседы Анри с отцом, вступил в разговор:

— Вам известно, месье Робен, что я человек не жестокий и зрелище крови производит на меня отталкивающее впечатление.

— Конечно, милый Никола, я знаю, что ты самый лучший парень в мире и что для тебя главный вопрос совести — никого не притеснять и не мучить... Но к чему ты клонишь?

— А вот к чему. Эти субъекты — самые отъявленные негодяи среди самых гнусных мерзавцев, для которых высокочтимая Гвиана является приемной родиной... вынужденной родиной. Их шкура не стоит ломаного гроша. На вашем месте я поступил бы иначе. Анри и его братья в стрельбе из лука превзошли индейцев. И я бы скомандовал ребятам прошить бока каждого проходимца хорошей двухметровой стрелой... Видите ли, патрон, мертва змея — мертво и жало... Не вижу другого выхода.

— В общем, ты прав, Никола. Но я решительный противник насильственных средств, за исключением, разумеется, случаев законной самообороны. Человеческая жизнь настолько священна, что ее следует уважать даже в самом низком существе. Всегда нужно оставить виновному время на раскаяние, шанс для исправления. Вся моя деятельность была посвящена этому принципу, любви к людям. Мне не подобает роль верховного судьи, я всего лишь поборник справедливости. Мое желание — убеждать, а не наказывать. Каким бы жалким ни был человек, он способен раскаяться. Не хотелось бы облагрить этот уголок Франции, созданный нашими усилиями, хотя бы каплей крови... Ты говоришь, что у пришельцев дурные намерения? Очень может быть! А не окажется ли страх, вызванный внезапным падением деревьев, достаточным, чтобы остановить их безумие? Или эти таинственные стрелы, поражающие их в момент высадки? А грозная армия Казимира, неужели даже она не заставит их навсегда отказаться от своих планов?.. Вот! Слышишь звуки флейт наших заклинателей?.. Через несколько минут эти авантюристы обратятся в бегство и вынуждены будут убраться восвояси... Что скажешь?

— Вы правы, как всегда, но в данном случае боюсь, не возникло бы осложнений в дальнейшем...

— Дорогой! Чем они опасны в будущем? Им неизвестно, сколько нас, кто мы такие... Окружающая нас тайна защищает лучше, чем прямая атака на непрошенных гостей, а могущество средств, которые мы способны применить, убедительно покажет всю бесполезность их притязаний. Они поверят, что перед ними могучее племя, не расположенное терпеть любого вторжения на свою территорию. Необычность наших методов защиты породит легенду, она распространится вокруг, обрстет новыми подробностями и сослужит нам гораздо лучшую службу, чем целый военный корпус.

Дуэт флейт, звучавший сперва в отдалении, постепенно приближался. Через просветы в зеленой баррикаде европейцы и краснокожий могли наблюдать грозную флотилию, медленно плывущую по течению. Удары мачете и топора прекратились. До них донеслись вопли бандитов, бежавших в страхе перед змеиной армадой*. Видно было, как они расселись по местам, как лихорадочно схватились за весла, а потом повернули к затопленной саванне.

— Вот видишь,— заметил Робен,— все произошло, как задумано. Надеюсь, мы теперь надолго застрахованы от новых набегов, если только гости не вернутся через внутренние земли, что маловероятно. В противном случае им доведется брать крепость приступом и изгонять оттуда гарнизон Казимира и Шарля. Ну, а теперь расспросим нашего индейца... Он, я вижу, сгорает от нетерпения рассказать о своих приключениях, благодаря которым очутился на заповедной территории *гвианских робинзонов*...

Жак не заставил себя просить и сообщил все, что было ему известно о похитителях. Откровенность его не вызвала сомнений. Юноша поведал историю своей жизни с того дня, когда доктор В. усыновил его, и до той минуты, когда ему удался побег с водопада. Он не утаил, что ему известна тайна золота, которую он собирался раскрыть своему благодетелю.

Каторжники подслушали его беседу с воспитателем и начальником тюрьмы, потом напали ночью и захватили в плен. Его отвезли на голландский берег Марони и отдали в руки человеку, еще более жестокому, чем сами похи-

* Армада — крупное соединение кораблей; Буссенар употребляет слово в переносном смысле по отношению к множеству плывущих по реке змей.

тители. Этот головорез и стал душой всего предприятия, сообщники повинуются ему беспрекословно.

Робен долго и подробно расспрашивал индейца о вожаке бандитов, однако сведения были самые скудные. Редко наезжая в Сен-Лоран, Жак ничего не знал ни о прежней деятельности стражника, ни об изгнании Бенуа из корпуса надзирателей. Он считал его беглым каторжником, поддерживавшим связи с такими же мерзавцами.

— А его имя? — настаивал Робен. — Ведь обращались же как-то к нему участники шайки?

— Они называли его только «шеф», не иначе.

— Гм... «Шеф» — это обычно для надзирателей.

— Я не знаю, — с сожалением признался индеец. — Другого имени никто не употреблял.

— А впрочем, не имеет значения! Конечно, это какой-нибудь сбежавший заключенный. Послушай, Жак, ты уже понял, как дорого обходится нарушение клятвы. Ты раскрыл, хотя из самых добрых побуждений, важный секрет, который обязался хранить. И видишь, что вышло... Золото счастья не приносит!

— О да! Конечно! — с готовностью согласился молодой человек, в памяти которого мгновенно всплыли пережитые ужасы. — *Тайна золота* смертельна! И я говорил об этом приемному отцу... Но моя любовь так сильна... Он такой добрый...

— Я понимаю, и глубокая благодарность, которую ты хотел таким образом засвидетельствовать, извиняла бы твой поступок, если нарушение клятвы вообще простиительно. Но послушай меня, будь более сдержан в будущем и никогда не выбалтывай доверенной тайны. Мы вырвали тебя из лап этих палачей. Ты волен вернуться к родным. Но можешь остаться с нами, если захочешь. Очень серьезная причина заставила нас вот уже долгое время скрываться здесь. Никто не должен знать, кто мы такие и где живем.

Указав на молодых людей, стоявших рядом, Робен добавил:

— Вот мои дети. Ты скоро познакомишься с их матерью. А этого парня зовут Никола, он — мой приемный сын. Что касается старика негра, то я люблю его, как родного отца.

Растроганный индеец жадно слушал эти слова, звучавшие с неповторимым оттенком благородства.

— Мы — не злоумышленники, и в нашей добровольной изоляции нет ничего предосудительного. Покаянись

жизнью своего приемного отца, поклянись жизнью своей жены, с которыми ты увидишься благодаря нам, что никогда не раскроешь ни одному человеческому существу нашу тайну.

Жак, казалось, на мгновение заколебался, но затем сжал руку Робена и торжественно произнес:

— Пусть мой благодетель в одну минуту испустит дух, пусть похитит смерть мою любимую Алему, жемчужину арамишо, пусть Йолок (черт) меня возьмет, если когда-нибудь из моего рта вырвется тайна вашей жизни, вашего уединения. Я поклялся! Дух моих богов — свидетель!

— Ну хорошо, я воздаю должное твоим словам, верю тебе. Мои дорогие дети, нам здесь больше нечего делать. Теперь — в путь, к «Доброй Матушке»!

Ягуар лениво потянулся, возглавил походную колонну, и гвианские робинзоны, забрав оружие, индейской цепочкой углубились в девственный лес в сопровождении молодого новобранца.

Прервем ненадолго наш рассказ, чтобы освежить в памяти читателей предшествующие события. Вы помните, каким образом политический ссыльный Робен, парижанин Никола и негр Казимир десять лет назад оградили открытый участок местности возле Бухты кокосовых пальм. Зажатый с обеих сторон болотистой топью с одной узенькой тропинкой, он представлял собой единственный проход от реки к обиталищу «Добрая Матушка». Трое мужчин обсадили его различными растениями, которые за это время бурно разрослись. Кактусы, молочай*, агавы**, алоэ*** превратились в настоящий бастион**** шириной в сотню метров и длиной более двухсот. Огонь и металл были бессильны перед этим могучим сплетением ветвей, стволов и стеблей с огромными, плотными, тяжелыми листьями, с множеством

* Молочай — род многолетних трав и кустарников (ок. 2000 видов), млечный сок многих видов ядовит.

** Агавы — семейство многолетних растений с мощными, толстыми у основания, собранными у самой земли в пучок и колючими листьями.

*** Алоэ — род многолетних трав семейства асфоделевых (ок. 350 видов), усаженных по краям мясистых листьев множеством колючек. К роду алоэ относится распространенный в домашнем цветоводстве столетник.

**** Бастион — крепостное укрепление. В тексте слово употребляется в переносном смысле по отношению к непроходимым зарослям колючих растений.

острых, безжалостных колючек, под которыми нашло себе приют несметное скопище самых разнообразных змей.

Из усадьбы, расположенной на склоне и укрытой деревьями, можно было видеть водопад благодаря узкому просвету, проделанному в зеленой стене и совершенно незаметному для постороннего глаза. Поскольку проникнуть на территорию робинзонов можно было лишь со стороны бухты, они позаботились о безопасности уязвимо-го места и вели за ним тщательное наблюдение.

Нельзя было вышеописанным способом защититиь и пространство между водопадом и Бухтой кокосовых пальм. Крупные растения не прижились на вязкой, заболоченной почве. В первые годы русло реки перегораживали набросанными деревьями. Они сгнивали более или менее быстро, тогда их заменяли новыми.

Незадолго до той поры, когда разворачивается вторая часть нашей драмы, каторжник и его сыновья стали валить деревья новым способом, избавлявшим от лишнего труда: разводили костры у их оснований, которые постепенно перегорали вместе с пылавшими угольями. Довольно часто стволы, сцепленные вершинами, крепко скованные лианами, не падали на землю даже при полном разрушении основания, а стояли обугленные, сохранявшие равновесие благодаря соседним деревьям. Поскольку эта часть территории со всех сторон была надежно защищена от ветра, то они долго держались в таком положении, постепенно высыхая.

Достаточно было в случае необходимости перерезать поддерживавшие их лианы, словно снасти, крепящие мачты на судне, чтобы обрушить их на землю, увлекая соседние деревья. Что и произошло в одно прекрасное утро, когда Анри, проснувшись первым, зоркими глазами лесного жителя углядел стоянку беглых каторжников с большим треножником на скалах, перекрывавших реку.

Состоялся совет, и молодого человека послали на разведку.

Обладая изумительной ловкостью, так потрясшей воображение Жака, изощренный во всех тонкостях лесной жизни туземцев, он проскользнул через лианы и заросли, приблизился к лагерю настолько, что мог наблюдать ужасное обращение с пленным и даже умудрился уловить обрывки разговора.

После его возвращения было решено немедленно перегородить дорогу бандитам, а индейца освободить любой ценой. Все обитатели маленькой колонии, за исключени-

ем, разумеется, мадам Робен, спешно прибыли к реке. Время подгоняло, бандиты могли ускользнуть. Перерубить несколькими ударами мачете лианы, удерживавшие первое мертвое дерево, было несложно. Затем, когда миновала вспышка удивления, вызванная этим падением, и каторжники все же решили продолжать путь, семеро мужчин повторили операцию и обрушили в реку целую шеренгу лесных гигантов.

Однако ничто не действовало на слепое упрямство авантюристов. И Казимир предложил выслать им навстречу свой «экспедиционный корпус», о котором нам уже известно. Напомню читателю, что река делала очень резкий поворот в районе Кокосовой бухты, так что укрепление из зеленой массы расположилось перпендикулярно к ней.

Всю ночь изготавливали плоты из листьев муку-муку, которые поставили впритык с логовищем змей. Старый негр щедро использовал при этом особую траву, притягивавшую рептилий, словно валерьянка — кошек. Когда все было готово, сооружение пустили по течению, и заклинитель в сопровождении своего любимого ученика Шарля привлек змеиное воинство музыкой, причем вплавь пустились даже такие огромные змеи, которых не могли выдерживать листья муку-муку.

Грозная флотилия начала свое шествие подобно шотландским полкам, впереди которых выступает музыкант с волынкой*. Мы уже наблюдали панику среди авантюристов, произведенную этим «военным резервом»...

А теперь продолжим наше повествование.

Отряд продвигался быстро, хотя в лесу не было даже намека на след проторенной тропинки. Это значит, все владели редкой способностью (обрести ее весьма трудно) к преодолению мрачных дебрей экваториального леса. Передвижение в тропической флоре скорее похоже на гимнастику. Путник должен обладать железным организмом. Сама по себе ходьба в девственных зарослях — дело последнее. Мало быть первоклассным ходяком, надо уметь перепрыгнуть через широкий ручей, вскарабкаться на поваленный ствол, обойти заросли опасных колючек, продырявить плотный занавес из лиан, проползти под низко расположенными ветвями, перескочить через огромные

* Волынка — духовой музыкальный инструмент с воздушным резервуаром; в Шотландии — основной национальный музыкальный инструмент.

корневища, избежать коварной трясины, а когда ваш путь уныло упрется в зеленую ловушку, в непреодолимый тупик из сплошных переплетений, то вам предстоит упорная и монотонная работа мачете — на часы, а то и на целые дни, доводящая до изнурения, до болезненной ломоты в руках и во всем теле.

К этой непомерной телесной усталости, удесятеренной температурой плавильной печи, добавится ужасная тревога. Правильно ли выдержано направление? Не пропадут ли впустую огромные усилия? Каков будет итог адского труда? Стоит растеряться, упасть, сделать незаметный для себя поворот — и несчастный, не имея возможности наблюдать солнце сквозь густой зеленый купол, побредет вслепую, возвращаясь по собственным следам, бесконечно закружит на одном месте и, наконец, поймет, что заблудился окончательно и бесповоротно. Если не случится чуда, счастливой встречи с охотником-индейцем или золотодобытчиком, то это — верная смерть! Смерть более или менее быстрая, с мрачным эскортом хищников, насекомых и пресмыкающихся, с отдаленным и близким рычанием, жужжанием, шипением, которые сливаются в похоронный звон под огромным куполом и достигают ушей погибающего человека в его последний час. Хорошо, если он набредет на маленькую речушку и силы позволят ему спуститься по ней до главного притока, до большой реки. Это огромная удача! Но только, если хватит продуктов, если не замучает лихорадка, если не разверзнется под ногами гиблая незримая трясина... Вот тогда, быть может, у него появится шанс вырваться из своей трагической обреченности. Без продуктов он рискует гораздо раньше погибнуть от голода, который безраздельно царит на этих лесных просторах, поражающих своим внешним великолепием, но абсолютных бесплодных для человека.

Без опасений могут перемещаться в этих гнетущих дебрях только индейцы да чрезвычайно редко белые, долго и трудно изучавшие тайны девственного леса. При отсутствии видимых примет, опознавательных знаков, руководствуясь лишь каким-то инстинктом угадывания, они пойдут прямо к цели, без малейших отклонений, подобно бретонским рыбакам или малайским лоцманам*

* «...подобно бретонским рыбакам или малайским лоцманам...» — бретонцы, жители Бретани, приморской области на севере Франции, истари занимаются морским рыболовным промыслом;

с их «двойным зрением», присущим морякам и разведчикам.

К подобным белым относились и робинзоны. Они вели за собой индейца с такой точностью и быстротой, которых он не мог предполагать у представителей другой расы.

Невольное восхищение вызывали люди, казавшиеся вначале несведущими.

— О, эти белые!.. О!..— повторял он.

Иные чувства овладели им, когда он вступил на просторную светлую поляну, где возвышался дом его новых друзей. Ему доводилось бывать в больших индейских деревнях с многочисленными хижинами, вместительными, хорошо оборудованными, где имелось все необходимое для скромной жизни детей природы. Некоторые жилища выглядели даже относительно роскошно, и казалось, они не уступают домам белых в Сен-Лоране или Мане.

Но европейцы обладали неведомыми для индейцев средствами и возможностями. У них трудились опытные, умелые рабочие, было привлечено много специалистов, в их распоряжении находились различные инструменты, а корабли доставляли из Франции предметы, которые не изготавливала креольская промышленность. Тогда как наши герои, искусные робинзоны, чьи руки создавали этот уют и богатство, вынуждены были производить самое необходимое из простых материалов природы, обработанных и приспособленных для определенной цели.

Что касается плантаций, то Жак, специалист по тропическому сельскому хозяйству, от удивления перешел к восторгу. В самом деле, его соплеменники, ленивые и сонные, принимались за работу только подгоняемые голодом. Большую часть времени они проводят в гамаке, ожидая, когда женщины приготовят пищу, или же переваривая ее. Принять участие в подготовке трапезы мешает им лень. Кое-как они управляют с раскорчевкой участков и севом. Когда валят деревья, остаются пни метровой высоты. Сожгут ветки, побросают в землю зерна, воткнут корешки — и больше не хотят шевельнуть пальцем. Земля щетинится пнями, подобно каменным столбикам на британских полях, стволы валяются повсюду среди пищевых культур, которые растут тем не менее как на дрожжах, настолько щедро и плодородна эта благословенная страна.

Плантации колонистов явили изумленному Жаку зре-

малайские лодчаны обладают большим опытом вождения судов по узким и опасным проливам Малайского архипелага.

лище, о котором он не смел мечтать. Прежде всего сам жилой дом и многочисленные пристройки к нему находились на идеально расчищенном участке, где не было ни единой лишней травинки. Не только гигантский паук, но и скорпион или большой муравей не смогли бы незаметно пересечь эту поверхность, гладкую, словно паркет. Первое и неоценимое преимущество, значение которого он немедленно уловил. Затем его взору предстали отягощенные плодами чудесные деревья на широких плантациях; они тянулись стройными рядами, образуя просторные аллеи, тщательно ухоженные, открывающие легкий доступ к самым удаленным уголкам великолепного фруктового сада. Ни одного чурбака или обгоревшего пня во всем богатом хозяйстве колонистов!

— О!.. Ну, эти белые... О!..— повторял Жак без конца, пораженный увиденным, сравнивая его мысленно с индейскими поселениями.

Бедняга вспомнил, как, добывая связку бананов, можно запросто сломать себе шею, а извлекая батат* из земли, все руки поранишь об острые края и колючки сорняков, мощным слоем прикрывших культурные растения. А здесь воздух и свет гуляют повсюду... Деревья заботливо ухожены, им не тесно в своих аллеях, и они пышно разрослись. Достаточно протянуть руку, чтобы сорвать роскошные плоды, такие приятные на вид, такие аппетитные на вкус.

Гвианские робинзоны, привыкшие к чудесам своего Эдема**, наслаждались изумлением гостя, и эта невинная радость соединялась с гордым чувством законного хозяйского удовлетворения. Но, поскольку восхищение не мешало природе заявлять о своих естественных желаниях, поскольку ели они в последний раз давно, то Никола объявил во всеуслышание, что он «чертовски проголодался», и все его дружно поддержали. Дружья гуськом прошли на большую веранду, окаймлявшую северный фасад дома, и индеец, чей восторг все более возрастал, ступил на нее следом за своим освободителем Анри.

В то же мгновение в большом темном проеме главного входа появилась женщина. Лицо ее озаряла радостная улыбка, она протягивала к вошедшим руки, и во взгляде ее читалась огромная, бесконечная нежность.

* Батат — так называемый сладкий картофель, растение семейства выюнковых, родом из Центральной Америки; возделывается из-за богатых крахмалом клубней, которые заменяют жителям тропиков картофель.

** Эдем — райский сад.

— Мама! — воскликнул юноша. — Я привел к тебе нового робинзона!

— Милости прошу, — мягко сказала женщина гостю, который, стора от смущения, стыдась своей дикой полунаготы, опустил глаза и, кажется, готов был провалиться сквозь землю.

— Да ну же, мой приятель Жак, — бросил Эжен, семнадцатилетний проказник, — не будь ребенком! Идем со мной. Я дам тебе что-нибудь из моей одежды. Она тебе точно подойдет, как на руку перчатка. Ты не знаешь, что такое перчатки, не правда ли? Не беда! Я и сам почти забыл о них. Уже десять лет не ношу. Но это пустяки! Ты будешь выглядеть отлично! Анри обещал тебя одеть, но в его куртку влезут двое таких, как ты. Не обижайся, месье! Мой брат такой здоровяк! Настоящий верзила. А я худенький, как ты.

Эжен возводил на себя напраслину: трудно было представить более красивую и гармоничную юношескую фигуру. Сила и изящество движений сливались в ней воедино. Он исчез ненадолго вместе с Жаком, а Эдмон рассказал матери о событиях дня во всех подробностях.

Эдмон блаженствовал, потому что обожал Анри и с наслаждением описывал его подвиги, однако не умалял при этом заслуг других братьев. Радость переполняла его сердце. Счастливая мадам Робен внимала сыну, восхищенная почти невероятными приключениями, изложенными с юмором и яркими подробностями, отчего интерес ее к происшествию возрастал.

Вернулся Жак. Облаченный под стать остальным робинзонам, он действительно выглядел очень привлекательно в новом наряде. Наступил час обеда, все отправились к столу, оживленно беседуя. Обильная трапеза происходила в большом зале, открытом с обеих сторон и обдуваемом порывами легкого ветерка. Веселая компания шумно воздавала должное мастерству кулинару. Индеец не переставал удивляться. Все поражало его в этом странном доме. Не только сами хозяева, но и меблировка, обслуживание, кухня... И этот ягуар, свободно бродивший между ног, хватая на лету кости, которые деликатно разгрызал с ужимками вороватой кошки... Доставались ему и щедрая ласка, но и легкие щелчки, когда он вознамерился оттолкнуть большого муравья*, тоже ласкового, но

* Муравьед — млекопитающее отряда неполнозубых, все три вида этого животного обитают в Америке. У муравьеда длинная узкая

неловкого в своих проявлениях чувств. А тут еще эти обезьяны со своими гримасами, чьи ловкие черные лапки доставали до середины стола, с проворством фокусника ухватывая какой-то фрукт или ягоду; и поросята с рыжей щетинистой шерстью, чьи пяточки так комично морщились в ожидании поживы; и целые стаи птиц-трубачей*, гокко, куропаток, попугаев ара...

Пернатые и четвероногие уживались в полном согласии. Уморительно было наблюдать, как муравьед, добряк Мишо, изо всех сил старается запустить свой круглый «стреляющий» язык в глубину тарелки, где наталкивается на ловкое и бесцеремонное рыльце какого-нибудь поросенка, выталкивающего оттуда остатки еды. Смелые трубачи вытягивали свои длинные клювы на-еще более длинных шеях поверх этого месива лап и жадных морд, перехватывая какой-нибудь кусок у своих подружек гокко, в силу непреодоленной боязливости бродивших чуть поодаль...

Хотя туземцы часто по-дружески общаются с лесными животными, которых одомашнивают благодаря своему бесконечному терпению, Жак никогда не видел ничего похожего на эту поразительную картину.

Что касается яств, то они в общем были ему знакомы, только удивляли приправы и способ приготовления. Сервировка европейская, на блюдах и в тарелках изящной формы, хотя сделанных из грубой глины. Приборы состояли из вилок, ложек, ножей. Туземец умел обращаться с ними и с огромным аппетитом поглощал изысканную пищу цивилизованной кухни.

Индеец, однако, впал в задумчивость при виде жареного куска мяса — необычайно нежного, свежего, сочного, как бы тающего во рту. Оно было тончайшего вкуса, но показалось ему слишком непривычным.

Никола, его сосед по столу, попытался объяснить. Парижанин, совершенно неспособный к изучению языков, благодаря своей настойчивости и дружбе с Казимиром довольно свободно говорил по-креольски. Но вместо того, чтобы четко выразить мысль и строить фразы, как это делают местные жители, он пользовался словесной окрошкой, перемешивая туземную речь с оборотами и словечка-

морда, длинный тонкий язык, при помощи которого он легко слизывает муравьев и термитов.

* Птицы-трубачи — все три вида птиц семейства трубачей, обладающих громким «трубным» голосом, обитают в северной части Южной Америки. Птица легко одомашнивается.

ми из городского жаргона. Смесь парижского с языком тропической Гвианы бывала иногда непередаваемо комичной.

— Да, я знаю, что вас удивляет. У мяса странный вкус, но это же бифштекс.

— Нет,— наивно возразил Жак,— гокко!

— Ну да, мы оба правы. Это бифштекс из гокко, с добавкой масла и перца. У вас есть перец, но используется только в стручках. Мы же, робинзоны, растираем его в ступке, затем деликатно посыпаем жареное мясо, и тогда оно становится бон-бон. Кроме того, мы используем соль...

— О! Соль! — вырвалось у гостя, и глаза его округлились от вожделения.

— Наша соль не очень-то хороша. Мы извлекаем ее из золы пальмы парипу... Сжигаем древесину, промываем пепел, потом выпариваем воду, получается щелочная соль. Но Эдмон вам лучше объяснит весь процесс, он очень хорошо знает химию. А я могу только сказать, что мы пользуемся ею за неимением лучшей. Ну, и дальше... Поскольку бифштекс жарится, необходима хорошая порция свежего масла...

— А это что за зверь?..

— Ну, что-то вроде топленого свиного жира, оно растет здесь прямо на деревьях!

— Я не знал. Свиной жир привозят в белых железных коробках.

— Это просто удивительно, господа индейцы,— с видимым удовольствием выговорил парижанин,— до чего же плохо вы знаете возможности собственной страны!

— Погоди, Никола,— вмешался в разговор Анри,— поубавь свой пыл! Тебе нравится ошеломлять нашего гостя, но ты сам окажешься в затруднении, если тебя заставить сказать на латинском названии и семейство этого «масляного дерева», которое наш друг скорее всего знает так же хорошо, но только под другим именем!

— Ты полагаешься?.. — спросил парижанин, торжествуя.— Ну ладно же! Мой дорогой Анри, ты глубоко заблуждаешься! Я вовремя прикрепил подковки с шипами и не растянусь на льду! Эти давние выражения так кстати приходят на ум! Но сколько лет я не видел, как фиакры шлепаются набок в гололедицу! Короче, растительное масло производится из *бамбука*, из *какао*, из *сои*, а еще — из дерева *bassia*...

— Невероятно! — воскликнули хором робинзоны, потрясенные и очарованные.

— Да. Bassia-Bu... ty... ra... sa. О, Боже, до чего тяжело выговаривать эти слова! Клещами из глотки выдираешь. Это дерево еще называется *галамское масло*. Родина растения — Индия, в здешних краях появилось давно. Вам известно, как и мне, что масло добывают из его молоденьких зерен. А потом — кап-кап в бифштекс гокко, и мясо становится бон-бон, — добавил он, хитро сощурившись.

— Bravo! Bravo! — вскричали четверо братьев и их отец. — Но откуда ты все это узнал? Когда?

— Из книг, мои друзья, из книг. Вы спрашиваете, когда? Понемногу ежедневно, а точнее — еженощно. Я изучил большую энциклопедию, которую вы написали коллективно под руководством самого лучшего учителя — вашего отца. Ну, что здесь удивительного? Я всегда сожалел о своем невежестве, стыдился его. В Париже я посещал какое-то время курсы для взрослых, подбирал объедки знаний по вечерам. А здесь в первое время хватало работы! Вы были еще совсем маленькие. Учить уроки вместе с вами не пришлось, не доставало времени. Засыпал вечером как убитый. Но впоследствии приложил усилия, чтобы наверстать упущенное. Не хотел ничего говорить, но я внимательно читал ваши прекрасные рукописи на бумаге из коры маго*, на этой самоделке... Вы стали моей вечерней школой!

Взволнованный Робен чувствовал, что слезы выступают у него на глазах. Его могучая натура, замешанная на нежности и страдании, отличалась крайней тонкостью и деликатностью. А потом как взрослый мужчина он лучше детей понимал, сколько отчаянных усилий понадобилось тридцатилетнему школьнику, чтобы безо всякой предварительной подготовки, молча, тайком усваивать трудную науку, не имея к ней никакого ключа.

Парижанин тоже принадлежал к доблестной плеяде искусных мастеровых, обуреваемых жаждой знания, которые после тяжелого труда ради хлеба насущного находят еще время и силы учиться и становятся по-настоящему мыслящими людьми. Политический ссыльный глубоко уважал честных тружеников. Как все чувствительные натуры, он их любил, восхищался и отдавал должное героическим усилиям тех, кто, будучи обделен судьбой в детстве, проявлял непреклонную волю, заставляя капитулировать перед собой труднодоступную сокровищницу знаний.

* «...рукописи на бумаге из коры маго...» — В первой части трилогии о гвианских робинзонах Буссенар рассказывает, каким образом оторванные от цивилизации Робены нашли замену бумаге, используя луб одного из местных деревьев.

Вот почему с некоторым налетом торжественности, исполненный сердечного почтения, Робен поднялся со своего места, крепко пожал руку Никола и произнес:

— Спасибо!.. Спасибо от меня, твоего учителя, хотя я даже не знал об этом, но особенно — от всех честных работников, чью силу духа и мужественную самоотверженность ты так достойно представляешь!

Славный парень что-то смущенно забормотал, залившись румянцем от похвалы, значение которой вполне оценил. Молодые люди, гордые своим другом, умножили комплименты отца... Это был взрыв общей искренней радости, которая с лихвой окупала парижанину его труды и ночные бдения.

— Но послушай,— продолжал Анри,— ты сказал, что изучал наши рукописи по ночам... По-моему, ты слегка перебрал. Выходит, тебе вообще случалось обходиться без сна?..

— Подумаешь! Я устраивал передышку днем. И при том ночи такие длинные. Научился экономно использовать свечи; пополнял их запас, обчищая растение, которое называл *свечным деревом*. Вы не можете вообразить испытанную мною радость, когда я узнал его настоящее название; мы так часто срывали с него крупные ягоды, размером с пулю большого калибра. Пятую часть их веса составляет прекрасный желтый воск. Ну вот, это дерево — *сигиер осуба*. Как сейчас вижу название, написанное Эженом, там еще было много помарок.

— Но, значит, эта мысль пришла тебе в голову случайно, внезапно? — поинтересовался Робен.

— О! Уже довольно давно. Я был так наивен, полагая, что все нужные предметы можно найти на растущих здесь деревьях, не зная, что большинство из них завезено издалека. А потом как-то, в канун сезона дождей, я услышал, что вам никогда не встречался учебник ботаники с описанием такого важного разграничения. Местные и завезенные сюда растения — вот что я намотал себе на ус! А когда вы затеяли с детьми эту большую работу, я зажегся идеей, о которой только что говорил.

— Замечательно, мой дорогой Никола! И ты действительно помнишь все эти вычурные названия?..

— Как «Отче наш»...

Находясь у себя дома, робинзоны нередко развлекались состязанием в ботанике, и сыпался настоящий фейерверк вопросов и ответов, которые строго контролировал инженер, непререкаемый арбитр в любых спорах.

— Манговое дерево! — крикнул Шарль. — Кто ответит первый?..

— *Mangifera indica*, судя по названию, из Индии, — подхватил Эжен. — Манго — это хорошая пища, если привыкнуть к его необычному вкусу.

— Гвоздичное дерево! Эта культура когда-то сделала Гвиану процветающей...

— *Caryophyllus aromaticus*, ее привез с Молуккских* островов Индонезии губернатор Иль-де-Франс месье Пуавр в тысяча семьсот восьмидесятом году...

— А ты помнишь, Никола, свою растерянность, когда впервые услышал о мыльном дереве?

— *Sapindus saponaria*, — не колеблясь, отпарировал парижанин. — Дерево родом из Панамы, кора обладает мыльными свойствами, дает обильную пену, также и ягоды, зерна которых используют для ожерелий... Но это что, вы не можете вообразить мое потрясение, когда я услышал название этого приятного горьковатого варенья, которое мы сейчас едим.

— А!.. *Carambolier*!

— Сознаться, что в этом словечке есть шум и запах веселого кабачка, и оно вовсе не отличается барочной вычурностью, как говорит наш учитель... А ведь у этого растения есть еще и латинское имя...

— *Averrhoa carambola*. Тоже родом из Индии.

— А еще коричное дерево, *cinnamomum lauracoea*, уроженец Цейлона.

— Раз уж мы забрались так далеко, вспомним мускат, *muscadier*, с Молуккских островов...

— Еще одно из моих потрясений. Я проходил мимо красивого растения, даже не подозревая о его названии. Да и мог ли я предположить, что этот маленький орешек, который во Франции кладут в бокалы с вином, сперва облекается в плотную сухую оболочку, потом ветвится, словно коралл, а потом все это замыкается внутри плода, похожего на большой абрикос! А вот, дорогие друзья, моя совершенно непростительная ошибка: *хлебные деревья*! Припоминаете мое горькое разочарование новоиспеченного робинзона, когда я познакомился с бразильским деревом *jacquier* и узнал, что *хлебное дерево* *igname* (*artocarpus incisa*) происходит из Океании, как и его собрат *artocarpus seminfer*. Какая же это поразительная вещь — учение!

* Молуккские острова — восточная часть Малайского архипелага.

Нет ничего прекрасней науки! Что касается *бананового дерева*, *bananier*, то мне безразлично, из Индии оно родом или нет. Это чудесные плоды, но я их терпеть не могу. Кстати, вспоминаю смешной эпизод. Где-то вычитал, что креолы лениво раскачивались в своих гамаках, подвешенных к *веткам банана*!

— Да быть такого не может! Ты смеешься!

— Вовсе нет, это написано в какой-то книжке самого Шатобриана!* Интересно знать, где он видел бананы с ветками!

Ученые рассуждения продолжались еще долго. Индеец, который невольно дал толчок словесному каскаду этого краткого курса тропической ботаники, слушал молча, многого не понимая, однако не терял интереса к беседе. Казимир радовался от души, посмеиваясь добрым негритянским смехом, потому что бесконечно любил «своих мальчиков» и с наслаждением взирал на оживленных счастливых детей. Они вошли в азарт и не прекращали «викторину», пока не исчерпали запаса познаний и пока не устали прибегать к эрудиции отца. Отвлечемся от их разговора и скажем несколько слов о перечном дереве, *poivrier*, родом из Индии, о драцене**, *dragonnier*, из которой вырабатывают отличную красную смолу, камедь, известную еще под названием «Кровь Дракона»; упомянем еще *тамариндовое дерево****, африканскую *ауафу*, океаническую *кокосовую пальму*, яблони *rommier-rosa* и *rommier-cythere* и особенно кофейное дерево, *caféier*, чтобы затем перейти к краткому перечню плодовых деревьев сугубо гвианского происхождения.

Мы увидим, что благодатная земля с ее избыточной щедростью, такая гостеприимная ко всем растениям теплых краев, достаточно скупа на собственное производство; рожденные на этой почве фруктовые деревья со съедобными плодами можно перечесть по пальцам. Не только фрукты, но даже овощи: капусту, салат, сельдерей, морковь, репу, огурцы, дыни, картофель и проч. надо

* Шатобриан (Shateaubriand) Франсуа Рене (1768—1848) — французский писатель, автор многих исторических сочинений, романов, повестей о христианских подвижниках.

** Драцена — род древовидных растений семейства агавовых; к этому роду относится и драконовое дерево, из смолы которого изготавливают красный лак и которое живет до 5 тысяч лет.

*** Тамариндовое дерево — тамаринд, или индийский финик, дерево семейства бобовых высотой до 40 м; плод — боб длиной до 15 см, обладающий сочной кисло-сладкой мякотью.

было сюда ввозить, так же как и маис*, сорго**, просо, уж не говоря о несравненном сахарном тростнике.

В виде скромной компенсации — небольшое количество фруктов, которые (за исключением ананаса) столь же малопривлекательны на вкус, сколь и бедны питательными веществами, но которыми приходится довольствоваться лишь потому, что пересохший рот забыл о нежном вкусе европейских плодов. Яблоки *romme-cannelle*, *barbadine*, *caïmitte* — не более чем скопление зернышек, склеенных растительной слизью и заключенных в губчатой мякоти; *sapotille* — перезрелая и безвкусная груша; *goyave*, с ее мелкими дольками, как правило, очень червивая; что касается *corossol*, *maritambou*, *corison*, то это уже вполне изысканные фрукты, хотя их приходится разгрызать с большим усилием.

Но колонисты и ученые-естественники многое прощают Гвиане благодаря сказочному гостеприимству, которое она оказывает самым различным растениям, и еще потому, что она породила не только ямс, маниоку и батат, но и какао***.

Впоследствии мы убедимся, что робинзонам удалось приготовить отличный шоколад, для чего они с самого начала проредили найденную в саду плантацию какао, которая, давно заброшенная и предоставленная себе самой, превратилась в настоящий девственный лес. Употребление шоколада не нанесло, впрочем, никакого ущерба популярности кофе. А в «Доброй Матушке» он был исключительный и мог соперничать с самым *mentagne-d'argent*, «гвоздем» гвианского рынка, не уступающим по длине мокко и *Rio-Nunez*****.

Закончив трапезу, Никола дружески протянул Жаку сигарету, а сам закурил самодельную «трубочку» из маго.

— Эй! Да что это с тобой стряслось? — спросил парижанин, увидев, как вздрогнул, а затем вскочил со своего места индеец при виде вошедшей мадам Робен.

— О! — растерянно воскликнул тот, указывая дрожа-

* Маис — другое название кукурузы. В Южной Америке возделывается с древнейших времен.

** Сорго — травы семейства злаков (ок. 50 видов), используются как кормовые растения и как зерновые культуры.

*** Креолы и колонисты могут не согласиться, но, каюсь, я мало ценю колониальные фрукты (за исключением ананаса). Им не сравниться с вишнями, яблоками, клубникой, не говоря уже о грушах, персиках и винограде шашла. (*Примеч. авт.*)

**** Мокко, рио-нуньес — наиболее ценные сорта кофе.

щей рукой на кофейник, принесенный женщиной.— Золото!

— Конечно. Кофейник из первоклассного, массивного золота. Безо всяких примесей. Это не штамповка... Стоит три тысячи франков за килограмм, не меньше. В нем получается очень вкусный кофе!

Жак пребывал в неопишемом волнении. Его зубы выстукивали дробь, по лбу струился пот, грудь неровно вздымалась.

— Вы... знаете... секрет золота! — с трудом выговорил он.

— Ну, это секрет Полишинеля... * Попросту мы нашли во время прогулок несколько кусков кварца ** с вкраплениями золота... Измельчили их сперва, а потом расплавили в нашей печи. Я приготовил форму, а месье Робен отлил кофейник, который мадам с удовольствием приняла в свое хозяйство. У нас есть и другие предметы, изготовленные таким же способом... Некоторые орудия производства... Драгоценного металла здесь предостаточно, никого это не волнует. Он для нас не более важен, чем яблоки — для рыбы... Ах! Если бы это было железо или сталь! Видишь ли, дружище, сто граммов стали нам изготовить труднее, чем сотню килограммов отборного золота!

— О! Мои дорогие друзья! Мои спасители! Умоляю вас: берегитесь! Тайна золота грозит смертью тем, кто в нее посвящен!

ГЛАВА 4

Ненависть.— Золотые горы.— «Пизй».— «Бессмысленные мушки».— Похоронный ритуал.— Аборигены и медицина.— Возведение в сан.— Блаженная трава.— Последние арамишо.— Золотая пуля.

— Я знаю этого типа,— пробормотал Бенуа, старательно прячась в густой зелени горного склона, на котором он рассчитывал обнаружить заветное Эльдорадо.

* Секрет Полишинеля — «тайна», известная всем. Полишинель (ит. Пульчинелла) — персонаж французского кукольного театра и итальянской народной комедии, простофиля и недотепа.

** Кварц — двуокись кремния, один из самых распространенных минералов, входит в состав многих горных пород. Разновидности кристаллического кварца (аметист, горный хрусталь, агат) используют в ювелирном деле, в кварцевых жилах нередко вкрапления золота.

Он узнал Робена, и забытая ненависть вспыхнула в злобной душе с новой силой. При виде каторжника, который свободно разгуливал по плантации, словно какой-нибудь землевладелец из Боюса*, обозревающий свое пшеничное поле, бывший надзиратель готов был лопнуть от ярости. Его неутоленное злопамятство и ненасытная алчность обмануты дважды! Он так давно лелеял в своем сознании милую картину, как его давнюю жертву заживо погребла бездонная трясина или до косточек объели муравьи после малярийной агонии или голодного беспамятства! Потрясение было тем сильнее, что он увидел Робена живым и невредимым, почти не постаревшим, а, наоборот, посвежевшим, довольным своим урожаем. В довершение пренеприятнейшего сюрприза Робен хозяйничал на территории, где авантюрист рассчитывал обнаружить залежи драгоценного металла, перед которыми померкли бы австралийские и калифорнийские месторождения!

Какое разочарование! Уповать на золотые россыпи, а натолкнуться на фруктовые плоды! Искать самородки, а найти батат! Десять лет тешиться мыслью, что от ненавистного человека остался один скелет, и вдруг увидеть его воскресшим, да к тому же — счастливым владельцем этих райских угодий!

Может, это просто мираж, какой-то кошмар, дьявольское наваждение? Где там! Перед ним живой Робен, убежавший из исправительной колонии, один из тех «политических», чье независимое и гордое поведение причиняло столько неприятностей низшему лагерному начальству, один из тех каторжников-мучеников, что носили на гордом челе печать своего страдания и, невзирая на презрительное отношение лагерной охраны, внушали огромное уважение уголовным элементам каторги...

Проклятье! И только подумать, что он, Бенуа, не представляет больше закон и не в состоянии на него опереться! Не может быть инструментом силы. Увы, не дано ему прибегнуть к заветной фразе: «Именем закона, вы арестованы!..» Слишком фальшиво звучало бы сейчас.

И впервые за долгое время бывший надзиратель пожалел о своей отставке. Как не хватало ему в этот момент голубой куртки и серебряных галунов, какой бы властью они его наделили! Он почти забыл о «великой» цели, которую преследовал, ее оттеснило острое желание

* Боюс (Beauce) — исторический район Франции, входивший в Орлеанскую провинцию.

мести, мозг был охвачен волной злобных и подлых мыслей.

Сомнений не оставалось. Это именно тот изгнанник, чей удачный побег так основательно опорочил Бенуа в глазах высшего тюремного начальства. Тот же самый дерзкий и вызывающий взгляд, те же уверенные черты лица, которые не исказят ни оскорбления, ни перенесенные страдания. Ну, и еще одно обстоятельство, с каким приходится считаться — мощные бицепсы атлета, который способен одним ударом расцезь глотку взбешенному тигру.

Черт возьми! Бенуа скрипнул зубами, припомнив блаженные денечки, когда в его распоряжении были верная дубинка и крепкие наручники. Дремавший в нем палач вмиг проснулся.

В конце концов он находится в глубине девственного леса, хорошо вооруженный, перед ним его враг — он может называть его только врагом! — при котором не было даже короткого мачете лесного обходчика! Ну что ж, тем лучше! Удача сама плыла ему в руки. Месть представлялась слишком доступной, чтобы ее упустить, чтобы тут же не насладиться ею. Проглотить пулей «котлеты», как именовал он бедра, и делу конец!

— Я прикончу тебя, каналья! Что ты здесь делаешь? Разве тебя я тут искал?..

И бандит, не колеблясь перед убийством, стал целиться в незащитного Робена, не подозревавшего об опасности. Бенуа медленно поднял ружье и взял на мушку грудь своей жертвы, нижнюю вершину опрокинутого треугольника, образованного раскрытым воротом рубашки.

Его палец уже осторожно нажимал на спусковой крючок, когда легкий шум помешал операции, от которой зависела жизнь инженера. Робен был не один! Высокий молодой человек с индейским луком и связкой стрел неожиданно появился в характерной для лесных жителей наклонной позе: при кажущейся утяжеленности такой ходьбы ничто не может сравниться с нею по неутомимой воздушной легкости!

— Чуть-чуть не вляпался в хорошенькую историю, — пробурчал себе под нос надзиратель. — Если б даже я уложил этого зека, другой меня тут же пришил бы на месте, не успел бы и второго выстрела сделать. Ну их к черту, этих скотов с их шпиговальными иглами, отороченными камышом! Ну, Бенуа, мой мальчик, труби отступление. На сегодня хватит и разведки, она вполне удалась. Не стоит

рисковать своей шкурой из-за мести. И как удалось этому оборвышу Робену нанять такого верзилу?..— размышлял он, пятясь задом с бесшумной гибкостью змеи.— Надо будет дознаться, а еще — уточнить их местонахождение, посчитать всех охранников, оценить силы. Ну, а там посмотрим!

Хоть и привычен был авантюрист к прогулкам в девственных лесах, но не сумел точно выдержать направление, которое привело его к владениям робинзонов. Через несколько минут он понял, что заблудился, когда уперся в подножие крутой скалы, одиноко торчавшей среди светлой поляны.

— Фу-ты,— удивился он,— скалы такого размера — редкое явление в здешних местах... А с ее макушки, наверное, вид еще более необычный. Если взобраться наверх, кто знает, что я там увижу... Ну, вперед! Мобилизуем нервы и выдержку!

Подъем оказался трудным на редкость. Но Бенуа не из тех, кто отступает. Хоть от солнца горело лицо и дымилась кожа, хоть до крови были растерты и ободраны о камни колени и руки, он добрался до вершины через полчаса нечеловеческих усилий.

Обливаясь потом, теряя дыхание, побагровевший и совершенно разбитый, бандит рухнул прямо на раскаленный кварц. Взгляд его устремился в широкий просвет, открывшийся перед ним. И вдруг с Бенуа что-то стряслось, он вскочил словно ужаленный.

— Нет, невозможно! — воскликнул он.— Глазам своим не верю! Да я же не спятил... Это не мираж... Не ошибка... Вот одна гора... Другая... Третья... Четвертая... Пятая... Шестая... А где же седьмая? Прячется за остальными наверняка! Индеец говорил доктору и начальнику тюрьмы: «Затем появятся семь гор... Это золотые горы». Клянусь именем покровителя всех негодяев земли, я их вижу, вон там, в каких-нибудь двух лье* отсюда, такие четкие темно-синие контуры на фоне серого неба... Два лье, восемь километров лесом, это проблема одного дня! Двенадцать часов на прорыв заграждения из лиан, затем... богатство!

Бывший надзиратель даже побледнел от волнения. Он весь напрягся, чувствуя, что самообладание готово его покинуть.

* Лье — французская миля, равная 4 км; в XX веке эта мера длины вышла из употребления.

— Спокойно, Бенуа, спокойно... Для начала сориентируемся... Мой компас... хорошо... Направление: запад, двадцать два градуса северо-запад... Все в порядке! Тысяча чертей! Не могу больше сдерживаться! Хочу петь, горланить, рычать, ходить ходуном! Еще немного, и я заплачу! Черт меня побери, вот это открытие! Можно быть довольным! И все это мое... Все сокровища гор! Я богат! *Тайна золота* теперь у меня! Ну, хорошо... Хватит верещать, словно красная обезьяна при луне. Надо спуститься, найти остальных, привести их к месту назначения и поделиться открытием... Это не слишком приятно, да ладно уж... Там хватит на всех. Какая разница! Случайность многое определяет. Если бы я не встретил этого типа, то не пришел бы сюда, не забрался на скалу, не нашел бы гнездышко с золотыми яичками. В конце концов, Робен подождет. Сперва займемся более неотложными делами. А попозже я с ним расквитаюсь!

Авантюрист в последний раз с пламенным вождением взглянул на горизонт, где четко выступали профили холмов, затем стал медленно, как бы нехотя, спускаться вниз.

— Ого, да здесь тоже золото! — пробормотал он, внимательно изучая в нескольких местах выступы белого кварца, испещренного голубыми прожилками.— Какая досада, что нет со мной кирки или молотка!

Тупым концом мачете ему удалось отбить кусочек породы. Многочисленные золотые песчинки, видные невооруженным глазом, искрились на солнце, подтверждая богатство минерала.

— Никаких сомнений, краснокожий сказал правду! Мы не потеряли времени даром! Неудивительно, что жители этой страны с таким ожесточением защищали свою территорию! Теперь понятно, почему у них стрелы с золотыми наконечниками. Золота здесь больше, чем железа! Конечно, драки не избежать, но несколько бутылок тафии воодушевят мою маленькую туземную армию... Авось все обойдется!

Бенуа побродил по лесу с правой и с левой стороны, описал несколько широких кругов, с трудом отыскал свой первый след и благополучно присоединился к сообщникам, уже обеспокоенным его отсутствием, длившимся более четырех часов.

— Наконец-то! Ну что, какие новости? — в один голос вскричали они.

— Победа, дети мои! Победа! Кубышка наша! Подробности потом. Пока сообщу, что я обнаружил семь гор, описанных индейцем, и что за пятнадцать часов, не больше, мы с вами туда доберемся.

— Не может быть! А ты не ошибся?

— Не разыгрывайте дурачков! А это видели? — И он показал им кусочек кварца.

— Золото! — дружно выдохнули четверо бандитов. — Золото!

Крики радости вдруг слились с громким и монотонным завыванием.

— Это еще что такое? — забеспокоился шеф.

— А! Не говори, — заметил Бонне. — Прямо невезение. Краснокожие совсем взбеленились.

— Да отчего же?..

— Сам увидишь. Несчастье случилось с их *пиэй*.

— Только этого не доставало! И серьезное?

— Настолько серьезное, что он умер.

Бывший охранник разразился отборнейшей руганью.

— Если он сдох, мы все пропали!

— Не преувеличивай.

— Сразу видно, ты их не знаешь. Тебе неизвестно, что для индейцев смерть никогда не бывает естественной, даже если причина вполне понятна. Они не в состоянии допустить, чтобы один из них отправился к праотцам без чьей-то злой воли. Всегда есть виновник: соседи, враждебное племя или какой-нибудь чужеземец, нашедший у них приют и наведший порчу на погибшего...

— Ну и попали мы в переплет, если все это так!

Завывания продолжались с удвоенной силой, достигнув необычайной интенсивности. Воины Акомбаки бежали в растерянности, кромсали себе лицо и грудь ножами, кровь струилась по их телам, брызгала красным дождем.

— Они вцепятся в нас. На всякий случай надо занять оборону.

— Но расскажи, как все случилось, чтобы я мог найти выход из положения...

— Да вот вся история... — начал Бонне. — Дело было два часа назад. *Пиэй*, как ты знаешь, попрошайка первый сорт, он явился кланчить табак и тафию. Поскольку мы нуждаемся в этих скотах, я не хотел ему отказывать.

— Ты правильно поступил... Продолжай!

— Он потащил бутылку и пакет с табаком, позвал вожда, и оба принялись лакать, как извозчики, не обращая никакого внимания на других.

— Ближе к делу, мучитель! Ты из меня жилы выматываешь.

— Дальше... Ты обрываешь нить моих рассуждений, а я и так двух слов связать не могу... О чем речь? Ну, да.

Они пьянствовали вместе. *Пиэй* передал бутылку вождю и ожидал с раскрытым ртом, пока тот хлебнет, чтобы потом в свою очередь приложиться к горлышку, как вдруг он перекрутился дважды на месте, глаза у него вылезли из орбит, руки забились в воздухе, словно крылья курицы, похрипел несколько секунд и повалился на бок.

— И это... все?

— Все. Он умер, точно умер. Тогда вождь, не пытаясь влить хоть каплю в горло упавшему, перевел дыхание и принялся выть, словно дюжина гигантских жаб. Набежали другие краснокожие, пытались поднять колдуна, трясли его, растирали, но безуспешно. Его голова раздулась, как бурдюк с вином, а губы стали толстыми, словно рукоятка весла. Никогда не видел лица более ужасного.

— Они ничего не сказали вам?

— Ни единого слова. Сразу начали завывать и царапать себя ножами, не обращая на нас внимания.

— Все это очень странно и тревожно. Надо быть начеку и ни на шаг не отходить друг от друга!

Главарь не ошибался. Индейцы действительно не допускали мысли, что смерть возможна без конкретного виновника. Одного из них укусила змея? Это сосед принял форму пресмыкающегося, и теперь, уличенный в убийстве, должен погибнуть вслед за своей жертвой. Другой сломал позвоночник, упав с дерева, утонул в водопаде, умер от оспы или горячечного бреда — все равно необходима искупительная жертва. То ли чужеземец станет ею, или кто-то из враждебного племени, хоть домашнее животное — не важно, лишь бы предполагаемый злоумышленник был наказан.

О возвращении белого вождя доложили Акомбаке, и тот, вооруженный мачете, явился в сопровождении своих горлопанов, продолжавших выть в самые уши авантюристов, занявших оборонительные позиции.

— Спокойно,— невозмутимо повторял Бенуа своим компаньонам,— спокойно! Положение вовсе не отчаянное. Наоборот!

Индейцы экваториальной зоны испытывают ко всем белым глубокое уважение и осмеливаются нападать на них крайне редко. В основе этого почитания — убеждение, что большинство европейцев являются *пиэй*. Поскольку туземцы видят, как те перевязывают раны, обращаются с компасом, со множеством других предметов, им неизвестных, убеждение это весьма устойчиво. Акомбака не собирался нападать на своих союзников. Он хотел только

прибегнуть к их учености и узнать, что стало причиной смерти колдуна.

Инцидент действительно представлял собой ужасную катастрофу. Племя без своего *пиэй* — что тело без души, корабль без компаса, дитя без матери. Самые страшные несчастья могли тотчас обрушиться на головы краснокожих, если виновник смерти жреца не будет немедленно обнаружен.

Отличное знание языка племени галиби помогло Бенуа уразуметь просьбу вождя, и ловкий проходимец быстро смекнул, какую пользу он может извлечь из индейских предрассудков и суеверий.

— У страха глаза велики, дети мои! Все нормально! Дела идут хорошо! Задача в том, чтобы верно использовать ситуацию. Немножко фиглярства нам не повредит...

Он медленно двинулся к вождю, поднял свое ружье и дважды выстрелил в воздух, затем передал его одному из пособников и приказал Бонне:

— А ну-ка, посвисти им свои фанфары, да получше!

Плут немедленно повиновался и несколько минут терзал уши присутствующих дьявольской какофонией.

— Стоп! — подал сигнал Бенуа величественным жестом дирижера, призывающего к молчанию свой оркестр. Затем, скандируя слова, обратился к Акомбаке:

— Вождь, и вы, храбрые воины, слушайте меня! Я — великий *пиэй* у бледнолицых. Я изучил в той стороне, где восходит солнце, все тайны жизни и смерти. Ничто не укроется от меня ни в воздухе, ни в воде, ни в лесу. Мой глаз все видит, мое ухо все слышит! Я открою вам причину смерти вашего высокочтимого *пиэй*, мы накажем виновных в преступлении, и я отведу от вас все несчастья. Так я сказал! Духи моих предков слышали меня!

Криками радости и облегчения встретили индейцы эту лукавую речь, произнесенную с пафосом великолепно командирским голосом.

— А ты, вождь, проводи меня к покойнику. Чтобы мои глаза увидели его черты. Чтобы моя рука коснулась его сердца, а мое дыхание отогнало злых духов. Веди!

Кортеж тронулся в путь, и ловкий шарлатан в сопровождении товарищей вскоре предстал перед трупом колдуна, раздутым, как лоснящийся бурдюк, отталкивающе безобразным.

Бенуа произвел рукой несколько таинственных, мистических движений, поворачиваясь последовательно ко всем четырем сторонам света, торжественно поклонился, схва-

тил мачете и провел лезвием над тлеющими угольями очага, как бы очищая оружие. Он приподнял голову мертвеца, осторожно ввел кончик ножа между стиснутыми челюстями покойника и стал усиленно давить на «хирургический инструмент». Страшно распухший рот с поврежденной слизистой оболочкой приоткрылся. Мачете проник глубже, расширяя щель.

— Какого черта он умудрился проглотить,— бормотал шеф себе под нос в привычном стиле внутреннего монолога.— Алкоголь, конечно, отравляет, но не он же его убил...

Краснокожие расселись вокруг на корточках, перенеся центр тяжести на пальцы ног, и, не говоря ни слова, с любопытством следили за странными манипуляциями.

Бенуа, заинтригованный не меньше, чем его зрители, старался поглубже заглянуть в разверстую глотку.

— Если бы мне только удалось что-нибудь извлечь оттуда...

Он машинально приложил к подложечке усопшего свой огромный кулак и нажал что есть мочи.

О, чудо! Несколько капель водки поднялись по пищеводу вследствие давления и послужили транспортным средством для одной из огромных гвианских ос, более опасных, чем *кинжальные мухи*, и называемых «бессмысленные мушки».

Самозваному колдуну повезло больше, нежели честному человеку. Помимо своей воли он совершил геройский поступок, вознесший его в глазах индейцев на уровень божества. Причина смерти бедняги теперь легко объяснялась. В тот момент, когда с алчущим взором и раскрытым ртом он ожидал, пока его партнер отоймет очередную дозу и вернет бутылку, оса влетела ему прямо в горло. Зажатая инстинктивным глотательным движением, она не смогла выбраться наружу и, вполне естественно, ужалила колдуна. Огромная опухоль тут же перекрыла доступ воздуха, и обреченный человек погиб от удушья.

Такое заключение тут же сделали бы европейцы. Но это слишком просто для сознания индейцев, которые всегда ищут и ждут чуда.

Долгим, несмолкающим воплем торжества встретили они блестящее открытие белого *тиэй*, который положил тельце насекомого на грудь мертвеца и пригласил каждого подойти удостовериться.

— Ну, все в порядке... Все просто отлично,— тихо говорил он своим компаньонам, не теряя при этом своего вдохновенного вида «на публику». — Если бы я знал, то

сказал бы этим идиотам, что *бессмысленную мушку* послали владельцы плантации. Вот хорошенький подарочек для Робена и его шайки. Черт возьми! Краснокожие разнесли бы их в клочья! Хотя... Стоп... А почему бы не сказать этого сейчас?.. Отличная месть, и ни малейшей опасности для меня! Стоит только подать знак... До чего же я глуп! Бенуа, мой мальчик, гнев и ярость пронзают тебе мозги. Есть наилучший вариант действий! О! Это просто замечательно, моя выдумка гениальна! Настоящий удар мастера в поединке!

Он выбрал момент и продолжал громким, звонким голосом:

— Вождь, и вы, смелые воины, слушайте меня! Я вижу того, кто принял форму *бессмысленной мушки*, чтобы убить моего брата, краснокожего *пизэй*. Он живет там, в темной пещере, среди гор. Он прячется, но никому не укрыться от взгляда бледнолицего колдуна. Идите туда! Я поведу вас. Вооружайтесь мачете! Выступаем немедленно! И завтра солнце станет свидетелем вашей мести. Вперед! Я все сказал. Духи моих предков слышали меня!

Поистине ловким человеком был маэстро Бенуа.

Он использовал неоспоримый аргумент, чтобы заставить краснокожих сопровождать его к зачарованному дворцу, где обитала фея золотых россыпей.

Но хотя его толкование и призыв действительно обладали непреодолимой силой, никто из индейцев не двинулся с места.

— В чем дело? — удивился он. — Мои братья меня не поняли?

Акомбака почтительно приблизился и объяснил с мягкостью, в которой слышалась твердая решительность, что его люди никак не могут сию минуту покинуть место преступления, даже для принесения искупительной жертвы. Две главные причины мешали немедленно выполнить этот святой долг. Надо подготовить похороны покойного жреца и провести выборы его преемника. Поскольку обе церемонии взаимосвязаны, они требуют совместного освящения. Белый *пизэй*, которому известно все, не может не знать, что никогда индейцы не ступают на тропу войны без благословения верховного колдуна.

Бенуа с трудом удалось скрыть ярость, которую вызвала у него эта задержка. Он знал, что похороны у туземцев служат поводом для бесконечного пьянства. Приготовление занимают не менее восьми дней, после чего покойника отвозят в его племя и окончательно предают земле. Что

же касается посвящения в жрецы, то оно может длиться годами. Поскольку краснокожие не ведут счет времени, то мошенник уже видел себя обреченным на долгое изматывающее безделье.

Видя огорчение белого вождя, Акомбака успокоил его. Похороны продлятся, согласно обычаю, одну неделю. Что касается наследника покойного, то он уже найден и выдержал все необходимые испытания, за исключением последнего. Право на исполнение своих высоких обязанностей он обретет на восьмой день, затем труп перевезут в место, где прячется убийца, и первым актом нового жреца станет покарание врага в присутствии тела его жертвы.

Авантюрист знал, что индейцы абсолютно незыблемы в своих планах. И он вынужден был согласиться с их требованиями, довольный уже тем, что ожидание продлится только восемь дней, поскольку судьба уже определила будущего колдуна.

Церемония избрания жреца выглядит очень внушительно, учитывая огромные права, связанные с этим сном. Испытательный тест ужасен, и немногие из кандидатов способны выдержать необходимые требования.

Судите сами*.

Обучающегося медицине представляют старейшинам племени. Он обязуется выдержать, не проявляя слабости, все предложенные ему испытания, после чего поступает в полное распоряжение своего наставника, пока не будет сочтен достойным чести, которую тот один имеет право даровать. Испытания варьируются и полностью зависят от воли верховного *пиэй*.

Первые шесть месяцев ученического стажа молодой человек должен питаться исключительно маниоккой. Он поглощает ее следующим образом. Кладут поочередно то на одну, то на другую ногу претендента кусочки *кассава* (лепешки из маниоки), и тот обязан подносить их ко рту, поднимая ногу обеими руками. В этом состоит первое задание.

Через шесть месяцев такого режима, дающего немного пищи уму, но отлично тренирующего ноги, ученику велят

* Должен заметить, что все подробности, сколь ни фантастически они кажутся, абсолютно точны. Я сам был свидетелем такого инициирования у аругов, в Голландской Гвиане. Вся церемония идентична той, о которой рассказывается ниже. (Примеч. авт.)

следующие шесть месяцев питаться одной рыбой, потребляемой точно таким же образом. Его меню, кроме того, обогащается несколькими листьями табака, которые он обязан жевать, *проглатывая сок!* Под воздействием наркотика бедняга впадает в состояние крайнего отупения. Он худеет, взгляд становится безжизненным, раздраженный желудок испытывает острые схватки. Некоторые погибают, но стойко держатся до конца.

Тот, чей организм выдержал фантастический режим, в конце года подвергнется очередному экзамену. Его заставляют нырнуть и оставаться под водой так долго, что это испугало бы самых опытных ловцов жемчуга. Он выныривает на поверхность с вылезающими из орбит глазами, с окровавленными ушами и носом... Не важно! После водной процедуры следует испытание огнем. Претендент обязан пересечь босиком — не ускоряя шаг, не спотыкаясь — довольно широкое пространство, заполненное пылающими углями.

Когда раны на ногах зарубцуются, он повторяет в течение следующих двенадцати месяцев тот же самый режим питания — кассав, рыба, табак, с тем чтобы выполнить в конце года новые задания. Они варьируются и составляют самую большую гордость изобретательных экзаменаторов-палачей.

Например, собирают тысячи фламандских муравьев, чьи укусы необычайно болезненны, вызывают нарывы и лихорадку с бредом. Страдальца зашивают в подвесную койку, оставив открытым отверстие, через которое запускают муравьев, после чего мешок закупоривают и крепко встряхивают, чтобы еще больше разозлить насекомых. Можно вообразить, какую оргию на красной коже закатывают эти ужасные перепончатокрылые!*

Кандидат стойчески невозмутимо переносит адские мучения, и понятно почему. Малейшая его жалоба станет поводом к немедленной отмене всех предыдущих испытаний!

В другом случае сотню *кинжальных мух* или *бессмысленных мушек* засовывают в ячейки *манафе* (сита) таким образом, что головки их выходят наружу, а брюшная часть остается внутри. Трудно представить степень разъяренности этих насекомых-пленников! Экзаменатор берет сито

* Перепончатокрылые — отряд насекомых, обладающих двумя парами перепончатых крыльев (к ним, в частности, относятся осы и пчелы).

и осторожно прикладывает его к спине, животу, груди, бедрам претендента. Жала вонзаются в кожу раскаленными иглами, зубы скрипят, словно на них попало толченное стекло, пот струится градом, глаза туманятся, но человек не издает ни единого стога.

Для разнообразия несчастного могут свести со змеями. Гордый своим подопечным, учитель выставляет его, принуждая блистать искусством терпения; так поступают преподаватели с самыми способными студентами. Претендента на должность колдуна кусают *граж, гремучая змея, ай-ай*. Правда, кожу специально обрабатывают, но от этого не становится легче.

Испытания близятся к завершению. Кандидат уже может быть допущен к незначительным операциям. Таковы практиканты в наших госпиталях, которые под присмотром опытных специалистов впервые вскрывают поверхностный нарыв, вправляют вывихнутый палец или устанавливают аппарат при переломе.

Молодой индейский «ученый» имеет право бить в барабан возле больного, отчаянно вопить день и ночь, чтобы изгнать злого духа. Предписания туземной медицины ограничиваются этим кошачьим концертом в двойной дозе. Вот и весь арсенал лечения заболевшего. О! Бушардат, мой наставник, где вы сейчас?..

Остается последнее испытание, которое окончательно и безоговорочно утверждает «достойного». Это венец трехлетних хождений по мукам.

Испытание, прямо скажем, отвратительное и ужасное.

Большинство индейцев в бассейне реки Марони предает земле своих мертвецов лишь по истечении восьми дней. Легко представить, во что превращается труп при таком климате, не только жарком, но и влажном. Покойника оставляют лежать в гамаке, под которым устанавливается широкий сосуд, предназначенный для сбора серозной жидкости, что выделяется при разложении тела.

Доля ее смешивается с частями табака и батата, и эту отраву кандидат в жрецы обязан выпить*. Вот тогда он становится *верховным пизэй*! Выдержавший все испытания получает право распоряжаться жизнью и смертью любого члена племени, по своему усмотрению эксплуатирует их

* Какими бы чудовищными ни казались эти подробности, я испытываю потребность еще раз заявить, что ничего не придумываю. Я не сочиняю, но всего лишь излагаю реальные факты. За нехваткой иных качеств мой рассказ отличается хотя бы достоинством правдивости. (Примеч. авт.)

легковерие, дает волю своим инстинктам. Слово и взгляд его священны. Ему дозволено все, и его безнаказанность абсолютна, хоть бы он и проявил самое дикое невежество. А не знает он ничего решительно. Неграм по крайней мере, известны противовоспалительные и отвлекающие средства. Их домашние рецепты часто бывают полезны, мы это уже наблюдали в первой части нашей книги.

Что касается индейцев, то трудно даже представить всю меру их дремучести, она сопоставима разве что с глупостью тех, кто им слепо повинует. Медицинская практика их ограничивается несколькими фарсовыми обрядами, состоящими из прыжков, завываний, бития в барабан, вдуваний и проч. Повезло еще тем пациентам, которых полумертвыми не напичкали до отказа экскрементами животных или жабыми глазами.

Пиэй не способен поставить банки или сделать кровопускание. Он не имеет ни малейшего представления об отвлекающих лекарствах и оставляет перелом срастаться, как ему заблагорассудится. Потому среди индейцев очень много калек. Но что до этого колдуну! Его медицина всегда права, и больной сам виноват, если не выздоравливает.

В племени Акомбаки был молодой претендент, прошедший все испытания, кроме последнего. Вот причина, по которой тело покойного должно было сохраняться восемь дней, несмотря на недовольство Бенуа. Празднество намечалось в полном объеме: похороны колдуна, страшная месть наславшему погибель на *пиэй*, восшествие кандидата в сан своего предшественника — все говорило об особом значении этих торжеств.

Потоки *кашифи*, *вику*, *вуапая* омоют это всеобщее ликование. Будут есть, пить, сражаться. Историческая память надолго сохранит отзвук подвигов, которые должны вскоре свершиться. Известие о них потрясет весь тропический край.

Похоронные празднества начались под водительством Акомбаки. Временный *пиэй* следил за выполнением церемониала. Поскольку смерть наступила вдали от деревни, прах покойного должны были доставить туда в свое время и с надлежащим ритуалом. Первая часть обряда, выполняемая на месте катастрофы, напоминала у цивилизованных народов помещение во временный склеп останков человека, погибшего далеко от родных мест, вслед за чем совершался перенос останков в семейную усыпальницу.

У индейцев нет кладбищ. Умершего хоронят в его

хижине после законных восьми дней общего прощания с телом. Родственники и друзья, не просыхающие от пьянки с утра до вечера, стараются перекричать друг друга в воплях и завываниях над трупом, отчаянно колотя при этом в барабаны. Все время можно наблюдать непрерывное движение наполненных и опорожненных глиняных кувшинов, постоянную толкотню проходящих и уходящих в неумном гаме и возлияниях.

На восьмой день выкапывают могилу в земляном полу хижины; тело, которое находится в ужасающем состоянии разложения, выставляют открытым на коптильной решетке — необходимая предосторожность, иначе оно может развалиться на куски. Все племя проходит перед ним, каждый поочередно падает ниц, пьют из гуляющего по кругу большого кубка, и на этом церемония завершается. После чего опускают в могилу горшки с трупной жидкостью, затем вооружение и гамак умершего, а уж потом и самого покойника. Отныне хижина заброшена, и никто не переступит ее порога.

Некоторые индейцы, среди них рукуены, сжигают мертвых, тоже после восьмидневной открытой выставки. Кремация останков в состоянии гниения — по крайней мере гигиенический акт, хотя и несколько запоздалый. Другие подвергают покойных копчению — например, племя лоямпи и некоторые из эмерийонов. Тогда тела умерших превращаются в мумии, и их оставляют в открытом виде в могилах, выкопанных в хижинах.

Наконец, если индеец умирает очень далеко от своей деревни и физически невозможно доставить тело, то спутники должны принести его волосы. Этот обычай распространен не только у краснокожих, но и среди негритянских племен бассейна Марони, — бош, бони, юка или полигуду. Волосы покойного тщательно укладываются в короб, перевязанный лианами или хлопчатобумажными веревками. Сквозь крепления продевается длинная палка, и двое мужчин несут груз на своих плечах, впоследствии реликвия торжественно вручается родным умершего.

Церемония похорон волос точно такая же, как и погребение самого тела.

Будет ли со временем сожжен или подвергнут копчению погибший *пиэй* из племени Акомбаки, в данный момент значения не имело.

Наскоро соорудили хижину, подвесили на столбах гамак, положили туда мертвого и установили внизу сосуды.

Эти операции выполнялись с невероятной быстротой. Учитывая присущую индейцам апатию (никогда не увидишь его бегущим!), такая стремительность представлялась просто поразительной. Сразу же после этого разрешалось пить; для желудков сухих, как трут, выпивка была священна и обязательна.

Бенуа расщедрился и раскупорил несколько бутылок тафии, чтобы товарищи более терпеливо могли пережить бесконечное потребление кашири, главного напитка на индейских празднествах.

Его приготовление составляет важную заботу местных жителей, испытывающих к кашири прямо-таки пламенную страсть, доходящую до безумия. Любые житейские события становятся горячо желанным поводом для пьянства: рождение, смерть, похороны, свадьба, посадка растений, охота, рыбная ловля, сбор урожая, спуск на воду лодки, обжарка маниоки и проч. Кашири входит существенным элементом во все развлечения и увеселения.

Поскольку производство напитка довольно длительно, а срок хранения невелик, то заготавливают его в огромных количествах. Чтобы получить сотню литров забродившей жидкости, берут примерно пятьдесят килограммов свеженатертых корней маниоки, добавляют двадцать килограммов батата, также превращенного в муку. Смесь помещают в двух больших глиняных сосудах, называемых *канари*, украшенных весьма любопытными рисунками, делают эти сосуды индейские женщины. Затем наливают по пятьдесят литров воды в каждый канари, установленный на трех камнях, образующих треножник. Слабый огонь поддерживается под сосудах, и счастливый смертный, приставленный к божественной жидкости, размешивает смесь до полного растворения. Затем содержимое кипятят до образования плотной пленки. Когда примерно четверть емкости испарится, полуфабрикат снимают с огня, переливают в другой сосуд и оставляют на тридцать шесть часов, после чего жидкость приобретает легкий винный привкус.

Происходит активное брожение, и кашири готово. Остается лишь пропустить его через сито, *манафе*. Полученный напиток называется *пуафе*. Он очень приятен на вкус, обладает предательской свежестью в том смысле, что полное опьянение наступает совершенно незаметно.

Итак, тридцать шесть часов ожидания предстояло Акомбаке и его людям, пребывавшим уже на хорошем взводе благодаря щедротам Бенуа. Тридцать шесть часов для истомившихся от жажды — это очень много, и все

запасы авантюристов провалились бы в эти ненасытные глотки, но краснокожим требовалось позаботиться о запасах *вику*.

Что такое — *вику*?..

Будучи в целом на диво беззаботными ко всем житейским вопросам, индейцы проявляют максимум предусмотрительности, когда речь заходит о спиртном. Они не садятся в лодки, не забрав с собой тщательно упакованные в листья *канафи*, и неизменно загружают пироги большим количеством сухой массы, называемой *вику*. Это вещество имеет то преимущество перед *кашири*, что из него можно изготовить в несколько минут игристый напиток, не менее приятный и не менее крепкий.

Если и здесь *кассав* (лепешки из маниоки) служат базовым продуктом, то процесс приготовления иной. Молодая индианка, занятая этой работой, пережевывает около килограмма *кассав*, обильно смачивая каждую порцию слюной, затем перемешивает все это вместе, чтобы образовалась закваска, бродильное начало. У индейцев галиби этот продукт называется *мачи*. Двенадцать килограммов *кассав*, размоченных в воде и тщательно размельченных, перемешивают с *мачи*. Получается довольно плотное месиво, которое подвергается брожению в течение тридцати шести часов и «всходит», как хлеб на дрожжах. Затем его высушивают на солнце и хранят для последующего употребления.

Когда индеец испытывает жажду, что случается весьма часто, ему достаточно отрезать кусок этого сухого теста, развести в воде, чтобы получить через несколько минут пенящуюся, будто шампанское, игристую жидкость. Настоящий сибарит, краснокожий добавляет в нее сок сахарного тростника и пьет залпом, пока не брякнется оземь в полнейшем одурении.

Акомбака, его спутники и молодой *пиэй* располагали изрядными запасами *вику*, что позволило им терпеливо ожидать, пока поспеет *кашири*. Белые, не желая выглядеть неучтиво, приняли участие в празднике. Надо было хорошо провести время...

Ничто не дается бесконечно в этом мире, ни радость, ни страдание, и траурная неделя завершилась с помощью *кашири* без помех и без чрезмерной скуки. Несколько рассеченных голов, несколько сломанных ребер — сущие пустяки... Кровоподтеки исчезнут и раны зарубцуются. Да что за праздник без таких происшествий... Он стал бы неполным.

Умерший *пиэй* был готов доставить своему преемнику

необходимые элементы для последнего испытания. Обойдем эти отвратительные детали, на которых мы недавно останавливались, понуждаемые условиями нашего повествования, откуда всякая фантазия безжалостно изгнана. Мы пишем историю гвианских племен, а это предъявляет жесткие требования.

Излишне говорить, что кандидат оказался на высоте при исполнении своей миссии и что он получил посвящение в сан от вождя и именитых соплеменников, к которым примкнул Бенуа в качестве белого коллеги.

Наконец отряд тронулся в путь, построившись индейской цепочкой. Ее возглавлял бывший надзиратель. Мертвеца несли следом, подвешенного, словно паникадило*, в гамаке на длинном шесте, который тащили на плечах два воина, с заплетавшимися после пьянки ногами.

Бенуа был наверху блаженства, приближаясь наконец к заветному мигу. Он шел с победоносным видом, легко разрубая лианы и стебли, бросая быстрый взгляд на компас и снова уверенно продолжая путь. Первый день и половина следующего миновали без приключений. Тяжело нагруженные провиантом, краснокожие, вопреки легендарной лени, двигались безостановочно и без единой жалобы. Бедные люди в наивной убежденности воображали, что выполняют богоугодное дело, разыскивая виновника смерти своего колдуна. И никакая усталость не могла задержать их ни на минуту, тем более что повода для выпивки не было.

Золотые горы — Бенуа нравилось называть их так — находились, по его расчетам, недалеко. Он прочертил маршрут как по линейке, мог математически подтвердить точность направления и предвкушал уже радость проникновения в эти пещеры, которые его спутники описали так красочно со слов Жака, как вдруг сильный запах мускуса неприятно поразил бородача.

Бенуа резко остановился и буркнул Бонне, шедшему следом:

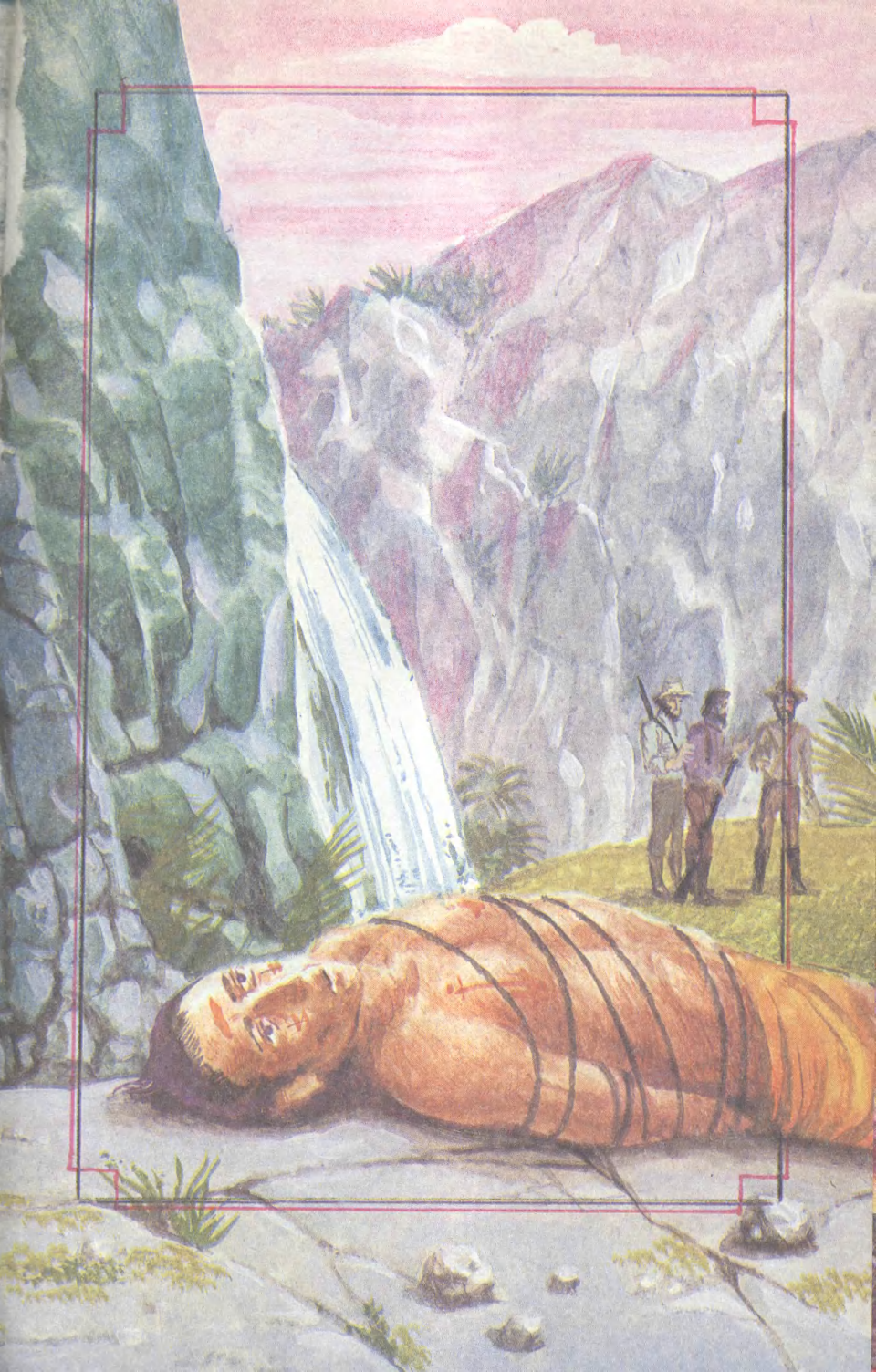
— Гляди в оба! Мы на змеиной тропе!

— Змея! — крикнул тот с ужасом в голосе. — Где она?

— Да я не вижу ее, черт подери! Если б заметил, так насыпал бы соли на хвост!

— Змея... — бормотал Бонне, вспоминая трагический эпизод в бухте. — Я не сделаю больше ни шагу!

* Паникадило — большая люстра или многогнездный подсвечник в церкви.

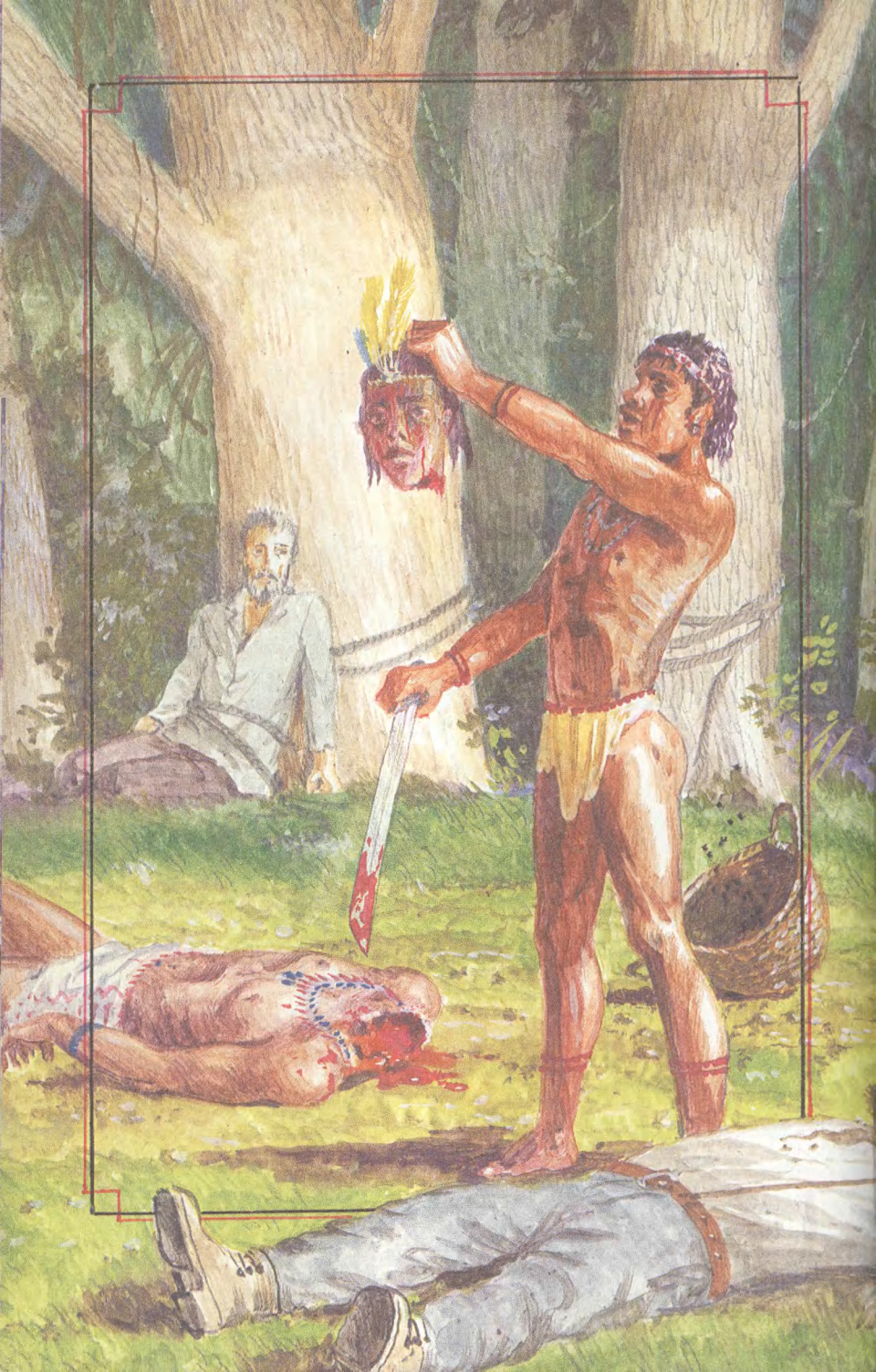

— Не будь дураком, оставаться на месте не менее опасно, чем идти вперед. Да погоди, это просто здоровенный уж. Держу пари, что он семи-восьми метров длиной, а толщиной с тебя, хотя ты и худющий.

— Почему ты знаешь?

— Пожил бы с мое в лесах, не задавал бы дурацких вопросов. А! Беглые каторжники сегодня здорово поглупели. В мое время встречались такие ушлые пройдохи, настоящие молодцы! Одно удовольствие было их конвоировать! Вот видишь след, трава примята, как от падения дерева, а точнее — как будто его волочили...

— Ну и что?

— Дурень, это же след змеи... Она проползла несколько минут назад. По запаху мускуса определяю.

Индейцы, несмотря на благоухание трупа, тоже уловили запах пресмыкающегося. Они остановились и молча ждали.

Внезапно неподалеку раздался громкий треск веток, а затем тяжелый топот. Бенуа зарядил ружье. Акомбака занял позицию подле него, натянул свой лук и схватил стрелу с широким бамбуковым наконечником, тонким, острым и гибким, словно стальное лезвие, носящим название *курмури* (по-индейски — бамбук).

Хруст веток и стеблей приближался, такой шум создает стадо диких кабанов. Животное крупных размеров проскочило под деревьями, не разбирая дороги, со стремительной силой летящего снаряда.

— Маипури!* — прошептал вождь на ухо своему компаньону.

— Пошли!

Кортеж снова двинулся в путь, а шум тем временем изменил свое направление. Маипури, казалось, убежал от появившихся людей. Вскоре путешественники обнаружили огромные прорывы в кустарнике. Мощь и энергия животного были таковы, что оно проложило путь, не требующий дальнейшего применения мачете.

Индейцы и белые последовали по удачно возникшей дороге, ибо ее направление точно совпадало со стрелкой компаса. Шум прекратился, но через полчаса снова возник. Лес посветлел. Следы толстокожего тапира не исчезали, а запах мускуса становился все сильнее.

* Маипури — индейское название тапира, крупного (до 300 кг весом) непарнокопытного млекопитающего; на голове у тапира небольшой хоботок.

— Стой-ка! Стой-ка! Стой-ка! — с тремя интонациями прокричал заинтересованный Бенуа. — А если змея решила преследовать маипури? Занятная мысль, ей-богу!

— Маипури — самка, — сказал Акомбака. — Ее малыш при ней, и змея хочет его скушать.

— Могу это понять, потому что для большого ужа проглотить взрослого тапира — все равно что попугаю разгрызть тыквенную бутылку...

Характер местности вдруг резко изменился, природа предстала в новом облике. На почве стали попадаться обломки диоритовых* скал, а метрах в десяти, в стене густой зелени, авантюрист увидел широкую дыру, сделанную маипури. И в этом проеме отчетливо виднелись горы. До них было не более километра.

Бенуа подавил крик радости, готовый вырваться из груди, и, указывая спутникам на скалистые холмы, странно прилепившиеся друг к другу, тихо произнес:

— Это здесь...

Едва прозвучали эти слова, как послышался глухой, придушенный треск невдалеке, в высоких травяных зарослях, окаймлявших поляну. Это походило на трудно определимый звук ломаемых костей, вслед за чем раздался прерывистый топот.

Большая бесформенная масса возникла в зарослях лиан, покатилась, прыгнула вперед, стала как будто в два раза крупнее и исчезла, но не настолько быстро, чтобы меткая стрела краснокожего не успела глубоко вонзиться в нее.

Акомбака беззвучно смеялся.

— Что это значит? — спросил бывший охранник.

— Маипури убил змею, а я убил маипури. Мы его скушаем.

— Откуда ты знаешь?

— Идем. Ты увидишь, что Акомбака никогда не ошибается.

Они сделали несколько шагов и — точно по словам индейца! — нашли на скалах распростертого огромного удава, не менее десяти метров длины и в объёме такого же, как этот «худющий» Бонне. Несколько капель крови выступили из ноздрей пресмыкающегося. Из открытой

* Диоритовые скалы — скалы, состоящие из диорита, твердой горной породы, более плотной, чем гранит.

глотки вывалился мягкий и раздвоенный язык. Он не двигался, смерть, по-видимому, наступила мгновенно.

Напрасно Бенуа искал хоть какой-нибудь след ранения, тапир не искусал и не истоптал змею. Мошенник отметил лишь ненормальное состояние погибшего великана: огромное цилиндрическое тело казалось немного сплюснутым и обмякшим, лишенным всякой упругости. Оно было похоже на скатанную тряпку и сгибалось под прямым углом. Возникало ощущение, что все до одного позвонка у змеи перебиты или разорваны.

Белый вопросительно взглянул на индейца. Тот улыбнулся со снисходительно-покровительственным видом, а затем на своем гортанном языке дал любопытное объяснение случившемуся.

— Акомбака не ошибался. Змея напала на маипури, чтобы скушать ее детеныша. Она такая большая и думала задушить маипури, как она делает с тигром, который не может вырваться из ее колец. Но маипури сильный и хитрый. Когда он почувствовал, что змея его заплела, то выпустил дыхание и стал таким маленьким, как только мог. Змея сжала его сильнее. Тогда маипури, самый большой и смелый зверь в наших лесах, снова набрал воздуха, его грудь и живот стали надуваться все больше и больше... Змея не успела распустить свои кольца, ее кости затрещали и лопнули, вот отчего возник шум, который ты слышал... Удав сразу умер, а маипури освободился и убежал... Мы его скоро скушаем,— радостно добавил он,— потому что стрела Акомбаки никогда не промахивается...

— Так мы его и съели,— усомнился Бенуа.— Да ведь он убежал! Не думаю, что твоя стрела причинила ему большой вред.

Не переставая улыбаться, индеец указал своему собеседнику на широкий кровавый след, хорошо видный на пожелтевших от солнца листьях.

— Ты прав, мой краснокожий друг, ты в самом деле очень ловкий и сильный!

В мгновение ока со змеи содрали кожу: молодой пиэй решил изготовить из нее ритуальный наряд. Затем носильщики приняли на плечи свой мрачный груз, и отряд двинулся дальше.

Следы крови становились все более изобильными. Толстокожий, очевидно, был ранен серьезно. Он прерывал свой бег, чтобы освободиться от мешавшей ему стрелы.

Наконечник ее глубоко проник в тело. Эти остановки хорошо были видны по особому обилию кровавых пятен на почве. Примерно в пятистах метрах от места схватки нашли древко стрелы. Охотники сделали еще несколько шагов и, к своему великому изумлению, увидели в глубине широкого и глубокого рва бездыханного тапира. Возле него растянулся маленький детеныш, тоже не подававший никаких признаков жизни.

Хотя и удивленный, Акомбака торжествовал.

— Большой маипури очень вкусный, но маленький еще лучше! — радостно воскликнул он, окрыленный мыслью о трапезе, которую сулила грудa мяса.

О другом думали Бенуа и его сообщники. Ров находился как раз на полпути к первой горе. И авантюрист не без оснований заключил, что, если бы не случайная встреча с тапиром, то это он, идущий во главе отряда, напоролся бы на рогатки, расставленные на дне и по бокам траншеи.

Да, никаких сомнений: ров — ловушка для хищников. У него форма усеченной пирамиды. Узкий вверху, широкий у основания, с наклонными стенами, что помешало бы упавшему зверю выбраться наружу, даже если бы он по счастливой случайности избежал рогаток.

Видны были обломки легких перекладин, несколько минут тому назад прикрытых землей и дерном. Они прятали отверстие, услужливо подставляя бегущим этот шаткий, непрочный «пол», замаскированный с большой изобретательностью, даже придирчивый глаз ничего бы не заметил с первого взгляда.

Бенуа вспомнил устрашающие способы обороны, примененные загадочными существами, жившими на берегах реки. Как обрушивались в воду огромные деревья, преграждая путь, как плыла навстречу жуткая змеиная флотилия, ускользнуть от которой им удалось только чудом.

Ему подумалось, что существует какая-то связь между этой ямой, так неожиданно возникшей перед порогом золотого рая, и теми помехами, что заставили их отказаться от первой попытки. Хотелось убедиться в правоте своих предположений.

— Послушай, вождь, а кто вырыл эту яму — белые или индейцы? — спросил он у Акомбаки.

— Индейцы, — ответил тот не колеблясь.

— А как ты определяешь?

— У белых людей железные инструменты, а у краснокожих только орудия из твердого дерева. Железная мотыга режет землю, как нож, вон, видишь, кое-где четкие следы, а деревянная лопата давит и разрывает почву.

— Да, это убедительно. Значит, на той стороне — индейцы...

— Индейцы везде,— гордо заявил краснокожий.— Земля, вода, лес и небо принадлежат им!

— Ты бы мог сказать, к какому племени относятся эти?

— А если ты видишь дерево, срубленное белым, разве ты можешь сказать, из какой он страны?

— Ты прав, вождь, а я болтаю глупости...

Колонна остановилась на краю рва, и мертвый пиэй в ожидании усыпальницы был положен на скале под ярким солнцем. Путешествие трупа еще не закончилось.

Индеец с остро отточенным мачете спустился в ров; используя хлопчатобумажные крепления от своего гамака, обвязал тело молодого маипури, которое тут же подняли наверх, а затем принялся разделять огромное животное, туша которого заполнила почти всю впадину. Весило оно более трехсот килограммов, а размером было со среднего быка. Тапир, называемый туземцами *маипури*, является самым крупным из животных Южноамериканского континента. Отличительная его черта — крупная голова с очень высоким затылком, переходящая в горб у основания морды, которая оканчивается небольшим мускулистым хоботом, похожим на свиной пяточок, только длиннее. Нос загнут книзу, выполняя в каком-то смысле роль верхней губы. Уши почти круглые, с белой каймой. Корпус коренастый, покрыт короткой шерстью, плотной и блестящей, у самок она обычно рыжеватая, у самцов — коричневая. Последние щеголяют еще довольно пышной гривой. Хвост едва достигает десяти сантиметров и кажется обрубок. Ноги короткие и мощные, оканчиваются черными когтями, плоскими и заостренными. Питается тапир исключительно растительной пищей.

Несмотря на немалую силу, он по характеру очень мягок, никогда не нападает на человека и на других животных. Тапир не злобен, но его движения чрезвычайно резки и внезапны. Он неосторожен и не разбирает дороги в лесу, двигаясь обычно напролом. Не желая причинять никому вреда, он яростно толкает всех, кто попадает на пути.

Молодые тапиры легко одомашниваются и становятся совершенно ручными. Они свободно бродят по улицам Кайенны, отлично знают жилища своих хозяев и, подобно собакам, сопровождают людей на прогулках.

Тот экземпляр, разделкой которого был занят индеец, относился к гигантам своего вида. Так что работа оказалась долгой и трудной. Два часа минуло, пока лучшие куски мяса, разрубленные мачете и привязанные к веревке, были извлечены из траншеи. Два отличных куска заднего окорока, общим весом килограммов на сорок, уже аппетитно потрескивали на огне, и проголодавшиеся краснокожие готовы были воздать им должное, когда мнимый мясник выбрался наверх, обляпанный кровью, словно после бойни, и вручил вождю предмет, вызвавший у того большой интерес.

Это было ожерелье необычной формы, Бенуа не мог припомнить, что когда-нибудь видел такое. Очевидно, его потерял один из тех, кто устраивал ловушку.

К любопытству Акомбаки примешалось выражение почтительного страха.

— Ты меня спрашивал, кто выкопал ров. Я тебе скажу. Это индейцы арамишо.— Последние слова он выговорил тихо и боязливо.

Трапеза тем временем началась.

— Арамишо,— повторил Бенуа с полным ртом,— а я думал, что это племя вымерло.

— Еще немножко осталось.— Голос Акомбаки дрожал по-прежнему.— Это страшные люди! Великие пизэй!

Авантюрист крепко выругался, ибо чуть не сломал нож о что-то твердое, попавшееся в мясе. Он осторожно разрезал его и обнаружил давно, вероятно, засевшую, обросшую пленкой пулю из ярко-желтого металла, округленную молотком, слегка деформированную. По-видимому, это было самое настоящее золото.

Бенуа не смог унять легкой дрожи, припомнив золотой наконечник стрелы, поразившей Бонне.

— Ты говоришь, что арамишо — великие пизэй. Мне это безразлично. Но есть ли у них ружья?

— Не думаю.

— Ну ладно! Был бы счастлив познакомиться с теми, кто охотится на маипури с ружьями, да еще заряжает их золотыми пулями!

ГЛАВА 5

Отблеск желтого металла.— Трагедия арамишо.— Возделенная отрава.— Белый человек — раб женщины.— Подземные духи.— Сарабанда золотых статуй.— Кубок смерти.— Десять тысяч франков под ногами.— Разочарование.— Ловушка.

— Наш краснокожий друг очень забавен,— тихо говорил Никола своему юному приятелю Анри.

— Я тоже не могу понять, отчего ему внушает такой страх наша золотая посуда. Как ты здорово недавно сказал, что несколько кусков железа или сталигодились бы нам гораздо больше...

— Еще бы,— подхватил Никола,— скольких трудов стоило извлечь из земли эту железистую руду, обогатить ее, чеканить, ковать, превращать в полосы, а затем уже — в сталь... Хоть бы месторождение находилось поближе!

— К счастью, времени нам хватает! — вмешался инженер.

— Что правда, то правда. Если бы пришлось вкалывать, как в Париже, десять или двенадцать часов вместо шести, мы бы давно выбились из сил. Но все равно, наши мачете и топоры, хоть и не очень изящные и не лучшего качества, дали нам прикурить! Какая жалость, что золото не в состоянии заменить сталь! Что за глупый металл! Скажите на милость, да на что оно годится?..

— Ну, делать посуду... А если припечет, отливать наконечники для стрел...

— ...которые не идут ни в какое сравнение с самыми завалящими железными... Быстро тупятся, кончик изгибается, скручивается... Я скоро предпочту наконечники из рыбьей кости или бамбука.

— Не преувеличивай, милый Никола! Ты возненавидел золото, когда прибыл из Европы, потому что при всем его здешнем изобилии оно оказалось почти бесполезным для нас. Но я согласен с тобой лишь отчасти, мой бедный дикарь, не имеющий представления о роли золота в цивилизованных странах. Что касается меня, то без досады и презрения я отношу золото к ряду таких металлов, как олово, свинец, особенно медь, очень даже пригодных к полезному употреблению! Ставлю золото даже выше меди, потому что оно не окисляется.

Парижанин расхохотался, услышав столь обоснованное и столь просто изложенное мнение.

— Ну, чего ты смеешься?

— Да невольно вспоминаю о молодых людях твоего возраста, как они гонятся в городах за монетами из этого металла, который ты изволишь ставить выше меди!

— Конечно, повторяю тебе, ведь золото не окисляется!

— А! С тобою обхохочешься... Вся эта братия очень быстро «окислила» десятки и сотни луидоров, уверяю тебя!

— Так ты заключаешь...

— Я заключаю, что золото — никчемный металл и если в Европе спешат освободиться от стали, чтобы приобрести золото, то я бы отдал десять килограммов его за один — железа...

— Так мы с тобой вполне единодушны, потому что и я примерно так же оцениваю эти металлы.

Мадам Робен и ее муж с улыбкой слушали беседу.

— Да, дети мои,— вступила в разговор хозяйка,— у вас нет никаких разногласий, и я довольна. Благодаря энергии и уму вы смогли обеспечить все жизненные потребности маленькой колонии, каждому природному продукту сумели найти свое место в соответствии с его свойствами и ценностью. Я бы сказала, что вы вдохнули новую жизнь в безрадостные места каторжан и ссыльных и как бы возродили давно минувшие времена, называемые в поэзии *золотым веком**. Пускай же он длится как можно дольше!

— Золотой век,— подхватил Никола,— это, должно быть, время, когда золото ничего не стоило и без него люди легко обходились. Кстати, дружище Жак, что ты думаешь обо всем здесь сказанном? Ты не проронил ни единого словечка с той минуты, как появился наш кофейник! Не могу понять мрачное впечатление, произведенное на тебя обычной хозяйственной вещью и на какие размышления она тебя навела...

Молодой индеец медленно поднял голову. Долгий вздох вырвался из стесненной груди. И голос зазвучал глухо, когда он начал свой рассказ:

— Очень давно, настолько давно, что и самые древние старики едва ли помнят, было великое и могучее племя индейцев арамишо, выходцев с Антильских островов. Их обширные и хорошо обработанные плантации давали обильные урожаи, охотничьи угодья казались неисчерпаемыми. Краснокожие люди жили в полном достатке. Они любили детей, уважали стариков. Золото, которое добывали в большом количестве, использовалось в самых обычных

* Золотой век — по представлениям древних народов, это время на заре человечества, когда люди оставались вечно юными и не знали забот и огорчений до самой смерти, которая являлась к ним как сладкий сон.

хозяйственных целях, никто не думал о его стоимости. Вместо костяных, рыбьих или бамбуковых наконечников для стрел они предпочитали золотые, потому что те были крепче. А золотую посуду любили больше глиняной, потому что она не билась и выдерживала сильный огонь. Золотыми ножами резать мясо легче, чем костяными...

Много золота было у арамишо. И они жили беззаботно до того дня, когда впервые появились белые. Те словно потеряли рассудок, увидев столько желтого металла. Бледнолицые привезли стальные ножи, легкие, крепкие и удобные; топоры, которые резали твердую древесину, будто сыр; красивые ткани, табак, разные украшения — ожерелья, бусы, браслеты... И за бесценок обменивали свои товары на золото арамишо. И все шло хорошо, европейцы ничем не угрожали счастливой жизни краснокожих.

Но вскоре их появилось очень много, и они привезли тафию. Вождь первый попробовал эту адскую жидкость и стал как безумный. То был великий вождь, добрый, справедливый, почитаемый всеми. Тафия превратила его в зверя. Главные воины пили вместе с ним и тоже стали такими же. Кашири, вику, вуапайя — прежние напитки наших отцов, дающие легкое, приятное опьянение — были забыты ради отравы белых, которая темнит рассудок.

И началось всеобщее бешенство, злоба, помешательство. Плантации были заброшены, охота и рыбная ловля забыты. Индейцев обуревала одна мысль: достать золото, чтобы купить тафию. Аппетиты белых росли, они требовали больше. Краснокожие мужчины потеряли способность трудиться и проводили свои дни в пьянстве; посылали женщин и детей на поиски проклятого металла, а сами бездельничали, валяясь, как кайманы в тине. Вскоре и женщины с детьми не захотели работать без выпивки. Авторитет старейшин упал, его не признавали. Драки, бурные ссоры, братоубийства уменьшали население.

Увы, страсть к тафии настолько укоренилась, что всякое различие между правдой и ложью, справедливостью и подлостью исчезло. Погибая от голода, не имея средств на водку, арамишо бросались к своим соседям, грабили их плантации, разоряли жилища. С этого времени над племенем нависло проклятие.

В бесконечных набегах таяли его ряды, а огненная вода доконала тех, кого пощадила война. Индейцев арамишо было более двух тысяч, когда они увидели белых, сегодня их остался десяток!

Мой дед был как раз тем вождем, который первым выпил стакан тафии. А я — последний из арамишо. Если такое могучее племя было уничтожено, то виновато в этом

только золото. Теперь вы убедились в моей правоте, когда я говорил, что тайна желтого металла смертельна!

Золото убило моего деда, оно истребило мое племя. Благодаря вам я вырвался из лап смерти, но мне не избежать своей судьбы. Тайна золота станет роковой и для последнего арамишо!

Удрученные робинзоны молча слушали бесхитростный и правдивый рассказ, увы, столь типичный для туземного населения тропической Америки. Индейская раса, некогда сильная и гордая, в то же время добрая и гостеприимная, нынче выродилась и, наверное, скоро совсем исчезнет из-за жадности белых, обменивающих на золото алкогольную отраву.

Жак продолжил тем же глухим тоном, как бы разговаривая с самим собой:

— Десять лет тому назад остатки арамишо захотели освободиться от своего проклятия. Они покинули родину, чтобы жить рядом с белыми, но однажды мой отец решил вернуться, ему захотелось увидеть колыбель своих предков. Он увел свою семью и забрал меня у моего благодетеля. Мы возвратились в страну золота, и с этого момента больше не видели европейцев. Капля водки никогда больше не касалась наших губ. Я один вернулся в Сен-Лоран, но я не пью тафию. Другие, боясь умереть, не покидали больше золотых пещер и превратились в их стражников.

Они живут недалеко от вас, в трех днях пути; теперь арамишо вернулись к трезвости, но слишком поздно. У наших людей нет потомков.

Индеец умолк, глядя на хозяев туманным, невидящим взором. Капли пота выступили у него на лбу, зубы выбивали мелкую дробь, конечности конвульсивно* подергивались. Перенесенные лишения и страдания тяжело отразились на его здоровье. У Жака начался приступ тропической лихорадки. Его уложили в гамак. Добрый Казимир, всегда готовый прийти на помощь, устроился рядом, с трогательной преданностью заботясь о больном. Молодой индеец не мог бы оказаться в лучших руках.

Приступ с самого начала принял характер злокачественной лихорадки и был таким сильным, что несколько дней жизнь индейца висела на волоске.

Однако молодость и здоровая натура в сочетании с опекой доброго старика превозмогли болезнь. Бред прекратился, спала кровавая пелена, застилавшая глаза, юно-

* Конвульсия — болезненное непроизвольное сокращение мышц, проявляется в резких, судорожных движениях.

ша был спасен. Выздоровление шло нормально, Жак встал на ноги уже через две недели, такой же энергичный и крепкий, как прежде.

Робен с удовольствием приучал его к жизни и быту робинзонов, но молодой человек дал понять, что по известным ему причинам он не сможет оставаться здесь слишком долго. И в один прекрасный день гостю вручили мачете, лук и стрелы, выдали трехдневный запас продовольствия, и он ушел со слезами на глазах, рассыпаясь в самых трогательных и сердечных благодарностях.

Однако индеец пообещал вскоре вернуться. Юноша пересек участок, углубился в джунгли и, руководствуясь одним только инстинктом лесного жителя, сориентировался с такой точностью, будто в его распоряжении были самые надежные приборы. Через двадцать часов он примкнул к соплеменникам. Случилось это в тот самый день, когда Бенуа, беглые каторжники и отряд Акомбаки вышли к «золотым горам», на страже которых стояли последние арамишо.

Все семейство Жака пребывало в состоянии крайнего возбуждения. Если искатели золота и не подозревали о присутствии индейцев, то бедные охранники, не ведая о намерениях пришельцев, уже два дня ждали их появления.

Неужели их труды пойдут насмарку? Добровольное многолетнее заточение окажется напрасным? Тайна золота будет вторично похищена?

Жак вздрогнул, узнав о приближении белых, сопровождаемых индейцами. Предчувствие подсказывало: это те самые мерзавцы, которые недавно его мучили. Кто другой, кроме подобных пройдох, мог отыскать столь отдаленное местечко, затерянное в бесконечных лесных пространствах? Как он жалел сейчас о своей неосторожности, об этом злостном раскрытии тайны, приобщить к которой хотел одного лишь своего благодетеля...

Индеец погрузился в задумчивость и отвечал рассеянно и неохотно на расспросы тестя. Последний был настоящим великаном, с огромными ручищами и широченными плечами, глядевший снисходительно с высоты своего роста. Отличался он редкостной для индейцев силой. И что удивительно, волосы его казались блее снега, они ниспадали прямыми и длинными прядями на плечи, на лоб, оттеняя кирпичную красноту резко вырубленного, с грубыми чертами, очень сурового на вид лица.

Тесть был на целую голову выше всех прочих членов

маленькой общины, здоровье которых восстановилось на свежем воздухе и в условиях полной трезвости. Арамишо снова обрели гордый вид, свойственный их предкам в ту пору, когда те были хозяевами больших рек. Сейчас племя насчитывало не более десятка человек, включая вновь прибывшего, его жену, юную Алему, родителей ее и тетку, сестру отца.

Старый гигант Панаолин, чье имя до сих пор еще помнят прибрежные жители в верховьях Марони, с подозрением поглядывал на молодого человека.

— Сын мой,— замедленным тоном сказал он,— ты все еще витаешь в стране белых. Ты еще не вернулся оттуда.

— Мой отец говорит правду, я хотел повидать того, кто меня вырастил. И был у него...

— Невзирая на мой запрет!

Жак потупился и тихо ответил:

— Признательность — это добродетель краснокожих людей.

— Добродетель краснокожего заключается в исполнении приказов своего отца.

— Разве белый человек не является также моим отцом?

— Тогда нужно было оставаться возле него, а не брать в жены жемчужину арамишо. Язык моего сына раздвоенный, как у хитрой змеи. Если у него два отца, то, может быть, у него и две жены? Хочет ли он быть здесь господином краснокожей женщины или там — рабом белой?

Алема подошла и с беспокойством смотрела на своего юного мужа.

— Пусть ответит мой сын!

— Мой отец хорошо знает, что Алеме принадлежит вся моя любовь!

— Не унижается ли сын Панаолина до лжи?

— Сын Панаолина никогда не лжет! — с гордым вызовом ответил Жак. — Но пусть мой отец услышит голос свободного человека!

— Свободный человек! — саркастически повторил грозный старец. — Нет, мой сын не свободен. Он — раб белого человека, а тот — раб белой женщины. У индейцев не может быть господина. Он сам господин своей женщины. Если жена краснокожего хочет есть рыбу, аймару или кумару, мужчина говорит: «Спусти лодку на воду. Садись...» Она берет весло, гребет, мужчина бросает приманку, рыба подплывает, он пускает в нее стрелу,

потом говорит: «Поджарь ее». Когда рыба поджарена, мужчина ест. Когда он утолил голод, женщина приступает к еде.

Если она хочет мяса, муж говорит: «Идем!» И она идет с ним в лес. Мужчина свистит, животное прибегает и падает, сраженное стрелой. Глава семьи говорит женщине: «Возьми его. Разжигай очаг». Когда дичь готова и мужчина насытился, начинает есть жена.

А белый человек,— продолжил Панаолин с неописуемым презрением,— идет на охоту один, стреляет, приносит дичь, отдает ее жарить, а в это время женщина остается в хижине. Когда пища готова, он позволяет жене есть первой. Теперь тебе ясно, что белый — это раб женщины! А ты — раб белого!

Тонкость примитивной диалектики смутила юного индейца. Он пробормотал сконфуженно:

— Если мой отец требует... Я больше не вернусь к белым.

— Слишком поздно! Если мой сын повинуется приказам отца, то не потому ли, что белые уже здесь?

Жак вздрогнул и ничего не ответил.

Три женщины и шестеро мужчин, наблюдавшие эту сцену, выразили свое настроение гневными криками.

— Спокойно, дети мои! — продолжал старец. — Нам угрожает опасность. Покинем наши хижины, заберем еду и укроемся в пещере. Лучше мы погибнем в бою, чем потеряем свою свободу.

С большой быстротой завершив все приготовления, маленький отряд проник в темное убежище, самые дальние уголки которого были хорошо знакомы. Вождь вошел последним и без особых усилий привалил за собой огромный камень, который и двое мужчин едва ли сдвинули бы с места, закрепил его неподвижно с помощью деревянной колоды, упиравшейся в боковые пазы, а потом зажег факел.

Коптящий огонек вдруг вызвал яркое сияние. Своды, стены, сама почва заблестала со всех сторон. Свет струился золотыми потоками, и малейшие выступы скалы отражали желтые лучи, с которыми смешивались там и сям пляшущие красновато-красные отблески пламени. Молчаливые индейцы с непроницаемо суровыми лицами вслед за вождем зажгли такие же факелы. Тогда вся пещера вспыхнула ослепительным фейерверком. Ее мощные колонны, высокие своды, казалось, были отлиты из массивного золота. Как будто огромный раскаленный шар металла

внезапно отвердел, вырвавшись из кипящей плавильни природы.

Мужчины и женщины, безразличные к этому феерическому зрелищу*, медленно брели, утопая иногда по щиколотку в мелкой, сухой, рыхлой пыли, которая тянулась им вслед, покрывая ноги светло-золотистым налетом, сквозь который на коже виднелись пурпурные рисунки, нанесенные краской *руку*.

Вождь подал знак. Все остановились в том месте, где свод возвышался в форме купола, и прикрепили факелы на выступах скалы. Издалека доносились приглушенные звуки подземного потока, который, казалось, уходил в почву самого грота. Там и сям капельки сбегали вдоль стен, оживляя их добавочным блеском, и монотонно падали на землю.

— Здесь находится последнее убежище арамишо,— торжественно провозгласил Панаолин.— Пусть же никогда корыстолюбивые белые люди не переступят этого порога! Пусть погибнут враги моего племени, если они осквернят его своим появлением! И пусть также погибнет предатель, который выдаст тайну нашего уединения! Пусть отсохнет моя рука, пусть другая сгниет и отвалится, если я нарушу когда-нибудь эту клятву! Я произношу ее первым!

Один за другим присутствующие повторили эти слова приподнятым, торжественным тоном. Жак поклялся последним, голос его вибрировал, выдавая сильное волнение, а быть может, и укоры совести.

— А теперь,— завершил старейшина,— пусть мои дети возрадуются!

Приготовления к веселью выглядели странно. Пока женщины торопились сделать напиток вику, мужчины раскрыли свои котомки и вытащили каждый по маленькому кувшинчику, тщательно закупоренному рыбьим пузырем. Там содержался жир носухи. Они обмазались с ног до головы, затем, внезапно охваченные яростным исступлением, кинулись плашмя на землю, покатались с безумными криками в волнах золотистой пыли, корчились в конвульсиях и за несколько минут совершенно исчезли в желтом облаке.

Когда пыль улеглась, семеро мужчин походили на золотые статуи, на оживших божков сказочного подземелья.

* Феерическое зрелище — яркое, красочное, сказочно красивое.

Сосуды, наполненные вику, уже поджидали их, симметрично расставленные и ласкающие взор,— истинная радость для пьющих! Жак собирался, как и прочие, осушить одну из тыквенных бутылок, когда его жена, красавица Алема, подошла с сияющими глазами, с нежной улыбкой и протянула ему древесный кубок.

— Пускай друг моего сердца выпьет бокал, наполненный его возлюбленной!

Восхищенный молодой человек залпом проглотил пьянящее зелье.

Танцы и крики возобновились с новым усердием, ожесточенным, полубезумным. Индейцы пили много, но без излишеств, ведь это был напиток их предков! Они всей душой отдавались удовольствию, однако инстинктивно избегали полного опьянения.

Только Жак, хотя и немного выпивший, потерял свою выдержку. С необычайной словоохотливостью он пустился сбивчиво пересказывать то, что накопело у него на душе. После нескольких бессвязных фраз речь его обрела большую стройность. Он поведал, не утаивая ни одной подробности, о своем путешествии в Сен-Лоран, о признании, сделанном доктору В. и начальнику тюрьмы, о том, как похитили его беглые каторжники, как измывались над ним, высказал догадку о цели их экспедиции и, наконец, описал свое освобождение и знакомство с гвианскими робинзонами.

Исповедь была исчерпывающе полной, говорил он с решимостью, болью и откровенностью, вызванными, вполне возможно, одним из тех напитков, секретом приготовления которых владеют некоторые индейцы.

Его соплеменники, бесстрастные, словно изваяния, выслушали эту речь, не шевельнув бровью, без всякого видимого волнения.

Опустошенный, задыхающийся Жак с пересохшим ртом, еще бормоча какие-то отрывистые слова хриплым голосом, едва выдавил из себя: «Пить!» — настолько мучила его жажда.

Панаолин спокойно сказал:

— Хорошо. Пусть моя дочь даст выпить своему мужу.

Алема улыбнулась из полумрака, принесла полный кубок и протянула его юноше, не расплескав ни капли. Рука ее была тверда, пронзительный взгляд как будто хотел заглянуть в самую глубину души.

Жак опорожнил кубок с жадностью и уселся на зе-

млю, совершенно отупевший, с погасшим взором, ничего не видя и не слыша.

Старый вождь подал знак. Его люди взяли плетеные корзины, пагара, и отправились в глубину галерей, едва освещенных мерцающими отблесками факелов. Вскоре они вновь собрались на перекрестке с нагруженными до предела корзинами и вышли из пещеры, предварительно сдвинув камень. Индейцы проделали еще несколько рейсов, как бы не замечая присутствия Алемы, державшей на коленях голову уснувшего, а может быть, смертельно пьяного мужа.

Вот они вошли в последний раз, неся пустые пагара. Панаолин замыкал шествие. Он вытащил из какого-то подобия ниши двуствольное ружье, в котором доктор В. признал бы свой подарок, сделанный Жаку во время одного из предыдущих его посещений. Вождь убедился, что ружье заряжено. А в это время его соплеменники вооружались луками, стрелами, ножами.

Старик объявил:

— Сокровища арамишо в безопасности. Тайна золота под надежной охраной! Можете приходить!

Факелы сразу погасили, и таинственная пещера погрузилась во мрак.

Вопрос Бенуа об охотнике, заряжавшем ружье золотыми пулями, остался без ответа. Акомбаку и его людей не волновало, из чего сделана пулька, найденная в теле тапира. Перед ними возвышалась гора мяса — вот что привлекало все внимание краснокожих, вот над чем неустанно работали их челюсти и желудки. Вся ночь и наступивший день были сплошь заняты этим трудом, которому присутствие мертвого колдуна придавало особый священнодейственный характер. Похоронные почести, если представится случай, могут воздаваться и в жидкой, и в плотной форме, исходя из обстоятельств. Главное — изобилие общей массы поглощаемого.

На памяти индейцев еще не было такого щедрого, сытного празднества. И на него не жалели времени; необъятные пищеварительные возможности эмерийонов нашли себе полное применение.

Наконец кувшины вылакали досуха, а скелет тапира сиял белизной, будто его очистили муравьи-маниоки. Как застоявшийся конь, который в нетерпении грызет свои удила, Бенуа дожидался заветной минуты. Он реши-

тельно возглавил колонну и двинулся к пещере, чей темный зев приоткрылся на юго-западном склоне первого холма.

Индейцы как будто смягчились и подобрили. Акомбаку почти не волновал исход затеянного предприятия, некоторые стороны которого он находил опасными. В конце концов покойного щедро оплакали. Его кончина, хотя и внезапная, не была преждевременной. Ведь он такой старый! И к тому же у него есть преемник. А носить за собой останки очень обременительно... Так ли уж необходимо разыскивать и наказывать, не давая себе передышки, виновника трагедии, уже как-то восполненной, отступившей в прошлое?..

Иначе думал бывший надзиратель, пылавший гневом. Он угрожал перепуганному вождю новыми несчастьями. Не очень полагаясь на свое «войско», Бенуа торопился поднять его боевой дух привычными средствами с помощью тафии.

Колебания прекратились, жажда мести снова взыграла. Барабан из кожи *кариаку* ударил как гонг, и бамбуковые флейты дружно взвыли. По крутой тропинке они поднялись к пещере, авантюрист вошел туда первым, с мачете в одной руке, с факелом в другой. Краснокожие с воплями последовали за ним.

Привыкая к полумраку, они брели за Бенуа, которого душило волнение, и вскоре очутились в центральном зале, откуда разбегались узкие галереи. Тут завывания внезапно смолкли, воцарилась тревожная тишина. Страх сковал вождя и его воинов. И сам Бенуа, несмотря на свою закалку, не удержался от испуганного возгласа при виде неподвижного тела Жака, распростертого на спине с разбросанными руками, похожего на золотую статую, сброшенную с пьедестала.

— Золото! — в восторге вскричали баниты, не думая о судьбе индейца.

— Да нет же, глупцы, это всего лишь пыль. Два су за тонну, — заметил патрон.

Он быстро наклонился и приподнял тело, желая установить, теплится ли в нем еще искорка жизни. Затем поднес факел к широко раскрытым глазам. Веки даже не шевельнулись, объем зрачков не изменился, они были похожи на маленькие черные жемчужинки в коричневой оправе.

Растерянность охватила Бенуа, даже нечто, похожее на отчаяние... Но вовсе не из-за несчастной и загадочной

судьбы парня. Человечность была чужда его натуре. Желание уловить последнее дыхание жизни проистекало от ненасытной жадности. Одной рукой, подведенной Жаку под затылок, он удерживал на весу негнущееся тело, которое опиралось на пятки, образуя угол в 25—30 градусов.

— Он умер,— глухо сказал шеф.— Определенно мертв!

И, даже не пытаясь разгадать причину смерти, сцепление обстоятельств, приведшее индейца в пещеру, Бенуа добавил:

— Странный костюм. Ну вот парень вырядился в золото, как божок... Далеко же он забрел! Да и мы тоже...— и выпустил тело, которое упало с глухим звуком.

Беглые каторжники пораженно взирали на искрящуюся пещеру, столь неожиданно превращенную в склеп. Подземный храм золота, объект их давних вожделений, мертвый человек, казавшийся сброшенным с трона божеством — наполняли их страхом и трепетом. Не менее потрясенные индейцы, на подгибающихся от пьянства ногах, хранили молчание. Голосу авантюриста вторило гулкое эхо.

— Этот мерзавец сыграл с нами свою последнюю шутку,— говорил, как всегда злобно, бывший надзиратель.— Мертвый краснокожий стоит не больше, чем живой беглец, и еще меньше, чем собака на четырех лапах... Но хватит нам заниматься этим печным горшком. Мы на месте назначения, наша задача — найти хранилище...

— Раскупорим его без проблем...— развязно откликнулся Бонне, чья ловкость «медвежатника» пользовалась широкой славой.— Но они наверняка запихнули свою кубышку в какую-нибудь дыру, черта с два ее найдешь...

— Мы ничего не найдем в старом чулке...— с глупым видом брякнул Тенги, грубый бретонец, убивший когда-то свою тетку подставкой для дров, чтобы украсть ее сбережения, которые она хранила в чулке в соломенном матрасе.

Столь «утонченные» шутки высоко ценились на каторге, чьи обитатели любили живописать свои «подвиги». Однако юмор на Бенуа не подействовал.

— Этот ловкач был не один. Они здесь гуляли все вместе, а потом кокнули его исподтишка. Акомбака, из какого племени этот мертвый индеец?

— Арамишо,— глухо ответил вождь.

— Ты его знаешь?

— Да.

— Кто его отец?

— Большой вождь. Он умер. Жена молодого индейца...

— А!.. Так у него есть жена...

— Да, дочь Панаолина... великого пиэй.— Акомбака понизил голос до шепота.

— Известно ли тебе, почему он покрыт этой желтой пылью?

Объятый страхом краснокожий сумел только отрицательно качнуть головой.

— Ничего не вытянешь из этих скотов,— сказал компаньонам раздосадованный Бенуа.— Будем искать сами. Одно несомненно: хотя желтая пудра ничего не значит, но золото здесь водится наверняка. Держу пари, что эти червяки-индейцы убежали, завидев нас, и предварительно убили своего, чтобы отомстить за наш приход. Матье, дай-ка еще по несколько капель этим трусам, чтобы вернуть им сердце из пяткок. Ну, мои овечки, хлебните для бодрости...

Повеселевшие от водки индейцы нетвердой походкой побрели за авантюристами, которые смело углубились в боковые ответвления пещеры.

Шум подземной реки усиливался, и четверо белых продвигались с большой осторожностью, опасаясь провалиться в какую-нибудь яму. Однако это не помешало Бенуа споткнуться обо что-то твердое и пребольно растянуться, разразившись потоком грубой брани.

— Или мне померещилось...— бурчал он, поднимаясь и отряхиваясь от пыли. Позолоченная борода преобразила его облик.— Да здесь же настоящие булыжники!

— ...Булыжники...— ругнулся Бонне.— Я предпочел бы пойти на приступ баррикады из булыжников, чем шляться по таким «мостовым»... Стоп! Гляди-ка! — Голос его чудодейственно изменился и громко зазвенел.— Да гляди же ты!

И Бонне дрожащими пальцами поднял тяжелый кусок металла неправильной формы, в котором странно отражалось пламя факелов.

— Золото! На этот раз точно золото! Не правда ли, Бенуа? Скажи!

Ликование каторжников было бурным, беспредельным, безумным. Они принялись плясать и горланить. Бенуа внешне выглядел сдержанно, но переживал сильнее. Он поблел и не отводил зачарованного взгляда от самородка.

— Да, это оно,— подтвердил проходимец дрожащим голосом.— Дай-ка рассмотреть... поближе... Черт подери! У меня от радости подкашиваются ноги, отнимается речь! Я просто глупею от возможности разбогатеть!

— А ты уверен, что...

— Да! Говорю тебе — это оно! Точно! Потянет на три килограмма и стоит тысяч десять франков...

Вопли и прыжки возобновились с удвоенной силой при объявлении такой сказочной цифры, к великому удивлению краснокожих, не понимавших причин веселья.

— У меня радость вызывает жажду,— сказал Тенги, запыхавшись и отдуваясь,— я, пожалуй, опрокину бокальчик...

— Нет! — твердо возразил Бенуа.— Выпьешь позже. И мы с тобой. А сейчас надо искать. Кончил дело — гуляй смело! Брось желтого красавчика в мешок, и продолжим разведку.

— Слушаю, шеф! Ты прав. Некогда пить! Да и когда я напиваюсь, то теряю голову... И нас могут обокрасть.

Такое проявление доверия весьма польстило главарию, и он с новым усердием принялся тщательно осматривать землю, на которой углядел вскоре легкие отпечатки босых ног.

— Ага! Ага!.. Становится теплее! Держу след...

Бывший охранник резко наклонился, подобрал какую-то вещь и протянул ее Тенги.

— Прихвати и этого желтенького малыша, чтобы не нарушать традицию...

То был самородок граммов на сто, мнимый кассир упрятал и его в полотняную сумку.

— Кажется, размениваемся на пустяки...

— Предпочитаю что-нибудь покрупнее...

— Не важно, мы даром времени не теряем...

— Слушай, еще один...

— Да это просто дорожка мальчика с пальчик...

— Черт возьми!

— Что случилось?

— Кубышка?

— Сейф нотариуса!

— Старый чулок моей тетушки!

— Да заткнитесь, куча подонков, или я вас смешаю с г...! Птичка-то улетела! Тайник пустой!

Тройной вопль ярости и разочарования потряс своды пещеры и перекрыл шум подземной реки.

Сомнений не оставалось. Яму средних размеров,

усланную сухими банановыми листьями, специально вырыли в грунте у подножия последнего столба, на уровне реки, чьи бурлящие воды искрились между скал в неверном свете факелов. Яма была пустой. Наличие золотых крупинок размером с пшеничное зерно, затерявшихся между листьев, говорило о том, с какой поспешностью освобождали тайник.

— Ограблены! Нас обокрали! — вопили разъяренные бандиты.

— Нет, невозможно! Этот тайник не единственный! Должны быть другие.

— Ищем! Повсюду! Во всех закоулках!

— Да! Только так! Краснокожие нам помогут...

Хотя и неохотно, Акомбака и его люди согласились. Возбужденные томительной надеждой отыскать сокровище, о размерах которого говорил оброненный самородок, грабители больше четырех часов осматривали все уголки пещеры, исследовали каждый дюйм поверхности, зондировали почву возле столбов — и все напрасно! Труды пропали даром.

Их жестокое разочарование проявилось неодинаково, отчасти комично. Грубый мужлан Тенги рыдал, как ребенок. И вполне искренне. У Бонне, существа холодного, с лицом и движениями рептилии, казалось, поехала крыша. В приступе гнева он изрыгал какие-то нечленораздельные ругательства. Ничтожный Матье, пассивный инструмент в руках сообщников, неспособный к решительным действиям, повторял все время с идиотским видом: «Это им так не пройдет! О нет! Это им так не пройдет!»

Что касается Бенуа, то его багровое лицо, налитые бешенством глаза и вздутые на шее вены могли напугать кого угодно. И все же он сохранял видимое спокойствие, делая над собой огромное усилие, чтобы выглядеть хладнокровным и не дать прорваться своей обычной грубости.

— Тихо! — прикрикнул бывший надзиратель зычным голосом. — Прекратите галдеж! Нас обокрали, ну да! Так что же? Думаете, скорее найдем клад, если будете верещать, как красные обезьяны? Святой Боже! Я старая ищейка, мы выйдем отсюда, найдем след негодяев, пустимся в погоню... За два дня их поймает, вот увидите... А пока нужно перекусить, без этого сил не наберешься. Доставайте еду! Время дорого.

Бандиты разложили продукты на земле и вместе с индейцами приступили к трапезе. Настроение шефа заметно

улучшилось. Поистине этот человек обладал неисчерпаемыми ресурсами!

— Абсолютно ничего не потеряно! Акомбака и его парни останутся еще с нами. Надо, чтобы они избавились от скелета колдуна! Я постараюсь им вдолбить, что его следует захоронить здесь. Этот дядюшка становится чересчур обременителен. Ну, а с нашим краснокожим разделиться проще. Мы отправим его в прогулку по реке. Не годится, чтобы он отравлял пещеру, у меня есть на нее виды.

— Какие виды? — поинтересовался Бонне, слегка успокоенный, но все еще лишенный аппетита.

— Очень просто. Мы горячимся, как дети. Вспомните-ка хорошенько, о чем краснокожий говорил доктору и начальнику. Там не было речи о готовом сокровище, уже найденном. Он рассказывал о том месте, где гора содержит много золота. Разве не упоминал он о молотке?

— Это верно,— подтвердил Тенги.

— Ну вот! Мы наткнулись на то, чего и не думали найти, ведь легенда о сокровищах арамишо не вызывала доверия, а вот сейчас мы знаем, что это правда. К сожалению, мы прибыли слишком поздно. Тем более досадно, что тайник, судя по размерам, вмещал килограммов сто пятьдесят золотишка, не меньше! Но птички снялись с гнезд, и тот увесистый самородок, подобранный нами, наверняка был потерян во время бегства. Все происшедшее склоняет к мысли: нашего пленника принесли в жертву, полагая, что он раскрыл тайну сокровища, когда на самом деле он говорил о золотоносных жилах, которые надо эксплуатировать.

— Точно! Так оно и есть!

— Это бессмысленное убийство для нас не имеет значения. Самым главным было добраться сюда! Так вот, знаете ли вы, из чего состоит скала, образующая эту пещеру?

— Нет... Из чего?

— Это золотоносный кварц, самый богатый, какой только есть в Гвиане!

— Да ты что! Ну, тогда и вправду ничего не потеряно!

— Только богатства, заключенные в этом кварце, для нас в данный момент так же бесполезны, как и собственный участок на Луне! Чтобы все это раздолбить, нужны

пестовые молоты*, коперы...** Нужны паровые двигатели, много рабочих рук, провиант и еще куча вещей...

— Тогда для чего ты это рассказываешь? — снова расстроились каторжники, низвергнутые с высоты вспыхнувших было надежд.

— А вот: присутствие кварца указывает на близость рыхлых земель, которые легко поддаются обработке. Они содержат золото в виде зерен или песка. Нам нужно сделать только одно, если не найдем арамишо, а это вполне вероятно, — заняться обработкой этих земель, превратиться в честных золотодобытчиков... Такое ремесло не требует ни сложной техники, ни большого ума.

— А что оно может дать?

— Обычный старатель зарабатывает сто пятьдесят — двести франков в день. Но, поскольку перед нами особо богатые земли, то эту сумму надо учетверить, как минимум...

— Так не будем терять времени! У тебя и самом деле котелок варит...

— Мы подкрепились, больше здесь делать нечего, надо давать тягу. Ты прав: каждая минута дорога.

Разговор подельщики вели на повышенных тонах, чтобы перекрыть шум потока, чьи волны неумоимо бились о свое каменное ложе.

Внезапно Бенуа поразило, что слова его зазвучали с неожиданной звонкостью. Индейцы и трое белых тоже обратили внимание на это странное обстоятельство.

Громкое ворчание воды постепенно затихало, тишина становилась все более угрожающей, непроницаемо глухой.

— Что там еще? — забеспокоился шеф, хватаясь за факел, готовый вот-вот погаснуть.

Он быстро двинулся в глубину пещеры и вдруг застыл как вкопанный, потрясенный зрелищем опустевшего русла. Речки больше не было. Подземные пороги не шумели. Обнажившиеся скалы странно поблескивали, распространяя характерный запах сырости, свойственный погребам или только что осушенным водоемам.

Бенуа ринулся назад, от страха у него шевелились волосы.

Спутники ожидали с тревогой.

— Скорее уходим отсюда! Я не могу понять, что про-

* Пестовый молот — приспособление для измельчения руды.

** Копер — сооружение над шахтой, в котором размещается подъемная установка.

исходит! Наверное, нам грозит опасность! Река исчезла, это плохой признак. Немедленно собирайтесь, нельзя терять ни минуты!

Паника охватила маленький отряд. Но предаваться отчаянию было некогда. Все молниеносно вскочили на ноги.

— К выходу!

Перепуганный злодей двинулся во главе колонны, скорым шагом проделав путь, каким недавно проникли в пещеру, но не увидел впереди ни малейшего просвета. Вместо этого он налетел в темноте головой на огромную скалу, перегородившую дорогу. Холодная дрожь пробежала у него по телу.

— Мы погибли,— пробормотал авантюрист,— если не отыщем выхода! Пещера завалена.

ГЛАВА 6

Откровения старшего робинзона.— Жуткие открытия.— Скудная добыча.— Загадочные следы.— Пройдохи.— История сапожного гвоздя.— Воспоминания о Купере.— Незванные гости.— Хитрый парижанин.— Разведка.— Зеленый склеп.— Ураган.*

Анри отсутствовал два дня. Вернувшись, он крепко обнял мать, пожал руки отцу, братьям, Никола и Казимиру, затем, не говоря ни слова, отцепил лямки, удерживавшие его гамак на могучих плечах.

Он выложил на большой стол из оливкового дерева** довольно крупного ягненка, на сероватой шкурке которого краснели две пробоины от пуль.

Появление юного охотника встретили радостными возгласами. Все обитатели колонии, даже животные, приветствовали старшего робинзона. Однако выражение явной озабоченности сквозило в лице юноши, обычно таком улыбчивом и живом.

Родители не стали докучать расспросами, мать была нежной, как всегда, рукопожатия отца и братьев — такими же крепкими и сердечными. Гокко ошетинили гребешки и потихоньку квохтали. Птицы-трубачи выпускали воинственные кличи. Гуси, куропатки, фламинго заливались на

* Купер (Cooper) Джеймс Фенимор (1789—1851) — американский писатель, автор всемирно известных романов, исторических и приключенческих.

** Оливковое дерево — маслина, дерево, распространившееся по всему миру как масличная культура.

разные голоса. Не только обитатели птичьего двора, но и полудомашние животные принимали деятельное участие в общем хоре приветствий.

Муравьед Мишо, гордо поднявший султаном пышный хвост, похрюкивал от удовольствия при виде Кэти, ручного ягуара, а обезьянка Шарля Сими, расшалившаяся, как в дни далекого детства, вскочила на хищника и начала яростно чесать свой безухий череп, а потом рыться в шерсти своего «верхового коня», выискивая насекомых-паразитов, которые могли там обосноваться.

Эта библейски идиллическая картинка*, это мирное объединение и гармония столь разных созданий, обычно вызывавшие у юноши встречную радость и доводившие до предела общий восторг, на сей раз оставили его равнодушным.

Анри казался чем-то обеспокоенным. Его необычная холодность удивила и встревожила отца.

— Не болен ли, дитя мое? — спросил каторжанин, хотя цветущий вид и гордое поведение юноши явно опровергали такое предположение.

— Нет, папа, — почтительно ответил сын, — ты ведь знаешь, что у меня уговор с моим здоровьем...

— Но ты все время молчишь... Я уже подумал о приступе лихорадки. Видишь ли, мой друг, каким бы крепким ни был европеец, как бы ни приноравливался к местному климату, его давний враг, лихорадка, никогда не дремлет, она находит слабое место, чтобы проникнуть в человеческий организм. Ты долго отсутствовал, никогда еще не проводил столько времени вне дома... Естественно, мы начали волноваться.

— Извините, дорогие мои родители, извините, — повторил Анри, не отвечая прямо на вопрос отца. — Демон охоты увлек меня...

— ...и ты, как всегда, поддался искушению...

— Ну конечно! Когда я чувствую перед собой беспредельность, когда взору открывается девственный лес с неизведанными просторами, с зарослями и огромными деревьями, что-то творится со мной, я весь преображаюсь. Как будто свежий воздух врывается в мозг, дыхание свободы наполняет грудь, мне кажется, что я мчусь в неизвестность, могу объять необъятное!

* «...библейски идиллическая картинка...» — мирная и упокаивающая душу, напоминающая об описанной в Библии жизни древних пастушеских племен.

— Только, чтобы убить ягненка! — лукаво заметил проказник Эжен. — Ты — настоящий охотник за Вечностью, такой тропический Немрод!*

Анри обычно очень находчиво парировал реплики, но на этот раз почему-то смолчал. Никола огорчился: он любил запальчивые, но вполне мирные словесные «турниры» братьев, которые для победителей и побежденных завершались общим залиvistым смехом школьников на переменке.

— Ягненок! Он подстрелил только одного ягненка! За два дня! — подпустил шпильку и парижанин. — Да ты, наверное, встретил русалку, *Matan-di-l'Eau*, как говорит Казимир!

— Нет, нет, компе, — живо возразил добрый старик, и голос его звучал боязливо, — не шутите с *Matan-di-l'Eau*! Она своенравней, чем индианка. Она бывает или хорошей, как белый человек, или плохой, как оякуле!

Пока Никола потешался над страхами старого негра, Анри незаметно подал знак отцу, и мужчины уединились.

Старший из братьев-робинзонов снова прихватил свой лук со стрелами и свистнул ягуару, который тут же ринулся за хозяином. Робен первым нарушил молчание.

— Плохой же из тебя дипломат, мой милый Анри.

— Почему же, отец?

— Да стоит понаблюдать тебя одну минуту и, если не глух и не слеп, сразу определишь, что ты принес дурную весть.

— О! Кто тебе сказал?

— Да мои собственные глаза. Как, такой неутомимый ходок, такой ловкий и непогрешимый стрелок из лука, ты возвращаешься через два дня с этой жалкой добычей! Как, человек с железными мускулами, такой храбрый и самый сильный из нас, ты берешь с собой оружие; ты зовешь с собой верного стража, хотя мы отходим на двадцать шагов. И ты удивляешься моим словам? Я вижу, дитя мое, что нам угрожает серьезная опасность.

— Увы, правда. Мне только не хотелось вызывать тревогу у матери.

— Вот это верно. Узнаю моего сына, мою «правую руку», мое «alter ego»**. Опасность, должно быть, неми-

* Немрод, правильное Нимрод — в библейской мифологии богатырь и охотник, царство которого находилось в Месопотамии. Имя его стало нарицательным для обозначения искусного охотника.

** «Второе я», в данном случае — «человек, который во всем подобен и равен мне».

нуема и очень серьезна, если требует таких предосторожностей...

— Посуди сам, отец. Я нашел следы белых на индейской тропе.

Робен сохранил невозмутимость, только глаза его вспыхнули.

— Это серьезно!..— сказал он врасстяжку.— Очень серьезно. Нисколько не сомневаюсь в твоих способностях «лесного следопыта»... Ты сам видел, сам убедился...

— Сначала у меня еще оставались кое-какие сомнения. Я не впервые обнаруживаю в лесу человеческую тропу. Часто шел по следам индейцев. И научился распознавать, по выражению из псовой охоты, «присутствие» арамишо или, например, эмерийонов... У этих последних отпечатки вывернутых ног никак не спутаешь с изящными и тонкими следами первых, а вот тяжелые вмятины индейцев галибы очень отличаются от легких следов оямпи. Но какое значение имели для нас эти безобидные люди?..

Инженер слушал, не прерывая, сыновнюю исповедь о таких простых и вместе с тем сложных вещах, и то ли от взволнованного искреннего тона, то ли от грозящей близкой опасности он невольно припоминал легендарного героя Фенимора Купера, по чьим стопам его сын шел так уверенно и успешно.

Юноша продолжал:

— Я подзывал свистом дикого кролика. Кэт, сидя возле меня, выжидала удобного момента, чтобы наброситься на него, когда я вдруг увидел в поведении ягуара признаки беспокойства и даже гнева. Ты ведь знаешь отличный инстинкт и бесподобный нюх моего спутника. Очень сомневаюсь, чтобы лучшие ищейки Европы могли соперничать с этим беспощадным охотником, которого мы скорее укротили, чем приручили. Агути* приблизился, учуял нас, удивленно хрюкнул и убежал, но Кэт не обратила на него никакого внимания. Ее сморщенная в ярости морда была обращена в прямо противоположном направлении. Я навострил уши, и мне показалось, что слышен хруст веток, только очень слабый и отдаленный. Я спрятался за большим эбеновым деревом и ждал, удерживая ягуара за шею.

Шум приблизился, и вскоре в нескольких шагах от

* Агути — животное семейства агутиевых, обитающее в Центральной Америке. Внешне напоминает крупного кролика (длина тела до полуметра) с короткими ушами.

меня показались девять краснокожих, которые шли индейской цепочкой. Шестеро мужчин и три женщины, из которых одна, самая юная, пребывала, по-моему, в состоянии полного отчаяния. Высокий старик с суровым лицом что-то ей выговаривал резким тоном. У той вырвалось рыдание, тогда он ударил ее по лицу рукояткой мачете. Брызнула кровь, несчастная нагнула голову и умолкла. Они прошли совсем рядом со мной, и я понял, что индейцы спасались бегством, потому что несли с собой все лагерное снаряжение и буквально изгибались под тяжестью продуктов. Меня не интересовало, куда направляются эти люди, но очень хотелось знать, откуда они вышли.

— Замечательно, мой друг! Хвалю тебя за осторожность. Эти беглецы могут быть осколками большого племени, и важно знать его численность и местонахождение.

— Да, отец, я именно так и рассудил. Немедленно отправился по их следу в противоположную сторону и вышел к тем горам, которые мы посетили когда-то и нашли отличные образцы золотоносного кварца. Но там очертания ступней запутались, а точнее, размножились. След встреченных мною индейцев смешался с отпечатками других краснокожих, а характер грунта не позволил мне точно установить различие между ними. Но мне повезло: я заметил маленькую речушку и обнаружил на берегу приметы тех девяти. Не знаю почему, но сердце мое сжалось. Отпечатки эти напомнили мне Жака, индейца арамишо, которого мы спасли. Вид молодой женщины в слезах, грубость старика, наверное, это их вождь, отсутствие Жака, какое-то тайное чувство говорило о трагедии, произошедшей недавно и недалеко от нас.

Установив исходный пункт беглецов, найдя их отпечатки и тщательно обследовав почву, я уже легче мог разобраться в прочих следах. По-видимому, они принадлежали эмерийонам, потому что у всех был характерный поворот большого пальца вовнутрь. Пять или шесть индейцев из второй группы были без мизинца на левой ноге, и я заключил, что это тиос, припомнив рассказы Казимира об их обычаях.

— А много ли всех было?..

— Человек двадцать — двадцать пять, не считая белых.

— Дело оборачивается все хуже, — задумчиво произнес Робен. — Рассказывай дальше... Не опускай ни одной подробности, даже самой мелкой, не бойся быть многословным. Я с удовольствием подтверждаю, что ты действо-

вал с присущим тебе умом, четко замечал даже то, что на первый взгляд казалось незначительным...

Польщенный похвалой, молодой охотник продолжил:

— Странное дело, все следы соединились в одном месте, с той лишь разницей, что отпечатки арамишо удалялись отсюда, а эмерийонов и тиос оканчивались здесь. Несмотря на самое тщательное изучение местности, я не мог обнаружить ни откуда вышли первые, ни где терялись вторые... Казалось, что гора на время приоткрылась, а потом вдруг захлопнулась, чтобы спрятать ключ к разгадке.

Поиски, однако, не были совсем бесполезными. Я много раз видел на беловатых плитах кварца черные царапины с металлическим отблеском, как будто их оставило на скале что-то металлическое. Это не могло быть ни кончиком стрелы, ни лезвием ножа. Скорее походило на желобок от круглого предмета, величиной с ружейную дробинку. Чуть дальше я заметил сразу четыре на одной горизонтальной линии, с интервалом в полсантиметра. Да ведь это гвозди на подошве, вдруг мелькнуло у меня...

И я не ошибся. В десяти метрах дальше человек оступился и потерял один из гвоздей. Я обнаружил, что шляпка попала в скальную трещину, и вытащил его. Вот он, в моей сумке. Можешь посмотреть. С того момента я знал, что среди индейцев находился белый человек.

— Очень хорошо, мой милый сын! Ты прав в своих рассуждениях. Никто из туземцев Гвианы, а также и негров, не носит европейской обуви! Ну, а что с другими белыми?..

— Тут доказательства менее очевидны, но достаточно убедительны. Я прибегнул к индуктивному методу*. Отряд остановился, не доходя до горы, на увлажненной почве. Они держали совет. Четверо белых находились в центре. Человек в башмаках носит ружье, я нашел след от приклада. А три его товарища ходят босиком, подобно индейцам.

— Но как же ты определил, что это белые?..

— Потому что краснокожие во время отдыха садятся на корточки, и центр тяжести тела переносится на пальцы ног. А белые стояли, пока длилась беседа, думаю, что не меньше четверти часа, судя по глубине и ясности отпечатков.

* Индуктивный метод — метод мышления или исследования, когда от частных факторов переходят к общим положениям, от суждений об отдельных явлениях — к общим выводам.

— Твои объяснения представляются справедливыми. Пришельцы вот-вот раскроют секрет нашего уединения... А при нынешних обстоятельствах чужак легко превращается во врага... Ведь я все еще нахожусь в бегах! Срок моего заключения, как там говорят, далеко еще не истек. И кому-то я покажусь лакомой добычей... Меня могут схватить.

Глаза юноши загорелись решительным и непреклонным блеском. Он сжал рукоятку мачете могучей рукой и твердо заявил:

— Схватить тебя, самого доблестного из всех! Да никогда этого не будет, брось даже думать такое! Робинзоны из Гвианы, под командованием своего отца, отразят нападение хотя бы целой армии! Враги могут опустошить наши плантации, разрушить постройки, уничтожить дом, но у нас всегда останется лес! А! Пусть только они явятся сюда! Пусть только замахнутся, только вымолвят слово, тронут хоть один волосок на твоей голове! И ты увидишь, достойны ли дети изгнанника своего отца!

— О, мальчик мой! Но каково придется нашей матери среди таких опасностей и приключений?

— Моя мать — это подруга льва. Ей не привыкать к тяготам жизни, и она презирает любую опасность. А потом, разве мы не готовились долгие годы к возможному нападению? Никогда не думали о чужом вторжении в нашу спокойную, уединенную жизнь? Ты же сам учил нас никогда не падать духом!

— По здравому размышлению, ситуация не кажется мне такой уж безвыходной. Большие события могли произойти в колонии за те десять лет, что мы не общаемся с цивилизованным миром. В ту эпоху вообще не было речи об открытии золота. Кто знает, быть может, сейчас рудные жилы или хотя бы золотоносные участки разрабатываются в больших объемах? А что, если наши незнакомцы — всего лишь горнорудная поисковая партия?

— В сопровождении индейцев? Ну, это сомнительно. Так что же нам все-таки делать?

— Ты поступил разумно, предупредив меня первым о событии, которое тебе хотелось скрыть от матери и братьев. Однако их тоже надо поставить в известность, и как можно скорее. Мы посоветуемся все вместе и тогда примем решение. Важен голос большинства.

Обеспокоенные необычным поведением Анри, обита-

тели усадьбы начали волноваться по поводу столь длительной беседы. Ледяным молчанием встретили они сообщение Робена.

Случай довольно редкий: Никола, который обычно давал выговориться своим юным друзьям и высказывался после всех, на сей раз первым нарушил молчание. Он поддался бессознательному порыву, который заставляет говорить против воли, если тебя вдруг осеняет мысль, кажущаяся бесспорной.

— Месье Робен, и ты, Анри, вы подумали обо всем, кроме одной вещи.

— Какой? — в один голос воскликнули оба.

— Эти четверо белых те, с кем нам пришлось уже иметь дело. Мы их вытурили с реки, а они нашли другую дорогу, примкнув к индейскому племени, и теперь зашли нам с тыла. Убежден, что так оно и есть. Эта мысль все время сверлила мне мозг, пока вы говорили; я напрасно уверял себя, что могу ошибаться. Поверьте мне, не ищите других вариантов. Суть в этом.

— Скорее всего, ты прав, Никола. Хоть и невероятным кажется подобный факт, мы должны принять его без возражений, пока не получим опровергающих доказательств.

— Черт бы побрал этого попрыгунчика-краснокожего с его рассказами о тайнах золота и всякими признаниями при луне! Лучше бы он откусил свой язык, чем втягивать нас в такую авантюру! Ах, месье, какое несчастье, что вы не позволили Анри наспиговать четырьмя хорошими стрелами эту пернатую дичь! Уверяю вас, что ничего хорошего не приходится ждать от людей, которые так обращались с пленным. С какой бы радостью мы встретились с белыми людьми, честными искателями золота, а не отбросами каторги! Повторяю: я хотел бы ошибиться, но приходится утверждать, что это соседство создает нам неминуемую и серьезную угрозу.

— Но мы не можем атаковать без всякого повода?

— А если они нападут на нас первыми, разорят дом, подорвут основы нашего существования? Разве вы не знаете, что эти субъекты толкуют уважение к людям и справедливости как проявление слабости, как возможность успешнее добиться своей подлой цели?

— Ну, а если они лишь ненадолго появились в наших пределах и уберутся, когда выполнят намеченную программу?

— Тогда они возвратятся в большем количестве,

и опасность только возрастет. Я отстаиваю первоначальную идею: пиф-паф,— парижанин изобразил пуск стрелы,— и ваших нет!

— Не будь таким нетерпимым, мой дорогой Никола, я согласен, что необходимо принять самые срочные и действенные меры. Мы должны как можно скорее выяснить местонахождение чужаков и постараться узнать их намерения. Задача трудная, но, надеюсь, выполнимая. Ведь нам приходилось оказываться в не менее сложных обстоятельствах, но всегда преодолевать преграды. Вот что я предлагаю. Мы вчетвером уйдем послезавтра — Анри, Эдмон, Эжен и я. Шарль с матерью остаются дома, при них Никола и Казимир, они терпеливо ждут нашего возвращения. Кэти также будет стеречь дом.

— А если во время нашей отлучки отряд негодяев тоже придет на разведку?

— Я предвидел такую ситуацию, дитя мое! Мы сейчас начнем строить хижину недалеко от реки, в совершенно уединенном месте. Наполним ее всем необходимым, скроем следы свои и разместим там наш резервный отряд. А «Добрая Матушка» останется как бы покинутой... Самое худшее, что может произойти — это найти ее однажды разграбленной до основания. Но мы снова все восстановим.

Этот план, простой и несложный в исполнении, получил общее одобрение. Хижину воздвигли недалеко от того места, где десять лет назад произошла смертельная схватка тигра с муравьедом, после чего появились в колонии маленькие Кэт и Мишо.

Мадам Робен, привыкшая за долгое время к бесконечным перипетиям* жизни лесных изгнанников, спокойно отнеслась к уходу мужа и троих сыновей. Она верила в их опыт и неустранимость. Никола сперва огорчился, что его обрекли на бездействие, но вскоре успокоился, ведь ему предстояло охранять свою благотельницу. Он проводил четырех путников до границы «Доброй Матушки» и медленно возвратился, тщательно уничтожая следы.

Наш славный друг парижанин был неплохим телохранителем. Никто не узнал бы в этом коренастом молодце с выпяченной грудью, с кирпичного цвета лицом, ясным и смелым взором того наивного путешественника, который десять лет тому назад так всему удивлялся в этом

* Перипетии — здесь: резкие перемены существования, полные неожиданных испытаний.

загадочном тропическом лесу. Он уже чувствовал себя здесь, как в Париже, и приспособился к первобытной жизни удивительно быстро. С луком он обращался не хуже любого краснокожего, след брал, как заправский охотник, и не было ему равных в разгадывании хитростей агути, ягненка или броненосца*.

Надо было видеть, как бережно расправлял он смятую травинку, цеплял на место лиану, кончиком пальца осторожно поправлял случайно поврежденный муравейник, одним словом, придавал местности первозданный вид, способный обмануть самое изощренное зрение. Когда он, торжествуя, вернулся в хижину и горделиво произнес: «Все в порядке!», мадам Робен и юный Шарль нисколько не усомнились в своей полной безопасности.

Что касается всегда радостно озабоченного Казимира, то его широкая и добрая улыбка говорила об удовлетворенности старого негра. Он гордился своими учениками, особенно Никола, который позже всех поступил на «курсы робинзонов». Так что благодушный старик повторял безудержно и с удовольствием: «Компе Никола давно обогнал негра, у него нет соперников в мире, кроме муше Анри».

В это же время Робен с сыновьями медленно, но уверенно продвигались по следу, обнаруженному Анри. Они шли индейской цепочкой, не обращая внимания на жару, не производя ни малейшего шума, который мог бы нарушить своеобразную тишину лесного океана. Как бы играючи, они несли на могучих плечах гамаки, продукты, оружие. Бесстрашные колонисты давно привыкли к походным условиям жизни со всеми ее причудами, как доблестные солдаты Африканского корпуса** в силу постоянной напряженности обстановки выработали у себя способность к быстрым и неожиданным переменам обстоятельств, чем удивляли даже самих арабов.

За весь день сделали только одну остановку на берегу реки, чтобы перекусить. Меню отшельников состояло из горсти размоченного в воде куака да маленького кусочка копченого мяса, и только раздражило бы аппетит у обыкновенного человека.

* Броненосец (армадил) — единственное млекопитающее, тело которого покрыто панцирем из роговых пластинок; при опасности свертывается в шар. Обитает в Центральной и Южной Америке.

** «...доблестные солдаты Африканского корпуса...» — с 30-х годов XIX века Северная Африка стала объектом французской колониальной экспансии. Тогда же в Алжире для боевых действий были созданы воинские отряды.

Но в гвианских лесах люди воздержанны. Тем более что тяжело нести с собой слишком много провизии.

Солнце клонилось к закату. Было около пяти вечера. Через час раскаленное светило скроется, день резко сменится ночью без мягкой полосы сумерек. Настало время позаботиться о стоянке, чтобы не быть захваченным темнотой врасплох. В обычное время робинзоны привесили бы свои гамаки к первым попавшимся деревьям в метре от земли, держа оружие под рукой. К несчастью, они находились в глубине непроницаемой чащи из огромных деревьев, плотно укрывавших развесистыми ветвями влажную и жирную землю. Мы говорим «к несчастью», потому что и утром и вечером эти участки леса остаются затопленными одним из тех ливней, чья невероятная мощь не поддается никакому описанию.

Днем от солнечного жара возникают густые испарения, плотные как лондонские туманы. Это облако, насыщенное миазмами* — настоящий саван для европейцев, — медленно поднимается сквозь кроны. Волны его тяжело плавают до вечера, малоподвижные и как бы зацепившиеся за самые высокие верхушки. А когда пылающая шевелюра** лучей исчезает и температура резко снижается, эти постоянно нарастающие тучи разрываются шквалом*** дождя, хлещущим по листьям, каскадами стекающим по стволам, скручивающим лианы и превращающим землю в озеро. Такое явление наблюдается дважды в день в местах наибольшей плотности леса. Только раскорчевка может предотвратить повторный ливень.

Робинзоны, люди опытные и осторожные, решили любой ценой избежать потопа, который готов был обрушиться на них через какой-нибудь час.

Не так страшно, если промокнешь в пути. Ходьба продолжается, и одежда постепенно высыхает. Но ночью вымокший путешественник, словно только что вышедший из реки, неподвижен в своем гамаке. Он не в состоянии бороться с влажным холодом, который пронизывает до костей. Он вскоре коченеет, его бьет дрожь, начинается лихорадка, и может наступить губительный приступ. В пяти случаях из десяти человек погибает.

Четверо путников, после тщательного изучения обста-

* Миазмы — зловонные и вредные для здоровья человека испарения.

** Шевелюра — волосы, прическа; здесь слово употреблено в переносном смысле.

*** Шквал — резкий, неожиданный и сильный порыв ветра.

новки, решили соорудить хижину, пускай не самую основательную, водонепроницаемую. Даже такие скромные постройки оказывают значительную помощь племенам тропической зоны. Достаточно четырех столбов — обычно выбирают расположенные по квадрату деревья, — соединенных с помощью лиан легкими перекладинами. Эту конструкцию покрывают листьями, образующими «крышу». Нет необходимости в боковых стенках, потому что дождь падает отвесно. Когда найдено подходящее место для «хижины», оно очищается от травы и кустарника, и через полчаса вы располагаете укрытием, где можно спокойно переждать самый бурный ливень. Важно избежать соседства сухих деревьев, которые могут свалиться от малейшего толчка и причинить большие неприятности.

Наши друзья, приняв необходимые меры предосторожности, уже около часа дремали под сенью своей «хижины», когда внезапно разразился ураган.

Поистине удручающая картина! Дождь осложнился настоящей бурей. Нет ничего более волнующего и тревожного, чем пылающие вершины, пронзающие густое облако; ничего более странного, чем неподвижность древесных великанов, кажущихся колоннами огненного свода; ничего ужаснее яростных вспышек молний, сопровождаемых непрерывными раскатами грома, которые бесконечным эхом разносятся под лиственными арками.

Однако ни один порыв ветра не колышет лесные дебри, всегда недвижные и как бы окаменевшие. Буря в тропиках напоминает канонаду* в пекле.

Подавленные, оглушенные, ослепленные робинзоны терпеливо ожидали завершения грозы, когда потрясающей силы удар раздался над их головами. Земля затряслась. Деревья, служившие опорой для навеса, отклонились в стороны, и хрупкое сооружение из листьев рухнуло. Затем страшный грохот перекрыл небесную канонаду: весь участок леса обрушился, похоронив стоянку под огромным зеленым шатром.

* Канонада — одновременная стрельба из многих артиллерийских орудий, в переносном смысле — сильнейший, оглушительный грохот.

ГЛАВА 7

В каменном плену.— Опыт каторжанина.— Проньра.— Погребение колдуна.— Дипломатия бандита.— Крик в джунглях.— Встреча врагов.— Поляна смерти.— Ликование палачей.— Последний ритуал.— Возвращение бони.— Загробная история безголового вождя.

Ярость Бенуа, попавшего в каменную ловушку, не ведала границ. Известно, что терпимость и благодушие не относились к добродетелям бывшего надсмотрщика. И он дал выход природной грубости с такой безоглядностью, на какую только была способна его свирепая натура.

Очень сдержанные во внешних проявлениях гнева или страдания, индейцы помыслить не могли о такой щедрости проклятий и самой отборной ругани. Этот поток брани, зычные раскаты голоса, непомерная мощь голосовых связок в соединении со свирепой мимикой, возвысили бородача в глазах изумленных дикарей.

А ошеломленные белые хранили испуганное молчание: проявлять такой «первоклассный» гнев конечно же пристало только великому вождю.

Брань звучала добрые четверть часа, а затем у Бенуа перехватило дыхание, иссякла слюна, и ругань прекратилась. Он кончил тем, с чего должен был начать: заявил о необходимости поискать выход из положения. Покрутившись, как медведь в клетке, по пещере, изучив все ее закоулки, бывший стражник попытался сдвинуть камень, закрывший вход, но не добился никакого успеха и не столько сел, сколько брякнулся на землю в полной растерянности, совершенно неожиданной для этого человека.

— Ну что, шеф? Почему молчишь? — почти с робостью осведомился Тенги.

Хорошо знакомый с камерами-одиночками, Тенги не испытывал того давящего ощущения от закрытого пространства, которое обычно угнетает людей, привыкших к естественному простору.

— Что тебе сказать? Плохо дело. Я привык «запечатывать зеков», держать каторжников под запором, а не выкидывать штучки с побегами.

Несмотря на серьезность ситуации, трое преступников расхохотались. Это бесхитростное признание в устах бывшего надзирателя очень польстило им.

— Видишь ли, шеф, — поучительно сказал Бонне, — если бы тюремщики охраняли заключенных с такой же

бдительностью и усердием, какие те вкладывают в свои тайные планы, то никогда бы не было побегов. Пленнику удастся его предприятие, потому что он только о нем и думает.

— Ну ладно! Поторопись-ка и ты подумать, как выбраться отсюда. Вы же лучше меня разбираетесь во взламывании дверей.

— Плоды серьезного образования,— иронически бросил плут.

— Кончай базарить! Каждому своя роль. У меня одни способности, у вас — другие. Бонне, ты здесь самый большой мошенник, настоящий проныра, бери дело в свои руки, организуй что-нибудь! Ты увидишь, что я умею повиноваться.

— Вот это другой разговор! Беремся за дело, потому что долго мы здесь не протянем. Пища есть, а вот воды — ни капли. Те, кто нас тут завалил, знали, что делали, отводя русло реки.

— Ты полагаешь, подземную речку осушили специально?

— Убежден! Наши враги наверняка уступают нам в количестве и не решаются атаковать. Им показалось удобнее уморить нас голодом и жаждой.

— Гм, это вполне возможно... После всего, что произошло...

— Сам увидишь, что я прав! Мы выйдем наружу через два дня, или я не буду, как ты говоришь, самым большим пронырой среди твоих бывших подопечных! Приступаем к делу, время не ждет. Это видно по вытянутым физиономиям бравого Акомбаки и его людей. Они могут счесть, что шутка чересчур затянулась... Для начала набрасываем план. К счастью, у нас есть руки. Работа несложная. Ты атакуешь скалу силами наших союзников. Да неужто эта чертова дылда не поддастся мачете! Разве мы не буравили тюремные стены в одиночку, в темноте, под недремлющим оком стражников... И всего лишь каким-нибудь гвоздем, обломком миски или даже кусочком стекла... А я тем временем внимательно осматрю помещение.

Бандит взял факел и отправился в галереи, ведущие в глубину пещеры.

Тиос и эмерийоны, подстегнутые алкогольной дозой, которую щедро отмерил им Бенуа, яростно вгрызлись в глыбу, загородившую выход. Результат показался вначале обнадеживающим. За несколько минут они довольно заметно продвинулись, поскольку слюдяная порода оказа-

лась рыхловатой. Но вскоре мачете наткнулись на диорит, от которого отскакивали с искрами. Скальная порода обладала твердостью, не уступавшей самой стали. Потребовался бы горный бур*, чтобы в итоге изнурительного труда врубиться в эти блестящие плиты, спрессованные в каменные монолиты** за тысячи веков несравненным рабочим — временем.

Бывший надзиратель почувствовал, как сразу вспотела его голова и ледяная дрожь пробежала вдоль спинного хребта, едва представилась ему в полной мере бесполезность самых энергичных усилий. Узкий проход, открывавший доступ в пещеру, появился в цельной скале в результате геологического сдвига и представлял собой овальную трубу от четырех до пяти метров длиной, а высотой до полутора метров. Он расширялся к краям с наружной стороны, так что камень, закупоривший проход, как бы впечатался в эту воронку.

Невозможно втянуть камень внутрь, поскольку его объем больше узкого коридора, невозможно и вытолкнуть наружу, потому что его наверняка придавила огромная масса земли.

В этом плане все попытки обречены.

Вернулся Бонне из своей разведки, и у него результаты оказались плачевными. Острая мордочка каторжника сохраняла бесстрастность, а грубое лицо Бенуа исказила судорога отчаяния и покрыл обильный пот.

— Ничего... — пробормотал он отупело. — Ничего!.. Значит, нам придется здесь умереть! Я все предвидел, кроме такой ужасной смерти. Быть заживо погребенным! Никогда не думал... Уж лучше бы мне раскроили котелок!

— Эй, кисляй! — язвительно бросил Бонне. — Ты, кажется, набрался страху?

— А то нет...

— Да ладно тебе, мокрая курица! Я еще не пою себе отходную...

— Но индейцы не понимают, что происходит, и начинают роптать. Если так продлится, они разорвут нас в клочья.

— Дай им выпить.

— От водки еще хуже... Она их разьярит.

— А ты заставь их биться между собой. Они друг

* Бур — орудие для сверления скважины в земле или камне.

** Монолит — цельная каменная глыба.

друга поубивают, а мы съедим убитых, чтобы протянуть время*.

— Значит, у тебя нет никакой надежды?

— В данный момент никакой, но я возьму другой факел и снова пойду искать.

— Я с тобой. Не могу оставаться на месте. А тут еще невыносимо смердит этот труп, который они приволокли и сюда... Тенги и Матье нальют им водки, а я пойду, меня тошнит...

— Идем! Раз ты ни на что больше не годен, понесешь огонь...

Двое мужчин, пробираясь медленно, но без особого труда, вскоре вышли к берегу иссохшего потока. Бонне с надеждой поскреб дно темной канавы кончиком ножа и как бы про себя вымолвил:

— Если еще и остается шанс на спасение, то он здесь. Потому что вода проникает сюда через одно отверстие и выходит через другое. Что скажешь на это, шеф?

В ответ раздался хриплый вопль Бенуа, который внезапно поскользнулся и кубарем полетел вниз, выпустив факел из рук.

— Бенуа! — закричал каторжник, не на шутку встревоженный. — Бенуа! Ты ранен? Отвечай!

— Нет, — прозвучал глухой голос, — но я сильно ушибся. Ничего не сломал как будто, больше страха набрался...

— Слушай, подними факел... Вот так, свети мне! Я сейчас спущусь. Тут вниз метра два, не больше...

— Примерно так... Но берегись острых выступов, это чудо, что я не распорол себе живот...

— Хорошо... Спускаюсь... — ответил Бонне, цепляясь за камни и стараясь мягко ступать кончиками пальцев. — Раз... Два... Оп! Порядок! Везде можно освоиться, если знаешь, как взяться за дело...

— Ай! О-ля-ля!..

— Да что еще с тобой? — встревожился каторжник.

— Не могу идти.

— Тогда беги!

— Думаю, что у меня вывих.

— Только этого нам не хватало! Вот растяпа!

* Предложение, вложенное мною в уста этого человека, — чистейшая правда. Немало побегов совершено из гвианских тюрем. И в итоге редкое из них обошлось без ужасающих сцен антропофагии. В юридических анналах нашей колонии содержится многочисленные рапорты, которые я перенес слово в слово и опубликую позже. (Примеч. авт.)

— Нет, мне уже лучше, ногу только печет, но я могу на нее опираться.

— Тогда в путь.

Два авантюриста осторожно двигались по высохшему руслу реки, чье ложе представляло собой причудливую нить запутанного лабиринта. Вскоре начался довольно крутой подъем. Вероятно, они уже достигли, а может быть, и превосходили высоту свода пещеры.

— Дело движется,— успокаивал Бонне компаньона, ковылявшего за ним.— Дело движется очень хорошо! Эти добряки, законопатившие нас, полагали, что отрезали все пути к спасению, потому что лишили пещеру воды... Но они не продумали всего до конца. Стоп! Я же говорил тебе! Погляди наверх!

— О! Воздух! Свет! — заорал Бенуа, заметив в двух метрах над головой небольшое отверстие, сквозь которое виднелся кусочек голубого неба.

— Отсюда вода вливалась в грот, наши дурачки установили перемычку перед дырой, не ведая, что «худющий» Бонне сможет туда проскользнуть.

— Как, ты надеешься пролезть?!

— Черт подери! Мне удалось убежать из тюрьмы Питивье через дыру, на треть меньшую. Видишь ли, я — настоящий угорь!* Тюремщик мой был добрый человек, хотя и глуповатый, он дал мне листок белой бумаги. Я нарисовал гильотину** и повесил свой шедевр*** на стену. «Я пройду через это», — говорил ему всякий раз, когда он приносил мне дневной рацион. «Надеюсь, что нет», — следовал неизменный ответ. Бедняга имел в виду эшафот, а речь шла о дыре, которую я ковырял крючком от окна и прикрывал всякий раз рисунком. В одно прекрасное утро птичка выпорхнула из клетки. А на том листке осталась надпись: «Ухожу на сбор винограда».

Через полмесяца меня схватили в крестьянском погребке, где я пил отличное вино и оставил у хозяина несколько тысяч франков, бывших при мне. Поскольку пьян я был в стельку, то меня премило упаковали, отвезли в Орлеан и снабдили билетом последнего класса в дом заключения Пуасси.

* Угорь — длинная тонкотелая рыба, похожая на змею.

** Гильотина — орудие для обезглавливания преступников, падающий с высоты тяжелый нож особой формы; названа по имени изобретателя, врача Ж. Гийотена (Гильотена), предложившего этот способ казни во время Французской революции 1789—1794 годов.

*** Шедевр — прекрасное произведение искусства; здесь слово употреблено в ироническом смысле.

Ну, хватит болтать! Пора переселяться, как в Питивье. Только два слова еще! Когда выберусь отсюда, то найду вход в пещеру и уберу все, что мешает вытолкнуть камень изнутри. После этого подам сигнал свистом, а вы объедините все усилия — и разрази меня гром, если не удастся спихнуть каменюку!

— Решено! — отчеканил Бенуа, которому перспектива близкой свободы вернула энергию.— Погоди минутку, я тебя подсажу.— Бывший надзиратель изогнулся дугой вдоль стены.— Залезай на плечи!

— Вот теперь порядок, руки достают до «форточек»... Голова проходит. Шкуру на боках обдеру, но это пустяки, маленькое неудобство... Должен пролезть, на тюремных харчах я живота не нагулял...

Каторжник подтянулся что есть силы, как-то уменьшился в размерах, вытянулся, напряг все мускулы, даже стал вроде более плоским и в конце концов протиснулся в узкое отверстие. На несколько минут он застрял на полпути, среднюю часть тела сжало словно тисками. Бонне не в состоянии был ни продвинуться вперед, ни вернуться; наконец ему удалось высвободить руки, он поболтал отчаянно ногами, кости его затрещали, кожа была ободрана в кровь.

Раздался долгий крик облегчения: беглец на свободе!

Когда маневр увенчался успехом, не столь сложно было выполнить остальную часть плана. Намерения ловкача осуществились с точностью, на какую он сам не рассчитывал. Вход в пещеру, который негодяй отыскал в несколько минут, оказался заваленным целой горой камней; лишь мина могла разворотить ее одним ударом. Бонне достиг этого результата за два часа ожесточенной работы. И следа не осталось от «холма», который насыпали арамишо при своем поспешном бегстве.

Пленники объединили усилия, согласовали движения и толкнули камень с такой силой, что он покачнулся, а потом с грохотом покатился по склону горы до самого низа. Вопль радости и ликования вырвался у белых при виде солнца, чьи пламенные лучи они уж не надеялись почувствовать на своей коже. Индейцы пели и плясали, вытащив на свежий воздух труп своего пизэй, еще более разложившийся. Уступая настояниям Бенуа, они согласились похоронить колдуна недалеко от пещеры, предварительно срезав его длинные волосы, чтобы предать их земле с необходимыми почестями в нужное время и в надлежащем месте.

В доску пьяные и совершенно отупевшие краснокожие без особых переживаний восприняли свое заточение, которое могло оказаться для них роковым. Оставило их равнодушным и возвращение к свету, к жизни в девственном лесу. Единственным их желанием было поскорее вернуться к себе вместе с волосами своего пизэй, чтобы снова начать похоронную церемонию, уснащенную обильными возлияниями. Не видя в данный момент подходящего предложения для поглощения кашири или вику, озабоченный благом подчиненных, как и своим собственным, Акомбака собирался подать сигнал к возвращению.

В конце концов он сдержал обещание. Белый вождь сумел благодаря его помощи достичь цели, а ему, Акомбаке, теперь нужно выполнять свои обязательства. Пора вернуться к реке и отправиться на войну с бони и полигуду.

Но Бенуа был решительно против. Краснокожие — слишком ценные помощники, чтобы он согласился лишиться их услуг. Отлично зная слабости этих больших наивных «детей», жадных и ленивых, мошенник без особого труда соблазнил их снова.

— Неужели вождь краснокожих, — нравоучительно начал надзиратель, — откажется покарать убийцу великого пизэй своего племени? Неужели он до такой степени опустился, что забывает, как старая женщина, об оскорблении, нанесенном ему и его воинам?

— У моих молодых мужчин нет больше пищи, — жалобно сказал пьяница. — Жестокий голод станет бурчать в их животах, у них не хватит сил, чтобы сражаться с неграми Марони. А кто защитит наших женщин, детей, стариков, если голод паразит и отберет у них силы?

— Но разве честь для краснокожих мужчин не превыше всего?

— Индеец идет в бой только сытым, — возразил вождь, перефразируя, сам того не ведая, изречение известного маршала: «Солдат не станет сражаться, пока не съест тарелку супа!»

— Пусть тебя это не беспокоит, — заверил Бенуа. — Я поведу вождя и его воинов на такие плантации, каких не видел ни один индеец с тех пор, как великий творец мира Гаду создал людей, животных и леса.

— Мой брат говорит правду?

— Белый вождь никогда не лжет, — бесстыдно заявил прохвост.

— Когда мой брат покажет эти плантации тому, «Кто уже пришел», и его воинам?

— Когда солнце появится после того, как дважды заснет за большими лесами, мои братья эмерийоны и тиос будут хозяйничать на полях батата, ямса и маниоки, они будут купаться в изобилии и смогут, не работая, провести время великих дождей.

Это доконало индейца, аргументы белого казались неотразимыми. Договорились, что они без задержки отправятся в эту загадочную прекрасную страну, где можно хорошо есть, пить, спать и где их ждет одна забота — готовить пищу и крепкие напитки.

Наконец колонна снова двинулась с места, к великой радости Бенуа, утомленного тяжким бременем власти. Внезапно он обрел свои старые прозаические привычки и без умолку болтал с компаньонами.

— Уф! — говорил он Тенги, который ничего не понял из его беседы с вождем, но проявлял доверительное восхищение. — Я снова спас ситуацию!

— А я спас нашу кассу, — отвечивал каторжник, показывая растертое лямкой плечо, на котором болталась увесистая сумка, бывшая при ходьбе по ногам.

— Ну да, конечно... Самородок! Я чуть не забыл о нем...

— А я помню! Хорош цыпленочек! Такой не часто сыщешь в наконечнике индейской стрелы!

— Терпение, ребятки, терпение! Скоро найдем что-нибудь и получше!

— Да, пусть это будут такие же булыжнички, как в моей сумке! Большого и не надо! Можешь нагрузить меня, как мула, понесу за милую душу!

Отряд неторопливо продвигался в направлении «Доброй Матушки». Читатель уже догадался, что целью авантюристов был райский уголок робинзонов. Этим шагом Бенуа делал выпад мастера в фехтовальном поединке. Он намеревался в одночасье сохранить в своем распоряжении целое племя, которое заставил бы в дальнейшем переселиться в этот благодатный район, и удовлетворить свою давнюю ненависть к Робену.

Ураган обрушился на них недалеко от того места, где робинзоны, не подозревая о нависшей над ними двойной опасности, разбили стоянку. Бандиты слышали грохот от падения вырванных с корнем гигантов, но слепая стихия, поразившая невинных, пощадила прохвостов.

Яростное буйство природы миновало, как детский гнев, тяжелые облака рассеялись, и полная луна залила безмятежным светом блестящую водяными жемчужинами листву.

Дикие обитатели леса, напуганные внезапным шквалом, разбежались. Под просторными зелеными куполами не разносилось больше эхо разнообразных голосов зверей и птиц, промышляющих охотой... Все вдруг примолкло перед разбушевавшейся природой.

Один лишь звук нарушил мертвую тишину джунглей. Донесся человеческий крик, скорее стон, один из тех тоскливых призывов, что разрывают туман агонии, плывущий над полем битвы. Голос не звал на помощь. Это был всего лишь бессознательный протест живого существа против страдания.

Суеверные дикари боязливо приблизились к белым.

— Ты слышал? — прошептал Акомбака на ухо Бенуа.

— Да, я слышал голос пизэй, который зовет к месту, — немедленно нашелся проходимец.

Звук повторился, затихающий и тревожный.

— Это человек, без сомнения! — передумал бывший надзиратель. — Да кого же занесло в такое место и в такую пору? О, черт... А если... Ей-богу, не удивлюсь... Те самые типы, что украли золото из пещеры, а потом так любезно запечатали нас в ней!

Бородач поделился своими предположениями с сообщниками, и те, как всегда, поддержали его. Тенги даже повеселел, решив, что «кубышка» вполне может находиться при них.

— А ты не так глуп, как кажешься, дубовая голова! — заявил главарь, называя бандита ласковой дружеской кличкой, что сберегалась для особо торжественных случаев. — Идемте, время дорого! Попробуем размотать узелок...

Индейцы последовали за Бенуа, невзирая на отвращение, испытываемое к ночному маршу и усугубленное ужасом таинственного крика. Отряд подошел к месту, где ударила молния и ураган причинил наибольшее опустошение. Луна заливала мертвенным светом обширную вырубку, созданную самой природой. Оставшиеся стоять деревья образовывали кольцо вокруг ужасающего нагромождения расщепленных и поверженных стволов, перепутанных крон, сломанных ветвей, порванных лиан.

Небольшое светлое пятно выделялось на мрачном фоне, и находилось оно довольно близко от авантюристов. Сухая ветка треснула под башмаком шефа. Белый предмет вытянулся, увеличился в размерах, затем принял вертикальное положение. Это был человек, по-видимому, раненый, а может быть, только оглушенный ударом.

У одного из индейцев вырвался возглас удивления или ужаса.

— Кто вы такие? — крикнуло «привидение» по-французски.

— А ты сам кто такой? — грубо парировал бывший охранник.

— Раненый, который нуждается в помощи для себя и для своих товарищей!

— А много ли вас?

— Четверо. Ураган обрушился на нашу хижину, и мои товарищи погребены под ветками... Быть может, они погибли! — добавил человек, слезы мешали ему говорить.

— Ну, мужайся! Все будет в порядке! Мы вам поможем!

Бенуа приблизился к незнакомцу, которого появление столь многочисленного отряда ни взволновало, ни удивило. Отвесный луч упал на лицо говорившего. Он оказался совсем еще молодым человеком.

— Черт побери! — вырвалось у пораженного надзирателя. — Я должен поставить большую свечку Богу-громовержцу. Но разразят меня силы небесные, если этот парень не тот самый, что сопровождал Робена!

— Умоляю вас, поторопитесь! Мне кажется, что они без сознания! Помогите мне приподнять эти деревья и ветки!

— Мы идем, молодой человек, мы идем! И с большой радостью, можете мне поверить!

— О! Благодарю на добром слове!

— Вы ранены?

— Нет! Но у меня сильные ушибы. Мне кажется, что все конечности мои разбиты!

— Вот этот человек, — шепнул Бенуа индейскому вождю, — враг твоего племени! Следи за ним, чтобы он не улизнул! А мы схватим остальных. Видишь, сам Гаду помогает нам!

Трое каторжников и краснокожие действовали быстро и уверенно. Давний опыт жизни в девственных лесах позволил им сразу организовать спасательные работы. Одни проскальзывали под нижние ветки с гибкостью рептилий. Другие осторожно действовали мачете, прокладывая тропинку к месту, указанному юношей. Именно там находился, по его словам, разрушенный бурей шалаш.

После часа кропотливых трудов из груды зелени раздался приглушенный голос Бонне. Благодаря поразительной природной ловкости, каторжнику-«кощею» удалось

подобраться к месту, где распростертыми лежали трое мужчин, неподвижные, словно трупы. По счастливому стечению обстоятельств они оказались под огромным оливковым деревом, которое, сломавшись в пяти футах над поверхностью почвы, продолжало опираться на основание ствола, создав таким образом наклонное прикрытие над поверженными людьми.

Все они были в обмороке, но без внешних телесных повреждений. По всей видимости, потерю сознания вызвала огромная сила удара, бросившего их оземь.

Спасатели устремились к тому месту, откуда раздавался голос Бонне. Находясь, как водолаз, на дне зеленого месива, он дал шепу краткие наставления. Решили прорубить нечто вроде колодца в густом слое растений, высота которого в этом месте достигала семи-восьми метров. Молодой человек, с которого Акомбака не спускал обеспокоенного взгляда, орудовал энергичнее всех. Сила и ловкость вернулись к нему, и трудился он за четверых, не меньше.

— Вот такого помощника не надо тянуть на веревочке,— бурчал Бенуа, которого начинала волновать эта атлетическая сила, несмотря на присутствие телохранителей.

После нескольких неудачных попыток освободить раненых из заточения удалось с помощью креплений от гамаков осторожно поднять их наверх и перенести к разложенному костру.

Юноша издал ликующий крик, он готов был кинуться к своим товарищам, но не успел: внезапно его повалили на землю, накинув на голову и на плечи гамак, словно невод, в ячейках которого он запутался, а ноги быстро стянули крепкими лианами.

— Спокойно, мой дружок, спокойно! — с ласковой ироничностью изрек надзиратель.— У нас есть маленький счет к этому типу, который так похож на вас и которого я знаю очень давно... Вот мы и должны с ним уладить наши дела...

Двое юношей и их отец, которых усердно растирали заботливые индейцы, постепенно приходили в себя. Глоток водки, введенный через сжатые челюсти, окончательно вернул их к жизни. В тот момент, когда глаза их открылись свету, растерянно уставившись на огонь очага с естественным изумлением людей, не верящих, что они еще живы, в тот момент, когда грудь их наполнилась первыми порциями свежего воздуха, они вдруг снова остолбенели, обнаружив, что крепко связаны по рукам и ногам, да так, что не могут пошевелиться!

Бенуа медленно подошел к пленникам. Он остановился возле костра, чьи кровавые отблески освещали его грубые, жесткие черты, резко сорвал с головы небольшую шапчонку, едва прикрывавшую затылок, и, глядя прямо в лицо изгнаннику, крикнул пронзительным голосом:

— Ты узнаешь меня, Робен?

Пленник сознавал безнадежность ситуации со всей ясностью, свойственной людям, которых капризная, полная борьбы и страданий судьба приучила к самым разнообразным опасностям. Он сразу узнал бывшего надзирателя и не удостоил ответом. Его спокойное и гордое лицо хранило впечатляющую бесстрастность. Но долгий взгляд, задержавшийся на мерзавце, заключал в себе такое сокрушительное презрение, что бандит почувствовал на своей щеке пылающий след оплеухи.

Он побледнел и сделал резкое движение, сгорая от желания наброситься на своего врага. Как недавно в пещере, ругательства и проклятия готовы были сорваться у него с языка. Но Бенуа не мог вымолвить ни слова, он только икал и мычал. Никогда еще человеческий организм не испытывал такого гнусного припадка слепой, бешеной ярости.

Робен и его сыновья наблюдали эту сцену с холодным и презрительным любопытством, они казались безучастными зрителями драмы, которая могла завершиться ужасной развязкой. Как будто семейство львов забавлялось гримасами трусливого шакала, не решавшегося залезть в холодную воду.

Индейцы и каторжники молчали, удивленные поведением главаря. Впрочем, они уже не раз наблюдали приступы его ярости.

— ...Как собаки!.. Да, вы околеете все... как собаки! — наконец вырвался из груди Бенуа хриплый вопль.

Губы парижского инженера шевельнулись, голосом спокойным и звонким он произнес одно-единственное слово:

— Подлец!..

Этот неприятный эпитет* мог тут же завершиться катастрофой. Но случилось наоборот: он произвел на негодя действие холодного душа. Тот внезапно успокоился, и, если бы не слегка дрожащий голос, невозможно было разглядеть приступ бешенства, который только что им владел.

* Эпитет — определение.

— Ты мне заплатишь за это и за все прочее. Клянусь, я бы тебе разможил голову одним ружейным выстрелом. Вообще я предпочитаю действовать быстро и решительно. Но именно поэтому отдам тебя в руки индейцам. Ты увидишь, какие они ловкие затейники! Таких палачей в Европе на сыщешь! Я же буду присутствовать на сеансе, как судья на матче. Тебя обслужат последнего, на закуску. Мои замечательные краснокожие начнут с твоих спутников. Они — твои дети, не правда ли? Я это чувствую по своей ненависти к ним. Все похоже, как тигринный выводок, на своего отца. Бравые молодцы. Посмотрим, как они сохраняют присутствие духа, когда мой достойный друг Акомбака уделит им часть своей нежности... Мне также любопытно знать, останешься ли ты таким же фанфароном*, когда твоих парней приголубят «бессмысленные мушки», а потом искромсают муравьи-маниоки... Они будут подыхать перед твоим носом, как лягушки в табаке...

Пленники оставались безучастными и немymi перед потоком дешевого хвастовства. Только их взоры, прикованные к глазам бандита, излучали непередаваемое презрение.

Краснокожие, понимавшие толк в мужестве, невольно восхищались такой твердостью. Поведение молодых людей, еще совсем детей, поражало индейцев, их почтение к людям белой расы нашло новую пищу. Завтрашний праздник обещает быть чудесным, он даст им огромное наслаждение применить на практике тонкие приемы палаческого искусства, в котором они так преуспели.

Душа покойного пизэ будет достойно отомщена, и *масса Гаду* не замедлит открыть перед нею обе половинки дверей, ведущих в рай, предназначенный специально для краснокожих. Акомбака, никогда ранее не «оперировавший» на белых, был подавлен величием своей миссии и испытывал сильные сомнения по поводу того, как надлежит ему вести себя в торжественный момент. Если бы Бенуа не убедил его в том, что белый человек с длинной бородой принял облик «бессмысленной мушки», чтобы проникнуть в глотку колдуна, то бедняга никогда бы не решился занести руку на представителя высшей и мудрой расы.

Но заявление бандита (а ведь он тоже белый), его присутствие на месте казни со своими бесчестными компань-

* Фанфарон — хвастливый человек, старающийся показать свое превосходство над окружающими без достаточных к тому оснований.

онами подняли дух Акомбаки, придали ему необходимую самоуверенность.

Бенуа бросил на пленников последний взгляд, исполненный ненависти, и добавил, обращаясь к Робену:

— Я не намерен объяснять мотивы своего поведения по отношению к тебе. Мы в диком лесу, вдалеке от всякой цивилизации, здесь правит закон более сильного. И чтобы свести наши с тобой давние счеты, обстановка самая подходящая. Как ты понимаешь, и повод они дают более чем достаточный. Но, чем больше я размышляю, тем больше убеждаюсь, что это ты с помощью своих щенков пытался свалить нам на голову деревья на реке, а потом ранил стрелой одного из моих товарищей. Признайся, ведь сбегать нашему краснокожему пленнику помог тоже ты?

— Да, я,— четко выговорил Робен.

— Вот уж не ждал такой откровенности! Твое признание успокаивает мою совесть,— иронически заключил Бенуа.— Вы проведете ночь в этом месте, здесь вполне удобно. Полдюжины краснокожих и один из моих парней будут у вас телохранителями. Охрана надежная, спите спокойно, желаю приятных сновидений! До завтра!

Робена и троих его сыновей усадили рядом, спинами к связке пальмовых листьев. Индеец с широкой тыквенной бутылкой, наполненной куаком, подносил каждому по очереди горячие плотные катышки, но пленники отказались от пищи. Другой принес кувшин с водой. Бедняги сделали по несколько глотков, что дало им некоторое облегчение.

Главарь убрался, краснокожие остались под началом Бонне, которого надзиратель кратко посвятил в суть происходящего.

Пленники беседовали вполголоса, но по-английски, к великому разочарованию Бонне, которому очень хотелось знать, о чем они говорят. Запрещать разговоры он не собирался, ибо шеф отдал приказ не мешать их общению.

Патрон так поступил, конечно, не из гуманности: просто он надеялся, что доверительная беседа в такой момент, трагическая торжественность последнего разговора способны привести к проявлениям слабости и тем самым усилить его торжество.

Ожидания надсмотрщика не оправдались. Робинзоны, богатыри не только телом, но и духом, с детства готовились к любым превратностям жизни. И безжалостные удары судьбы, самые внезапные катастрофы могли их потрясти, но не в состоянии были сокрушить.

Однако на сей раз они должны будут погибнуть безоговорочно, если не произойдет какого-то чуда — увы, слишком невероятного в подобных условиях и в таком месте! Невозможно было не только предпринять отчаянную попытку освободиться от своих уз и убежать, но даже просто пошевелиться — настолько плотно спеленали их палачи по рукам и ногам!

— Дети мои!.. Милые мои дети! — шептал беглый каторжник, чье сердце надрывалось от тоски, но лицо сохраняло гордое спокойствие. — Я знаю, что мы пропали. Ничего не остается, как только подготовиться и умереть с достоинством!

— Отец, мы готовы, — в один голос отвечали отважные сыновья.

— Отец, я могу тебе твердо сказать от имени братьев и от своего собственного: мы жили без упрека и умрем без страха!

— Знаю, знаю, какие вы смелые, дорогие мои мальчики, моя вечная забота и любовь... Я не боюсь слабости, но могу ли думать спокойно, что увижу вас завтра совсем беззащитных среди рычащей и алчущей своры дикарей, что этот монстр* с человеческим лицом, самый мерзкий выродок из всех каторжных отбросов, станет издеваться над вашим бессилием, а я даже не смогу пожертвовать жизнью, чтобы спасти вас! Вот что для меня невыносимо...

— Папа, а правда, — прозвучал нежный голос Эжена, — правда, что это — тот самый человек, которого ты вырвал из когтей тигра, когда завоевал себе свободу?..

— Увы, это он! И вы теперь становитесь жертвами моего доброго поступка!

— Да какое значение имеет жизнь без тебя! — сказал Эдмон. — Сто раз мы встречались со смертью с того дня, когда впервые после разлуки обняли тебя! Разве эта постоянная, каждодневная борьба, не знающая ни минуты передышки, не приучила нас к мысли о преждевременной смерти?..

— Отец, мы жалеем только о великих планах, которые строили вместе с тобой ради будущего нашей приемной родины!

— Не жалейте ни о чем... — сдавленным голосом произнес Робен, чьи глаза увлажнили горячие слезы.

— Ни о чем... Ты ведь знаешь, папа, что Она не переживет нашей смерти!

* Монстр — здесь: жестокое и бессмысленное чудовище.

До сих пор ни словечка не проронили бесстрашные дети о своей матери. К чему слова?! Сердца их переполняла память об этом обожаемом и доблестном существе. Разве не составляли все они вместе единую душу в нескольких телах?.. Разве Она не присутствовала незримо при их предсмертном разговоре? Они даже не произносили слов: «наша мама», им хватало одного только упоминания: Она. И это слово заключало в себе вместе с неотступной памятью идею прочной общности, соединявшей их всех в единое целое.

— Бедный Шарль! — тихо прошептал несчастный отец.

— Шарль уже мужчина, — твердо заявил Анри. — Он примет наше наследство. Надо, чтобы он жил, чтобы осуществил наши планы. Масштаб задачи ему по плечу.

В то время как гвианские робинзоны, бесповоротно осужденные, еще бодрствовали в свою предсмертную ночь, на поляне началась оргия. Индейцы и каторжники пили до одурения. Один Бенуа оставался трезвым и сохранял самообладание. Пьяного в стельку Тенги охватила алкогольная ипохондрия*.

— Так ты говорил, шеф, — повторял он уже в десятый раз, — что этот здоровенный бородач, отец этих юнцов, из бывших, *оттуда*...

— Ну да, — злобно отругивался разжалованный надзиратель. — Пристал, как мокрый лист к заднице... Отлипни!

— И какие же это, — продолжал тянуть свое Тенги с упорством пьяницы, — у тебя были с ним делишки в свое время...

— Ну, были... Оставь меня в покое, говорю тебе!

— Тогда это тот самый, что порвал пасть тигру, который грыз твою ногу?.. Странная же у тебя манера расплачиваться со своими долгами! И ты его бросишь на растерзание краснокожим... Слушай! Хочешь, я тебе скажу? Ты не стоишь даже последнего «фаго»... ** У фаго есть чувство благодарности... А у тебя, значит, ни хрена за душой?.. Я не ж-желаю, чтобы его убивали... Как мою тетюшку... Если бы снова началось...

Глухой удар кулака оборвал фразу на полуслове. Пьяница распластался на земле, ноги его разъехались в стороны, голова попала на кучу листьев, и вскоре он захрапел.

* Ипохондрия — тяжелое, мрачное настроение.

** Фаго — каторжник (французский тюремный жаргон).

Едва забрезжил рассвет, как начались приготовления к казни. Присев на корточки возле огня, индейцы плели сита — «манаре» — из волокнистого растения арумы. Ячейки манаре должны были служить «камерами заключения» для «бессмысленных мушек». Всего полагалось по одному ситу на каждую жертву.

Двое эмерийонов отправились на разведку, в поисках гнезд насекомых. Время суток как раз подходило для ловли перепончатокрылых: в такой ранний час они обычно дремлют. Одни палачи-любители заготавливали острые иглы «сырного дерева» и иных колючих растений, другие точили свои мачете о диоритовые плиты, третьи готовили стрелы и вырезали для них *буту*, деревянные шарики, заменявшие наконечники, с помощью которых не пронзали, а только оглушали животных. Поскольку пленники обладали незаурядной силой, то не исключалась вероятность, что серия пыток может сильно растянуться во времени. Жертвы подлежали поочередно уколам, жалящим укусам, протыканию острыми предметами, оглушению, а затем их предстояло разрезать на мелкие кусочки.

Сколько радости для наивных детей природы — разжиться несколькими копчеными ломтиками белых людей, обрести возможность прицепить к перекладинам своих хижин размалеванные краской *руку* останки! Это верный талисман, самый надежный *пиэй*, который сделает племя непобедимым: поскольку эти белые были самыми смелыми и сильными, счастливые владельцы талисманов станут похожими на них.

Приготовление к мрачной церемонии закончено. Сейчас начнется казнь. Раздирающие сердце звуки индейской флейты прорезали плотную атмосферу душного леса. Войны подготовили подобающий случаю наряд. Все без исключения были разрисованы краской *руку* с головы до ног, все казались только что вышедшими из кровавой бойни. Причудливые линии, проведенные коричневым соком генипы, образовывали на ярко-красном фоне весьма любопытные рисунки. У каждого он свой, подобно личному старинному гербу. В левой руке краснокожие держали большой деревянный лук с тетивой из волокон мага и связку длинных стрел из стеблей тростника. Все эти летательные снаряды обрамлялись у основания красными перьями тукана и трупиала*.

* Трупиа — иначе кассик, птица отряда воробьиных. Около 50 видов этих птиц обитает в Америке.

Воины также вырядились в ожерелья и короны из перьев. Эти сложные головные уборы, при изготовлении которых индейцы проявляют бездну терпения и изобретательности, бывают трех видов: белые, черные и пестрые, сооруженные из четырех равных частей, двух красных и двух желтых. Для белых используется грудное оперение разновидности тукана, известной среди креолов по кличке «крикун», а среди натуралистов на строгой латыни: *ramphastus toco*. Черные делаются из хохолка трубача, а последние, самые броские, изготавливаются из перьев *кюи-кюи*, другой разновидности тукана, *ramphastus vitellinus*. Наружная часть этих перьев ярко-красная, а внутренняя — ослепительно-желтая. Некоторые короны дополнительно украшены очень красивыми пунцовыми перьями птичек колибри*.

Эти короны — предел красоты, высший шик у краснокожих. Надеваются они в особо торжественных случаях. Обычно же индейцы прячут их в бездонных корзинах — *пагара*, и лишь самый серьезный повод заставляет извлечь их оттуда.

Акомбака выглядел великолепно. С гордостью главнокомандующего он водрузил на себя белый султан**, корону из желтых перьев высотой сантиметров пятнадцать, откуда торчали наружу, подобно рогам, два огромных красных пера, выдернутых из хвоста попугая ара. Четыре кольца ожерелий — черное, красное, белое и желтое — украсили грудь, блестящую, словно форменные алые штаны. Вождь надел два браслета — один из зубов тигра, чередующихся с плодами *шери-шеру*, другой — из когтей муравьеда. Хлопчатобумажные штаны — калимбе — были перехвачены широким поясом из красных и голубых перьев, украшенным по бокам рогатыми колечками, которые служат «погремушками» у гремучей змеи.

Индеец еще не совсем протрезвел. Он находился «под градусом», как говорил Бенуа с гнусной ухмылочкой. Но это алкогольное состояние в должной мере придавало краснокожему смелости и удерживало его в вертикальном положении.

Акомбака шел впереди в сопровождении флейтиста

* Колибри — быстролетные крошечные птички (вес от 1,6 до 20 г) с ярким блестящим оперением. Питаются нектаром цветов. В Америке их более 300 видов.

** Султан — здесь: украшение, пышный пучок перьев.

и бывшего надзирателя. За ними хаотично и с хмельной неустойчивостью двигалась основная часть отряда под «командой» Бонне и Матье. Смертельно пьяный Тенги продолжал храпеть на своей лиственной подстилке, сжав кулаки.

Флейта замолкла по знаку вождя. Воины остановились в тридцати шагах от европейцев, по-прежнему сидящих и крепко связанных. Акомбака сделал еще несколько шагов к пленникам и при помощи переводчика Бенуа обратился к ним с краткой речью:

— Знаменитый вождь «Который уже пришел» выражает свое восхищение мужеством белых людей. Он обещает им достойную смерть. Принесение их в жертву порадует *масса Гаду*, и маны* покойного пизэй, которого белые преждевременно лишили жизни, будут надлежащим образом уважены. Чтобы показать, насколько он чтит их за бесстрашие, великий Акомбака собственноручно три раза приложит к их груди и бокам разъяренных ос. Белый вождь принял форму осы, чтобы убить пизэй, теперь надо, чтобы он и его сообщники понесли первое наказание от «бессмысленных мушек». После этого краснокожие воины нарисуют соком генипы круги на телах белых людей и продемонстрируют свою ловкость, посылая стрелы в самую середину, не повредив при этом внутренностей.

Следующая часть развлечения будет определена позже. А сейчас белые должны пострадать. Пусть они запевают свою боевую песню!

Вождь краснокожих подал сигнал. Часть мужчин отделилась от группы, подняла несчастных пленников, прислонила к четырем стволам и накрепко привязала.

Робинзоны почувствовали близость смерти. Невольный и неудержимый протест против гадких прикосновений сотряс их тела. Мощные мускулы яростно напряглись, чтобы разорвать путы, которые до крови растерли кожу. Увы, напрасные усилия! Их очевидная бесплодность лишь вызвала язвительную усмешку на губах Бенуа, который жадно искал в жертвах признаков слабости или страдания.

— Ну, действуй быстрее,— нетерпеливо сказал он Акомбаке.— У них нет никакой боевой песни. Белые не поют боевую песню.

Удивленный индеец повиновался. Он взял из рук по-

* Маны — обоготворенные души умерших (фр. manes). (Примеч. перев.)

мощника манаре и неспешно направился к пленным. Надзиратель следовал за ним на расстоянии одного шага, идя нога в ногу и ступая точно след в след, как требовал ритуал.

Разъяренные осы, перехваченные за бока ячейками сита, жужжали и трепетали крылышками. У каждой из подвижного вздутого брюшка с золотыми ободками выдвигалось твердое пульсирующее жало с блестящей капелькой ядовитой жидкости. Боль будет ужасной. Акомбака воздел руки с ситом и опустил орудие палача на грудь Робена.

Вот оно!

— Мужайтесь, дети! — спокойно проговорил изгнанник.

В тот момент, когда осы должны были прикоснуться к обнаженной коже белого, индеец вдруг окаменел, словно увидев змею. Он попытался отпрыгнуть назад, резко толкнул Бенуа, и тот повалился на землю. Двустольное ружье, направленное на Акомбаку, внезапно появилось из густой завесы лиан и оперлось на одну из толстых веток, к которым был привязан Робен. Белый клуб дыма вырвался из ствола, прозвучал глухой выстрел. Акомбака с разможенным черепом упал на надзирателя, который испустил ужасающий крик боли: манаре выпало из рук умирающего и шлепнулось прямо на лицо упавшего бандита, осы немедленно принялись его жалить. Второй выстрел остановил индейцев, которые кинулись на помощь вождю. Заряд свистящей дроби попал в самую гущу толпы и рассеял ее, кровь потекла у многих, возгласы страха смешались со стонами раненых, возникли поднейшая паника и беспорядок.

Трое каторжников трусливо убежали первыми, бросив шефа, ослепшего и опухшего до безобразия.

Дым от второго выстрела еще не рассеялся, когда оглушенный Робен увидел прыгающего перед собой громадного негра, почти совсем голого, с красной повязкой на лбу. Из груди черного атлета вырвался громоподобный крик, эхом отозвавшийся под лиственными сводами:

— Оааак!.. Оааак!.. Бони! Бони!..

Два других негра, молодые люди, не уступавшие первому ни в силе, ни в стройности, вытанцовывали рядом с ним, добавляя к общему шуму пронзительные воинственные крики. Совершенно обалдевшие и перепуганные индейцы

разбегались, как косули. В один момент упали с пленников разрезанные оковы, поляна опустела, они свободны!

Трое спасителей, не считая благоразумным открывать охоту на беглецов, остановились и устремили на робинзонов почтительные и нежные взоры. Самый старший, с повязкой на лбу, бросился в объятия Робена. Тот узнал его и радостно воскликнул:

— Ангоссо!.. Мой храбрый бони! Это ты!..

— Ну, конечно, я! — засмеялся счастливый негр. — А это мои сыновья, Ломи и Башелико. О! Как я доволен... Да, очень доволен!

Надо ли описывать, как обнимали, приветствовали, благодарили робинзоны своих неожиданных избавителей?.. Это представляется излишним. Их давняя дружба и неопенимость нынешней услуги не требуют комментариев.

После первых излияний чувств друзья сразу же двинулись в путь, ибо индейцы, опомнившись, могли организовать нападение. У белых не было оружия, и они еще не совсем оправались от последствий лесной катастрофы, да и тугие путы за пятнадцать часов омертвили их конечности. Большой неосторожностью было бы сейчас ввязываться в сражение с эмерийонами.

Ангоссо, однако, не пожелал покидать поляну, не завершив битву обязательным ритуалом.

Он провел кончиком ногтя по режущей кромке своего мачете, нашел ее «бон-бон», затем со всей серьезностью, как бы священнодействуя, ухватил за длинные волосы голову Акомбаки, своего давнишнего врага, и перерубил ему шею самым изящным и аккуратным образом. Потом предложил свое оружие Робену, чтобы тот проделал такую же операцию с неподвижным Бенуа, однако изгнанник объяснил, что у белых не принято бить лежачего.

— Как хотите, компе! Таков обычай воинов моего племени. Враг не возвращается, если его разрубить на две половинки.

Ангоссо наклонился над телом бандита и определил, что тот еще дышит, хотя и слабо.

— Он не умер, — сказал негр.

— Это не важно. Он уже не может нам навредить. Муравьи скоро его пожрут, а я не хочу пачкать руки об это грязное существо.

Спасители и спасенные медленно шли в направлении «Доброй Матушки», опираясь на палки. Реакция наступи-

ла внезапно, и их страдания становились невыносимыми. Эжен и Эдмон, уступавшие в стойкости Анри, а особенно их отец, передвигались с огромным трудом, и то лишь благодаря помощи и заботам Ломи и Башелико. Ангоссо, перезарядив ружье, шел в арьергарде* и с полнейшей невозмутимостью нес голову Акомбаки, держа ее за волосы.

— Послушай, Ангоссо, что ты будешь делать с этой головой? — деликатно поинтересовался Робен.

— Погодите немножко, компе, увидите.

Ожидание не слишком затянулось. Примерно через час им повстречалась глубокая речка, ее берега и течение ощетинились темными скалами. Ангоссо обследовал их со всех сторон и обнаружил округлые углубления диаметром с бедро крупного мужчины.

— А! Очень хорошо! Вот и жилище для *Тату*.

Негр отбил кусок скальной породы, сунул голову врага в одну из дыр, законопатил ее, как пробкой, обломком камня и спокойно удалился.

Робен попросил объяснить эту странную церемонию, и Ангоссо с большим удовольствием растолковал свои действия.

— Акомбака умер, — сказал он, — и должен будет предстать перед великим Гаду. Он попросит дать ему место рядом с другими вождями краснокожих. Но Гаду его не узнает, потому что тот без головы. Он не захочет его принять. Гаду очень добрый, он спросит у муравьев: «Это вы отъели голову?» А муравьи скажут: «Нет». «Аймара, — спросит Гаду, — это ты откусила голову краснокожему?» Аймара скажет: «Нет». Гаду спросит еще у Мата-Вота (мамы-Змеи), не она ли проглотила голову. «Нет», — ответит Бота. Тогда войдет незванный Тату, нечистый зверь. «Это я съел голову краснокожего», — скажет он.

«А, злой Тату, проклятый Тату, убирайся к Йолоку (дьяволу), своему хозяину! Гаду тебя не желает знать».

«Хорошо, — ответит злой Тату, — я туда ухожу».

И Йолок примет своего компе Тату, и тело Акомбаки будет следовать за ним против своей воли. Йолок даст этому телу голову Тату, и вождь навсегда останется проклятым и нечистым.

* Арьергард — замыкающий отряд или группа людей при воинских передвижениях.

Доблестное племя.— Свобода или смерть.— Бони, герой Коттики.— Грандмен Анатоль.— Таинственные оякуле.— Предательство.— Капитан «Запавший Рот».— Белые и черные братья.— Боль и отчаяние.— Тигр ранен, охотник исчез.

В этой книге часто заходит речь о независимых негритянских племенах, обитающих в верховьях Марони под названиями боши, юка, полигуду, бони и достигающих значительного количества в шесть-семь тысяч человек. Краснокожие, составляющие основу туземного населения тропической Америки, отравленные алкоголем и подверженные различным эпидемиям, обречены на скорое исчезновение. Как бы в благодарность за страдания жизнестойкие представители черной расы, транспортированные во времена рабства из Гвинеи и Берега Слоновой Кости, чудесно прижились на щедрой земле Гвианы, такой гостеприимной к людям и растениям старого Африканского континента.

История этого населения восходит к стосемидесятилетней давности, и, думается, не просто интересно, но и важно описать, как эти мужественные люди, шестьдесят лет бесстрашно сражавшиеся с тиранией, смогли начертать своей кровью пламенное слово «свобода!» на страницах золотой книги независимых народов. Предки этих мирных прибрежных жителей великой реки Гвианы были теми самыми грозными беглыми неграми, которые выдерживали бесконечные сражения — иногда гибельные, часто победные — с профессиональными голландскими войсками.

Любопытное обстоятельство: вмешательство Франции в дела нидерландской метрополии послужило причиной первого народного волнения. Когда адмирал Кассар* вознамерился атаковать город Парамарибо** со своим флотом из пяти кораблей и двухсот семидесяти четырех пушек, колония смогла избежать полного разрушения, бла-

* Адмирал Кассар (Cassard) Жак (1672—1740) — французский мореплаватель, в начале карьеры промышлял морским пиратством, затем оказал значительные услуги правительству Франции в войне за испанское наследство; в 1712 году взял с Суринама контрибуцию в 800 тысяч ливров, с 1713 года жил во Франции, но не угодил Людовику XV и в 1726 году был заточен в Гамский замок, где и умер.

** Парамарибо — столица Суринама.

годаря выплате контрибуции* в полтора миллиона франков. Именно с этой поры, как говорит капитан Фредерик Буайе** в своей замечательной книге, посвященной Гвиане, и начинаются первые побеги негров.

Нидерландские колонисты, облагавшиеся поборами за каждого раба во время выплаты налога, заставляли их укрываться в лесах до отплытия французов, чтобы избежать переписи. Эти уловки, однако, не очень помогали. Если многие невольники и возвращались к своим поселениям, то немало их оставалось в лесах и образовывало ядро, вокруг которого группировались новые беглецы, покинувшие рабовладельческий ад.

Через четырнадцать лет после экспедиции Кассара, в 1726 году, число скрывавшихся было настолько значительным, что вызвало опасения у плантаторов. Тем пришла в голову злополучная идея объявить беглым невольникам войну. Хозяева потерпели сокрушительное поражение, и колония вынуждена была признать в специальных договорах существование тех, по чьим плечам еще вчера гулял кнут надсмотрщика.

Побеги становились все более многочисленными. Новые племена под водительством независимых вождей формировались на берегах Авы и Тапанаони. Колониальное правительство не признавало свободы этих беглецов, их соседство представлялось опасным для собственников, чьи плантации и дома подвергались опустошению. И решено было организовать новые экспедиции против «смутьянов».

Но те предупредили готовящееся нападение и сами разбили колонистов в 1749 году при Сарاماка, а в 1761-м — на реке Юка. Правительство в Парамарибо вторично вынуждено было признать восставших, которые утверждались под именем юка, носимым их потомками и сегодня. Видя, что насильственным путем не добиться успеха, голландцы прибегли к хитроумной тактике приглашения своих прежних рабов. Им оказывали почести, щедро одаривали, чтобы превратить в союзников и с их помощью, ценой значительных сумм и товаров, возвратить скрывающихся.

Однако последнее условие выполнялось не очень успешно. За редким исключением беглому рабу оказывали братский прием в хижине свободного негра. Лучшее доказательство мало продуктивных усилий плантаторов — рост числа *pégres bosh* (лесных негров), как они называли

* Контрибуция — принудительные платежи, взимаемые победителями с побежденных.

** Капитан Фредерик Буайе — упоминается и в первой части трилогии Буссенара как автор книги «Французская Гвиана».

себя и как до сих пор называется эта группа населения в Голландской Гвиане, достигшая более четырех тысяч человек.

В 1881 году боши, обитавшие на левом берегу Марони, занимали четырнадцать деревень, каждая во главе с вождем, который выполнял судебные функции. Он налагал наказание кнутом или в виде штрафа, в зависимости от степени проступка. Деревенские вожди признавали верховным правителем выборного вождя, называемого *гранд-мен*, который обычно жил в Труазиле. Он председательствовал в суде, где разбирались серьезные преступления. В этих заседаниях сельские вожди участвовали в качестве присяжных*. Наконец каждый из них, как эмблемой** своего положения обладал жезлом тамбурмажора*** с серебряным набалдашником, на котором по-голландски гравировались имя владельца и название его деревни. Но только один грандмен носил высокий, расшитый серебром воротник, украшенный с обеих сторон изображениями головы негра. На почетном месте в его доме — а негры Марони сохраняют для своих жилищ форму африканских построек — красовался большой пергамент**** с красной восковой печатью Оранского дома*****. Это хартия*****, по которой нидерландское правительство признало в 1761 году независимость бошей и которую они бережно хранили из поколения в поколение.

Рост свободного населения в верховьях Марони делал неизбежными расколы и расслоения. Новоприбывшие не получали преимуществ своих предшественников, и страшной силы бунт вспыхнул в 1772 году на одном из притоков Авы, называвшемся Коттика. Вождем восстания выступил человек необычайной энергии, наделенный редким талантом организатора. Это негр Бони, его мать, беглая рабыня, родила ребенка в глухом лесу. Настоящий герой борьбы за независимость, Бони дал свое имя неграм, обитаю-

* Присяжные — группа лиц, выборных или назначенных, которые должны в суде принять решение о виновности подсудимого.

** Эмблема — условное изображение или предмет, выражающие какое-либо понятие, идею или должность, положение.

*** Тамбурмажор — во французской армии унтер-офицер, руководящий полковой командой горнистов и барабанщиков. На марше тамбурмажор подбрасывает вверх в ритме шага особый жезл.

**** Пергамент — писчий материал из специально обработанной телачьей кожи.

***** Оранский дом — нидерландская королевская династия.

***** Хартия — документ, утверждающий чьи-либо права и привилегии.

щим сегодня на французском берегу Марони. Он сплотил вокруг себя повстанцев и серьезно покачнул благополучие голландской колонии.

Милиция в панике капитулировала перед ним, он побеждал на всей линии борьбы. Его имя было у всех на устах. Бони отличали такие отвага, ловкость и умение лесного стратега, что пришлось запросить у метрополии отборный военный отряд для подавления мятежников. Легко представить картину проходившей операции, читая отчет капитана Стедмана, одного из немногих уцелевших в этой тяжелейшей экспедиции под командованием полковника Фурго. Двадцать специально подготовленных отрядов по шестьдесят человек — всего тысяча двести солдат, каждый из которых представлял собой маленькую армию, двигались через девственный лес. Порядок во всем царил образцовый. Ведь они имели дело с неутомимым врагом, обладавшим даром вездесущности. Его ждут справа, а он взламывает центр. Рассчитывают взять в кольцо, совершая обход слева, а он нападает на арьергард: убивает солдат-одиночек, снимает часовых, грабит конвой, множит препятствия на пути воинских колонн, играет с опасностью, неотступно беспокоит главную часть войска и заставляет падать от усталости и бессонницы тех, кому посчастливилось избежать пули или стрелы.

Однако полковник Фурго был закаленным тяготами военной жизни, как никто, знаком с тайнами партизанской войны и не останавливался ни перед преградами, которые щедро воздвигала эта безжалостная земля на каждом шагу, ни перед наскоками восставших. Беспощадный к людям и к себе, он невозмутимо преодолевал реки, леса, затопленные саванны, бездонные болота, ошетинившиеся острыми пиками горы. Безразличный к страданиям других и к своим собственным, он презирал миазмы, насекомых, рептилий, усталость, болезни, голод. Все склонялось перед его железной волей, и сам неприятель валился с ног от изнеможения.

Его походный порядок для отряда в шестьдесят человек — чудо организации. Два черных сапера с топорами и мачете расчищали тропинку. За ними следовали двое солдат — разведчиков, затем — авангард*, состоявший из офицера, капрала** и шести рядовых. Центральное ядро

* Авангард — передовой отряд.

** Капрал — младшая командная должность во французской армии.

делилось надвое: первую часть образовывал капитан, хирург, капрал, двое солдат и двое негров, несших снаряжение; во второй части — двенадцать рядовых под командованием сержанта. Арьергард состоял из офицера, сержанта, восемнадцати бойцов и шестнадцати негров, несших продукты, медикаменты, а также раненых и больных. Два солдата и капрал замыкали походную колонну. Общий итог: три офицера, хирург, два сержанта, три капрала, пятьдесят два рядовых, два сапера, два негра со снаряжением и еще шестнадцать носильщиков — всего восемьдесят один человек, из которых шестьдесят бойцов!

Трудно представить, что Бони с его людьми, едва ли достигавшими численности голландцев, так долго удавалось противостоять подобным силам. Мы уже говорили, что экспедиционный корпус полковника Фурго включал двадцать отрядов, организованных по вышеописанному образцу.

Порядок, дисциплина, современная тактика, а главное — применяемый метод разрушения, когда сжигались деревни и уничтожался урожай, в конце концов подавили восстание. Раненый при обороне деревни Гаду-Саби, Бони вынужден был отступить. Его уход был примечателен, он повел своих людей ему одному известными тропинками. Истощенный, ослабленный голодом, с окровавленной грудью, он ободрял упавших духом, поддерживал больных, воевал рядом с теми, кто еще был в состоянии держать оружие, наконец, прибыл на берег Тапанаони, переплыл реку последним и гордо удалился непобедимым даже в своем поражении.

Мятеж подавили, но Голландия дорого заплатила за победу над беглым рабом. Из тысячи двухсот человек, посланных метрополией, едва ли сотня увидела вновь свою родину. Погибли тридцать офицеров, в том числе три полковника и майор.

Спустя много лет после гибели вождя негры бони, менее сплоченные, чем племя бошей, а главное — уступающие им количественно, постепенно стали попадать в зависимость от соседей. Боши претендовали на монопольную торговлю в низовьях Марони, препятствовали общению бони с европейцами.

Такое положение вещей длилось до основания колонии Сен-Лоран, которая вскоре начала процветать. До тех пор французское влияние в бассейне Марони не ощущалось. Франция поняла значение большой водной артерии, судоходной на протяжении ста километров. Она

выразила протест против неограниченной власти бошей над племенем бони, жившим на французской территории. Взаимные позиции и интересы двух соперничающих племен из обеих Гвиан были строго разграничены после завершения блестящей франко-голландской экспедиции в 1860 году, которую организовал месье Видаль, капитан-лейтенант французского флота. Была провозглашена свобода торговли и навигации*.

Через несколько лет хорошие дружеские отношения установились между бони и искателями золота в этом регионе. Негры свободно перемещались, охотились, ловили рыбу и торговали с колонистами. Мягкость их натуры и абсолютная честность делали отношения с ними очень приятными. Их физическая мощь и несравненное мастерство лодочников оказывали большую услугу французской золотодобывающей промышленности. На золотые прииски Сен-Поль, Эсперанс, Манбари, Гермина и другие они доставляли продукты, которые поступали на шхунах из Кайенны в Сен-Лоран. На своих легких пирогах бони доплывали до Маны и за счет приисков вели кампанию по набору рабочей силы, как это делается у нас во время уборки урожая. Завершив доставку продовольствия перед началом сухого сезона, они возвращались в Коттику после двадцатидневного путешествия, привозя в качестве оплаты за свой труд разнообразные предметы, обладание которыми считалось высшим благополучием в этих глухих местах. Верховная администрация не жалела средств для поддержания с чернокожими отличных отношений. С неграми обращались поистине как с избалованными детьми, но бони не старались извлечь выгоду из своих преимуществ, на которые боши поглядывали не без зависти.

Нынешний *грандмен* Анато**, которого белые фамильярно именовали Анатодем, ежегодно получал жалованье из бюджета колонии, тысячу двести франков. Их выплачивала по сто франков в месяц муниципальная касса*** Сен-Лорана. Такое великодушие было не напрасно.

* Навигация — судоходство.

** Я встретился с Анато на берегу Марони, когда он приезжал за своим жалованьем. Мы вместе позавтракали в Спервайне. Я подарил ему несколько безделушек, которые его очаровали, и мы расстались самыми лучшими друзьями. Рисунки из двух номеров «Журнала путешествий» привели его в восхищение. Он захотел узнать мое имя, и я потратил добрые полчаса, пока ему удалось его повторить. (Примеч. авт.)

*** Муниципальная касса — денежные средства, которыми распоряжаются органы местного самоуправления.

Потомок знаменитого вождя, Бони немало старался для поддержания согласия между своими подданными, число которых достигало тысячи, и другими прибрежными жителями великой реки.

Ангоссо принадлежал именно к этому доблестному племени, ставшему сегодня французским и по духу, и по географическому положению. Десять лет тому назад Робен сказал ему: «Храни тайну нашего уединения», и brave негр проявил такую безупречную силу воли, что ни жена, ни сыновья не знали о давнем эпизоде его жизни. Он часто вспоминал слова ссыльного инженера: «Если тебе будет грозить опасность, если голод опустошит твою деревню, приходи, ты будешь жить с нами, как член нашей семьи». Ангоссо вполне естественно воспринял это предложение, сделанное от чистого сердца, и вспомнил о нем, когда несчастье обрушилось на его родных. Второй раз за минувшие тридцать лет маленькую деревушку, где обитала родня Ангоссо, разорило племя оякуле.

Странная легенда ходит об этих людях, которых европейцы не видели до сих пор ни разу и о которых знают только по рассказам — более или менее фантастическим — негров и краснокожих. Они теряют самообладание при одном упоминании о таинственных обитателях джунглей.

Оякуле, говорят они, такие же белые, как европейцы; у них мощное строение тела, огромная сила, длинные рыжеватые бороды, светлые волосы, голубые глаза. Они — антропофаги, то есть употребляют в пищу человеческое мясо, и ведут жизнь самую что ни на есть дикую, варварскую. Им неведомо назначение железа, они пользуются огромными деревянными дубинками, слишком тяжелыми для прочих людей. Они не признают рисунков, татуировки, вообще любых украшений и ходят совершенно голыми. Это нелюдимое племя, которое безо всякого повода нападает на индейцев и негров.

Шагая через лес, Робен и его сыновья слушали этнографический очерк* Ангоссо, который тот излагал на креольском наречии, расцвечивая подробностями, говорившими о его редкой наблюдательности.

— Однако, мой дорогой бони,— заметил изгнанник, весьма озадаченный и заинтересованный одновременно,— не думаешь ли ты, что оякуле — это какое-то индейское

* Этнографический очерк — очерк о нравах и обычаях какого-либо народа.

племя, живущее под большими деревьями, вроде оямпи, и просто не загоревшее на солнце?

— Нет, компе! Нет, поверьте мне, оякуле — это не индейцы.

— Но ты ведь знаешь, что некоторые оямпи не разрисовывают себя краской рúку или соком генипы, к тому же они так похожи на людей моей родины, что их легко перепутать.

— Но индейцы не носят бороду! Глаза у них сужаются к вискам, нос приплюснутый, а у этих оякуле глаза широко открытые, как у вас, и нос с горбинкой, словно у попу-а-а, а борода такая же большая, как на вашем лице...

— Правда, правда...— кивали головами молодые Башелико и Ломи.

— Ты хорошо их изучил, ты видел их близко, днем, при свете солнца?..

Ангоссо прикоснулся пальцем к повязке на лбу и потряс своим мачете.

— Каменный топор одного из них раскроил мне череп, но мой мачете уложил многих. Я бился с ними, поймите, компе! Ничего в мире не боюсь, а вот оякуле вызывают у меня страх, это такая же правда, как то, что я почитаю Гаду и что я ваш друг!

— Ну, мой храбрый товарищ, расскажи мне все, что ты знаешь об этих необычайных людях! Как это им удалось разорить деревню, если ее защищали такие сильные и неустрашимые бони...

Ангоссо собрался с мыслями, дважды сплюнул, чтобы прогнать Йолока, и приступил к своему повествованию.

— Это случилось давно, очень давно, мой отец еще был в полном расцвете сил, а я оставался совсем маленьким. Бони и оякуле устали от войн и решили помириться, положив конец давней вражде.

Оякуле пригласили бони из моей деревни к себе в гости, чтобы съесть священную лепешку и выпить «пивори», как полагается на больших торжествах. Бони смелые и сильные, верят клятвенным обещаниям, они рабы своего слова. Это единственный вид рабства, который мы добровольно признаем,— с гордостью заметил Ангоссо, славный потомок героя Коттики.— И вот жители деревни отправляются по приглашению дикарей с белой кожей и прибывают туда под началом моего отца.

В знак доброй дружбы оякуле положили мачете и ружья гостей в хижину пиэй. Все пили, ели, танцевали целый день. Настала ночь, бони удалились в поставленные

для них жилища. Но едва они заснули, как раздались страшные крики и стоны. Нарушив все свои клятвенные заверения, предав священный долг гостеприимства, оякуле схватили наши мачете и ружья, которые использовали вместо дубинок, и стали убивать беззащитных воинов.

Не имея возможности сражаться, бони хотели убежать, но запутались в лианах, предательски раскинутых вокруг хижин. Почти все погибли. Моему родителю помогла вырваться ночная темнота, с ним вернулись всего несколько уцелевших. Отцу нанесли такой сильный удар мачете в лицо, что с того времени, если он хотел говорить, то должен был удерживать челюсть рукой, потому что она все время отпадала. Из-за ужасной раны ему дали прозвище *Коаку* (Запавший Рот), под которым его помнят и сегодня.

Еще спаслась из этой бойни одна маленькая девочка. Она забилась в траву, оякуле ее нашли, но не убили, а вырастили вместе со своими детьми. Потом она убежала, скрывалась у бошей, а оттуда перебралась в Суринам, где и живет сейчас. Ее зовут Афиба.

Вот видите, компе, у нас были поводы познакомиться с оякуле.

— Действительно, все это очень печально, мой милый Ангоссо... Но давай перейдем к последней трагедии.

— Два или три года мы не видели наших врагов. Не доверяйте оякуле, все время повторял мой высокочтимый отец, старый Коаку, они таятся словно змеи, будьте бдительны, дети мои, они приходят в тот момент, когда их вовсе не ждешь.

И он был прав. Совсем недавно, прошло столько дней, сколько пальцев у меня на двух руках и еще на одной ноге, мои сыновья собирали урожай маниоки, а я с женой ловил кумару в реке.

Вдруг мы заметили столб черного дыма, который поднимался над нашей деревней. Мы схватились за весла, и наша лодка полетела по волнам. Все хижины пылали. Большой отряд оякуле, перерезав всех женщин и детей, которые оставались одни, поджег деревню. Большинство здоровых мужчин было занято на уборке урожая и на рыбной ловле.

Они прибежали сразу, как только увидели дым, полагая, что произошел несчастный случай. Но их всех убили бандиты, которые прятались в траве и которых было в три раза больше. Мои сыновья вернулись с плантации. Мы бросились в самую гущу, решив, что им дорого обой-

дется наша жизнь. Мы хорошо сражались. Я горжусь моими детьми, как вы гордитесь своими, мой дорогой белый компе. Я упал, раненный в голову, и меня чуть-чуть не постигла судьба отца. Ажеда меня спасла, она схватила горящую головню и швырнула ее в бороду оякуле, который с воем убежал.

К сожалению, мы уступали им в количестве. Двадцать наших погибло, остальные разбрелись, наши поля опустели, деревни больше нет.

Ваше приглашение всегда жило в моей памяти. Я сказал Ажеде, которая плакала: «Идем к белому!» Я сказал моим сыновьям, красные ножи которых еще просили крови: «Идемте к моему белому брату!» Они ни о чем не спрашивали, и мы отправились в дорогу.

У меня начиналась лихорадка. Но какое значение имеет рана головы для безутешного сердца! Моя воля сильнее, чем страдания тела. Сыновья помогли перебраться через пороги. Я узнал залив. Мы плыли не останавливаясь: Ломи и Башелико не ведают усталости. Когда подошли к кокосовым пальмам, я увидел поваленные деревья, листья муку-муку и зеленые растения с длинными иглами. И сказал: «Там змеи». Мы спрятали пирогу в кустах и окольным путем выбрались на тропинку. Моя память не ошиблась, она сохранила весь маршрут.

Я увидел Казимира, увидел белого, который назвался Никола, и увидел белую женщину, мать ваших детей. Я сказал ей: «Белый Тигр говорил бони: «Когда ты будешь несчастен, без хижины, без маниоки, без рыбы, без копченого мяса, приходи!» У меня больше ничего нет, и вот я пришел. Это Ажеда, моя жена». Белая женщина обняла ее и молвила: «Будь моей сестрой!» Ажеда заплакала от радости. «А вот это мои дети». «Они будут братьями моим сыновьям!» — сказала белая женщина голосом нежным, как пение арады, и протянула им руки. Ломи и Башелико ответили: «Наша жизнь принадлежит вам!»

Я спросил у нее: «А где Белый Тигр? Я хочу видеть моего друга, великого белого вождя». «А мы хотим увидеть наших братьев, его сыновей», — подтвердили Ломи и Башелико. «Они ушли», — ответил Никола. Я сказал сыновьям: «Пойдемте к ним!» Мы шли по вашим следам и оказались на месте как раз в тот момент, когда подлый краснокожий посмел занести руку на белых! — завершил свою историю Ангоссо, презрительно сплюнув на землю.

— Мой милый друг, — улыбнулся Робен, — ты по-прежнему называешь меня Белым Тигром. Я охотно принимаю

это имя, как в давние времена. Оно переносит меня в эпоху несчастий и страданий, но также напоминает о моем освобождении и о благословенном дне, когда я увидел тебя на островке вместе с моими близкими.

Мне нечего добавить к словам той, кого ты называешь женой Белого Тигра. Поскольку твоя спутница и твои сыновья тоже одобряют идею совместной жизни, то отныне мы все становимся единой семьей. Не правда ли, дети мои?

Энергичные пожатия рук и возгласы радости были ответом молодых людей, сердца которых хранили память о замечательном негре. Что же касается его сыновей, то уже одно только родство их с Ангоссо определило симпатии и расположение к ним, не говоря уж об огромной признательности этим людям, пришедшим на выручку в трагическую для семьи Робена минуту.

Черный гигант любовался тремя милыми молодыми людьми, взглядом знатока оценивая сильные красивые фигуры. Он прекрасно помнил их имена и черты — такова цепкость и точность памяти у этих примитивных детей природы. Мгновенно установившаяся приятельская близость юных робинзонов с его детьми восхищала негра, он бурно радовался такому братскому товариществу. Но вместе с тем храбрый бони был чем-то обеспокоен. Он не сообщал Белому Тигру причину своей озабоченности, хотя очень хотел это сделать. Робен сам поинтересовался, заметив изменившееся настроение Ангоссо.

Тот отвел его в сторону и спросил шепотом, звучавшим таинственно из-за предчувствия плохой новости:

— Маленький муше Сарль... Совсем маленький... Маленький человек...

— Ты имеешь в виду Шарля, не так ли, моего младшего сына?

— Да, да... Куда он пошел?

— Но разве ты не видел его в доме вместе с матерью, Казимиром и Никола?

— Нет, компе, я не видел.

— Странно! Его мать не говорила с тобой о нем?

— Ваша жена не успела, я только пришел и сразу же отправился по вашим следам.

— Его отсутствие меня удивляет и беспокоит. Возвращаемся домой как можно скорей! Кто угадает, какие сюрпризы приготовила за два дня лесная жизнь! Разве мы сами — не живое тому свидетельство?.. И живое благодаря тебе!

Последний привал был совсем кратким. Измотанные и взволнованные, незадолго до захода солнца приближались робинзоны к дому, откуда уходили сорок восемь часов назад.

Мадам Робен, вернувшись в «Добрую Матушку» с женой Ангоссо, Казимиром и Никола, сидела на веранде в тревожном ожидании. Рядом с нею ягуар зализывал легкую рану, выступившую красным пятном на его золотистой шерсти.

Изгнанника охватило нехорошее предчувствие. Боль пронзила сердце раскаленным железом.

— Шарль!.. Где Шарль? — воскликнула бедная женщина раздирающим душу голосом, увидев, что мальчика нет среди братьев. Онемевший Робен побледнел, не находя ни слова в ответ.

Ягуар узнал Анри, подбежал к нему с урчанием, встал на задние лапы, а передние положил на плечи молодому хозяину.

— Шарль!.. — эхом отозвались полные отчаяния голоса трех братьев.

— Вот уже сутки, как он исчез! — Подошедший Никола подавил рыдание, глаза его покраснели, он постарел на десять лет за несколько часов. — Кэти только что вернулась раненой! Мне следовало пойти...

— Где мой ребенок?! — Голос Робена был страшен, но его расслабленность длилась считанные мгновения.

Несчастливая мать встала с места, смертельно бледная, она нервно моргала, ничего не видя перед собой. Вдруг она покачнулась и стала оседать на землю. Растерявшаяся сперва Ажеда успела подхватить ее и, уложив на постель, принялась заботливо ухаживать. Вскоре краска прилила к щекам женщины, она понемногу пришла в себя.

Робен мгновенно изменился до неузнаваемости. Никто сейчас не распознал бы в нем то кроткое и мягкое существо, апостола* человечности, чье благородное лицо всегда светилось приветливой и печальной улыбкой.

Он снова превратился в грозного Белого Тигра, явился в своем обличье десятилетней давности. Таким он был под огнем лагерных охранников, чьи пули угрожали его жене и детям. Черные глаза пылали под коричневой полоской тесно сведенных бровей, напоминая что-то львиное, ведь недаром тигры — это двоюродные братья львов;

* Апостол — сторонник и проповедник какого-либо религиозного учения.

вертикальная морщинка пересекла лоб. В резком и грозном голосе звучала жесткая, металлическая нота. Бедная мать с трудом улавливала смысл его слов.

— Идемте искать...— твердила она убито.— Идемте искать... Мой сын... Мой ребенок... Один... В лесу... Идемте же!

— Завтра! — не допускающим возражения тоном заявил Робен. Бледность еще более оттенила выразительность его лица.— Анри, Никола! Готовьте продукты! Эдмон, Эжен, займитесь оружием! Берем все, что у нас есть. Казимир, за тобой гамаки. Мы выходим на рассвете!

— Ждать... Снова ждать...— простонала бедная женщина.— Но мой сын зовет нас! Быть может, он умирает в эту минуту! И эта ночь... ночь хищников... О! Будь проклята, земля изгнанников, я тебя ненавижу!

Приготовления к походу завершили быстро, с тем уверенным хладнокровием, какое господствует на спасательных работах. Острая боль терзала сердца всех этих доблестных людей, мрачная траурная тень упала на «Добрую Матушку», некогда такую веселую. Но слезы смахнули, рыдания подавили, стенания заглушили. Следы усталости как будто испарились. Даже о вчерашней тяжелой драме никто не вспоминал.

Нет ничего удивительного в горестном спокойствии этих существ, с детства привыкших ко всем превратностям судьбы и к непрерывной борьбе за выживание. Затерянные в огромном пространстве, полном роковых опасностей, они с достоинством и простотой подлинного героизма готовились к беспощадной схватке с неизвестностью.

А это действительно была неизвестность, насыщенная риском и тайными угрозами, с многочисленными сюрпризами и неожиданными осложнениями. Она могла принять самые чудовищные формы, эта загадочность девственной, нетронутой природы, куда они собирались броситься очертя голову.

Казимир и Никола не в состоянии были дать какого-либо вразумительного объяснения исчезновению ребенка. Он ушел накануне утром к северной плантации вместе с Кэт, ягуаром Анри. Дома сидеть не хотел, заточение угнетало подростка. Мальчик был вооружен луком и намеревался убить орла, *harpia ferox*, который уже несколько раз за последние дни совершал дерзкие налеты на птичий двор. Мадам Робен, привыкшая к ежедневным рейдам и прогулкам робинзонов, безо всякого беспокойства отнеслась к уходу Шарля. День миновал как-то незаметно

благодаря неожиданному и очень приятному событию — появлению Ангоссо и его семьи. Но когда Шарль не возвратился и к вечеру, колонисты основательно встревожились. В последующие сутки волнение достигло высшей точки.

Парижанин и старый негр старались успокоить мадам Робен, уговорить самих себя, что ребенок, наверное, встретил отца и братьев и примкнул к ним. Но возвращение раненого ягуара разрушило хрупкую надежду, и тоска переросла в отчаяние. Никола собирался отправиться один, наугад, когда в доме появились робинзоны с тремя неграми. Остальное нам уже известно.

Что же могло случиться с бедным малышом? Об этом нельзя было думать без дрожи, настолько широко поле догадок, настолько многообразны варианты таинственного исчезновения. Непонятна и история с ягуаром. Ведь это непростое животное. Послушный и дисциплинированный, как лучшая охотничья собака, подобно ей преданный хозяевам, опытный в любых схватках, отважный и сильный, каким только может быть десятилетний ягуар,— его одиночное возвращение было поистине необъяснимо! Рана, впрочем, довольно легкая, ни о чем не говорила. Это не был укус, или удар когтя, или след режущего инструмента. Острие бамбуковой стрелы или ветка, обработанная ножом в виде сверла, могли оставить такой узкий прокол, ранка от которого привела лишь к незначительной потере крови и уже затягивалась.

Часы перед восходом солнца тянулись бесконечно долго. Бледные от бессонницы робинзоны молчаливо сновали, стараясь не глядеть друг на друга. Стоические, как первобытные люди, они сохраняли друг перед другом невозмутимое спокойствие солдат древней Спарты*. Но кто скажет, сколько горячих слез скрывала непроницаемая тропическая ночь!

Маленький отряд, хорошо вооруженный и запасшийся продуктами, был готов к выходу в тот момент, когда нежное воркование *токкфо* возвестило начало дня. Звезды бледнели, легкая опаловая каемка появилась на темных массах гигантских деревьев.

Мадам Робен появилась в сопровождении Ажеды, чей темный силуэт, освещенный восковой свечой, четко выде-

* Спарта — область в Древней Греции, жители которой с детства приучались к труду, спорту, физической выносливости; мужество и стойкость спартанских воинов вошли в поговорку.

лялся на решетчатом фоне веранды. Жена изгнанника была в шляпе с широкими полями, в коротком белом платье из плотной хлопчатобумажной ткани, обулась она в мокасины* с подошвами из кожи тапира.

— Идем! — Решительность ее интонации необычно контрастировала с мягкостью голоса.

Робен в изумлении переступал с ноги на ногу. Он пытался протестовать, она не желала его слушать.

— Бесполезно, мой друг! Ожидание меня убьет. Я должна идти.

— Но ты же не представляешь, что это значит! Даже при твоей терпеливости ты не вынесешь такого утомления: ходьба через лес изнурительна...

— Я — мать, и я буду делить трудности наряду со всеми...

— Моя дорогая бесстрашная подруга! Ты достойная мать своих сыновей, вся энергия которых с трудом может преодолеть препятствия и ловушки этой неблагодарной земли! Прошу тебя и умоляю... Останься дома! Ни одна женщина в мире и часа не выдержит в этом пекле!

— Когда они были совсем маленькими, я без колебаний пересекла океан. Меня не пугали ни бури, ни тяготы плавания. И это длилось днями, неделями, месяцами... Разве я проявила слабость?

— Мама,— мягко сказал Эжен, подойдя к ней и взяв за руку,— мама, я присоединяюсь к просьбе отца... Ну, если хочешь, мы останемся вместе с Эдмоном!

Благородная женщина поняла всю глубину нежности и самоотречения своих мальчиков. Она отрицательно покачала головой.

— Мы его найдем, сердце мне подсказывает, и я хочу обнять его первой. Кто же из вас решится обречь меня на ожидание, лишит радости первой встречи?

Ангоссо понял смысл спора и положил руки на плечи своих сыновей.

— Ломи и Башелико сильные, как маипури, и ловкие, как кариаку,— торжественно сказал он.— Пусть мой брат Белый Тигр успокоится, пусть позволит пойти в большой лес моей сестре, белой женщине, Ажеда будет рядом с ней. Если моя сестра устанет, то мои сыновья понесут ее в гамаке, и ей не будут грозить опасности

* Мокасины — мягкая кожаная обувь у индейцев, сшитая при помощи кожаных ремешков.

и усталость. Сестра моя, идите! Не бойтесь ничего. Лесным цветкам под густыми деревьями не страшны солнечные лучи!

ГЛАВА 9

Строптивый ягуар.— Прodelки краснокожих.— Послание.— По следу.— Прыжок через огонь.— Приключения юного робинзона.— Приемник Акомбаки.— Ужасный конкурент.— Вместе! — Прощание бандита.— Таинственный документ.

— Кэт! Ко мне! — прозвучал повелительный голос Анри.

— Не могу объяснить внезапный страх этого животного, — с беспокойством сказал Робен.

— Она ведет себя так после возвращения домой с маленькой раной, — заметил Никола.

— Кэт! Кэт!.. — позвал юноша, смягчив голос.

Ягуар с опущенным хвостом и прижатыми ушами, чуть ли не скребя землю носом, двигался прыжками, но медленно, с непонятными колебаниями. Он дрожал, норовил увильнуть в сторону и никак не хотел оставаться в голове цепочки. Требовалась вся настойчивость хозяина (по следам которого он неуверенно плелся), чтобы помешать ягуару перебраться в хвост колонны.

Ничего подозрительного, однако, не замечали бдительные робинзоны — ни белые, ни черные. Они шли уже двадцать четыре часа по следу ребенка, как хорошие ищейки. Шарля похитили в километре от дома, после того как он убил орла, чьи перья усеивали землю. Следов борьбы не видно. Несколько сломанных веток, примятая трава указывали на неожиданность, жертвой которой стал юный охотник. Затем его след перепутался с многочисленными отпечатками, которые принадлежали тяжело нагруженным индейцам. Эти последние то ли из безразличия, то ли уверенные в своем превосходстве не заботились о том, чтобы скрыть свои следы, ввести в заблуждение возможных преследователей.

Главное установили точно. Шарль не пал жертвой хищника или змеи. Он не утонул в заболоченной саванне, не заблудился в лесу, его не убило упавшее дерево. Он несвободен, но жив, хотя само загадочное похищение весьма подозрительно и служит слабым утешением. Так что робинзоны старались идти как можно энергичнее,

чтобы сократить дистанцию и скорее настигнуть похитителей.

Мадам Робен, несмотря на силу воли, не поспевала за отрядом. Через несколько часов она уже совсем выдохлась. Так что двое молодых негров удобно устроили женщину в гамаке, который несли на длинном шесте на своих мощных плечах. Драгоценный груз мало обременял атлетов, не снижал скорости движения. Этот простой и, в общем, единственный метод транспортировки используется, чтобы доставить больных или раненых к лодкам. Он очень распространен в Гвиане, где отсутствуют выючные животные и нет проезжих дорог.

На берегу реки сделали краткую остановку. Но не для отдыха, а чтобы проглотить на скорую руку несколько ломтиков копченого мяса. Ягуар своим поведением по-прежнему напоминал побитую собаку и неохотно плелся следом за Анри, возмущенным непостижимой трусостью своего любимца. Странное поведение Кэти сильно осложняло розыскные способности старшего робинзона, который из сил выбивался, чтобы обнаружить хоть какую-нибудь зацепку.

Казимир, опытный ходок по девственным лесам и знаток всех тонкостей первобытной жизни, метался по сторонам в надежде установить хоть что-нибудь — полная неудача. Обескураженный Ангоссо не находил никакого объяснения. Тайна становилась все более жгучей и непостижимой. Все сходилось на том, что похищение ребенка связано с трагедией, жертвами которой чуть не стали Робен и трое его сыновей. Все как будто подтверждало эту версию, вплоть до движения индейского отряда к тому месту, где ураган обрушился на лес.

Несчастный отец трепетал при мысли, что его малыш стал невинной искупительной жертвой и в сию минуту, может быть, погибал в том самом месте, где он с братьями Шарля подвергся бы мучительной казни, не вмешайся Ангоссо.

Еще два часа не принесли никаких новостей. Анри шел во главе колонны, сопровождаемый ягуаром, который как будто стал успокаиваться. Следы похитителей, по всему видно, людей изощренных, не прерывались и были отчетливо видны. Они уводили в бесконечную лесную чащу. Робинзоны задыхались от жары, глаза разъедал пот, но друзья не сбавляли темпа ходьбы. Внезапно на ягуара вновь напал страх, он резко остановился перед валявшимся и свернутым в трубочку листком цветущего тростника.

В радиусе двух километров тростник не рос, листок могли принести только от реки и оставить здесь с каким-то определенным умыслом. Брошенный на землю, он неизбежно привлёк бы взгляды идущих по следу; даже случайный и малозначительный предмет в поиске притягивает наше внимание. К тому же его особая форма явно была рассчитана на преследователей.

Надлежало тщательно изучить зеленый сверточек. Он мог содержать между складок важные сведения, но мог оказаться и ловушкой с каким-то ядом или маленькой змейкой.

Цепочка людей затормозила и подтянулась. Анри приблизился к листку и с бесконечными предосторожностями развернул с помощью наконечника длинной стрелы. В нем ничего не оказалось. Юноша поднял его, бережно держа за краешки, и внимательно рассмотрел. Возглас радости вырвался из груди при виде крупных букв, начертанных чем-то острым на темно-зеленой поверхности.

Молодой человек прочитал медленно вслух, голос его дрожал и прерывался:

— «Мою жизнь пока пощадили. Чье-то загадочное заступничество. Меня уводят. Двигайтесь осторожно. Будьте бдительны. Шарль».

Оглашение этого письма, столь же странного, сколь и неожиданного, вызвало взрыв всеобщей радости. Стесненные тоской и ожиданием, все глубоко вздохнули и почувствовали огромное облегчение.

— Он жив! — воскликнула мадам Робен. — Он жив! Милый мой малыш!

Руки у нее тряслись, когда она взяла листок, так что глаза ее с трудом могли рассмотреть слова ненаглядного сыночка. Никола смеялся, плакал, что-то выкрикивал.

— Мадам!.. Дети мои!.. Патрон! Я просто спятил! Мне хочется орать! Как будто у меня в желудке целый жбан вина!

— А ты знаешь, братец, — заметил Анри, — для новичка это просто мастерский ход...

— Замечательно, великолепно, — подытожил сияющий Робен. — О, дорогое дитя! Казимир, ты слышал?

— Конечно, компе... Казимир доволен, очень доволен... Малыш ловко провел индейцев...

— Твой ученик, старина!

— Он превзошел негра, да! О, этот славный хитрец!

— Ты погляди, Анри, — сказал в свою очередь Эд-

мон,— как здорово он написал на этом жестком и мясистом листке! Так четко...

— И ничего не порвал,— добавил Эжен, также восхищенный ловкостью младшего брата.— Он взял иголку и тупым концом вдавливал ее с такой силой, чтобы оцарапать кожицу листка, но не продырявить его... Это читается как рукопись.

Ангоссо почти со страхом глядел на растительный лоскуток, чей вид вселил надежду в его друзей. Тогда негры Марони еще не знали обычаев и привычек белых людей, которых сегодня так много трудится на золотых приисках, наш добрый бони даже не представлял, что такое «папира» (бумага), каково ее назначение.

Потребовалось объяснить ему особенности такой формы общения, и это привело негра в восторг, а уважение к белым выросло еще больше. Только один из участников экспедиции не разделял общей радости. Это Кэт. Казалось, на ягуара записка произвела прямо противоположное действие, пугая и отталкивая зверя. Наши европейские кошки, шутивно называемые «судейскими секретарями», проявляют прямо-таки необычную любовь к бумаге, которой они и обязаны своим прозвищем. Что же это за странность: их близкий родственник, огромный тропический кот, выражает к ней такое отвращение? Воспитанный в кругу робинзонов, он, в общем, не был чужд «литературы». Но стоило показать ему найденный листок, как ягуар убежал прочь, громко рыча. Более того: он даже отказывался принимать ласку от рук, державших злополучный предмет.

Ангоссо решил выяснить, в чем дело.

— Дайте-ка мне эту штуку,— сказал он Анри.

Негр взял листок, повертел его, поглядел на просвет, наведя его, как стекло, на солнце, потом поднес к своему носу.

И тут же расхохотался:

— Я знаю! Это *кози-кози*!

— Что ты называешь *кози-кози*? — спросил Робен.

На своем креольском наречии Ангоссо объяснил:

— Это такое интересное растение, запах которого отпугивает тигров.

— Не может быть!

— Да, компе! Индейцы берут его плоды, заваривают кипятком, растираются этой настойкой, а потом еще мажут своих собак, и никогда им не встретится тигр: он сразу убегает при их приближении, хоть умирает от голода!

— Ты мог бы показать мне это растение?

— Конечно, подождите немножко! — И бони углубился в лес.

Ожидание оказалось недолгим. Не прошло и пяти минут, как черный робинзон вернулся с торжествующим видом, и Робен сразу опознал принесенное растение.

— Да, оно мне встречалось! Это *hibiscus abelmoschus*, из семейства мальвовых, более известное под именем *амбретты*... Деревце родом с Антильских островов, его плоды издают сильный запах мускуса... И ты говоришь, что этот приятный, сладковатый запах обращает тигра в бегство?

— Ну да! Ему кажется, что он чует патиру, змею или каймана,— своих самых злых врагов!

— Теперь я понимаю,— сказал Никола.— Это нечто противоположное действию валерианки. Кошки от нее с ума сходят. Вы же знаете, что валериановые капли служат неотразимой приманкой для них, ее используют ловцы в белых куртках, по прозвищу «повара», чтобы очистить парижские чердаки и водосточные трубы...

— И я тоже понимаю,— вмешался Анри,— я даже вижу всю сцену похищения нашего брата. Шарля схватили индейцы, которые натерлись амбреттой, потому что боялись ручного ягуара, а тот испугался ненавистного запаха и своей раны, которую причинила ему неловко направленная стрела. Его бегство и возвращение домой теперь легко объясняются, как и нежелание идти по следу этих индейцев, как и страх, внушаемый ему запиской, потому что от Шарля запах невольно перешел и на листок тростника...

— Кто его знает,— добавил Никола,— быть может, индейцы время от времени капали на дорожку своей настойкой, чтобы помешать Кэти выполнять свой долг охотничьей собаки?..

— Вполне возможно. Но, поскольку для нас эти предсудки значения не имеют, мы пойдем вперед, и как можно быстрее! К сожалению, трудно поверить, что краснокожие всегда будут пользоваться только такими гуманными средствами защиты! Как бы там ни было, нас ожидают впереди скорые новости.

Робен не ошибся. Хотя индейцы — отличные ходоки, они не могли соперничать с робинзонами. Те вскоре поняли по несомненным признакам, что разделявшее их расстояние уменьшается. Листья веток, срезанных мачете беглецов, не успевали завянуть. А еще дальше обнаружилось, что срезы стеблей сочатся. Значит, люди прошли здесь совсем недавно.

Встреча приближалась. Иногда казалось, что похитители в нескольких шагах. Настала ночь. Сделали привал, и Робен отрядил в качестве разведчиков Анри и Ангоссо, наказав им проявлять величайшую осмотрительность. Следопыты отсутствовали около часа и вернулись на стоянку настолько тихо, что крыло летучей мыши произвело бы больше шума.

Робен ждал с мачете в руке. Ягуар, освободившись от своих страхов, бродил неподалеку.

— Отец,— тихо сказал Анри,— мы их видели.

— А Шарля? — с тревогой спросил тот.

— Шарля не было видно... Скорее всего, он в большой хижине, расположенной в центре. Вокруг нее все время сидят на корточках много индейцев.

— Но как вы разглядели в темноте?

— Они разожгли костры.

— Странно. Это указывает на то, что краснокожие не ожидают встречи с нами или же они готовы отразить любое нападение.

— Я склоняюсь к последнему. Тем более что там их такое множество...

— А каково расположение лагеря?

— Слушай. Они обосновались в том месте, где собирались нас казнить. В центре, как я уже сказал, большая хижина. Ее окружают восемь симметрично расположенных очагов, по два с каждой стороны. В расчищенном от деревьев месте, то есть напротив наших бывших «плах», горит большой лентообразный костер, в виде полукруга. Неосвещенная часть, понятно, примыкает к лесу.

— Да это настоящая система военных укреплений!

— Конечно, задачка атаковать не из легких!

— И тем не менее приступить к ней надо немедленно.

— Я тоже так считаю, отец. Но с какой стороны мы их атакуем?

— Тут нет сомнений. Освещенная зона представляется им лучше защищенной, следовательно, ее меньше охраняют. А теневая сторона наверняка оцетинилась стрелами и просматривается очень внимательно. Полукруглый костер — примитивная штука, для отвода глаз, больше всего годится для отпугивания хищников. Оттуда и бросимся в атаку. Бьюсь об заклад, там не больше двух человек на посту.

— А кто войдет в группу нападения?

— Самые крепкие. Ты, Ангоссо, один из его сыновей, Никола и я. Надо, чтобы первый натиск был сокрушитель-

ным. Мы кинемся через костер, с топором в одной руке, с мачете в другой. Это дело нескольких секунд. Поскольку мы не можем подвергать твою мать опасностям и нам нельзя распылять свои силы, вот что я решил: Эдмон, Эжен, второй сын бони и Казимир составят резервный отряд, который возьмет мое ружье, Башелико — отцовское. Устроив засаду в лесу, как в неприступной крепости, они станут отгонять беглецов, которые попытаются вырваться.

— Отец, твой план хорош, лучше не придумаешь. Нам остается только одно.

— Что же, милый друг?

— Как можно быстрее его осуществить.

— Я не ждал от тебя иного! Bravo! И — вперед!

Если робинзоны одобряли какой-то план, то исполнение не заставляло себя долго ждать. Не прошло и двух часов после краткого «военного совета», как оба отряда были на исходных рубежах. Индейский лагерь окружил с востока резервный отряд, укрывшийся за деревьями и лианами, а с запада — группа нападения.

На полукруглой линии огромного костра выплывали угасающие языки пламени, однако большое количество тлеющих углей и жара образовывали настоящий огненный ручей, шириной до трех метров. Это несколько не смущало людей, готовых перепрыгнуть одним прыжком через гораздо большее пространство.

Пятеро нападавших выдвинулись как можно ближе к освещенной зоне. Затем Робен громовым голосом бросил клич: «Вперед!»

Друзья прыгнули с тигриной ловкостью и сразу очутились в лагере. Хотя прыжок был молниеносным, им все же показалось, что пламя чересчур сильно обожгло их. Коснувшись земли, робинзоны как бы внезапно ослепли, задохнулись, закашлялись. Этот кашель саднил и буквально раздирал грудь, необычно острый, судорожный, от него сотрясилось все тело. Глаза нападавших выступили из орбит, полные жгучих слез, они не видели ничего. Белых и негров повалили на землю безо всякого труда.

Ликующие вопли индейцев заполнили поляну.

Назначенная Бенуа и Акомбакой охрана лодок нашла, что дни тянутся невероятно долго. Запасы *вику* исчерпались, необходимые компоненты для изготовления *кашифи* отсутствовали, напитки белых людей были тщательно упа-

кованы, завязаны, запечатаны, исключая всякое нескромное вторжение. Бедняги томились, как только могут томиться индейцы без выпивки и без табака, вынужденные обходиться скудной порцией лепешки и сухой рыбы.

Подобное положение не могло длиться долго. Если гора не шла к ним, то ведь они могли отправиться к горе. Осуществление такого плана прервало бы монотонность отшельнической жизни. Да и в самом деле: чем же заполнить время, если не пьешь? Не потребовалось долгих речей, чтобы оправдать безрассудную затею, — к ней приступили тотчас же. Пироги спрятали в прибрежных зарослях. Свои *пагафа* дезертиры наполнили провизией, водрузили себе на головы — и отход состоялся как самое обычное явление. Это было даже не дезертирство в собственном смысле слова, поскольку индейцы соединялись с главной частью отряда, а оставление поста, важность которого представлялась весьма сомнительной. Нетрудно, вероятно, найти какое-нибудь различие, но военные советы у краснокожих так по-детски наивны!

Они пошли по маршруту, которым недавно проследовали Акомбака и белый вождь. Тропа пролежала мимо северной плантации «Доброй Матушки». Судьбе было угодно поместить на их дороге Шарля как раз в тот момент, когда молодой человек, как и предполагал его брат, убил воздушного пирата.

Вообще гвианские индейцы безобидны. Без сердечного тепла, но и без злобы встречают они путника, пытаясь из короткого общения извлечь хоть какую-нибудь пользу, и мирно удаляются, обмениваясь несколькими пустыми фразами. Белых они уважают и немного побаиваются, потому что у тех водятся не только водка и табак, но и ружья.

В обычных условиях эта встреча ничем бы не угрожала юному робинзону. К несчастью, Шарль не был обычным белым. Вооруженный по-индейски, в одежде из плотной ткани, с темными от загара лицом и руками — весь его облик вызывал удивление у наивных, но недоверчивых туземцев. Да в самом ли деле это белый? А может, индеец или метис?* Они обратились к нему с вопросами, на которые Шарль не ответил. Так он еще и не знает их языка! Это подогрело любопытство.

Мозги туземцев были наспигованы жуткими историями об оякуле, этих грозных индейцах с белой кожей,

* Метис — человек смешанной крови.

которые говорят на непонятном языке и живут в стороне от местных людей в полном одиночестве, исполненные к ним злобного презрения.

— Наверное, это оякуле,— робко предположил один из краснокожих, с трудом отваживаясь выговорить вслух такое страшное слово. Затем, видя, что перед ними ребенок, дикари осмелели. Ведь их много, восемь человек, и так приятно нарушить однообразие странствия.

— Оякуле! — завывали они в унисон*, чтобы придать себе больше уверенности.

Молчание Шарля подбодрило и раззадорило соплеменников Акомбаки, несмотря на воинственный вид юноши и присутствие Кэти, оскалившей зубы. Эмерийоны хотели убедить себя, что перед ними враг, и преуспели в этом, потому что, как известно, у идеи тем больше шансов утвердиться в примитивном сознании, чем более она ложна. Шарль, осыпаемый неумолчно звучащими словами «оякуле, оякуле...», оказал решительное сопротивление краснокожим простакам. Завязалась борьба, мальчик вынужден был уступить. Первый шаг — решающий, и первый удар — самый трудный. Ягуар грозно рычал, но не нападал. Верные своей привычке соблюдать предосторожность, индейцы натерлись амбреттой, перед тем как выйти в дорогу. С поваленным на землю робинзоном обращались грубо. Возможно, дело приняло бы совсем плохой оборот, но здесь охотничья куртка Шарля лопнула и обнажила чистую белизну юношеской кожи.

Бесспорное доказательство его принадлежности к белой расе должно было убедить и усмирить буянов. Этого не произошло. Наоборот, краснокожие точно уверовали, что перед ними — оякуле. И не пожелали выпускать его из когтей. Они обрекут его на пытки, а потом на казнь — трезвые индейцы бывают кровожадными, а их безобидность в большой степени связана с постоянным опьянением. Плохо пришлось бы Шарлю. Но тут взгляды его недругов упали на ожерелье, блесевшее на загорелой шее юноши. Оно, должно быть, заключало свойства пизэй невероятной силы, потому что его влияние проявилось тотчас же, и с удивительным результатом. Украшение, однако, не было чем-то особенным. Простая цепочка с полудюжиной полированных нефритов** величиной с вишню, а в цен-

* Унисон — исполнение музыки или пения в один тон.

** Нефрит — минерал зеленого и белого цвета, ценный поделочный камень, известный с древних времен.

тре — золотой самородок, размером и формой напоминавший мизинчик. Это ожерелье принадлежало Жаку-арамисо, перед отъездом он подарил его юному другу как самую ценную вещь, которой располагал. Жак просил Шарля носить его в память о бывшем владельце. И ребенок, не придавая этому ни малейшего значения, надел украшение на шею.

Ему сказочно повезло. Потрясенные видом талисмана, эмерийоны немедленно изменили тон и стали проявлять к Шарлю знаки высочайшего почтения, не менее поразительные, чем их недавняя грубость. К несчастью, они не вернули ему свободу. Напротив, спутали его ноги таким образом, чтобы он мог нормально идти, но не в состоянии был бы бежать, однако руки оставили свободными.

Туземцы решили отвести пленника к Акомбаке, уповав на то, что талисман умиротворит гнев последнего за покинутый ими «боевой пост», а племя щедро вознаградит за вербовку новобранца. Худо-бедно, а Шарль все-таки походил на индейца.

Благодаря относительной свободе он смог написать на листке тростника записку, а используя магическую силу *пиэй*, обеспечил неприкосновенность своего послания, оставленного на дороге. Кэти, увы, такими привилегиями не обладала. Питая к краснокожим беспричинную ненависть, ягуар явно побаивался этих эмерийонов. Они же не решались его убить, но зато намазались амбреттой так обильно, что бедное животное, не выдержав, повернуло прочь и побежало к «Доброй Матушке». Вслед ему полетела стрела *курмури*, ускорившая его бегство. Шарль остался один со своей неопределенной судьбой, неясной и самим похитителям.

Они добрались до соплеменников, но, по роковому стечению обстоятельств, лишь спустя несколько часов после освобождения и ухода робинзонов. Поляна начинала наполняться гамом. Пришедшие в себя туземцы истощенно вопили над безголовым телом своего вождя Акомбаки. Бенуа с чудовищно распухшим лицом был жив, но отчаянно хрипел.

Прибытие второго отряда отвлекло их, особенно вид Шарля, чей талисман вновь вызвал почтительное восхищение. Индейцы с невероятной переменчивостью, составлявшей основу их характера, забыли о мертвом ради живого. Или, вернее, они уже предвидели перспективу двойной пирушки — в память покойного и в честь его наследника.

Ибо — пусть никто не удивляется этому — они думали с полной ответственностью о том, чтобы избрать юного робинзона вождем эмерийонов и тиос.

Мальчик, удивленный таким противоречивым развитием событий, махнул на все рукой; его безразличие только подогрело всеобщий восторг, который внушал этот прелестный подросток. Он с хрупкой надеждой ожидал своего посвящения в сан, чтобы привести, если иначе нельзя, новых подданных к «Доброй Матушке» и обнять наконец милых родных, по которым он так тосковал.

Трое каторжников исчезли во время суматохи, индейцы не знали, что с ними произошло. Возможно, те поубивали друг друга, чтобы завладеть самородком, единственным весомым результатом экспедиции. Что касается Бенуа — его состояние требовало немедленного лечения, и Шарль, опознав в нем белого, распорядился оказать ему помощь, увы, не подозревая, что этот человек окажется причиной непоправимого несчастья.

Средство, употребленное для возвращения умирающего к жизни, было, с одной стороны, очень простым, а с другой — весьма необычным. Индеец схватил два куска кварца и стал сильно бить их один о другой, высекая искры под самым носом бывшего надзирателя. Брызнули целые снопы искр, и характерный запах разогретого кремня распространился в воздухе. Минут десять продолжал краснокожий свои маневры, стараясь оперировать как можно ближе ко рту и носу раненого. И — удивительное дело! — хрипы заметно уменьшились. По всей видимости, этот запах действовал, как мощное средство на опухоль, вызванную укусами ос. Дыхание становилось все более легким, нормализовалось, бандит смог выговорить несколько слов и попросил пить. Распухшая слизистая оболочка, вероятно, частично пришла в норму, потому что бывший надзиратель умудрился опорожнить без труда добрую половину кувшина с водой.

Что касается твердых узловатостей, которые фиолетовыми пятнами испещрили его лицо, затянули глаза, покрыли буграми лоб, изуродовали губы, придав ему отвратительный облик прокаженного, то их просто обмазали горшечной глиной, достаточно мягкой, чтобы принять очертания лица и прильнуть к кожному покрову в виде маски. Эта операция возымела немедленное действие и почти мгновенно сняла мучительную боль, терзавшую Бенуа. Перестав ругаться и сыпать проклятия — старые привычки снова воскресли в негодые — он вскоре задре-

мал, а наутро уже был здоров. Лицо еще безобразили иссиня-бледные пятна, оставленные ужасными насекомыми, но один глаз уже стал видеть. Другой казался сильно поврежденным. Лекарь сообщил о событиях минувшего дня — об освобождении пленников, смерти Акомбаки, исчезновении сообщников, а также о прибытии предполагаемого наследника короны... из перьев.

Бенуа и сам бы, пожалуй, хотел называться Акомбакой-вторым, и сам был бы не прочь торжественно взгромоздиться на вырезанного из дерева каймана*, а потом послать своих подданных на барщину золотых приисков. Надзиратель решил избавиться от новоявленного претендента на трон. Казалось не трудным поставить себя на место соперника, даже если пришлось бы пойти на убийство.

Но прежде, чем предпринять что-либо, надлежало познакомиться с претендентом, завоевать его расположение, используя в случае необходимости лицемерие, если тот окажется в состоянии энергично себя защищать.

Удивление Бенуа могло сравниться лишь с его яростью. При виде ребенка, чьи черты живо напомнили ему Робена и его сыновей, авантюрист ни на миг не усомнился в происхождении мальчишки.

— Так вот оно что! — прорычал он. — Вечно натыкаешься на это отродье! Еще один щенок проклятого фаго... Ну, погоди же, сопляк, я тебе устрою веселую жизнь...

Не теряя времени бандит потребовал флейту и барабан Акомбаки, сыграл несколько громких рулад и раскатисто погрохотал. Краснокожие сбежались, за исключением телохранителей Шарля, и сгрудились вокруг Бенуа. Он выступил с длинной речью, разоблачая их избранника как члена того самого подлого семейства, вождь которого убил их великого пизэй. Его тон поочередно звучал обвинительно, возвышенно и угрожающе. Бородач сулил им горы кассав, потоки кашири, реки тафии, а закончил недвусмысленным предложением избрать себя предводителем.

Напрасные усилия. Классическая формула: «Я сказал, и дух моих предков согласен...» — успеха не возымела, встретили ее холодно. Белый наобещал уже много всего,

* Индейцы вырезают из стволов деревьев грубые сиденья, которым придают форму четвероногих, рептилий или ящериц. Нет ничего занятнее, как наблюдать дикарей в праздничные дни сидящими бок о бок на деревянном каймане, самый старший по положению расположен на его голове, а подчиненные сообразно их значению занимают места вплоть до хвоста. (Примеч. авт.)

да слова так и остались словами. Его звезда сильно побледнела со смертью Акомбаки и освобождением пленников. Одно из двух: либо дух его предков солгал, либо виновники кончины колдуна обладали более мощным пиэй, чем белый вождь. Бенуа почувствовал, что ему необходимо срочно вернуть себе дружеское расположение туземцев. Он принялся вспоминать истории из прошлого, напирая на свои заслуги и щедрые возлияния на похоронах жреца. Но что значили теперь для краснокожих эти рассказы, когда тело бедного «Который уже пришел», потерявшее голову, будет погребено — увы! — по низшему разряду...

Осиротевшему племени следовало как можно быстрее поставить заслон от новых несчастий и возвести в высший ранг красивого подростка с гордым выражением лица, величественной осанкой и — что важно — с таинственным ожерельем. Этот взрослеющий мальчик внушал индейцам безграничное доверие.

Бенуа хорошо знал туземцев. Он видел, что партия проиграна, и не думал бороться. Его сообщники обратились в бегство, его влияние на индейцев, которое он поддерживал только с помощью Акомбаки, ушло в прошлое. Авантюрист решил укрыться в лесу, оставаясь, однако, в пределах досягаемости лагеря, чтобы воспользоваться грядущими событиями или спровоцировать их в случае необходимости.

Бородач скатал свой гамак, наполнил вещевой мешок провизией, аккуратно зарядил ружье, погрозил кулаком в пространство и потихоньку скрылся.

Посвящение нового вождя должно было состояться утром следующего дня. Его воины, чтобы защитить своего избранника и самих себя от опасных сюрпризов, на которые так богаты девственные леса, укрепили площадку вышеописанным способом. Они разожгли костры, поставили часовых, вменили им в обязанность каждые четверть часа обильно сыпать на горящие угли зерна ужасного кайеннского перца, который еще называется бешеным стручком.

При сгорании маленького красного плода из семейства пасленовых образуется едкий, раздражающий и удушающий пар, вдыхание которого хотя и не очень опасно, немедленно вызывает те явления, которые сделали атаковавших робинзонов беззащитными.

Над ними занесли мачете, их вот-вот обезглавят. Но Шарль услышал команду на французском языке и вслед за

ней — крик отчаяния и тоски. С силой оттолкнув телохранителей, он прыгнул сквозь человеческую стену, развел ножи, занесенные над его близкими, и бросился в объятия отца.

— Папа!.. Анри!..

— Шарль! Дитя мое милое! — воскликнул все еще незрячий изгнанник, которому только слух не изменил. — Шарль!

Ожесточение индейцев умиротворилось поведением молодого человека, чьим желаниям отныне все беспрекословно повиновались. Перед новоприбывшими стали заискивать, хотя их первоначальные намерения представлялись подозрительными, но так пожелал вождь. Обмыли им веки, дали подышать сильным противоядием, и вскоре глаза белых открылись свету.

Тем временем члены второго отряда, притаившиеся в непроницаемой темноте леса, испытывали все большее беспокойство. После первых возгласов нападавших, после торжествующих и возмущенных криков индейцев воцарилась томительная, зловещая тишина. Тревога была настолько остра и непереносима, что мадам Робен, предпочитая бездействию что угодно, дала приказ наступать.

Страх и тоска удесятерили ее силы. Она устремилась легко, словно птица, в направлении огней, пересекла узкое пространство, не замечая препятствий, не останавливаясь на них, и появилась вся в белом среди огненно-красной ночи, как дух любви и свободы. Охваченные священным ужасом, потрясенные ее внешним видом, индейцы бросились к ногам божественной фигуры. Им никогда не доводилось видеть европейскую женщину!

Она остановилась посреди поляны, заметила Шарля в центре живописной группы ее близких — вот и отец, Анри, Ангоссо, Никола... — и протянула руки. Ребенок, совершенно обезумев, думая, что он бредит, бросился к матери и судорожно сжал в объятиях. Героическая женщина, которая до сей минуты не расслабилась ни разу, сотрясалась от рыданий. Ее глаза утонули в слезах. Стоически перенеся страдания, она не выдержала тяжести человеческого счастья.

В момент наивысшего восторга, когда изгнанник вкушал со своей семьей радость чудесного освобождения, неожиданно возникло из-за ствола ауары жуткое видение. Мрачный призрак, выплывший из темноты, с отвратительным землисто-серым, мертвенно-бледным лицом, глазами, сверкавшими холодным металлическим блеском,

искаженным в гримасе ненависти ртом — в общем, вся физиономия как будто выползла из преисподней.

«Бенуа!» — собрался крикнуть Робен, узнавший бандита. До бывшего надзирателя было около пятнадцати метров, но инженер не успел вымолвить ни слова. Ружейный ствол вдруг направился в его сторону, прозвучал выстрел, и негодяй громко заорал с чувством удовлетворенной ненависти:

— Это тебе, Робен! А потом и другим...

Громкий стон раненого раздался тотчас. Но отец семейства стоял как ни в чем не бывало, а вот бедный Казимир тяжело рухнул на землю, пораженный пулей в грудь. Добрый старик успел увидеть приготовления мерзавца. И, собрав остаток сил, восьмидесятилетний негр прикрыл друга своим телом.

Индейцы подняли шум, самые находчивые ринулись ловить убийцу, но не тут-то было. Хитрый, как хищник, преследуемый собаками, Бенуа растворился в кустарнике и исчез в ночной темноте.

Растерянный Робен, преисполненный боли и сострадания, поднял беднягу; тот жалобно стонал. Ссылный зарыдал, словно ребенок. У всех на глазах блеснули слезы. Робинзоны горевали, как если бы присутствовали при смерти собственного отца.

— Казимир! — прерывающимся голосом бормотал глава семьи.— Казимир!..

При звуке любимого голоса старик приоткрыл свой единственный глаз и одарил белого друга долгим взглядом признательности и сожаления.

— Мой любимый сын... Не плачь...— Голос его был на удивление музыкален, это ощущение усиливалось нежным звучанием креольской речи.— Не плачь, мой дорогой ребенок! Твой белый отец подарил тебе жизнь... Твой черный отец имел счастье сохранить ее... Разве ты не называл меня своим отцом... Любил меня... Украсил мои последние годы... Благословляю тебя, сын мой! Пусть дарует тебе судьба долгие дни счастья на этой земле, где ты так страдал!

Говорить негру становилось все труднее, тело покрылось мраморно-серыми пятнами. Робен хотел обследовать рану, оказать какую-то помощь. Ярко-красная пенистая кровь текла из сквозного отверстия, пуля пробила грудь чуть пониже левой ключицы.

— Бесполезно, мой милый компе,— снова тихо заговорил Казимир, и мягкая улыбка коснулась его губ.— При-

ложи руку к ране, чтобы я не умер слишком быстро. Вот так... А теперь... поверни свое лицо к свету, чтобы я мог видеть его полностью.

Робен послушно исполнил просьбу, и выражение безграничного блаженства окрасило лицо негра, обретавшее неподвижность маски.

— А теперь, мои дорогие дети... вы, кого я любил до последнего дыхания... мои старые кости вздрогнут от счастья, когда вы своими руками засыплете их землей... Прощайте! Прощайте, мадам... вы, такая добрая и заботливая к бедному старому негру... Прощайте, Анри... Эдмон... Эжен... Мой маленький Шарль... Прощайте! И ты, Никола, знающий силу преданности, тоже прощай! Ангоссо... Ломи... Башелико... добрые негры, любите моего белого сына... Прощай, Ажеда! Ох... Ох... Мой белый друг! Сними руку...

Робен отнял окровавленную руку от раны. Кровь заструилась с новой силой. Изгнанник воздел руки к небу, как бы призывая его в свидетели своей клятвы:

— Мир тебе! Я люблю тебя, как отца, и всегда буду печалиться о тебе! Поверь мне: ты будешь отомщен!

Умирающий, которого уже коснулось ледяное дыхание вечности, приоткрыл глаза и прошептал еще несколько слов:

— Ты научил меня прощать... Не убивай его! Я умираю довольный.

Казимир хрипло выдохнул воздух, кровь хлынула из горла. Великое сердце больше не билось.

Робен положил негра на землю, осторожно закрыл ему глаза, поцеловал в лоб и долго оставался коленопреклоненным возле тела покойного, охваченный глубокой тоской.

Эту печальную бессонную ночь не оглашали обычные для индейцев в таких случаях завывания. Уважая молчаливую скорбь гостей, они с неожиданной покорностью разошлись по своим делам. Одни поспешили взяться за изготовление новенького гамака, предназначенного послужить саваном для умершего, другие приносили пучки пальмовых листьев для подстилки, третьи сооружали легкую хижину.

Настало утро. У погруженных в траур робинзонов не было ни минуты отдыха. Только Никола отвлекся при виде чего-то белого на земле, очень его заинтересовавшее-

го. С первыми лучами солнца он определил природу этого предмета: то был клочок обычной бумаги, скомканный и потемневший.

Бумага — большая редкость в гвианских лесах. Парижанин уже десять лет не видел даже случайного обрывка... Как здесь появился этот грязно-белый комочек?.. Наверное, это пыж от ружья, которое стреляло в Казимира. Уступая естественному желанию, Никола поднял клочок без определенной цели, словно повинувшись тайному предчувствию. Он развернул бумажонку — она была усеяна печатными буквами. Газета! С одной стороны текст прочесть невозможно, он весь обожжен при вспышке пороха. Но с другой — буквы видны...

Парижанин прочел и мгновенно побледнел. От радости или от огорчения? Перечитал еще раз, боясь, что ошибся, не так понял. Затем, не в силах удерживать волнение, которое буквально распирало его, он вскочил и опрометью кинулся к Робену, все еще пребывавшему возле тела погибшего друга.

Отерши пот со лба, Никола до боли сжал руку изгнанника, а другой подал ему прочитанный обрывок газеты. Глава семейства глазами указал на покойника, лежавшего на зеленой подстилке, его печальный и нежный взгляд как бы говорил: «Неужели не можешь подождать?.. Не видишь разве, что не время сейчас заниматься другими делами? Зачем ты меня отвлекаешь?..»

Никола правильно истолковал немой упрек, но все же продолжал настаивать:

— Мой благодетель! Мой друг! Очень торжественный момент... прошу вас... прочтите!

Инженер, бросив быстрый взгляд на буквы, изменился в лице и проглотил текст одним махом. Глухой стон вырвался у него из груди.

Заметившие это внезапное волнение, к ним подошли юные робинзоны с матерью. Робен вполголоса прочел им отрывок, медленно выговаривая уцелевшие разбросанные слова, среди которых сохранилась одна-единственная полноценная фраза (он прочитал ее с особым чувством):

— «...милосердие... император... уголовные и политические преступления... По декрету от 16 августа 1859 года объявляется всеобщая амнистия, без условий и ограничений, она распространяется на всех... за границей... в местах депортации, могут возвратиться во Францию... обнародование... декрет опубликован в «Бюлетене законов»...»

Робинзоны с трудом ухватывали смысл непонятных для них слов, способных преобразить всю их дальнейшую жизнь.

Окончив чтение, Робен задумчиво продолжал тем же приглушенным тоном:

— Итак, ваш отец перестал быть человеком, которого хватают и сажают в тюрьму... Он уже не безликий номер в списке ссыльных, не каторжник, которого терзает лагерная охрана... Я больше не беглец, за которым охотятся, как за хищником... Исчез Белый Тигр, за ним больше не будет гнаться свора надзирателей... Я — свободный гражданин экваториальной Франции!

И, обратив свой взор на тело покойного негра, добавил:

— Бедный мой друг! И надо же, чтобы моя радость была отравлена болью, которая никогда не утихнет!

ГЛАВА 10

Последние почести.— Раскрытая тайна.— «Здесь покоится добрый человек...» — Отречение от престола.— Паломничество к могиле.— Загадочный цветник.— Страшное возмездие.— Тайна продолжает жить.

Похороны Казимира состоялись наутро. Робен пожелал сам отдать последние почести старику. Он решил похоронить его в гамаке, который соткали ночью, и собственными руками выкопать глубокую могилу, к великому удивлению индейцев, не понимавших столь высокого почтения белого к останкам старого негра.

Главе семейства хотелось, чтобы его друг обрел вечный покой в том месте, где в момент наивысшего самопожертвования он героически завершил свою долгую жизнь, полную любви и беззаветной преданности. Поверженные ураганом деревья робинзоны позже сожгли бы, соорудили здесь какое-нибудь жилище, филиал «Доброй Матушки», и приходили бы сюда время от времени. Последнее пристанище Казимира не осталось бы заброшенным.

Робен копал непрерывно и без особых усилий. Странная вещь: земля была такой мягкой, словно ее недавно рыхлили. И все же работа подвигалась довольно медленно из-за обилия увесистых камней, нагромождение которых стало ему казаться неслучайным. Он выбрасывал их один за другим из ямы и продолжал копать. Штыковая лопата из твердого дерева, ловко вырезанная в форме весла

с помощью мачете, пересекла вскорости плотный слой листвы, не совсем увядшей. И эта относительная ее свежесть говорила о том, что землю рыли несколько дней назад.

Инженер забеспокоился: стоит ли продолжать?..

— А если я наткнусь на другой труп?.. Не хватало мне стать потрошителем чужих могил...— бормотал он себе под нос.

И уж совсем было решил отказаться от своего намерения, а могилу выкопать в другом месте, как вдруг босая нога его провалилась сквозь рыхлый грунт и наступила на что-то твердое, больно царапнувшее кожу. Наш герой наклонился и с удивлением обнаружил крышку индейской корзины *пагара*, оплетенную лианой и сплюснутую давлением. Робен потянул к себе растительную веревку, но почувствовал сильное сопротивление. Наконец в результате энергичных действий ему удалось вырвать из земли тростниковую корзину и с огромным усилием поднять над головой: настолько она была тяжела.

Парижанин поставил ее рядом с ямой, затем выудил вторую, точно такую же, потом третью, за ней четвертую. Подошел Анри, протянул ему руку, помог выбраться наверх. Открыли корзины.

Они были полны золота!

В каждой из корзин лежало множество самородков. Робинзоны определили их общую массу в сто пятьдесят килограммов, что составляло примерно четыреста пятьдесят тысяч франков.

Хорошо известно, с каким решительным презрением колонисты относились к богатству. Никого не удивило, что не послышалось ни единого ликующего возгласа, не последовало никаких проявлений радости после обнаружения клада. Индейцы, не понимавшие ценности золота, из любопытства приблизились и с удивлением поцокали языками при виде золотых самородков, среди которых были весьма значительные по размерам.

Робен смотрел на сокровище безразличным взглядом.

— Бедный друг,— сказал он, как будто Казимир мог его услышать.— Милый друг! Ты был добрым гением в дни моих злосчастий и превратностей, потом пожертвовал жизнью ради меня, и вот теперь, даже после смерти, ты даришь нам целое состояние!

— Отец! — воскликнул Анри.— Я хочу сказать, что все мы — и мать, и братья, и Никола, и я сам — одинаково относимся к этой находке. Вот что мы думаем: какое

значение имеет богатство? Зачем это золото, если мы его презираем! Разве этот лес со всеми своими ценностями не принадлежит нам? Разве нет у нас рук, чтобы трудиться, нет плантаций, которые дают все, что нужно? Какое нам дело до этой «цивилизованной жизни» с ее мелочной борьбой, необузданными желаниями, с неведомой нам нуждой и вечно неутоленной ненавистью! Мы ведь *экваториальные французы*, свободные колонисты Гвианы, которую любим, хотя она и была страной нашего изгнания. Она прокормит нас, и бывшая земля проклятия благодаря нашим трудам станет землей искупления...

— Хорошо, мой сын, хорошо... Если так думают все... вы были мальчиками, а стали мужчинами, и я этим горжусь. Пусть будет по-вашему! Я счастлив подчиниться вашей воле!

И робинзоны, не откладывая дела в долгий ящик, презрительно столкнули ногой самородки обратно в яму: они посыпались туда беспорядочно вместе с корзинами и камнями. Яму засыпали, землю заровняли, и место приняло свой прежний вид. Никто бы теперь не догадался, что здесь находится тайник.

Прерванные этим событием похороны завершились при общей глубокой сосредоточенности, и Казимир нашел последний приют в могиле, выкопанной в десяти метрах от сокровища. С помощью индейцев установили над нею большой камень, и Робен кончиком ножа выгравировал на нем простые слова:

«Здесь покоится добрый человек».

Тайна золота снова ушла в небытие. Сбережется ли она навсегда под охраной того, кто был когда-то проклятым в безымянной долине?

Закончив траурную церемонию, робинзоны рассчитывали вернуться в свое поместье «Добрая Матушка». Но индейцы, упрямые, как большие дети, во что бы то ни стало хотели возвести Шарля в наивысший сан, хотя он никоим образом не прилагал к этому усилий. Объяснения с краснокожими были бы совершенно невозможны, если бы Ангоссо не знал их языка. Он бегло говорил на нем и успешно сыграл роль переводчика и толкователя. Переговоры грозили затянуться до бесконечности, когда Шарля осенила счастливая мысль.

Находясь в плену, он обратил внимание на молодого

индейца, лет двадцати, который с первых же минут выказал к нему живую симпатию. Это был парень высокого роста, красиво сложенный, с очень приятным лицом. По уму он, казалось, превосходил большинство своих соплеменников. И Шарль подумал, что из этого парня получился бы отличный вождь. Он поделился своей мыслью с отцом, тот полностью его поддержал. Трудность заключалась в том, чтобы добиться общего согласия эмерийонов и тиос. И тут Шарлю пришлось в голову надеть своему ставленнику ожерелье Жака, этот чудодейственный пизэй, владелец которого стал предметом самого истового поклонения.

Молодой индеец был совершенно ошарашен таким подарком, но находчивый робинзон не ошибся, интуитивно точно рассчитав воздействие своего поступка на краснокожих. Он вручил эмблему с такой серьезностью, с такой монаршей торжественностью, словно ожерелье Золотого Руна, и юноша сразу заполучил общее согласие на избрание его наместником Акомбаки.

Кстати, несколько слов об Акомбаке, этой мало интересной жертве золота. Безголовый труп оказался ночью брошенным на волю случая, а это очень опасно в девственном лесу. Его вчистую обглодали прожорливые муравьи-маниоки.

Церемония посвящения наследника вождя была краткой. У индейцев не оставалось ни капли спиртного для пиршества. В довершение несчастья и провизия подошла к концу, на племя грозил обрушиться голод. Спасительная «Добрая Матушка» с неисчерпаемыми запасами съестного была неподалеку. Робен попросил Ангоссо перевести индейцам его предложение: отправиться к «Доброй Матушке», где найдутся для них сытный приют и полезная работа во имя обеспечения будущих нужд. Для Шарля это была возможность радостного восшествия на престол... без всякого восшествия!

Предложение приняли с энтузиазмом. Отряд выступил в путь и без происшествий прибыл к месту назначения. Обитатели «Доброй Матушки» устроили сердечный прием... Теперь число жителей поместья резко возросло.

Индейцев привела в восхищение картина изобилия, плоды трудов лишь нескольких человек, но трудов настоячивых, систематических и целеустремленных. Гости удобно расположились, в полном соответствии с привычками и правилами своего племени, и вскоре селение представляло собой любопытное и успокоительное зрелище пчели-

ного улья за работой. Праздники состоялись в ближайшие дни, но — редкий случай! — в атмосфере трезвости, исключавшей всякие беспорядки.

Встречи с белыми, их уроки, их пример становились зернами цивилизации. Успехи в обучении были настолько разительны, что краснокожие, радостные и преображенные, обратились к Робену с просьбой разрешить им поселиться поблизости от него и окончательно стать неотъемлемой частью колонии.

Разрешение было дано охотно и от чистого сердца. Договорились, что делегация незамедлительно отправится на розыски женщин, детей и стариков. С ними количество экваториальных французов увеличилось бы вдвое. Ангоссо и его сыновья, освободившись от вековых предубеждений своего племени против индейцев, жили в полном согласии с новоприбывшими. Открывалась ласкающая взор картина: черные атлеты, азартные на охоте, неутомимые в труде, ловкие, предприимчивые, любезные, по-своему разгуливали среди вчерашних врагов, которые со своей стороны, понимая преимущества объединения и оседлого образа жизни, не желали себе лучшей доли, как отказаться от кочевого существования и создать одну большую семью, без различий происхождения и цвета кожи.

Так прошел первый месяц — без малейшего омрачающего облачка, и достославная индейская лень ни на йоту не увеличила нагрузку на других колонистов. Значит, и в легендах бывают преувеличения... Всем жилось широко, свободно и дружно, всего хватало с избытком, и усталость как будто отступила от людей. Никто не пытался уклониться от общего закона. Объединив индивидуальные усилия, легко было направить их на крупные задачи обустройства, на сбор урожая и раскорчевку леса. Сосредоточение сил на одном направлении давало выигрыш времени и сводило к минимуму потери. Работа, которую индейцы выполняли вразброд ценой физического изнурения и нерасчетливо долго, вдруг завершалась в считанные минуты, к великому изумлению краснокожих, не понимавших значения системы и безразличных к разбазариванию времени и природных богатств.

В день отъезда делегатов в деревню, до которой, как вы помните, надо было добираться несколько дней на лодке, работу отменили. «Добрая Матушка» отдыхала. Торжественно проводили отъезжавших. Затем, по предложению Робена, отправились провести могилу Казимира.

Вид поляны, где так давно еще происходили памятные

драматические события, совершенно изменился. Листва гигантских деревьев, повергнутых ураганом, под воздействием солнечных лучей приобрела рыжеватый оттенок, подобно нашим дубам в зимнюю пору. Приближался момент, когда огонь очистит поляну от этих древесных останков. Девственная земля вскоре станет обработанной и ухоженной.

Вслед за главой семейства робинзоны в молчании шли к тому месту, где покоился их старый друг. Скальный обломок, послуживший надгробным камнем, утонул в целом море цветов. Крик изумления вырвался из груди при виде этого роскошного благоухающего цветника, на котором мелькали блестящие птички колибри, бабочки и стрекозы.

Милосердная ли рука незримой феи цветов так преобразила скромную могилу? Или дух золота засвидетельствовал свое сожаление о безвинной жертве похищенного секрета? А может, таинственные хранители клада, с презрением отвергнутого белыми, хотели таким образом выразить свою благодарность за столь великодушное приношение?

На удивленные возгласы колонистов отозвался какой-то странный рык, сопровождаемый сдавленным хрипом. То был человеческий голос, до неузнаваемости искаженный страданием. Хрипение повторилось, прерывистое и трудное, как последний протест умирающего против объятий смерти. Робен с мачете в руке, в сопровождении сыновей направился к месту, откуда исходил шум. Он раздвинул клинком могучие травы, которые вымахали за месяц на целый метр, и застыл словно вкопанный в каких-нибудь десяти шагах от могилы. Бывший каторжанин стоял как раз на том месте, где были зарыты самородки. Ужасное зрелище предстало его взору. Какой-то человек, явно европеец, едва прикрытый лохмотьями, с кровавой пеной на бороде, конвульсивно сжимая в кулаках две горсти земли, корчился в муках на краю глубокой ямы. Один глаз его, изъеденный страшной болезнью, совершенно исчез. Орбита без век зияла синеющей язвой. Другой глаз казался безжизненным. От ушных хрящей остались только бесформенные кусочки, безобразно опухшие губы выделялись двумя фиолетовыми выступами на полуразложившемся лице. Тошнотворный запах гниения исходил от этих отвратительных остатков лица. И тем не менее Робен узнал несчастного. Это был Бенуа!

— Он! — содрогаясь, воскликнул инженер. — Это он! О, мой бедный Казимир, за тебя жестоко отомстили!

Хрипение становилось все более беспорядочным и не-

ровным. Убийце оставалось несколько мгновений жизни. Изгнанник, чье великодушное сердце не знало ненависти, приблизился, невольно взволнованный видом ужасающей расплаты, в которой повинна была только судьба. Он наклонился, невзирая на удушающий запах, и знаком подозвал сыновей.

Анри заглянул в яму, на краю которой умирал бывший надзиратель. Она была абсолютно пуста. Даже и следа золота не осталось на дне, тщательно очищенном от всех инородных предметов.

Клад исчез.

В этот момент умирающий, охваченный последней судорогой, присел на голых камнях, затем его некогда могучее тело, отчаянно боровшееся со смертью, вздрогнуло, выпрямилось. Лицо его с колыхавшейся кожей, которая то вздувалась, то опадала от какого-то загадочного кишения, обратилось к робинзонам. Видел ли еще хоть что-нибудь его единственный глаз? Успел ли почувствовать негодья, кто перед ним? Сохранилась ли его ненависть? А может быть, его безумный взгляд молил о прощении?..

Он испустил последний крик, похожий на хриплый короткий лай.

И тогда случилось нечто невероятное, устрашающее. Его кожа лопнула и разошлась в двадцати местах, мясо отрывалось от костей и падало на землю вместе с целым дождем беловатых личинок. Кости черепа, заживо иссеченные множеством червячков, обнажились у всех на глазах.

Бенуа судорожно взмахнул руками и тяжело опрокинулся навзничь, прямо в разрытую землю, еще недавно хранившую сокровище.

— Его жертва простила ему! Пусть же покоится в мире рядом с ней! — произнес Робен тихо и печально.

— Пусть покоится в мире! — эхом откликнулись робинзоны.

Яму вторично засыпали землей, и скоро не осталось и следа от омерзительных останков последней жертвы *тайны золота*.

Молодые люди вместе с отцом возвратились на поляну и рассказали об этом странном и драматическом случае своей матери, которая уже тревожилась из-за долгого отсутствия детей.

— Это просто ужасно! — без конца повторяли Анри и его потрясенные братья. — Несчастный! Конечно, он виноват, но как же пришлось ему помучиться!

— Вы даже представить не можете терзания, которые

он испытывал. Вероятно, в течение многих дней он находился там, возле тайника, откуда улетучились его надежды. Неспособный передвигаться, пораженный страшной болезнью, он чувствовал, как омертвляется все его тело — часть за частью, а спасительная смерть все не приходила...

— А как называется эта болезнь?

— Он погиб от насекомого, более страшного, чем все хищники, рептилии и прочая нечисть, которая водится на просторах Нового Света... Это *mouche hominivore*, мушка-людоед.

— Должно быть, она страшна на вид...

— Ничего подобного, дети мои, все обстоит как раз наоборот. Муха-атропофаг, называемая натуралистами *lucilia hominivora*, на вид совершенно безобидна. Нет у нее ни болезненного жала «бессмысленной мушки», ни отравленного кинжальчика скорпиона, ни даже ядовитого хоботка москита...*

Ничто не привлекает внимания жертвы, насекомое кажется заурядной мясной мухой, на которую походит размерами и легким жужжанием. Она живет обычно в девственных лесах. И проникает в носовые или ушные впадины спящего человека, откладывает там свои яйца и преспокойно улетает. И человек уже обречен, вся наука с ее могучими средствами в восьми случаях из десяти бессильна помочь потерпевшему.

Действительно, эти яйца благодаря температуре тела и благоприятной среде обитания очень быстро развиваются. Пострадавший сам их «высиживает», в некотором смысле... После короткого скрытого периода с ними происходит первое изменение, они превращаются в личинки. Лобные пазухи, полости носа и среднего уха — вот ихместилище.

Затем личинки зарываются в глубину мускульной ткани, за счет которой питаются и развиваются. По отношению к коже они — то же самое, что зреющий зародыш цыпленка по отношению к скорлупе яйца. Они отделяют тело от костей, занимая место мускулов, и волнообразно движутся под кожным слоем, прежде чем его пробуравить. Происходит это в тот момент, когда, став взрослыми насекомыми, они вылетают на свободу...

Заживо иссеченный человек погибает неотвратимо, даже и в том случае, когда (мне пришлось наблюдать такое

* Москит — мелкое двукрылое жалящее насекомое; укусы москита очень болезненны.

в госпитале Сен-Лорана) удастся освободить его от личинок путем энергичного лечения. Воспалительные процессы, вызванные присутствием этих насекомых в опасной близости от мозга, порождают менинго-энцефалит*, как правило, со смертельным исходом.

— Ну это просто кошмар! Выходит, и с нами может произойти такое же несчастье, пока мы спим!

— Успокойтесь, мои дорогие дети! Доктор С., изучавший нравы этих грозных перепончатокрылых, определил, что они отдают предпочтение больным людям, особенно тем, у кого из носовой полости распространяется дурной запах. Он привлекает их неудержимо, как и запах гниющей раны, на который жадно набрасываются некоторые животные и хищные птицы.

— И ты полагаешь, отец, что от этого бича нет никаких средств?

— Вот именно, бича, ты хорошо выразился. К счастью, это очень редкое заболевание. Большинство попыток оперировать кончаются неудачей. Но опыты ведутся... Применяют поочередно эссенцию скипидара**, хлороформ***, эфир**** и бензин. Эти вещества, приложенные к очагам инфекции, вызывают массовый исход личинок. Они сотнями выползают из полостей носа, ушей, из дыхательных путей вследствие потери органического питания. Вплоть до сегодняшнего дня бензин представляется наилучшим средством, которое сдерживает развитие болезни. Важно также захватить болезнь в самом начале, чтобы движение личинок не происходило вблизи мозга.

— Какая ужасная смерть! — Эжена всего передернуло. Его все еще преследовали воспоминания об агонии отца-пенца.

— Какая тяжелая кара за грехи!

— Этот человек был нашим злым духом. Только сегодня мы избавились от угрозы; она висела над нашими

* Менинго-энцефалит — воспаление мозговых оболочек и мозга.

** Эссенция скипидара — концентрированный раствор терпентинового масла, бесцветной жидкости с запахом хвои. Скипидар обычно добывается из сосновой смолы.

*** Хлороформ — сильно пахнущая бесцветная жидкость. Употребляется при наркозе, добывается перегонкой спирта с известью.

**** Эфир — этиловый эфир, бесцветная жидкость с резким запахом, употребляется для наркоза.

головами дамокловым мечом*, который держался на двух цепях: ненависть и каторга...

Он мертв! Я свободен!

Но не могу я — увы! — прижать к своему сердцу того, кто подобрал меня умирающим, кто спас меня, кто очень меня любил.

Почему же счастье, которое пробуждает в моей душе это волшебное слово — «свобода!» — должно быть омрачено навсегда...

Теперь, мои сыны, новая жизнь начинается для робинзонов Гвианы! Все мы были потерпевшими кораблекрушение от урагана, который лишил нас милой родины, сломал столько судеб, заставил пролить столько слез. Наш многолетний тихий приют, который уступили нам хищные звери, гораздо менее опасные, чем люди, едва не был разрушен в один момент... Нам приходилось избегать встреч и с аборигенами, и с теми, кто кичится цивилизацией. Мы не могли без огромного риска выполнять свой долг колонизации, приглашая на пиршество разума тех, кто столько лет не желал знать и ненавидел друг друга среди великолепия нашей приемной родины.

Сегодня недостаточно отбирать у земли ее секреты, раскорчевывать ее, обрабатывать и собирать урожай. У нас более высокая миссия. Есть другие заросли, которые надо расчистить, другие болота, которые требуется осушить, другие семена, которые нужно бросить в почву...

Вы меня поняли. На этой земле, оплодотворенной нашим трудом, способной производить бесконечные богатства, прозябают люди, чей разум требует культуры и образования. Они нуждаются в нашей заботе. Величие этого дела нам по плечу!

Ко мне, мои сыновья! За работу, французы экватора! Вперед, пионеры цивилизации! Создадим здесь уголок любимой родины и завоюем для нее признательность людей этой сказочной земли, уберем от гибели вымирающее индейское племя и будем трудиться не покладая рук во имя процветания нашей замечательной Франции!

Конец второй части

* Дамоклов меч — нависшая над кем-то постоянная опасность при видимом благополучии. По древнегреческому преданию, сиракузский тиран Дионисий (V—IV вв. до н. э.) повесил на конском волосе меч над головой завидовавшего ему Дамокла, которого во время пиршества усадил на свое место.

Часть третья

ЗАГАДКИ ДЕВСТВЕННОГО ЛЕСА

Жоржу Деко

Мой дорогой друг,

Вы всегда стремились превратить путешествие в нечто большее, чем просто материал для сенсации, ибо газета, воплощением которой Вы являетесь, давно уже озабочена делом серьезного просвещения.

Чтобы достойно выполнить эту задачу, Вы отправили меня в неизведанный край в качестве писателя, охотника и натуралиста.

Из Гвианы я привез это сочинение и прошу согласия на его посвящение Вам.

Первым во Франции Вы предприняли такую инициативу с истинно американским размахом, воодушевляясь традициями Гордона Беннетта*. Я же буду Вашим Стенли**, который говорил: «До полного кругосветного путешествия осталось так немного!»

Луи Буссенаф

* Беннет Джеймс Гордон (1795—1872) — американский журналист (родом из Шотландии), основал газету «Нью-Йорк Геральд» (1835). В 1871 году снарядил экспедицию на поиски Д. Ливингстона в Африке. Сотрудник Беннета Стенли нашел Ливингстона.

** Стенли Генри Мортон (наст. имя Джон Роуланд; 1841—1904) — английский журналист, исследователь Африки.

ГЛАВА 1

Бунт на прииске.— Бакалавр из Маны.— Технология золотодобычи.— Смертельная ловушка.— «Водяная Матушка».— Эмблемы гвианской феи.— Что такое «аркаба»? — Ночные призраки.*

Вдалеке, из густой листвы, послышалось нежное, словно воркование горлицы, пение «токкрос». Первые лучи солнца уже коснулись макушек самых высоких деревьев тропического леса, но прямые и гладкие стволы, похожие на готические колонны, еще были погружены в лиловый сумрак.

Неподвижная листва словно вспыхивала в пурпурном рассвете. Вот уже порозовела и средняя часть деревьев. А через пару минут световой каскад, низвергнувшийся вниз прозрачным облаком, затопил подвалы темноты, ставшей вдруг еще более мрачной.

Противоборство рождающегося дня и уходящей тьмы длилось несколько мгновений, ночь отступила. Воздух, не освежаемый дыханием ветерка, был застойным, удушливым. Все предвещало скорую жару.

Восход длился не более четверти часа. Казалось, целомудренная Аврора** с ее мягкими красками утра, навсегда изгнана из экваториальной зоны. Нет тут места и благодатному зефиру***, что проникал в логово циклопа**** и оживлял окаменевшие растения. Светило ворвалось в ночной мрак, подобно раскаленному космическому болиду*****.

Звук трубы, глухой и протяжный, словно рев растревонного быка, огласил поляну.

Золотой прииск пробуждался.

Каждое утро этот сигнал встречали радостными криками. Смех, громкие голоса, напевы — скорее шумные, чем мелодичные, доносились из хижин, расположенных по периметру большого квадрата, чьи стороны, замыкавшие пространство, щетинились многочисленными пеньками.

* Бакалавр — первая ученая степень во многих странах; во Франции присваивается окончившим среднюю школу.

** Аврора — богиня утренней зари у древних римлян.

*** Зефир — теплый легкий ветерок (у древних греков так именовался персонифицированный теплый западный ветер).

**** Циклоп — в древнегреческой мифологии — чудовище-великан с одним глазом посередине лба; обитал в огромной пещере.

***** Болид — небесное тело, очень яркий метеор с длинным светящимся хвостом.

Это был час «выпивона», то есть каждодневного распределения солидных порций тафии, в целях борьбы с ядовитыми миазмами ночных туманов. Рабочие — негры, индусы, китайские кули — выходили из своих «кварталов», заселенных по национальному признаку, чтобы избежать возможных стычек на почве различных традиций и верований.

Жизнерадостный негр обычно светился широкой улыбкой, выкатывал большие фарфоровые глаза и передвигался, изыщно пританцовывая, вдохновленный экваториальной Терпсихорой*, самой изобретательной из всех муз.

Индус, похожий на точеную бронзовую статуэтку, уже сидел на пороге склада. Но скульптор перемудрил над своим произведением, изобразив не столько непроницаемо-невозмутимого Будду**, сколь отчаянного выпивоху, который дал бы сто очков вперед самому Бахусу*** или великому Александру****, покорителю его родной Индии.

Наконец, среди бронзовых и черных торсов мелькало сморщенное обезьянье личико китайца, этого дальневосточного еврея, как будто лишенного всяческих материальных забот и занятого единственно тщательным собиранием в пучок своих волос. «Мистер Джон Чайнамен»*****, как говаривают англичане, удерживая кончиками крючковых пальцев кувшин, вовсе не торопился к раздаче, и не без оснований. Хитрый куманек поджидал, пока его ненасытные компаньоны опрокинут в глотки полученные у магазинщика порции спиртного.

Вот тогда он выступал вперед, получал свою дозу и медленно удалялся, сопровождаемый долгими завистливыми взглядами жаждущих. Выпивохы томились, зрелище алкоголя было для них невыносимо, оно мозолило им глаза, прежде чем воспламенить желудки. Джон Чайнамен не успевал дойти до своей хижины. Пьяницы осаждали китайца и предлагали выкупить его порцию. Надтреснутым голосом он набивал цену, и счастливый покупатель тафии с готовностью выкладывал монеты, которые тут же тонули в карманах китайца.

* Терпсихора — в древнегреческой мифологии — одна из девяти муз, покровительница танца и хорового пения.

** Будда — одно из имен (в переводе с санскрита — «просветленный») основателя религии буддизма Гаутамы.

*** Бахус — в древнеримской мифологии — бог-покровитель растительности, вина, веселья.

**** Александр — имеется в виду царь и великий полководец Александр Македонский (356—321 гг. до н. э.); завоеванные им земли простирались до р. Инд.

***** «Мистер Джон Чайнамен» — т. е. «господин Джон Китаец» (China, произносится «чайна», означает по-английски «Китай»).

Но в это утро подступы к складу выглядели необычно. В заведении было совсем тихо. Заядлые пьянчуги выбирались из своих хижин медленно, неохотно — явление редкостное и непостижимое! Кладовщик подал второй сигнал — за всю жизнь он не мог припомнить что-либо подобное! Прииск «Удача», открытый два месяца назад, явно пребывал во власти смутного беспокойства. Крепкие словечки и забавные выходки кладовщика, рослого негра из города Мана, гримасы его хитрого и веселого лица не производили на рабочих, словно повиновавшихся какому-то тайному приказу, обычного действия. Но жизнерадостный парень, занимавший столь ответственный пост, не унывал и продолжал сыпать шутками, как из рога изобилия. Этот негр умел читать, писать и считать, что весьма возвышало его в собственных глазах и наполняло законной гордостью. Звали его Мариус, как простого марсельца, а еще чаще называли «бакалавром из Маны»*.

Рудокопы проглатывали спиртное и получали дневное пропитание: 750 граммов куака, лепешек из маниоки, 250 граммов сушеной трески и 30 граммов топленого свиного сала, после чего расходились по своим хижинам, еще более угрюмые и молчаливые.

Директор прииска, заинтригованный странной тишиной, вышел из собственного дома, образовывавшего четвертую сторону квадрата, и в небрежной позе прислонился к столбу веранды. Это был человек лет тридцати, высокого роста, худой, но мускулистый. Его серые глаза отливали стальным блеском, а бледное лицо обрамляла рыжеватая борода и такого же цвета шевелюра. Он носил широкополую серую шляпу гвианских золотоискателей, полосатую хлопчатобумажную рубашку и мавританскую куртку, стянутую красным фланелевым поясом — белокожего креола французского происхождения с острова Сен-Тома звали Дю Валлон.

Человек, мало знакомый с повадками колониальных рабочих, не заметил бы ничего особенного в их поведении. Но необычная тишина, хотя и не обнаруживала пока ни малейшего симптома неповиновения, вызывала тайную

* Жители города Мана, второго по величине после Кайенны, получают весьма приличное начальное образование. Этим благодеянием они обязаны мадам Жавуэй, основательнице конгрегации Сен-Жозеф де Клюни. Эта дама с 1828 по 1848 год была подлинной душой молодого города. Прочие негры Гвианы в силу названного обстоятельства дают прозвище «манского бакалавра» своим грамотным землякам. (Примеч. авт.)

обеспокоенность у молодого директора. Уже несколько дней добыча золота падала, люди работали спустя рукава, таинственный шепоток то и дело пробегал между ними. Однако мужественная энергичная физиономия начальника не выдавала внутреннего волнения, а поза хранила ту креольскую безмятежность, за которой нередко кроются приступы самого яростного гнева. Он терпеливо ожидал, пока негры отправятся на рабочие места. Десять минут пробежало... четверть часа. На прииске стояла тишина. Нет, белый не ошибся! Горняки отказывались работать. Начальник вооружился мачете, кликнул своего приказчика, голландского еврея из Парамарибо, и извлек из трубы несколько пронзительных звуков, сыгранных в определенном ритме.

Это был сигнал для старших на участках... Никто не пошевелился. Кровь прихлынула к лицу креола, но оно тут же стало мертвенно-бледным. Он неспешно приблизился к жижинам, остановился возле первой и отрывисто крикнул:

— Манлиус!

Показался негр, припадая на ногу и постанывая.

— Что угодно, месье?

— Как что! Время приступать к работе!

— Не могу, месье, я болен!

— Ну ладно, оставайся.

Директор сделал несколько шагов и снова позвал:

— Жарнак!..

Появился высокий негр, он был занят протиркой заржавевшего двустольного ружья.

— Здесь! — коротко откликнулся рабочий.

— Брось ружье и отвечай мне!

— Слушаю, месье.

— Почему не выходишь на работу?

— Это другие не хотят идти.

— Вот как! Ну, жди меня возле Манлиуса.

— Нестор!.. Зеферин! Эристаль!..*

Все по очереди выходили, отзываясь на свое имя.

Дю Валлон остановился перед индусским кварталом и произнес имена Мунусами и Апавы.

* Пусть никого не удивляют слишком изысканные, претенциозные имена негров. Во время рабства арендаторы, не зная, как называть несчастных, толпами привозимых с африканских берегов, листали книги по истории и календари, чтобы наречь рабов первыми попавшимися именами. Сыновья и внуки невольников, вполне естественно, унаследовали эту книжную пышность. (Примеч. авт.)

Двое могучих кули с блестящими глазами, каждый с пятью или шестью серьгами в ушах, с большими серебряными кольцами на лодыжках и икрах, присоединились к группе негров.

Семеро начальников участков наконец собрались вместе.

— А теперь, парни,— сказал директор спокойным тоном, не допуская, однако, возражений, — волей-неволей вы последуете за мной или, вернее, будете идти впереди меня. Жарнак,— приказал Дю Валлон высокому негру,— пойдешь первым, мы отправляемся к заливу Сен-Жан. И чтобы никто не пытался по дороге скрыться в лесу! Знайте, у меня есть средство остановить беглеца, даже если он мчится со скоростью антилопы!

Старшие мастера вполне уразумели жест, сопровождавший эти слова: из маленького кармана под брючным поясом показалась рукоятка пистолета «нью-кольт», с коротким стволом очень крупного калибра.

Дю Валлон шутить не любил. Медленно, холодея от страха, старатели гуськом ступили на тропу, затерянную среди огромного девственного леса. Чем дальше они продвигались, тем больше росло их глухое недовольство. Белый не произносил ни слова, полагая, и не без оснований, что отыщет разгадку на месте разработок.

Через четверть часа путники вышли на просторную поляну, которую пересекала речушка шириной не более трех метров. Ее мутные воды медленно несли беловатые крупницы размытой глины. Вся поляна являла собой зрелище невообразимого беспорядка. Повсюду — поваленные стволы, увядшая листва, сломанные ветви, разорванные лианы... Кругом — кучи недавно срезанной травы, видно для подстилки, на которой гнили орхидеи и множество других огромных цветов... Везде торчали обугленные пни со следами рубки, приземистые и мощные... Возвышаясь над землей на добрый метр, они напоминали черных безголовых карликов.

Ложь реки исчезло. Земля, изрытая киркой или мотыгой, была испещрена меловыми буграми и глубокими траншеями. Длинные доски, заляпанные глинистой грязью и черными пятнами земли, образовывали мосты над этими рвами, по дну которых струились ручейки опалового цвета.

В отдалении виднелся узкий канал шириной до сорока сантиметров, образованный из семи или восьми деревянных лотков, длиной до шести метров каждый. Лотки под

наклоном сочленялись друг с другом, и каждый поддерживался двумя распорками.

Еще дальше речушку перегораживала плотина, из возникшего водоема вытекал небольшой водопад, который с глухим шумом обрушивался в глубину ямы.

Эти деревянные лотки, похожие на гробы без крышек, образовывали при своем соединении «sluice», рудопромывочный желоб для обработки золотоносных грунтов.

Поляна с поверженными деревьями и вывороченным нутром — это прииск, золотая россыпь!

Как уныл вид такого человеческого труда среди великолепия природы! Это проказа, грызущая организм, раковая опухоль, разлагающая лесные окраины.

Картина хаоса, составляющая, однако, привычный рабочий фон и хорошо знакомая горнякам, вызывала почему-то у негров сильное волнение. Жарнак, шедший первым, остановился, ноги у него подогнулись, лицо стало пепельно-серым, глаза расширились от страха. Бедняга был в жалком состоянии. Его товарищи, в том числе и могучие индусы, выказывали такой же ужас.

Директор увидел, что отказ от работы — не каприз или чья-то прихоть. Лишь какая-то таинственная, быть может, драматическая причина могла так сказаться на рабочих, в общем-то, не робкого десятка, проявлявших доселе полнейшее послушание. Это были лучшие старатели, самые крепкие и честные из всех.

Белый лихорадочно думал, как поступить. Ведь плоды стольких усилий готовы пойти прахом, а его собственные деньги и вклады компаньонов могут улетучиться. Восемь дней назад он уезжал, оставляя прииск в отличном состоянии, а возвратившись, не узнал его. Что же произошло?

Директор всматривался в лица каждого из семерки, как бы сообщая им свою энергию, и напряженным голосом подал команду:

— Вперед!

Старшие мастера, перепуганно сбившись в кучу, продвигались маленькими шажками. Хозяин будто покачивал и подгонял их пронзительным взглядом, подобно всаднику, вонзающему шпоры в бока пугливой лошади.

С бесконечными предосторожностями они добрались до середины поляны, где вроде бы чуть-чуть успокоились, поскольку ничего необычного не происходило. Жарнак осмелел, Эристалль следовал за ним, а Нестор решил всех опередить. Он поставил ногу на доску, перекинутую через глубокий ров, сделал два шага. Вдруг с сухим треском

доска раскололась надвое, и незадачливый старатель полетел на дно двухметровой ямы.

— Ко мне! Хозяин, ко мне! — раздался душераздирающий вопль.

Одним прыжком Дю Валлон достиг края обрыва. В мгновение ока он разматал шерстяной пояс, бросил свободный конец негру, который отчаянно вцепился в него. Креол напряг мускулы и без видимых усилий подтянул к себе рудокопа, который тут же упал, бормоча сдавленным голосом:

— Хозяин! Я погиб!.. Меня укусила ай-ай!

Больше Нестор не в силах был вымолвить ни слова: челюсти сжались, глаза конвульсивно округлились, густая белая пена выступила на губах, его скрутила столбнячная судорога. Голова откинулась назад, как будто затылок стремился соединиться с пятками.

Через минуту человек превратился в труп.

Его товарищи, скованные ужасом, застыли на месте, не в состоянии даже шевельнуться. Никто не раскрыл рта. Только Жарнак полубезумно бормотал:

— О! Это Владычица воды! О, это Владычица воды...

Дю Валлон, скорее удивленный, нежели испуганный мгновенной смертью, бросил сочувственный взгляд на несчастную жертву. Неожиданно он с гневом обнаружил, что крепкая доска, толщиной не менее пяти сантиметров, была заранее почти полностью перепилена, а затем перевернута другой стороной, чтобы распил не бросался в глаза. Таинственный виновник подлого убийства действовал предусмотрительно, и падение негра оказывалось не случайностью, а результатом злого умысла.

Что же касается грозного пресмыкающегося, чей укус поразил беднягу насмерть, то его присутствие объяснялось, вероятно, только ужасным стечением обстоятельств. Ведя ночную охоту, змея упала в ров, дно которого было покрыто золотоносным гравием.

Как ни странно, негры понемногу пришли в себя. Смерть товарища возымела на них успокоительное действие.

— Бедный Нестор! — тихо сказал один. — Он заплатил за нас. Владычица воды теперь довольна.

— Это уж точно, — добавил Жарнак. — Больше она не причинит зла. К тому же с нами белый человек. Владычица воды уважает белых.

— Пошли! — сказал один из индусов, до сих пор не раскрывавший рта.

Тело оставили на краю траншеи, и директор в сопровождении свиты продолжил обследования.

Он подошел к другому рву и побледнел: предназначенный для перехода брус был подпилен точно так же, как и предыдущий. Дю Валлон наклонился и не смог удержать изумленного возгласа, услышав характерный звук трущихся колец гремучей змеи. Значит, была еще одна «гостья» во рву, куда непременно кто-нибудь свалился бы, не будучи предупрежден об опасности.

Жуткая картина предстала перед ним, когда, обойдя одну за другой ямы, вырытые в плодородном грунте, он обнаружил, что все они стали непригодны для работы. Одна кишела скорпионами, ядовитыми сороконожками и гигантскими пауками. Другую заполняли муравьи, рыбы кости и челюсти с острыми режущими зубами. Из третьей исходил тошнотворный запах гниющего мяса.

Наконец негры остановились неподалеку от рудопромывочного желоба, подходы к которому были утыканы длинными иглами и колючками и стали неприступными для босых ног. Директор пробрался туда один и после тщательного осмотра пришел к выводу, что установка работала минувшей ночью. Похитители золота изрядно потрудились и набрали его на весьма значительную сумму.

А когда он обнаружил несколько слипшихся крупинок светлого металла, похожих на свинцовые опилки, предположение перешло в уверенность.

— Проклятье! — цедил он сквозь зубы. — Ловкие каналы! Они украли ртуть, а потом, пользуясь наивностью негров, расставили по своим следам всякие немыслимые ловушки, чтобы помешать им работать и в конце концов принудить покинуть прииск. Нет, слишком просто было бы списать все эти проделки на Владычицу воды... Хорошо смеется тот, кто смеется последним, и нынче же ночью я посмотрю, защитит ли богиню от пули ее кожа... Ну, дети мои, возвращаемся! Сегодня вечером получите двойную порцию выпивки. Эристаль, отправь четырех человек с носилками за телом Нестора.

— Слушаю, хозяин, — покорно откликнулся тот.

Маленький отряд тронулся в путь, избрав для возвращения домой отдаленную тропинку вдоль соседней речушки, где также велась добыча драгоценного металла.

Белый шел впереди. Не успел он вступить на едва заметную в чаще тропинку, как его ноги, обутые в добротные кожаные ботинки, взметнули целое облачко мельчайшей желтой пыли, быстро распространившейся вокруг.

Дю Валлон отпрыгнул назад, чтобы не вдыхать неизвестное вещество. Вдруг его тело сотрясло болезненное чиханье, которое повторялось бесконечно, доводя его до судорог, до изнеможения.

А негры в тот же самый момент испустили крик ужаса при виде странной эмблемы, подвешенной на высоте человеческого роста к стволу могучей *балаты** с гладкой, как сигара, светло-коричневой корой. Это была огромная челюсть *аймары***. Широко раскрытую пасть усаждали длинные острые зубы, в таком положении ее удерживали полдюжины мощных иголок *сырного дерева*. А сверху, над этим диковинным трофеем, красовался огромный цветок, похожий на пупурhoea, только достигавший целого метра в диаметре, известный ботаникам как *victoria regia****, гигантское растение полуденной Америки. Необычно крупные его лепестки затейливо изукрашены; от снежно-белого в центре до багрово-красного по окружности, они включают всю мыслимую гамму розовых и красных тонов.

Цветок также был приколот иголками и производил очень странное, тревожное впечатление рядом с чудовищной челюстью пресноводной акулы.

— Нам здесь больше нечего делать, — залопотали на креольском наречии рудокопы. — Иначе всех нас постигнет кара! Владычица воды не желает, такова ее воля... Уж если она выставляет такой знак, негры должны уходить! Это место проклято, бежим отсюда!

Директор все еще задыхался от чиханья. У него началось очень сильное кровотечение из носа, а по всему лицу высыпали беловатые прыщики размером с просяное зерно. И то и другое не заключало серьезной опасности, однако было крайне болезненным и неприятным.

Но Дю Валлон не придавал этому значения, поскольку наконец пришел к твердому убеждению: какие-то незнакомцы, располагая необычными и сомнительными средствами, точат зубы на его золотую россыпь и вознамерились ее отобрать.

Директор вернулся на прииск. Несколько капель хлорного железа, смешанные с водой, остановили крово-

* Балата — южноамериканское тропическое дерево семейства сапотовых, каучуконос.

** Хищная рыба типа акулы. (Примеч. перев.)

*** Виктория-регия — водное растение семейства кувшинковых, наиболее крупное в мире; округлые листья достигают в течение нескольких дней двух метров в ширину, цветок в поперечнике до 40 см.

течение. Холодные примочки из трав успокоили боль от сыпи, не дав ей распространиться далее.

Креол испытывал смятение. Ситуация была серьезной, почти отчаянной. Он здесь единственный белый, в полной изоляции от местного населения, а до ближайшего цивилизованного места — свыше двухсот километров. Что значила вся его энергия против неуловимого врага, когда персонал прииска, полностью дезорганизованный, отказывается работать? Любые аргументы разобьются о стену туземных предрассудков, которые так умело использует воровская шайка.

Но пока всеобщая растерянность не стала непреодолимой, следовало идти вперед, проявляя мужество.

Известие о смерти несчастного Нестора вызвало настоящую панику. Люди собирались группами, ораторы витийствовали, абсурдные рассказы и самые нелепые предположения переходили из уст в уста и встречали тем больше доверия, чем нелепее и абсурднее выглядели.

Владычица воды, Водяная Матушка, служила главным предметом разговоров. Никогда еще с той поры, как Ла Равардьер высадился в 1604 году на острове Кайенна, легенда об этой старой мстительной фее, сварливой и злобной, известной под именем *Маман-di-l'Eau* (Мать Воды), не вызывала такого переполоха.

Дю Валлон, все еще с опухшим лицом, переходил от одной группы к другой, щедрыми подачками тафии поощряя людей на новые рассказы и откровения, которые рассчитывал обратить со временем в собственную выгоду.

Старшие мастера, окруженные плотной толпой, во всех подробностях расписывали утренние события, без удержу привирая и преувеличивая. Вспоминали о таинственных шумах, на которые многие обратили внимание после отъезда директора на поисковые работы.

— Да-да,— говорил негр с грубыми чертами лица и могучими бицепсами,— я каждый вечер в десять часов слышал громкий стук, по-моему, он доносился от нижних ветвей здорового засохшего *панакото*, что возле речки Сен-Жан.

— И я, и я тоже слышал! — подхватывал другой.— Удары повторялись трижды: бам!.. бам!.. бам!.. Они разносились по всей поляне и были такие сильные, как выстрел из пистолета.

— Это правда, могу подтвердить... И я тоже слышал...

И я... И я...— звучали тихие и боязливые голоса рабочих.— Это длилось около часа. Затем, в полночь, громкий крик... И после этого тишина.

— А вы убеждены, что в это время уже молчат гигантские жабы и красные обезьяны?

— Убеждены! Они спят!

— И никто из вас не решился пойти посмотреть, кто это стучит? — подзадоривал их директор.

— О! Муше*,— дрожащим голосом откликнулся последний собеседник,— я не посмел, нет! Однако,— добавил он не без гордости,— я креол из Кайенны!

— А ты, Жанвье,— настаивал Дю Валлон, адресуясь к атлетически сложенному негру, затеявшему этот разговор,— ты такой сильный, как тапир, и тоже боялся?

— О да, муше! — искренне признался тот.— Очень даже боялся!

— Ничего удивительного,— вмешался кайеннский креол.— Ведь это негр из страны негров... Недаром говорится: негр — всегда негр...

Один из собеседников, коренастый и крепкий, как обрубок черного дерева, выступил вперед, опираясь на палку.

— А мне вот захотелось увидеть, что это такое,— сказал он глухим голосом.

— Тебе, Ояпан? — переспросил директор.

— Да, хозяин. Я взял свое ружье и пошел к дереву. Шум продолжался. Я подошел совсем близко, удары раздавались рядышком. Потом какая-то фигура появилась возле плотины. Ее осветила луна. Что-то похожее на человека огромного роста. Страх меня парализовал. Хотел поднять ружье, но, казалось, оно весит пятьсот фунтов. В таком положении я оставался полчаса. Стук прекратился. Потом раздался громкий крик и звук падения тела в воду. Больше ничего. Я с трудом добрался до своей хижины, и с того дня мне тяжело ходить, ноги опухают, кожа на подошвах слезает лоскутьями... Водяная Матушка меня заколдовала...

— Ты получишь завтра сто франков награды.

— Спасибо, хозяин. Это не мешает мне протянуть ноги через восемь дней.

Негры с испугом отодвинулись от говорившего, как от чумного. А директор вернулся в свой домик, озабоченный еще больше:

* Искажённое «месье» от *фр.* monsieur.

— Ну ладно! Нынче же ночью буду под этим панако-ко, и берегись, подлый мистификатор!*

За полчаса до захода солнца Дю Валлон уселся под нижними ветвями легендарного дерева, столь внушительного, что его не смогли срубить. В диаметре у основания исполин достигал четырех метров. Панакоко давно засохло, и оголенная макушка отчетливо чернела на фоне бледнеющей лазури неба. Но дикая выющаяся растительность, невероятной пышности лианы, переплетававшиеся с цветами орхидей, аира, калл, заполняли воздушное пространство вокруг дерева.

Креол прислонился спиной к толстому корневищу, воткнул мачете в землю, рядом положил револьвер, зарядил ружье, закурил сигару и стал терпеливо ждать развития событий.

В ходе нашего рассказа нередко вспоминается *аркаба*, нижняя часть гвианских деревьев. Пришло время объяснить это явление, очень характерное для растений тропической Америки. Гигантские деревья первобытного леса не внедряются в илистую почву так примитивно, как в наших краях. Их стволы не смогли бы возноситься на такую высоту и удерживать вес огромной кроны, да еще добавочную тяжесть других растений, если бы природа не позаботилась об их укреплении. Вместо того чтобы отвесно углубляться в землю, корни змеями расползаются по сторонам, окружая дерево и плотно прилегая к нему. Они образуют единую мощную конструкцию, возвышаясь вокруг ствола в виде могучих подпорок, похожих на контрфорсы** кафедрального собора.

Вот эти растительные контрфорсы и называют *аркаба*. Некоторые из них отдаляются от ствола на два-три метра, возвышаясь при этом до пяти-шести метров, так что, соединяясь с деревом, образуют как бы гипотенузу прямоугольного треугольника. Обычная их толщина не превосходит десяти сантиметров. Поистине это зрелище способно поразить путешественника. Могучий ствол подпирают гладкие, ровные корни-ветви, покрытые такой же корой. У дерева может быть три, четыре, пять *аркаба*, которые лучами расходятся от него и образуют настоящую

* Мистификатор — человек, сознательно пытающийся ввести кого-либо в заблуждение, чаще всего при помощи «загадочных», «таинственных» действий.

** Контрфорс — вертикальная выступающая часть стены, способствующая ее устойчивости.

треугольную клеть, чем-то напоминающую наши салонные банкетки*, на которые усаживается по несколько человек спинами друг к другу.

У этих причудливых природных инструментов удивительные акустические свойства. Удар средней силы, нанесенный по аркаба, отдается вдали громовым разрядом. Весьма часто заблудившиеся люди используют эту особенность, чтобы сообщить спутникам о своем местонахождении. Так, шахтеры, заваленные в каменноугольной копи, стучат кирками в деревянные крепления подземных галерей, призывая на помощь.

Четыре часа протекли с той минуты, когда директор устроился у подножия одинокого гиганта посреди поляны. Ночь была тихой, никакие посторонние звуки не нарушали сонного дыхания леса. Луна быстро снижалась, вот ее серп исчез за макушками деревьев, уступая место мраку. Вдруг резкий удар по одной из корневых веток заставил наблюдателя вздрогнуть.

Дю Валлон схватил ружье и прыгнул в ту сторону, откуда донесся шум, раскатившийся громким эхом.

Но директор ничего не увидел!.. Не успел он прийти в себя от изумления, как прозвучал второй удар — теперь со стороны, где он только что находился.

— Черт побери! — пробормотал молодой человек. — Быть может, я стал жертвой галлюцинации? Начал бредить наяву? Или меня тоже решил посетить кошмар «Водяной Матушки»?..

Он не закончил монолог: дерево сотряслось от третьего удара!

— Ну, нет, я не «креол из Кайенны»! И тем более — не «негр из страны негров»! — в ярости воскликнул он. — Со мной эти шутки не пройдут! В небылицы я не верю... Останусь хоть до утра, но раскушу орешек... Не бесплотный же дух тарабанит!

На поляне вновь воцарилась тишина. С ружьем на изготовку Дю Валлон несколько раз обошел вокруг, напряженно вглядываясь в густую зелень, окружавшую ствол и ветви. К несчастью, стемнело настолько, что ничего нельзя было различить.

Минуло четверть часа. Стук возобновился, отдаваясь далеким эхом. Но напрасно белый кружил возле дерева, как цирковая лошадь на манеже. Три удара через равные

* Банкетка — мягкая скамейка, небольшой диванчик без спинки.

промежутки времени прозвучали один за другим. И как бы проворно ни перемещался Дю Валлон, они с дьявольской неизменностью раздавались с противоположной ему стороны.

В тот момент, когда вибрация от третьего удара затихла, Дю Валлон услышал метрах в двадцати по направлению к плотине чье-то громкое дыхание, а затем жалобный стон.

— Кто идет?! — оглушительно крикнул он.

Ответа не последовало, но директор отчетливо различил плеск воды от внезапного падения тела.

Два неподвижных светлых пятнышка возникли в темноте. Креол быстро приложил ружье к плечу и нажал на курок. Ужасный крик, перешедший в рыдания, стал ответом на выстрел. Свет сгоревшего пороха вспышкой молнии озарил поляну. Показалось, какая-то большая темная масса с неслыханной скоростью проскользнула над его головой вдоль лианы, натянутой, словно мачтовый трос.

Дю Валлон не успел шевельнуться, как был повержен на землю без единого слова, без единого стога.

Наутро, лишь посветлело, приказчик, обеспокоенный долгим отсутствием директора, отправился на его розыски в сопровождении старших мастеров. Они нашли месье Дю Валлона распростертым без сознания у подножия громадного панакоко. В груди его зияла глубокая рана. Он еще дышал, но совсем слабо, состояние бедняги казалось безнадежным.

Над неподвижным телом гримасничала голова аймары с разверстой пастью. Она была прикреплена к стволу дерева, а венчал композицию свежесрезанный цветок *victoria regia*.

На плотине, расположенной, как мы знаем, метрах в двадцати от дерева, были обнаружены большие пятна крови. Вода, ниспадавшая сверху и растекавшаяся тонкими струйками между промытых кучек золотоносного гравия, имела красноватый оттенок.

На земле не нашли никаких следов, кроме отпечатков подкованных ботинок белого начальника.

ГЛАВА 2

Земля не для каждого пришельца.— Непредвиденный хирург.— Оргия в лесу.— «Когда кошки на охоте, мыши танцуют».— Огненная феерия.— Между огнем и водой.

— Но... мы движемся в ложном направлении.

— Это невозможно.

— ...Невозможно!.. Вот уж эти молодые люди! Ей-богу, надо не верить собственным глазам, чтобы следовать за этими мальчуганами, просто детьми, которые претендуют на непогрешимость!

— Я утверждаю и снова повторяю, что мы не сбились с правильного пути.

— Доводы, пожалуйста!

— Третий раз говорю, это невозможно.

— Откуда такая уверенность?

— А что тебя убеждает в обратном?

— Мой дорогой, твоя манера спорить стара, как земля, которую мы топчем. Ты отвечаешь вопросом на вопрос... больше и сказать нечего. Я предпочитаю оставить аргументы при себе.

— И правильно делаешь. Ты ошибаешься, заявляя, будто я претендую на непогрешимость. Есть две вещи, которые не могут ни сами ошибаться, ни нас обманывать. Это, во-первых, секстант* отличного качества, а во-вторых, математические формулы.

— Значит, ты полагаешь...

— Что, сделав измерения вчера, я смог благодаря показаниям безупречного прибора, хорошо подвешенного на носу лодки, установить, что мы находились на пятьдесят шестом градусе сорока пяти минутах западной долготы.

— Ну, а дальше?..

— Эта первая и необходимая часть моего эксперимента, дополненная наблюдением полуденного солнца, позволила определить, что широта составила $5^{\circ}15'$ плюс незначительная дробь, которой можно пренебречь.

— Но с того момента мы немало прошагали...

— О! Совсем немного. Мы прошли к западу около десяти километров.

— Откуда ты знаешь?

* Секстант — угломерный инструмент для определения местонахождения корабля.

— Вот упрямец! Ведь тебе известно, что я ношу на ноге специальное устройство, которое с помощью оригинального механизма указывает число шагов, сделанных пешеходом.

— Ах да! Твой счетчик...

— Называй его законным именем — шагомер.

— Твой шагомер...

— ...Сказал мне, что я сделал тринадцать тысяч тридцать три шага. Один мой шаг составляет примерно семьдесят пять сантиметров, отсюда следует, что мы находимся в десяти тысячах метров к западу. Ведь ты допускаешь, что мой компас болтается не напрасно...

— Тогда у меня какое-то помрачение зрения...

— Почему?

— Еще бы, мое милое дитя, я совсем запутался. Направление в глубь страны должно привести нас к местности, прилегающей на востоке к реке Марони, на юге идущей вдоль золотых приисков Гармуа и Шовен, на западе вдоль прииска Лаланн, а на севере ограниченной линией от двух бавольников* возле Маны к заливу Парамака.

— Bravo! Твоя память безошибочна, мой друг.

— Безошибочна и точна, как великолепная карта Людовика Этропа, правительственного геометра.

— К чему ты клонишь?..

— А к тому, что мы с тобой не находимся в искомом месте.

— Но почему же?

— Очень просто. Мы рассчитываем найти заповедный уголок, нетронутую землю с большими деревьями, уединенными речками, девственной почвой, а попадаем в обжитой район, в самую сердцевину горных разработок.

— Ты прав. Мы находимся на золотом прииске.

— А! Я все-таки прав! Моя старая седая борода берет верх над твоими щегольскими усиками!

— Ты прав, повторяю, и все же мы находимся именно там, куда хотели попасть.

— Но тогда этот тип...

— Первый захватчик, пришлый чужак... Явление, впрочем, довольно распространенное. Колониальная юриспруденция его предусмотрела. На золотоносных зем-

* Бавольник — то же, что хлопчатник; древовидная тропическая разновидность, дерево высотой до семи метров (семейство мальвовых).

лях старое правило «Владение требует документа» перевернуто вверх ногами. Имеющий документ выступает единственным владельцем.

— Что же нам делать?

— Продолжать разведку, познакомиться с этим или с другими собственниками «*in partibus*»* золотых россыпей и поладить с ними полюбовно. Не тревожься! Берусь устроить все так, чтобы каждая сторона осталась довольна.

— Полностью полагаюсь на тебя, милое мое дитя,— заключил первый собеседник.— Пойдем вдоль этой речки с белой водой, куда-нибудь да выйдем!

— Вперед, мой славный друг, я следую за тобой!

По любезному тону этой беседы читатель, думаю, понял, что разделявшие в данный момент двух спутников разногласия не заключали ничего язвительного, их даже дискуссией трудно назвать, а тем более ссорой.

Старший из двоих — мы знаем, что у него седая борода,— мужчина лет сорока двух — сорока четырех, с живым взглядом и светлой кожей. Его мощная грудь глубоко вдыхала ароматный воздух гвианского леса; судя по всему, он не испытывал никаких неудобств. Пот струился по лицу, однако он продолжал идти с той уверенностью и проворством, которые указывали, что лесные маршруты для него — дело привычное. Его брюки из грубого голубого холста были заправлены в крепкие кожаные ботинки рыжеватого цвета, охотничья куртка засунута под лямку ружья, которое он нес на перевязи, а правая рука сжимала деревянную рукоятку короткого, слегка изогнутого мачете.

Рукава его промокшей от пота сорочки с расстегнутым воротом были завернуты выше локтя, голова прикрыта белым шлемом.

Он являлся надежным компаньоном, волевым, мужественным, полным искренности и сердечности. Изредка в лице мужчины мелькало выражение легкого галльского лукавства**, а акцент выдавал белого из метрополии.

Его спутник — высокий молодой человек, не старше двадцати трех лет. Тоже белый. Тонкие каштановые усики оттеняли верхнюю губу. В больших черных глазах виделся отблеск вороненой стали. Красивое лицо с правильными чертами несло отпечаток неукротимой отваги и решимости. Однако добрая улыбка, открывавшая ослепительно-

* На чужбине (лат.).

** Галльское лукавство — специфически французское (от древнего названия Франции — Галлия).

белые зубы, смягчала это впечатление, усиленное беспокойным пристальным взглядом.

Одежда и снаряжение молодого человека говорили о его стремлении к элегантности и комфорту. Шлем из спрессованных побегов проса, покрытых белой фланелью, отличался необычайной легкостью. Желтая фуляровая сорочка* свободно облегла широкую грудь. Крепкие ноги были обуты в шнурованные ботинки и мягкие обмотки с застежками по бокам.

Брюки из сурового полотна надежно защищали от колючек и режущих трав. Отличное ружье «чокбор»** работы Гинара, последнее слово огнестрельной техники, покоилось на плече. Свое мачете с превосходным лезвием и наборной рукоятью он нес в кожаных ножнах, подвешенных к поясу, на котором еще удерживалась револьверная кобура и патронташ.

С удивительной ловкостью юноша преодолевал хаотично загроможденную территорию золотого прииска. Одно удовольствие было наблюдать, как он перепрыгивал через траншеи и ямы, перемахивал через поверженные навзничь деревья, сновал вокруг пней и бугров. Несмотря на долгий переход и невыносимую жару, он казался таким же бодрым и свежим, как в самом начале.

Шестеро носильщиков сопровождали двух белых. Четверо негров и двое китайцев были тяжело нагружены провизией и горняцкими инструментами. По знаку старшего они расположились на поляне и принялись готовить трапезу.

Европейцы прошли еще несколько шагов и в ужасе остановились при виде безжизненного тела, распростертого в луже крови. Смятение длилось недолго. Повинуясь инстинкту осторожности, развитой беспокойной лесной жизнью, оба зарядили ружья и внимательно оглядели местность.

Не заметив ничего подозрительного, старший наклонился над неподвижным телом и с видом человека, которому многочисленные приключения дали кое-какой хирургический опыт, осмотрел зияющую под левой ключицей рану.

— Умер? — с беспокойством осведомился компаньон.

* Фуляровая сорочка — рубашка из тонкой и мягкой шелковой ткани — фуляра.

** Ружье «чокбор», т. е. со стволом, просверленным изнутри особым способом — с перехватом — для увеличения скорости и кучности полета дроби.

— Нет, но едва дышит.

— Бедняга! — с глубоким сочувствием вымолвил молодой человек.

— Мы не можем оставить его здесь в таком состоянии. Через несколько минут он окажется на солнцепеке. Прежде всего необходимо перенести раненого в тень. Засохший панакоко не спасет от солнечного удара. Постой-ка! — В голосе говорившего прозвучало удивление; он заметил цветок виктории, прикрепленный с противоположной стороны ствола над головой аймары. — А это что еще такое?

— Ей-богу, я знаю не больше, чем ты. Раненый человек — белый. Он в шахтерской одежде. Если бы я мог допустить, что индейцы способны напасть на человека нашей расы, то эти странные эмблемы — одна из их дьявольских выдумок.

— Возможно. Но нет времени проверить это предположение: больной требует неотложной помощи, надо торопиться.

— Не отнести ли его домой? Вероятно, это недалеко...

— Да, но сперва необходимо перевязать рану. Она кровоточит при каждом вздохе, хотя дыхание вот-вот иссякнет... Должно быть, задеты легкие. Эй, там! — крикнул мужчина неграм. — Требуются двое добровольцев с носилками! Двойная плата и двойной паек для тех, кто доставит этого белого в хижину!

Прибежали двое рослых молодцов атлетической комплекции.

— Не нужно денег, ничего не нужно, мы отнесем бедного муше... — сказал один из них.

— Он очень плох, — подхватил другой, — мы готовы отнести его бесплатно!

— Хорошо, друзья мои, — похвалил молодой человек. Его товарищ тем временем открывал маленькую портативную аптечку. — Благодарю, вы славные ребята, и я найду способ вознаградить вас.

— Странное дело, — заметил новоявленный хирург. — Я видел много ран, пока шатался по лесам, но никогда не попадалось ничего похожего на эту...

— Как так?

— Ну вот, представь, рана не от ножа, не от пули, не от стрелы... Стрела дырявит и разрывает тело. От ножа всегда четкий разрез. Пуля ранит глубоко и вызывает фиолетовые кровоподтеки вокруг поврежденного места... А в этом случае есть приметы всех трех ранений одновре-

менно, и ни одного — в «чистом виде»... Тут и порез, как от ножа, и разрыв, как от стрелы, и глубина, как от пули. Не хватает лишь сильного кровоизлияния, какое причиняет пуля. И хоть мне никогда не встречались повреждения, нанесенные ударом бивня или клыка, я вполне мог бы приписать эту странную рану одному из тех длинных клыков, какими обладают некоторые животные.

— Но тебе ведь известно, что за исключением патиры и дикого кабана животные Американского континента не имеют клыков...

— Кто знает, кто знает...

За разговором спутник продолжал действовать. Он ловко наложил на разверстую рану пучок корпии, смоченной в карболовом растворе, поверх корпии — увлажненный компресс, затем плотно перевязал раненого. После чего поднес к его ноздрям флакон с нашатырным спиртом. Человек резко дернулся, приоткрыл глаза, пошевелил губами, как бы пытаясь что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова.

Лишь слабый болезненный стон вырвался у него, когда двое черных носильщиков с большими предосторожностями перекладывали несчастного на походную койку.

Все тронулись в путь, европейцы шли впереди. Несколько минут процессия следовала вдоль русла реки, и вскоре открылось селение, описанное в предыдущей главе.

Насколько рабочие были спокойными и даже мрачными двадцать четыре часа тому назад, настолько шумно и беспорядочно вели они себя в тот момент, когда печальный кортеж вступил на площадь. У негров, а особенно у индусов, казалось, наступило помрачение, почти безумие. Китайцы метались и галдели, как стая перепуганных кур.

Причина этого гвалта, увы, объяснялась просто. Мужчины, смело отправившиеся на розыски вместе с приказчиком-голландцем... мгновенно обратились в бегство при виде безжизненного тела директора! Их паническое возвращение довело до предела смятение, уже царившее среди рабочих. Определенно это место проклято, если сам белый, несмотря на всеисильные *пиэй*, охраняющие людей его расы, пал жертвой злодеяния.

Свой «законный» выпивон беглецы проглотили в два

счета. Но волнение распалило их желудки, они жаждали добавки. Вытащили деньги из тайников и выкупили спиртное у китайцев. Оказалось мало. Граждане Поднебесной* располагали еще несколькими бутылками, зарытыми в земляном полу их домиков. Новая сделка, за ней новое возлияние. Эти «кубышки» творили чудеса...

Несколько негров, упившихся до чертиков, пустились в пляс. В таком состоянии черные танцевали бы и на вулкане. Однако на золотом прииске нашелся только один барабан из кожи антилопы. Этого было слишком мало. Тогда притащили несколько жестяных ящиков из-под свиного топленого сала. Примитивные инструменты под градом ударов многих рук наполнили долину диким грохотом кошачьего концерта.

Все негры тотчас же в каком-то иступлении принялись дрыгать ногами, выводя замысловатые кренделя. Пот, смешанный с пеной и со слюной, струился по их разгоряченным телам. Запах мускуса, подобный тому, который издают стаи кайманов, разлился в воздухе. Жажда у этих бесноватых достигла крайней точки, стала непереносимой. Тогда с новым и настойчивым призывом обратились они к китайцам. Те заявили, что запасы исчерпаны. Индийский кули, плясавший со своими собратьями «танец тигра», поставил под сомнение отказ китайцев и попытался проникнуть в хижину поднебесных. Но Джон Чайнамен, найдя неуместным покушение на неприкосновенность своего жилища, обнажил нож. Индус замахнулся палкой. Заметим, кстати, что все индусы прекрасно владеют этим предметом. В их домишках всегда увидишь несколько узловатых дубинок, которыми они манипулируют с поразительной ловкостью и которые становятся в их руках весьма грозным оружием.

Китаец не успел воспользоваться ножом. Дубинка кули со свистом обрушилась на него, нож отлетел на десять шагов, бессильно повисла переломленная рука. Бросившийся на помощь товарищу второй китаец получил такой сокрушительный удар по голове, что покатился по земле кубарем.

Негры одобрительно заорали: «Браво!» Но китайцы ответили одним из тех оглушительных и ужасных воплей, которыми сопровождается захват джонок. Скромные грузчики превратились в безжалостных пиратов..

* Граждане Поднебесной, т. е. китайцы, которые называли свою страну Поднебесной империей.

бесчинствующих в океане от Желтого моря до залива Тонг-Кинг.

Возникла невообразимая свалка. Несколько минут ничего нельзя было различить в сутолоке и мелькании бронзовых тел, схватившихся с желтолицыми, похожими на пряничных, человечками. Трещали черепа, хрустели позвончики, дубинки молниями летали в воздухе. Длинные косички поднебесных порхали, как хвосты бумажных змеев, захваченные порывом ветра, серебряные кольца звенели на медных лодыжках кули, носившихся в ураганном темпе. Живое тело рассекала сталь, оно лопалось под палочными ударами. Дубинка явно брала верх над ножом. Хотя полдесятка индусов с распоротыми животами истекали кровью, не меньше дюжины мертвых или тяжело раненных китайцев валялись на земле между пнями и корневиками.

Побоище завершилось впечатляюще. Здоровенный верзила, сухощавый, словно факир, чьи мускулы напоминали стальной трос, ухватил четырех китайцев за косички, связал их вместе, разоружил пленников и удерживал их, будто собак, на поводке.

— Гоните водку! — рычал он.

Бедняги тщетно выпускали вопли, способные разжалобить и камни в долине.

— А, так вы не желаете... — верзила совсем обезумел от ярости, — ну, погодите же... Дайте огня! Привяжем их к дереву! Подогреем им пятки! Мастер Джон, будешь поджариваться на сковородке, пока не откроешь место, где прятал тафию!

Однако мрачная угроза не осуществилась. В разгар этого бедлама* дверь продуктового склада каким-то образом оказалась открытой. Негры, индусы, китайцы, позавывав о распрях, ринулись туда. Покатились бочонки с сорванными крышками. Сухая треска усеяла землю и наполнила воздух острым соленым запахом. Такая же судьба постигла тару с мукой из маниоки. Словно в песке, грабители бродили по щиколотку в продуктах, рассчитанных на целый месяц. Заветной их целью, вполне понятно, была большая бочка тафии. Ее тут же выкатили наружу, установили на самодельной подставке из двух бревен и немедленно пробили в стенке отверстие с помощью бура.

* Бедлам — беспорядок, неразбериха (от названия старинной больницы для умалишенных неподалеку от Лондона).

Ароматный фонтан вырвался наружу и наполнил кувшины, кружки, котелки, консервные банки, глубокие сковородки...

Скоро весь прииск охватила алкогольная горячка. Приказчик даже не пытался с нею бороться. Напрасные усилия, да и, протестуя, он подвергал себя смертельной опасности.

Всеобщий кавардак, галдеж и танцы возобновились с удвоенным рвением. Китайцы — без сомнения, редчайший случай в истории эмиграции, — найдя повод для бесплатной выпивки и полагая, что несколько капель им не повредят, наклюкались до положения риз, как самые отъявленные пропойцы.

В этот момент двое белых вступили на поляну вместе с неграми, несущими раненого.

Словно ледяной душ пролился на разгоряченные головы. Только китайцы, опьяневшие, вероятно, впервые в жизни, продолжали свой разнузданный танец, перемежая его дикими вскриками, похожими на перезвон надтреснутых колоколов. Более дисциплинированные негры, не настолько отравленные алкоголем в силу давней к нему привычки, умолкли и разошлись по своим хижинам. Индийские кули тоже исчезли, как бронзовые призраки.

— О! О! — сказал белый юноша. — Сдается мне, что дела плохи... Или наоборот — слишком хороши...

— М-да, — поддержал старший, — похоже на то. Хозяин убит, и они вволю резвятся. Справедлива пословица: когда кошки на охоте, мыши танцуют.

— Прежде всего устроим нашего раненого в надежном месте. А! Вот, несомненно, его жилище. Там кровать. Отлично. Я устрою над нею бак с трубочкой, на подставке, чтобы из него все время лилась вода на рану.

— Хорошая идея! Мы пытаемся сделать невозможное, но, пока жизнь теплится, есть и надежда... В любом случае выполним свой долг.

Пока пришельцы, привыкшие ко всяким переделкам, «распутывали концы», к ним подошел приказчик и в нескольких словах с понятным волнением обрисовал обстановку на приiske.

Узнали они имя месье Дю Валлона, доселе им неизвестное. Они не решались судить о чьих-либо правах на владение золотой россыпью прииска «Удача», о котором раньше тоже не слышали. Голландец предложил свои услуги, заверив, что на него вполне можно положиться. Он высказал большое огорчение из-за несчастья, постиг-

шего его патрона, и очень тревожился об опасности, которую таило в себе крайнее возбуждение рабочих.

— Нет ли у них повода, подлинного или мнимого, питать озлобление против хозяина?

— Никакого. Он всегда был требовательным, но справедливым, строго выполнял собственные обязательства.

— Хорошо. С этой стороны бояться за него не приходится. Пьяницы долакают водку, а затем, если не пожелают приступить к работе, их надо будет отправить в Кайенну. Найдутся у вас для этого деньги?

— Наличности очень мало,— ответил приказчик с некоторым колебанием.— Впрочем, большинство из них получило приличные авансы. Поскольку они работают только два месяца, то потратили еще немного.

— Ну, не важно... Я заплачу, и других заставим платить... В ожидании, пока месье Дю Валлон поправится, мы поступим, как найдем нужным...

Сооружение аппарата завершили. Вода тоненькой струйкой бежала на грудь раненого, который пришел в сознание и смотрел на своих спасителей с выражением благодарности. Он слабо пожал им руки, но не пытался произнести ни слова, поскольку ему рекомендовали сохранять молчание.

После столь напряженного утра путешественники воздали должное скромной трапезе, состоявшей из лепешки и ломтя ветчины из консервной банки. Вдруг со стороны хижин донеслись пронзительные крики.

Ошибиться было невозможно: вопли отчаяния, а не бестолковый галдеж веселых пьяниц.

Путники устремились к двери и увидели, что огромный столб дыма тяжело вздымался в воздух с трех сторон квадрата, занятого жилищами рудокопов. Тонкие плетеные стены сотрясались, пальмовые крыши пылали, как пакля. Все хижины были объаты пламенем. Оно распространялось с ураганной скоростью, в мгновение ока пожирало бедные обиталища, охватывало груды поверженных деревьев, плотно устилавших почву, которую не успели расчистить.

Время от времени глухие взрывы перекрывали шум пожара. Это огонь подбирался к запасам охотничьего пороха. Захваченные врасплох охмелевшие люди выбегали из огневого моря с горящими волосами, с дымящейся кожей. Многие падали и больше не поднимались. Несчастные, которые не задохнулись от дыма, сгорали заживо. Другие приходили в себя, им удавалось убежать. Но

огромное большинство очумевших от водки не могло даже стоять на ногах и в буквальном смысле изжаривалось на месте, не успев пошевелиться.

Вот-вот был готов заняться директорский дом, пожар подбирался к нему с двух сторон. Увидев опасность, белые вооружились топорами, их черная свита сделала то же самое, и все бросились — одни налево, другие направо, — чтобы отгородиться от огня, перекрыть ему путь. С нечеловеческой яростью обрушились они на деревянные балки и столбы, снесли плетеную ограду, опрокинули хрупкие стены.

Пламя охватило продуктовый склад. Трещала мука, плавилась консервные банки, свиной жир растекался пылающими ручьями, рыба сухо потрескивала. Эта провизия, так заботливо припасенная, единственная надежда на завтрашний день, была уничтожена в один момент! И все из-за какого-то жалкого пьянчужки, сытым боровом завалившегося на койку и по небрежности напустившего на всех непоправимое бедствие!

Голод, бич девственных лесов, станет неизбежным следствием пожара. Спасатели работали ожесточенно, и последнее убежище раненого наконец было защищено. Доступ огню перекрыт. И в самый раз, потому что, ослепленные огнем, задыхающиеся от дыма, согнувшиеся от непомерной нагрузки, смельчаки находились на пределе человеческих сил.

Но какой ужасный сюрприз поджидал их с фатальной неумолимостью! Едва судорожно сведенные пальцы выпустили рукоятки инструментов, едва грудь смогла втянуть глоток свежего воздуха, как чудовищной силы взрыв раздался в глубине леса и разнесся долгим громовым раскатом. Земля вздрогнула, словно от сокрушительного толчка землетрясения. Что это? Ураган? Небо действительно затянуло мрачными, смолисто-черными тучами. К несчастью, владельцы «Удачи» выбрали место для поселка в котловине, стиснутой бугристыми холмами. И кругозор был ограничен этой природной воронкой, дном огромного колодца.

Вслед за грохотом взрыва послышалось глухое непрерывное гудение, сперва слабое, но с каждой минутой нараставшее. Тулканы и попугаи бросились прочь, встревоженно крича и хлопая крыльями. Издали донесся характерный звук падающих деревьев. Шум усилился, удивительно напоминая прерывистое дыхание вышедшей из берегов реки. Это явление хорошо знакомо тем, кто хоть

раз в жизни бывал захвачен бешеными наводнениями на гигантских реках Нового Света.

Младший из двух белых одним прыжком очутился на крыше, пристально осмотрел долину. Вал мутной, грязно-серой илистой воды быстро захватывал площади разработок. Через десять минут хижина, спасенная от огня, окажется затопленной. Воды на три с лишним метра залили долину, все еще терзаемую пожаром.

Бежать нужно было как можно скорее. Если от огня только что с огромным трудом соорудили заслон, то от воды спасения нет. Молодой человек хотел немедленно принять меры для избавления от страшной угрозы, не забыв и о раненом, как вдруг с отчаянием обнаружил, что хижина уже полностью окружена. Путь к отступлению был отрезан. Поселок «Удача» превратился в остров. И очень скоро стал совсем маленьким островком. Вода, вышедшая из естественных пределов, прибывала с неумолимой методичностью, смывая все на своем пути, словно огромной скатертью покрывая неровности земли, утрашающе мрачная и бездушная.

— Что будем делать? — хладнокровно спросил у молодого человека его компаньон.

— Ей-богу, эта старушка Гвиана устроила нам весьма странный прием! Если б мы раньше не испытали все мыслимые лишения, не избежали бы массу опасностей и не преодолели бы множество препятствий, я без колебаний сказал бы тебе: «Мой дорогой старый друг, мы погибли!»

ГЛАВА 3

Непознанные богатства, обогативший климат.— Смертность в Гвиане такая же, как в Париже.— История Кайенны.— Шесть экспедиций терпят крах.— Репрессии против туземцев.— Катастрофа Куру.— Гибель эмигрантов.— Депортированные.— В Гвиане живут, как везде.

Сколько бы ни писали о Французской Гвиане, наша прекрасная колония остается почти неизвестной в метрополии, или, вернее, представление о ней полностью искажено. Напрасно тратят силы серьезные путешественники, добросовестные писатели, натуралисты, администраторы, экономисты или географы, восставая против этой дискредитации, столь же упорной, сколь и несправедливой. Что

бы ни говорил в прошлом веке скромный и самоотверженный исследователь Леблон, что бы ни писали в более близкое нам время Моро де Жоннес, Нуайе, Каррей, Сент-Аманд или Мальт-Брен, вопреки мнению коменданта Фредерика Буйе, весьма привлекательного историка Гвианы, несмотря на свидетельства доктора Крево, для широкой публики наша колония — сплошное малярийное болото, смертельно опасное для европейцев.

Опросите девять десятых французов из метрополии, поговорите с ними о Кайенне... И три эти слога вызовут в их сознании мир нищеты, ужасных страданий, смертельных болезней. Кайенна!.. Эта невежественная клевета настолько укоренилась, что даже огромное кладбище на северной окраине Парижа носит название *Кайеннского*... Какая несправедливость! Какое абсурдное представление об очаровательной стране! Ей недостает лишь подлинной *известности*, чтобы превратиться в одну из самых драгоценных жемчужин нашего колониального ларца.

Увы, страны в чем-то похожи на людей. Сколько высоких репутаций низвергнуто или растоптано из-за ничтожных событий человеческой жизни! Сколько стран не исправимо обоглано из-за каких-нибудь случайных обстоятельств! В Гвиане, чьим воплощением для большинства служит Кайенна, видят одно только «гетто»*, где собраны печальные жертвы наших гражданских раздоров вперемежку с уголовными преступниками, которых осуждает и карает общество. Никакого значения не имеет ни удивительное плодородие этой земли, ни ее богатейший растительный мир, ни ее золото. Гвиана — край отверженных, каторжный ад, рассадник всяческих болезней.

Но разве Австралия, английское владение, чье процветание и благополучие сегодня всем очевидно, не обладала такой же репутацией?.. Какое значение имеет для наших соседей воспоминание о «транспортированных» из Тайберна и Ботани-Бей!** Что им до соседства с заключенными! Разве не построили те за несколько лет такие города, как Мельбурн, Сидней, Брисбен, Аделаиду или Перт?

* Гетто — первоначально так называли особые кварталы в городах Востока и Европы, вне которых не разрешалось жить евреям. Позднее слово приобрело более широкое и переносное значение, в котором оно и употреблено у Буссенара.

** ...из Тайберна и Ботани-Бей. Тайберн — уголовная тюрьма в Лондоне, Ботани — залив у берегов Австралии, где находилось место высадки доставленных из Англии на кораблях ссыльнокаторжных. (Примеч. авт.)

Заблуждения и реальность не уравниваются на жизненных весах. Итог бывает сдвинут в ту или другую сторону. Но отбросим это обстоятельство, предадим забвению страдания депортированных и бесчестие транспортировки*. В течение двух веков предпринимались многочисленные попытки создать в нашей колонии крупные предприятия и поселки, добиться того процветания, которого ей так не доставало. Однако плоды были жалкими. Представляя на суд читателя беглый, но достаточно полный исторический очерк, даю возможность самому оценить, могли ли не кончиться полным провалом сумасбродства большинства начальников, а с другой стороны, просчеты и неудачи отдельных личностей преуменьшить хоть на йоту ценность и значение Гвианы.

Прежде всего хочу развенчать ошибочное мнение относительно местных природных условий. Аргументов более чем достаточно, цифры красноречивы. Статистика, собранная об одних только европейцах, наглядно подтверждает, что климат страны самый здоровый среди всех наших колоний. Действительно, среднегодовые показатели смертности в войсках гвианского гарнизона за тридцать минувших лет в сопоставлении с другими колониями указывают на легкость акклиматизации европейцев в данном регионе.

Из отчета о смертности, помещенного в «*Revue coloniale*», видно, что в Гвиане ее процент составляет 2,81, тогда как в Суринаме и Демераре — 8,20, на Мартинике — 9,10, а в Сенегале — даже 10,90!

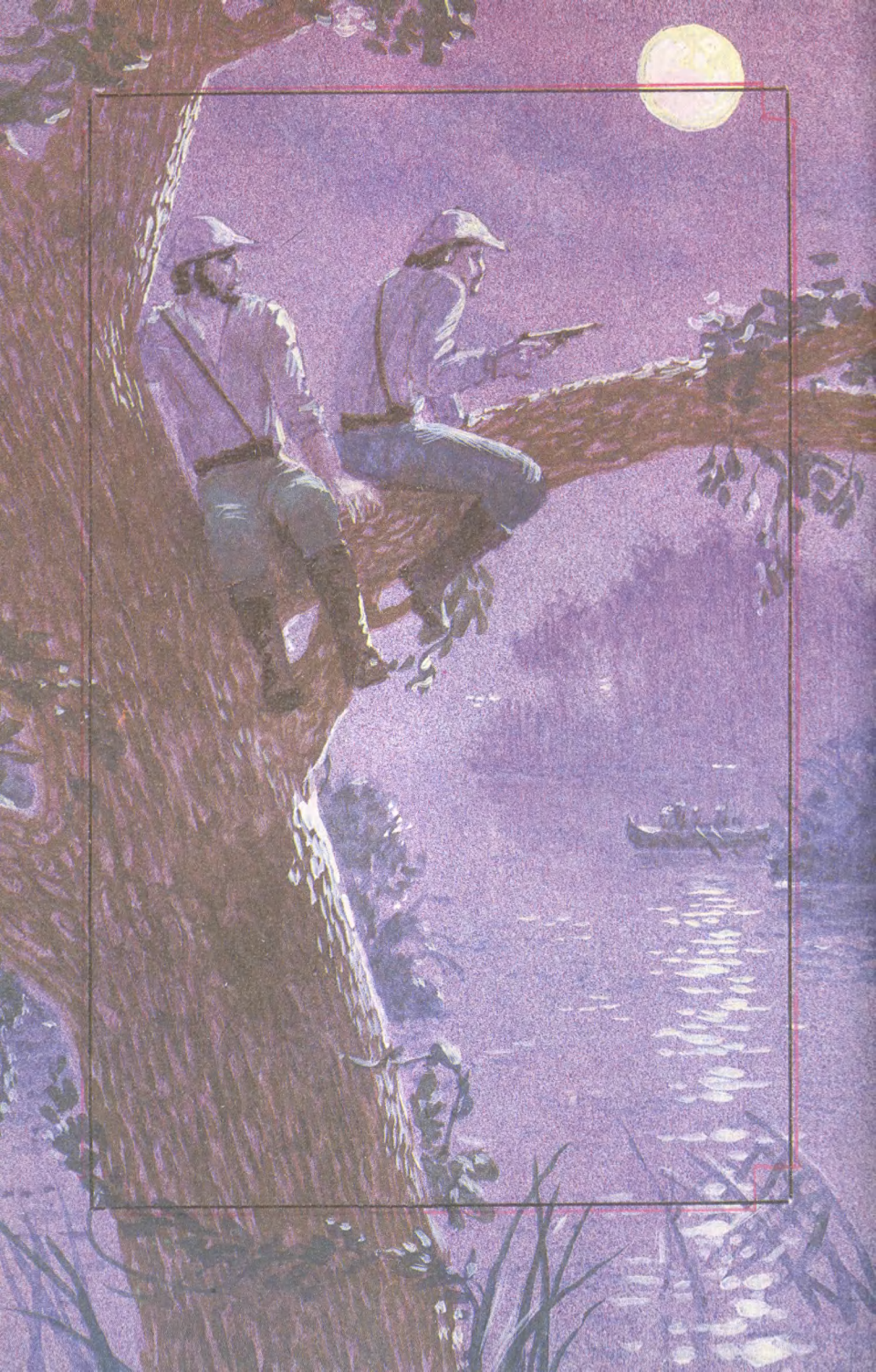
В среднем уровень смертности здесь примерно такой, как и в Париже, где он в 1854—1859 годах составлял 2,8 на сто, а в 1860—1868 годах — 2,45 на сто.

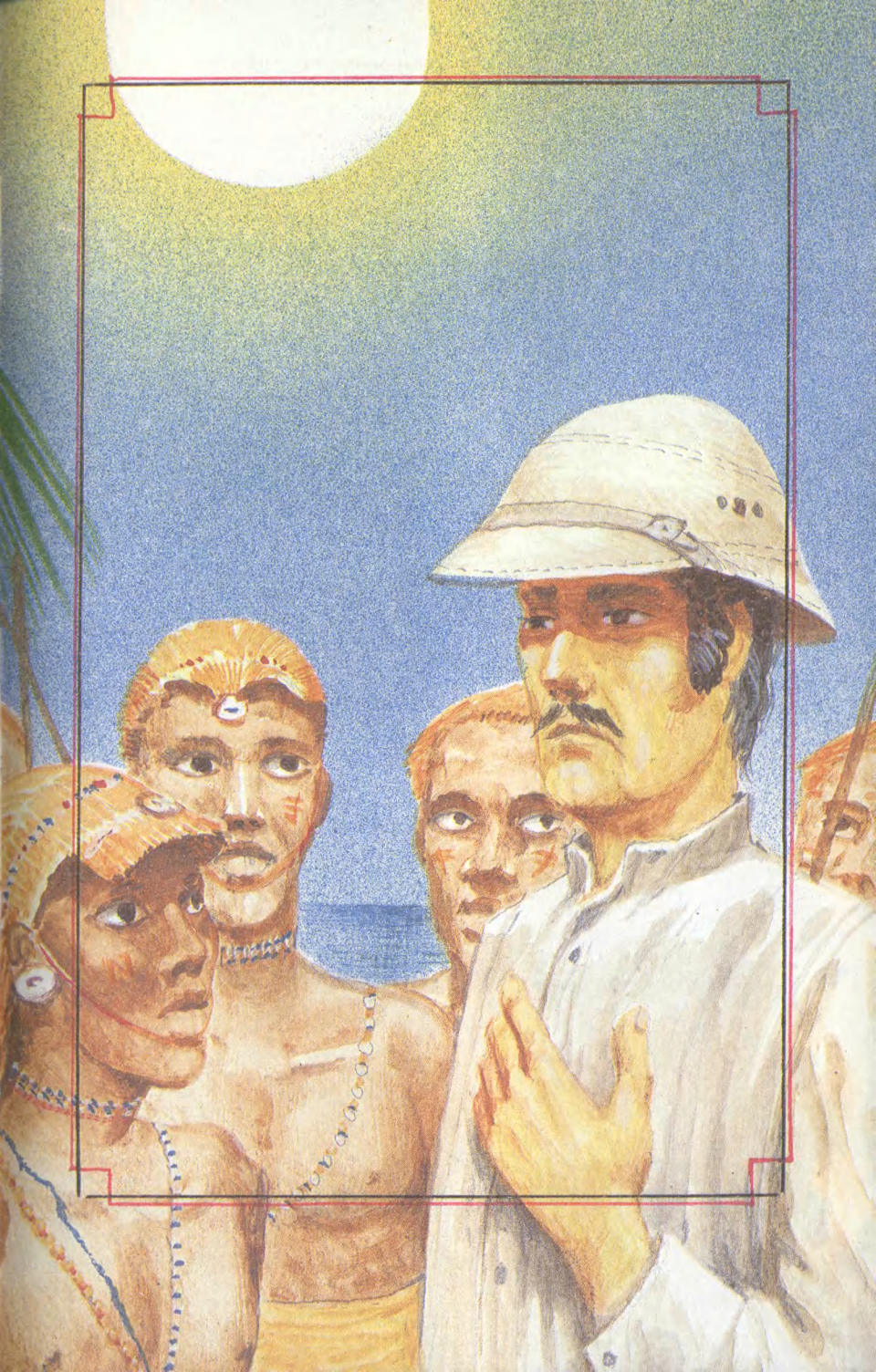
В нашей экваториальной колонии лихорадка не часто приобретает характер злокачественной, сильно ослабляет людей, но от нее не умирают. Дизентерия здесь почти не встречается, а случаи желтой горячки, свирепствующей в прочих колониях, крайне редки. Наконец, как убедительно замечает комендант Буйе, из-за нездоровых условий в некоторых районах Гвианы было бы несправедливо обвинять в плохом климате всю страну, как абсурдно судить о Франции только по Солони**, а об Италии — по

* Прошу читателей не забывать, что слово «депортация» относится только к людям, обвиненным в политических преступлениях, а «транспортировка» — к уголовникам. (Примеч. авт.).

** Солонь — малопродуктивный, сильно заболоченный район на юге Парижского бассейна. (Примеч. перев.)

Марэ-Понтен. Есть в Гвиане места действительно нездоровые, гниlostные, но куда больше превосходной, исключительно благодатной для человека земли. И все дело в том, чтобы ограничить колонизацию именно такими регионами, а к другим подбираться исподволь, с большой осторожностью.

Разве мы не видим сегодня, как коммуна Сен-Лоран, некогда заболоченная до такой степени, что пребывание там заключало опасность для жизни, после великолепно выполненной раскорчевки полутора тысяч гектаров превратилась в одну из самых цветущих и здоровых территорий?

В общем, жить в Гвиане можно, как и повсюду. Здесь встречаешь глубоких старцев всех классов общества и всех цветов кожи. Можно привести немало примеров долголетия среди креолов и европейцев*.

И только *злоупотребления всяческого рода*, ввиду крайней жары, представляются более опасными по сравнению с другими зонами. Никогда не следует забывать, что за малейшие нарушения правил гигиены рано или поздно следует кара, а неводержанность в местных условиях таит в себе смертельную угрозу.

Свидетельства истории не менее убедительны, чем статистические данные. Если с помощью цифр мне удалось показать, что пребывание в подобном регионе далеко не так губительно, как об этом принято думать, то я также надеюсь доказать, что все попытки колонизации, совершенные в прежние времена, неминуемо должны были завершиться оглушительными провалами, в которых сама колония нисколько не виновата.

Начальную историю Французской Гвианы можно определить в нескольких словах: бестолковость и жестокость руководителей, злоупотребление властью, восстания, репрессии по отношению к местным жителям.

Шесть экспедиций были предприняты в семнадцатом веке, все они закончились плачевно. Первую организовал в Руане в 1604 году капитан Ларавардьер, который выса-

* В наше время европейские переселенцы обрабатывают землю в Гвиане и выполняют самые тяжелые работы. Некоторые трудятся каменщиками, пыльщиками, лодочниками, плотниками. Иные не боятся болотистой глубинки, где строят набережные и прокладывают каналы. Эту адаптацию вполне подтверждают суждения Гумбольдта в его чудесном «Космосе». Впрочем, испанцы и португальцы отлично акклиматизировались в Южной Америке, где занимают все побережье. Почему же французы должны им уступать?.. (Примеч. авт.)

дился на острове Кайенна с отрядом из тридцати человек, в основном состоявшем из каких-то темных личностей. Они без труда заняли гору Сеперу, у подножия которой обитали мужественные караибы*. Те вели совершенно первобытный образ жизни, а пропитание добывали охотой и рыбной ловлей. Встретили прибывших вполне дружелюбно, но очень скоро гости, погрязшие в безделье, потребовали у островитян продукты, а затем возжелали обратить их в рабство. Караибы решительно воспротивились, и за какой-нибудь год французы исчезли, подкошенные голодом и войной.

Вторую и третью экспедиции, организованные также руанскими купцами в 1630 и 1633 годах, постигла та же судьба. Страдая от нехватки продуктов, не имея надежной защиты, эмигранты напали на индейцев, которые в целях самообороны заключили союз с англичанами и голландцами, чье господство на острове возбуждало зависть ново-прибывших. И большинство французов было съедено караибами.

К 1635 году относится основание города Кайенны.

В 1643 году новая группа завоевателей формируется в Руане и по королевским жалованным грамотам получает в свое распоряжение всю страну от Амазонки до Ориноко, с обязательством основать там колонии и заселить их. Экспедиция, весьма значительная по тем временам, состояла из трехсот человек во главе с безумно храбрым Понсе де Бретиныи.

Вместо того чтобы завоевывать население туземцев, как с самого начала поступили голландцы и англичане, с легкостью добившиеся этой цели, Бретиныи прогнал местных жителей из окрестностей горы Сеперу, чтобы утвердиться там самому со своими подданными. Немного времени спустя он вознамерился обратить краснокожих в рабство, однако те доблестно защищались. Бретиныи преследовал их как диких животных, вешал и сжигал тех, кого удавалось схватить.

Мало того, что он лишился таким образом надежных союзников, которые могли бы стать преданными помощниками, не было таких попыток, которых Бретиныи не изобрел бы для своих собственных компаньонов. Питаясь впроголодь отвратительной и скудной пищей, несчастные

* Караибы, современное написание карибы — группа индейских народов в Южной Америке и на островах Карибского моря; к ним относятся упоминаемые Буссенаром галиби, юка, полигуду и др.

трудились от зари до зари под палящими лучами экваториального солнца. За малейшую провинность их карали с неслыханной жестокостью. У Бретиньи был металлический штамп с наплавленными на нем собственными инициалами; он приказывал раскалять его добела и ставил клейма на лбу и на ладонях нарушителей своих распоряжений. Доведенные до отчаяния участники экспедиции взбунтовались 4 мая 1644 года и арестовали своего палача. Сто двадцать человек убежало, половина — в Суринам, половина — в Бразилию. Бретиньи вышел на свободу через двадцать дней и вновь принялся изводить несчастных, оставшихся в Кайенне. Спасение нашли они у племен индейцев галиби, принявших их по-братски. Что же касается Бретиньи, то его убили краснокожие, которых он пытался наказать за гостеприимство, оказанное беглецам.

В то время как французы, более осмотрительные на сей раз, жили в мире с индейцами и женились на их девушках, в Париже формировалась новая колониальная экспедиция под названием «Двенадцать сеньоров» или «Полуденная Франция». Месье де Ройвиль, аббат де Мариво и аббат де Лябулей, интендант морского флота, стали ее инициаторами. Удалось собрать восемьсот человек и денежный фонд в размере восьми тысяч золотых экю. Экспедиция выступила из Парижа 18 мая 1652 года. Начало ее ознаменовалось несчастьями. Главный руководитель, аббат де Мариво, утонул в Сене, перебираясь с одного судна на другое. А занявшего его место месье де Ройвиля прикончил в плавании кинжалом один из мятежных сеньоров. Волонтеры стали терпеть ужасные страдания с первых же дней по прибытии к месту назначения, поскольку организаторы экспедиции повторили ошибку своих предшественников, взявши запас продуктов лишь для морского перехода. Вновь предпринимались жестокие меры против индейцев, которые сопротивлялись с обычной для них доблестью. В довершение всего начался раскол между сеньорами, и один из них, Изамбер, признанный виновным в заговоре и убийстве руководителя, был осужден на смертную казнь и обезглавлен. Островные индейцы, преследуемые пришельцами, которых терзал страшный голод, объединились со своими континентальными собратьями. Французы укрылись в крепости, откуда их вскоре изгнало отсутствие провианта и прочие лишения. Последние уцелевшие из них бежали в Суринам. В течение пятнадцати месяцев колония оставалась во власти туземцев.

Обнаружив свободное место, голландцы обосновались

на острове Кайенна под командованием Герен-Спрингера, на средства голландской компании Остенде. Этот ловкий и умный начальник обращался с индейцами весьма дипломатично и сумел добиться, чтобы они перебравшись в глубину территории.

С 1654 по 1664 год колония замечательно процветала благодаря голландским коммерсантам и трудам белых поселенцев. Именно в этот блестящий период, единственный в истории Французской Гвианы, ставшей на время Голландской (с которой Франция, увы, не наладила никакого сотрудничества), Кольбер* объединил в единую корпорацию, получившую название «Королевской компании западной Индии», все конкурирующие группы, которые только вредили друг другу вместо того, чтобы развивать взаимодействие.

Месье де ля Барр, опытный администратор и бесстрашный моряк, был назначен губернатором. Он прибыл в Кайенну во главе отряда из тысячи двухсот человек с приказом изгнать любого иного захватчика. Голландцы капитулировали в мае 1664 года. По примеру Спрингера де ля Барр мягко обращался с индейцами и сумел поддерживать процветающий облик колонии.

К сожалению, он вернулся во Францию и оставил бразды правления своему брату, месье де Лези. Замена оказалась неудачной. Колонию опустошили англичане в то время, когда месье де Лези находился в Суринаме. Отец Морелле, кайеннский кюре, благодаря своей энергии спас обломки злосчастного владения. Месье де ля Барр, возвратившись в 1668 году, снова уезжает в 1670-м и опять доверяет заместительство своему брату. Второе отсутствие губернатора знаменуется еще большими разрушениями, чем первое. Голландцы, которые уже владели Кайенной и вполне оценили ее богатства, лелеяли надежду открыть золотые месторождения, в существовании которых уверяли их индейцы. Голландцы овладевают территорией 5 мая 1676 года и сразу же развертывают активные оборонительные действия. Но напрасно укрепляли они Ремир, в устье рек Апруаг, Синнамари и Ояпок. Адмирал Эстре появился в гвианских водах и нанес врагу сокрушительное поражение, несмотря на ожесточенное сопротивление. Людовик XIV приказал увековечить победу французского оружия медалью, на которой выбито: «*Gaupa gesu-*

* Кольбер Жан Батист (1619—1683) — генеральный контролер (министр) финансов Франции с 1665 года.

perata, 1676». Эту медаль и сегодня можно увидеть в парижском кабинете медалей.

Вновь ставшая французской, колония была на пути к большому преуспеванию, когда в 1688 году моряк Дюкасс сделал здесь остановку, направляясь в Суринам. Пообещав отдать на разграбление эту территорию, он склонил многих жителей отправиться вместе с ним. В устье реки Суринам ему удалось завладеть сторожевым таможенным судном, которое должно было предупреждать о приближении врага. Но, вместо того чтобы воспользоваться достигнутым преимуществом и напасть на город врасплох, он упустил драгоценное время. Предупрежденные голландцы успели подготовиться к обороне. Дюкасс потерял много людей и в итоге вынужден был отступить, бежал на Антильские острова, где ускользнувшие от смерти колонисты обосновались навсегда. Незадачливая авантюра сильно уменьшила население и богатство Гвианы.

Таков печальный баланс колонии за семнадцатый век. Невзирая на все усилия, в 1700 году несчастная страна насчитывала едва ли четыре сотни белых и около полуторы тысячи негров. Причины таких неудач определялись, увы, очень просто: концессии, которые давались бедным компаниям, неспособным наращивать население и защищаться; тупоумие начальников, недалекость организаторов, варварские методы колонизации.

Но это далеко не все. Потрясения, испытанные в те времена, не идут ни в какое сравнение с безрассудной затеей, принесшей десять тысяч жертв и известной в истории под названием «катастрофы Куру».

Целое столетие было потеряно в бесплодных попытках колонизации. И в 1700 году все еще только предстояло организовывать. Дела пребывали в плачевном состоянии. Реванш, взятый Кассаром в 1713 году, не восполнил ущерба, причиненного вылазкой Дюкасса, и бедствия в конце правления Людовика XIV нанесли последний удар. По Утрехтскому договору 1713 года* от Гвианы отошло побережье Амазонки, и граница ее была отодвинута примерно на восемьдесят лье к северу.

С 1713 по 1763 год колония продолжала прозябать без каких бы то ни было значительных событий. В 1716 году в Кайенне внедрялась культура кофе: несколько отростков

* Утрехтский договор 1713 года — общее название ряда мирных договоров (франко-английских, франко-голландских и др.), заключенных после завершения «войны за испанское наследство», длившейся в Европе с 1701 по 1714 год.

кофейного дерева, похищенных в Суринаме, привез французский дезертир. Этот человек рисковал жизнью, поскольку голландцы карали смертью за вывоз рассады кофейного дерева. Но смельчак был вполне вознагражден за свой поступок. О ценности приобретения нечего и говорить. Гвиана стала первой французской колонией, начавшей возделывать культуру кофе.

В 1763 году правительство, желая как-то компенсировать потерю Канады, приняло решение об «экспедиции Куру». Предполагалось пополнить Гвиану европейцами. Все это кончилось катастрофой, да к тому же создало стране совершенно незаслуженную репутацию «гиблого места». Имел смысл подробнее остановиться на данном историческом событии, чтобы точнее оценить степень вины за катастрофу людей или же природы.

Дело было затеяно по совету кавалера Тюрго, армейского генерала. Он сумел заинтересовать герцога Шуазеля, тогдашнего военно-морского министра, представляя ему колонизацию как надежное средство обеспечить огромное состояние для семьи. Так что первым актом правительства, вполне естественно, стало предоставление концессии герцогам Шуазель и Шуазель-Праслен на все земли Гвианы между реками Куру и Марони. А это добрых сто двадцать километров побережья, отхваченных сими благородными персонами от экваториальных просторов.

Месье Тюрго, назначенный губернатором в 1763 году, взял в качестве интенданта месье де Шанваллона, бывшего члена Верховного совета Мартиники. Тот развернул активные подготовительные работы, поставив целью прежде всего построить жилье для двенадцати тысяч человек. Помощником Тюрго был месье де Префонтен, в прошлом чиновник. Лет двадцать тому назад он стал землевладельцем на берегах Куру. Из-за непостижимой медлительности министерства на четыре месяца задержалось прибытие в Кайенну первой партии колонистов. К тому же местные власти создавали целый ряд дополнительных трудностей. Шестьсот человек успели соорудить лишь несколько хижин. Эмигрантов расселяли под навесами, и в скором времени начались повальные заболевания лихорадкой. Ни больницы, ни медицинского обслуживания никто не предусмотрел. Все это происходило в сентябре 1763 года. Шанваллон застрял в Париже из-за административных неурядиц. Только 14 ноября он погрузился на корабль вместе с группой из 1429 человек. Новоявленный интендант пока ничего не знал о затруднениях Пре-

фонтена и предполагал, что у того все уже готово. В Кайенну путники прибыли 22 декабря. Выгрузка производилась удручающе медленно. Пассажиров разместили под навесами. Транспортировку в Куру затрудняло множество осложнений. В колонии не было ни лодок, ни лоцманов. Хотя министерство, будучи осведомлено об этих лишениях, и приказало кайеннским властям подготовить лодки, к приказу этому отнеслись с поразительным безразличием. В конце концов использовали для перевозки маленькую бригантину*.

В феврале 1764 года месье де Шанваллон, обремененный всеми этими хлопотами, узнал о прибытии судна, везущего еще 1430 человек. Он примчался в лагерь. Госпиталь был переполнен больными, не получавшими почти никакой помощи и валявшимися прямо на песке, безо всякого укрытия, если не считать жалких полотняных лохмотьев. И это в разгар сезона дождей! Интендант убедился в невозможности разместить такое количество народу. Новых поселенцев следовало принимать не раньше, чем письменно заверив министерство в своей полной готовности. Однако Шанваллон рассчитывал, что новоприбывшие помогут завершить подготовительную работу, но те решительно отказались от всякого труда, погрязнув в многомесячное безделье. Транспортная колонна прибыла 19 марта 1764 года, объявив, что в следующем месяце надо ждать еще двух тысяч человек — мужчин, женщин и детей.

Можно вообразить, какие кошки заскребли в душе интенданта при этой новости! Нужда у эмигрантов в Куру была отчаянной. Недоставало решительно всего. И хотя эти чертовы острова были переполнены предыдущей партией переселенцев, следовало их еще уплотнить. В довершение несчастий они взбунтовались. Шанваллон написал министру, чтобы отсрочить отправку, его письма не дошли до адресата или же поступили слишком поздно. Пополнение прибывало в мае, июне, июле и августе. Двенадцать тысяч человек, по одним источникам, тринадцать — по другим — скопилось в Куру. Уточнить не представляется возможным, потому что потерял след последних транспортных колонн. Пришла беда — отворяй ворота, и в этой невообразимой толчее вспыхнула эпидемия чумы, которая унесла жизни тех, кого пощадила лихорадка. Что же здесь удивительного, ведь по триста — четыреста чело-

* Бригантина — легкое двухмачтовое парусное судно.

век спали вместе под грязными навесами, не защищавшими ни от солнца, ни от дождя, и им катастрофически не хватало пищи и медикаментов.

Десять тысяч человек погибло, две тысячи с большим трудом вернулись во Францию. Тридцать миллионов вылетело на ветер! Эта мрачная драма длилась один год.

Так закончилась экспедиция, укомплектованная людьми разных классов — ремесленниками, гражданскими и военными, служащими, актерами, искателями приключений, музыкантами и т. д. Самой главной ошибкой было создание колонии потребителей в то время, как Гвиана располагала лишь горсткой бедных жителей, рассеянных на необозримой территории. Привезти огромную толпу на совершенно дикий берег без всякого жилья и попечения, снабжая людей испорченными европейскими продуктами, плодившими заразные болезни!

А теперь сам читатель пускай решит, виновата ли в трагедии людская бесхозяйственность и бестолковость или же так называемый «нездоровый климат».

Требовалась одаренная и сильная личность, чтобы возродить колонию, на которую уже совсем махнули рукой. Единственный раз правительство сделало счастливый выбор, когда в 1776 году послало в Гвиану в качестве распорядителя месье Малюе. С помощью инженера Гизана новый распорядитель, безусловно, самый выдающийся деятель за всю историю Гвианы, превратил ее в цветущий край. Счастливая эра длилась около двадцати лет. Осушение болот, прокладка каналов, дренаж, дезинфекция, строительство — все это памятные вехи отличного управления.

В скором времени Французская революция нашла отклик по другую сторону Атлантики. Не прошло и года после великого акта восстановления справедливости, который зовется отменой рабства, — Конвенция начертала его золотыми буквами первым из своих декретов, — как появилось постановление 12 жерминаля года IV (1 апреля 1795 г.), присудившее к депортации Барера, Вадье, Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенна*. Двум первым удалось освободиться, двое других были высланы в Гвиану.

* Я видел в Синнамари скалу, на которой, согласно преданию, Бийо-Варенн любил отдыхать в окружении обожавших его городских негритят, которых он обучал чтению. (Примеч. авт.) Барер Бертран (1755—1841), Вадье Марк-Гильом-Алексис (1736—1828), Колло д'Эрбуа Жан-Марк (1750—1796), Бийо-Варенн Жан-Никола (1756—1819) — деятели Французской революции.

Восемнадцатого фруктидора* года V (4 сентября 1797 г.) Директория разогнала два совета и осудила на высылку пятьсот шестнадцать своих политических противников, почти сплошь депутатов, дворян, журналистов, священников и генералов. Ста восьмидесяти удалось избежать наказания, остальных отправили в Гвиану и интернировали в Конамана и Синнамари.

Как бы снова воскресли роковые дни Куру, освещая мрачные сцены невыносимых страданий. Этих триста тридцать депортированных, с которыми обращались во Франции как с преступниками, при отплытии из Рошфора запихнули в корабельные трюмы. В бесконечно долгие часы перехода они испытывали неимоверные муки голода и жажды**. По прибытии на Кайеннский рейд многие оказались мертвы. На берег выгрузили большое количество находящихся при смерти людей, их срочно препроводили в больницы, и сто шестьдесят человек скончались от ностальгии и от перенесенных длительных лишений.

Некоторые, среди них Пишегру, Рамель, Бартелеми, Виллят, Обри, Доссонвиль, Деларю, Летелье, смогли бежать и добрались до Соединенных Штатов Америки. Барбе-Марбуа и Ляффон-Лядеба получили вызов во Францию. Ничего удивительного, что столь длительные мучения во время морского перехода с последующим пребыванием в гвианской тюрьме обозлили даже наиболее закаленные натуры, сохранившие печальные и болезненные воспоминания о равноденственных берегах, о местах, где выпало на их долю столько страданий. Месье Барбе-Марбуа был среди прочих яростным противником Гвианы, и его заявления, сделанные с высокой трибуны Палаты пэров***, имели значительное влияние на современников.

* Жерминаль, фруктидор — названия месяцев республиканского календаря во Франции, действовавшего в 1793—1805 годах.

** Когда на восьмой день плавания, пишет Рамель, нам разрешили одночасовую прогулку, только трое из нас — Тронсон-Дюкудрей, Пишегру и Лавийельернуа — смогли ею воспользоваться. У прочих не было сил выбраться из трюма. Я сам двадцать один день не выходил из ямы, предназначенной для перевозки львов. Капитан Лапорт не забыл ни одной из пыток, что могли закончиться смертью. Ведь это двойное варварство, когда не желают подать трап, чтобы выбраться на палубу. А, карабкаясь по веревке, наверняка свалятся в пустоту люка именно те, кому глоток свежего воздуха нужен больше всего. Нам отказывали в самой элементарной помощи, в самых необходимых предметах... (Примеч. авт.)

*** Палата пэров — Верхняя аристократическая палата француз-

Как бы там ни было, важно подчеркнуть, что колонизация не входила в планы Директории. И если результаты предпринятых ею жестоких мер столь плачевны, то не стоит винить в этом климат.

Девяносто лет минуло после этих событий. Положение колонии намного улучшилось, хотя до идеального ему далеко. Но мы вправе себя спросить, почему ни время, ни опыт не смогли полностью разрушить все еще бытующую репутацию «гиблого места», которая столь прочно и столь несправедливо закрепилась за Гвианой...

Я же хочу, насколько позволят мои силы, побороть этот досаднейший предрассудок, реабилитировать в глазах неосведомленных сограждан ту страну, которую люблю, изобилие и красоту которой я имел возможность узнать. Да будет же услышан мой слабый голос! Да посчастливится мне вложить свой камень в ту постройку, которую возводят там отважные люди, умеющие трудиться и надеяться. Это станет лучшей наградой для скромного гражданина, у которого нет других побуждений, кроме пламенного патриотизма.

ГЛАВА 4

Письмо из Франции.— Робинзон в Париже.— Мансарда на улице Сен-Жак.— Материнская тревога.— Переезд через океан.— Колониальная навигация.— Двойной удар.— Багаж без владельца.— Освобожденный каторжник.— После двадцатилетнего отсутствия! — Наводнение.

«Париж, 15 июля 187...

Дорогие родители, дорогие братья!

Английский почтовый пароход отплывает завтра из Саутгемптона в Гвиану. Через двадцать два дня шхуна «Maopî-Packet», заменившая с недавних пор нашу «Tropic-Bird», отправится из Суринама к Марони. Восемь дней спустя это письмо настигнет вас в селении «Полуденная Франция». Оно опередит нас на три недели. Наконец-то! Я снова увижу вас после этого бесконечного десятимесячного отсутствия. И меня, и Никола охватила предотъездная лихорадка. Она не так опасна, как в девственном лесу, но все же трясет нас здорово.

• Национального собрания, созданная в 1814 году после реставрации династии Бурбонов.

Хватит с меня Парижа, хоть я и полюбил его за это время. Прихожу к выводу, что предпочел бы находиться здесь, но только в том случае, если бы меня не ждали девственные леса. Мне нужна либо самая совершенная цивилизация, либо природа в своем диком, первозданном виде — середины не признаю. Я быстро привык к новой жизни и быстро исчерпал запас удивления. Но каким бы я чувствовал себя заатерянным в этом огромном людском муравейнике, где иностранец еще более одинок, чем в наших лесах, если бы не было у меня надежного гида, нашего славного Никола.

Как настоящего дикаря, меня буквально выводил из себя неумолчный шум большого города. Я только и видел, что огромные дома, громоздившиеся друг на дружку, подобно нашим деревьям-великанам, толпы озабоченных людей, похожие на муравьев-маниок, да орущих на улицах рабочих, что заглушили бы обезьян-ревунгов. Невозможно ничего рассмотреть из-за этой толпы, множества экипажей, пыли, грязи, мигающих огней, забитых до отказа улиц. Нет, никогда европеец не окажется в таком затруднении среди пяти миллионов гектаров девственного леса, в каком я оказался по прибытии в Париж.

К счастью, повторяю, у меня был Никола, самый надежный компас для путника. И теперь ваш маленький дикарь умеет садиться в поезд как местный житель, он больше не боится трамваев и при виде электрического света уже не издаст воплей. Он побывал в Лувре, поработал в Национальной библиотеке, прослушал несколько лекций в Горном институте, пополнил свои знания в Музее естественной истории и пробежал галопом уж не знаю какое количество самых разных магазинов. Наши покупки наконец совершены, и я везу с собой целый склад книг, оружия, одежды и всякого оборудования, не забыв, разумеется, о сельскохозяйственном инвентаре и машинах, необходимых для наших будущих горнорудных разработок. Все это подготовлено к отправке морем. Мы наняли трехмачтовик. Я не мелочился, и вы будете довольны. Впрочем, мы строго придерживались инструкции, согласно которой следует тратить больше, чтобы выиграть время.*

Дело сделано, мы возвращаемся. Ей-богу, тоска по дому охватывает меня все больше и больше. И Никола тоже. Он мечтает вас обнять и полакомиться копченой аймарой. Здесь.

* Лувр — один из крупнейших в мире научных и художественных музеев в Париже, в здании бывшего королевского дворца.

водятся только пескари, и нет никакой возможности «опьянить» Сену с помощью нику...*

Жара стоит адская. Асфальт размягчился, так что остаются вмятины от каблучков. Пот льется градом. Тридцать семь градусов в тени! И кто-то еще полагает, будто Гвиана с ее средней температурой в 27° — суций ад для европейцев! Правда, в январе у нас было пятнадцать градусов ниже нуля, с противным снегом и льдом. Ангоссо очень бы смеялся, увидев меня в шубе с воротником из выдры, в подбитой мехом шапке и подпоясанного словно эскимос. Ненавижу зиму, я задыхаюсь в примитивных хижинах, которые называются гостиничными номерами. А эти рестораны!

О, мое любимое домашнее житье, с задушевными беседами, искренними излияниями! Оно дает такую полную и здоровую радость! А впереди еще три недели ожидания... И надо преодолеть две тысячи лье, чтобы вновь изведать это счастье!

У Никола, который читает это письмо через мое плечо, покраснели глаза от слез при мысли о всех вас. Он настолько забылся, что бормочет по-креольски, как некогда наш добрый Казимир: «Истинная правда, так оно и есть...»

Что касается меня, то мою грудь теснит, дыхание перехватывает, и в глазах все плывет, когда я воскрешаю в памяти ваши лица и произношу вслух имена, чтобы создать на какое-то мгновение иллюзию вашего присутствия. Мама, папа, Анри, Эдмон, Эжен, я вижу вас, говорю с вами, слышу ваши голоса. Я даже не стыжусь признаться, что маленький робинзон прослезился, думая о дорогих существах, которые ждут его там, в милой нашему сердцу Гвиане.

Не хочу завершать письмо, не рассказав вам об одном трогательном эпизоде из здешней жизни. Вся заслуга принадлежит Никола, вы же знаете его благородное сердце и деликатность чувств.

— Пошли, — сказал он мне позавчера утром.

— А куда? — поинтересовался я

— Это секрет. Доверься мне, ты останешься доволен.

Мы отправились пешком из нашего отеля на улице Вивьенн и довольно долго добирались до переулочка, расположенного по другую сторону Сены.

Перед нами оказался большой, весьма обшарпанный дом. Мы поднялись по длинной и темной лестнице с мокрыми ступеньками. На шестом этаже Никола остановился, его состояние было близко к обморочному.

* Способ глушения рыбы ароматической травой.

— Это здесь,— промолвил он сдавленным от волнения голосом, указывая на дверь, обмазанную желтой охровой краской. Там виднелась маленькая табличка со словами: «Мадам Д..., искусственные цветы».

— Ну конечно, это здесь! — воскликнул я.

И воспоминание прорвалось сквозь туманную завесу двадцатилетнего отсутствия, я узнал мансарду на улице Сен-Жак!

Мы вошли. Женицина в глубоком трауре, бледная от горя, поднялась при нашем появлении. Трое детей мал мала меньше взирали на нее с тем выражением бессознательного страдания, которое присуще никогда не ведавшим радости. Трехлетний ребенок, лежавший в колыбели, дышал при этом тяжело и неровно.

Ты же помнишь, конечно, мама, наш последний день в Париже! Мне было три года, но и сейчас воспоминание живо, как тогда. При виде этой матери в трауре, ее детей в слезах я испытал как бы раздвоение личности, снова превратился в сына политического ссыльного и увидел перед собой вдову погребенного заживо.

Иллюзия была настолько полной, что я как бы заново пережил драму нищеты и скорби. Видно, есть на земле какие-то проклятые места! Я объяснил даме цель нашего визита — паломничество к месту наших давних мучений. Незнакомка, искренняя, как все отчаявшиеся люди, открыла нам сердце и поведала свою историю. Увы, вся она укладывается в несколько слов. Муж ее, честный рабочий, измученный тяжким трудом, уже два месяца в больнице. Скромные их сбережения растаяли, а тут еще безработица. Теперь — нищета. В довершение несчастья младший ее ребенок находится при смерти.

— Мадам,— сказал я, расставаясь,— позвольте и мне быть вполне откровенным с вами. Пока мой отец находился на каторге, мать моя страдала и боролась так же, как вы. Мои братья и я терпели лишения, как и ваши дети, но неизвестные друзья спасли нас. И это сходство судьбы, эти злоключения, испытанные в одном и том же месте при почти одинаковых обстоятельствах, должны иметь и такую же развязку. Позвольте нам сыграть для вашей семьи ту роль, какую для нашей сыграли неведомые благодетели.

И, поскольку она молчала, совершенно озадаченная:

— Мадам,— продолжил я,— во имя моей матери примите ради ваших детей этот братский дар. Я самый младший в семье, моя колыбель находилась как раз там, где лежит ваш больной ребенок... Позвольте мне поцеловать малютку.

Я запечатлел поцелуй на лбу ребенка, поставил рядом столбик монет на тысячу франков, и мы расстались. Но, надеюсь,

не навсегда, не правда ли? Мы продолжим это доброе дело, я призываю вас к нему и сердцем и умом...

В ожидании счастливой минуты, когда мы привлечем всех в свои объятия, целуем вас от всего сердца.

Шарль.

Р. С. Через шесть недель мы будем плыть по Марони».

На конверте значился адрес:

«Месье Робену, землевладельцу, селение «Полуденная Франция» (Марони), Французская Гвиана».

Дело подвигалось к 12 сентября, и получатель письма, прибывшего к месту назначения около месяца тому назад, со дня на день ожидал двоих путешественников.

Им пора было появиться. 6 августа они взошли на борт одного из великолепных пароходов Всеобщей трансатлантической компании, не уступавшего в скорости киту, смело дававшего двенадцать миль* в час. Через две недели плавания пассажиры, следующие в Гвиану, были высажены на Мартинике, где они пересели на дополнительный корабль, несший межколониальную службу, и через восемь дней прибыли в Кайенну, после кратких заходов в Сент-Люси, Тринидад, Демерару и Суринам.

Переход из Кайенны к Марони выполнялся на очаровательном пароходике «Dieux-Merci», принадлежавшем компании «Сеид», или же на шхунах под названием «Та-роуеус», которые с помощью течения и северо-восточного ветра были способны достичь Сен-Лорана за каких-нибудь тридцать шесть часов. Пароходик ежемесячно совершал по графику три рейса, шхуны отправлялись по заказу фрахтовщика.

Не более четырех дней требовалось, чтобы из Сен-Лорана добраться до водопада Петер-Сунгу с координатами 56°15' западной долготы и 5°15' северной широты. Итак, двое мужчин могли прибыть по истечении тридцати дней, если считать, что переход был совершен без особых происшествий и что дела могли их задержать в Кайенне не более чем на сорок восемь часов.

Наступало 12 сентября. Думаю, читатели не забыли политического ссыльного Робена и его бесстрашную семью. Десять лет минуло с того момента, когда каторжник

* Морская миля составляет 1852 метра. Таким образом, 12 миль в час равняются 21 тысяче 224 метрам. (Примеч. авт.)

узнал о своей свободе, потеряв при этом старого друга и спасителя, негра Казимира, подкошенного пулей бывшего лагерного охранника Бенуа. Этот второй период жизни экваториального француза, наполненный трудом и обретением новых знаний, был вполне счастлив. Инженер даже не постарел, как и прежде, его отличало атлетическое сложение, гордые и располагающие черты лица, проницательный взгляд, открытая и временами задумчивая улыбка. Ему уже исполнилось пятьдесят пять, но выглядел он на десять лет моложе, хотя волосы обрели снежную белизну. Почти не изменилась и его героическая жена со своей деликатной бледностью парижанки, нежным лицом счастливой матери и преданной супруги. Конечно, годы сказались на этом хрупком — по внешнему облику — существе, но духовное мужество придало женщине особую силу. Так закалка укрепляет чистую сталь. Ее милые мальчики превратились в зрелых мужчин. Они стали тремя копиями отца, каким был он в их возрасте. Не хватало только Шарля, самого юного. Десять месяцев тому назад он уехал вместе с Никола во Францию по причинам, которые будут вскорости объяснены.

Уже двадцатый раз робинзоны перечитывали письмо молодого человека, доставленное вышедшим на свободу заключенным. Он жил в Сен-Лоране и со всей поспешностью бросился доставить им послание, как только «Maroni-Packet» прибыла из Суринама и почта поступила к голландскому комиссару д'Альбина.

Горя нетерпением, Анри сразу же заявил:

— А что, если мы отправимся им навстречу?

Предложение старшего сына настолько отвечало потаенным желаниям каждого, что не вызвало даже тени сомнения. Жилище оставили на попечение Ангоссо, неграбони, зоркого и крепкого, как тапир, его жены Ажеды и целого клана негрятят, их внуков от союза сыновей Ломи и Башелико с двумя женщинами своего племени.

Четверо европейцев разместились на двух отличных пирогах. Одной управлял Ломи, другой — его брат, они помогали друг другу маневрировать на веслах. Сделали остановку на правом берегу Марони, устроившись под развесистыми деревьями, чтобы переждать удручающую дневную жару.

Анри еще раз перечитал вслух письмо брата, и завершивший его трогательный эпизод заставил родных прослезиться. Ломи нес сторожевую вахту под сенью черного дерева, покрытого золотыми цветами, и цепким взглядом

озирал огромную водную гладь, напоминавшую течение расплавленного металла.

Мадам Робен первой нарушила напряженную тишину.

— Шарль и Никола очень задерживаются,— тихо молвила она.— Я сгораю от нетерпения, какая-то тоска сжимает сердце. Ничего не могу поделать с этим болезненным беспокойством, все мои усилия напрасны.

— Ну, мама,— откликнулся Анри, задетый этой печалью,— гони прочь скверные мысли! Ведь какое огромное расстояние от Франции до нас!

— Ты же хорошо знаешь,— подхватил Эдмон,— как многообразны причины, способные затянуть путешествие... Хотя бы даже бо́льшая часть плавания была свободна от опасностей... Например, встречный ветер мог замедлить движение шхуны...

— Если допустить, что Шарль использовал черепаший способ плавания,— вмешался Эжен, насмешливый, как подросток, невзирая на свои двадцать шесть лет и очаровательную каштановую бородку. Юноша добавил по-крепольски: — Морская мама-черепаха бежит быстрее, чем шхуна...

Шутка сына не развеяла тревоги мадам Робен.

— Если только их не осенила блестящая идея взойти на борт «Dieux-Merci»,— продолжил молодой человек.— Не хочу возводить напраслину на уважаемую компанию, которая много делает для удобства пассажиров, но остановки в пути этого почтенного морского дилижанса иногда чересчур уж затягиваются. Например, когда «Dieux-Merci» заходит в Ману в субботу, этот затейник, капитан Метро, норовит провести на суше все воскресенье. А это двадцать четыре часа, порой же все тридцать шесть часов опоздания. Бывает, что корпус судна застрянет между скали или же нос увязнет в илистом грунте. Вспомни-ка последнюю поездку в Кайенну и все приключения на обратном пути... В конце концов наши путешественники могли просто не найти в Сен-Лоране посуды, готовой к отплытию. Ты же видишь, поле для гипотез очень широкое, так что нет причины тревожиться об опоздании, скорее всего легко объяснимом...

— Ах, милое мое дитя, нет никакого средства против смутного беспокойства, которое не могу даже выразить словами... Напрасно я призываю на помощь логику, тоска моя только возрастает. И ты отлично знаешь, что при этом я вовсе не впадаю в панику, что лесная жизнь достаточно меня закалила!

Эта нетерпеливость, вполне естественная в момент наивысшего душевного напряжения, когда вся семья должна была вот-вот объединиться после долгой разлуки, поразила Робена. Выражение его лица не изменилось, однако неотвязчивая тревога, поразившая супругу, невольно передалась и ему. Бездействие томило. Он порывался вдаль, ему хотелось энергично грести, лететь по волнам, чтобы сократить расстояние, казавшееся уже совсем незначительным. Время суток и состояние атмосферы, к сожалению, не позволяли немедленно продолжить путь. Следовало подождать, по крайней мере, до трех часов.

Эжен молчал. Эдмон не знал, что сказать. Каждый пытался найти какое-нибудь развлечение, но безуспешно. Оно само представилось, и очень скоро. Тревожный крик чем-то напуганной птицы раздался в нескольких шагах за лианами. «Мар-рэй! Мар-рэй!»

Инстинкт охотника тотчас же разыграл у Анри. Он схватил двустволку крупного калибра, купленную в Кайенне, быстро ее зарядил. Послышалось резкое хлопанье крыльев, и две большие птицы, снявшись с места, пульей пронеслись над поляной.

Один за другим прозвучали выстрелы, и оба пернатых, сраженных метким охотником, тяжело рухнули на землю. Выстрелы отозвались дальним и весьма странным эхом. Как будто в унисон с ружьем молодого человека раздался вдалеке приглушенный взрыв.

Вообще-то подобные происшествия — не редкость на Марони, которая служит главным средством сообщения с Верхней Гвианой. И все же случившееся было не столь обычно, как могло показаться вначале.

Большой водный путь испещрен пирогами, которые везут провиант и доставляют рудокопов к золотым приискам. Этим путникам хватает забот, чтобы еще высматривать под палящим солнцем редкую в этих местах дичь. И негров, всецело занятых маневрированием на веслах, вряд ли способен охватить охотничий азарт.

Так что ружейные выстрелы звучали иногда лишь по воскресеньям, поблизости от рудников или плантаций. К тому же долетевший до робинзонов звук не очень напоминал ружейный, был не таким звонким, а по мощности превосходил его. Это скорее походило на подрыв золотой жилы, основательно наспигованной зарядами. Тонко развитый слух ко всякого рода лесным шумам тотчас навел путешественников на эту мысль.

Эжен придерживался иного мнения. Он полагал, что его юный брат и Никола, в восторге от встречи с родными краями, объявили о прибытии ружейным залпом. Это заявление решительно отвергли, однако Эжен продолжал упрямо настаивать на предложенной версии, желая развеять всеобщую тревогу. И в конце концов пылкое красноречие юноши слегка успокоило его мать.

— Скоро мы все выясним,— заметил Робен.— Солнце начинает склоняться к закату. Его лучи будут не опасны, если мы укроемся под листьями канны*. Короче говоря, поскольку бездействие пагубно влияет на всех, не вижу причины, чтобы не тронуться в путь немедленно.

За несколько минут соорудили легкие навесы в задней части лодок, подняли якоря, и робинзоны двинулись вперед. Ломи и Башелико с непокрытыми головами, нечувствительные к знойным лучам экваториального светила, как подлинные дети тропического леса, изо всей силы гребли уже два часа. Вдруг первый из них резко задержал в воздухе свою деревянную лопатку, словно подвесив ее на просушку. Пирога по инерции проскользила еще несколько метров, затем остановилась.

— Эй, Ломи, что стряслось? — крикнул Робен.

— Лодки, вон там, много лодок со стороны залива!

— Ты видишь лодки и залив, Ломи?

— Ну да, муше! А вы разве не видите?..

— Тогда держи курс на них, дитя мое!

— А правда,— сказал Анри, приподымаясь со всей осторожностью, чтобы не нарушить шаткого равновесия посуды.— Я вижу с правой стороны чуть заметный проход, который может быть рукавом или устьем реки, и с полдюжины неподвижных лодок возле самого берега...

Сердца забились усиленно при этой новости, и трое молодых людей схватились за весла, чтобы ускорить движение. Они гребли с юной яростью, выдававшей их пылкое желание быстрее достичь цели.

Через полчаса уже ясно были видны четыре лодки, нагруженные до предела; две негритянские скорлупки и два довольно больших суденышка с мачтами, грузоподъемностью каждое не менее десяти тонн. Экипаж устроил лагерь на берегу, развел костер для приготовления пищи. Десять человек — восемь негров и двое белых,— по всей видимости, отдыхали после обеда.

* Канна — многолетнее растение семейства канновых (около 50 видов) с крупными яркими цветами и широкими листьями.

Робинзоны высадились неподалеку от незнакомцев и были встречены весьма дружелюбно. Инженер принялся их расспрашивать, когда вдруг один из белых поднялся, не отводя от француза взгляда и сильно волнуясь. Незнакомец почтительно обнажил голову, невзирая на жгучие лучи солнца, озарявшие его морщинистый лоб, и воскликнул прерывающимся голосом:

— Месье Робен!

Тот с удивлением посмотрел на человека, чье лицо и голос не напомнили ему решительно ни о чем.

— О! Месье Робен! Неужели это вы! Какое счастье снова видеть вас! Ведь прошло лет двадцать, не меньше... Да вы не узнаете меня. Ничего удивительного! Я сильно изменился... Борода побелела, а лицо покрылось морщинами, как у старика... Я столько работал и столько страдал... Передать не могу! Ах! Как же я вас разыскивал тогда, в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, узнав про декрет об амнистии! Я вернулся в долину бедного старика Казимира, но вы уже покинули ее, не ведая о своей свободе.

Свет памяти пробился из глубины. Робен вспомнил.

— Гонде! Это вы! Мой славный друг, я не забыл вас, нет, нет! Если перемены в вашей внешности и могли ввести в заблуждение, то память об оказанных услугах никогда не покидала меня.

— Вы так добры, месье Робен! Хочу заявить, что, как и прежде, вы можете полностью мною располагать! Я всегда к вашим услугам!

— Сердечно благодарен, мой милый Гонде, и спешу немедленно воспользоваться вашей любезностью.

— Тем лучше! Просите о чем угодно, хоть о самом невозможном!

— Ну, это когда-нибудь в будущем... Пока же скажите мне, чьи это лодки.

— Два баркаса принадлежат мне. После освобождения я стал совершать рейсы между Сен-Лораном и Герминной, вожу рабочим провизию, а оттуда — месячную выработку металла*. А я знаю, что вас сюда привело!

— Быть того не может!

* При всей невероятности это самая точная подробность. История каторжника Гонде также правдива; я только не имею права сообщить его подлинное имя. Сегодня он на свободе. Я плывал на одном из его баркасов. Каждый месяц он добросовестно транспортировал золото с приисков, перевоза в Сен-Лоран в среднем 25, 30 и 40 кг металла, который стоит от 75 до 120 тысяч франков. (Примеч. авт.)

— Знаю, месье Робен! Вы хотите услышать от меня новости о двух путешественниках, которые едут из Франции. Один из них — молодой человек, другому лет сорок пять.

— Ты прав! Говори же скорее, где они!

— Младший носит ваше имя. Я прочитал на ящиках, принадлежащих ему. Еще подумал, что это ваш сын. Он так похож на вас! Но не осмелился спросить. Я готов был сопровождать его до встречи с вами. Они еще этим утром были здесь оба и отправились на рассвете, чтобы осмотреть золотоносные земли, на которые у них концессия.

— Так мой сын здесь! — воскликнула мадам Робен, не в состоянии больше сдерживать чувства. — Благодарю вас, месье, за добрую весть. Мы едем немедленно, не так ли? — обратилась она к мужу.

— О мадам, — возразил Гонде своим тихим голосом, — вряд ли вы его догоните. Они в маленькой лодочке, построенной по образцу наших негритянских, однако месье Шарль привез ее из Европы и должен быть теперь уже очень далеко.

— Не важно! Мы хотя бы сократим расстояние...

— Да что там эта лодочка... Может ли она состязаться с нашей пирогой, которую мы сами соорудили, — гордо заметил Анри, выпячивая свою мускулистую грудь.

— Но, по словам этих господ, их лодка из легчайшей прессованной фанеры, ее изобрели американцы, а строили в Англии... И она снабжена маленьким паровым двигателем с винтом. Летит по воде, как чайка! Общий вес ее всего сто двадцать килограммов. Я видел, как они отчаливали, и даю голову на отсечение, что с той скоростью, на какой они шли, лодка уже пробежала пятнадцать лье, если не больше... Впрочем, они обещали вернуться завтра вечером или чуть позже. Я дал слово дожждаться их.

— Значит, этот груз принадлежит моему сыну?..

— Абсолютно весь, месье. Там около пятнадцати тонн. Чего только нет: водка, топоры, мачете, вино, семена... Земледельческие орудия, маслобойки, усовершенствованные промывочные машины для золота, ртуть, пестовые молоты, или копры, — они разобраны на части по двадцать пять килограммов каждая... И еще все детали тоже разобранного для транспортировки парового двигателя...

— Как, еще и паровой двигатель?

— Ну да, месье, новинка техники, как сказали эти господа, изобретение парижанина по имени Дебейо... А в этих двух ящиках с двойной обивкой — из меди

и цинка — содержится динамит. Какие прекрасные разработки вы сможете начать со всеми этими приспособлениями.

— Если бы вы захотели с нами сотрудничать, Гонде, я был бы рад найти для вас прибыльное занятие. Нам нужны энергичные люди, честные и привыкшие к жизни в лесу. Вы согласны, не правда ли?

— О месье, вы так щедры! Вы оказываете мне столько чести! Отныне я нахожусь в полном вашем распоряжении.

— А знаете ли, Гонде,— вдруг сказал инженер, словно пораженный какой-то догадкой,— ведь вы совершили настоящий подвиг, поднявшись по Марони до этого пункта с таким-то багажом, на большегрузных лодках!

— Это заслуга месье Шарля. Я очень даже просто застрял бы на водопаде Гермина. Но ваш сын такой же, как вы: его ничто не остановит! Невозможное для него не существует. «Ну так что,— спросил он меня,— вы собираетесь оставаться здесь до скончания века?..» — «Черт подери, месье,— ответил ему я,— хорошо бы мне иметь крылья! А так придется перегружать шлюпки, это займет не менее двух дней,— не вижу другого способа пройти пороги». — «Но вы забыли о моей моторной лодке. Мы все это возьмем на буксир — и дело в шляпе!» Сказано — сделано. Смелая маленькая лодочка вздыбилась на бурлящей воде, пироги чуть-чуть помогли ей... Короче, она потянула нас на канатах так сильно и ловко, что мы прошли без аварии и даже ста граммов груза не потеряли...

Удивленные и восхищенные робинзоны жадно слушали рассказ о подвигах своего младшего сына и брата. Они горели одной только мыслью: поскорее войти в залив, образованный впадающей в Марони рекой, и пуститься на розыски Шарля.

Их мать, хотя и успокоенная сообщениями Гонде, снова заявила мужу о своей непреклонной решимости ехать, и Робен отдал распоряжение о подготовке к отплытию.

— Оставайтесь на своем посту,— сказал он владельцу лодок.— Думаю, что мы встретим моего сына с товарищем где-нибудь на полпути.

Робен подал знак к отъезду, и две пироги быстро втянулись в реку, уходящую на восток, так что она образовывала с Марони почти прямой угол.

Друзья гребли уже несколько часов и, вероятно, прошли немалое расстояние. День угасал. Следовало позаботиться о ночлеге, выбрать место для стоянки. Робинзоны решили плыть как можно дальше, мобилизуя всю свою

энергию. Далекий шум, нечто вроде обширного, протяжного и не очень сильного сотрясения донесся до их ушей.

На мгновение гребцы застыли, прислушиваясь. Они не могли понять причины тихого рокота, который постепенно усиливался. И вдруг ложе реки заметно округлилось в своих берегах, ставших внезапно тесными. Течение взбурлило, как на порогах. Уровень воды резко повысился.

— Держитесь, дети! — спокойным голосом подал команду инженер. — Держитесь крепко! И наляжем дружнее на весла! Это наводнение.

ГЛАВА 5

Смелость и только смелость. — Проект гениального человека. — Робинзоны становятся золотоискателями. — Предприятие «Полуденная Франция». — Горняки и скотоводы. — Гвианские ранчо. — За покупками в Пару. — Индейцы и телята. — Рейс на пироге. — Добыча кайманов. — Крик в ночи.

Читатель помнит о страстном призыве Робена к сыновьям, когда, узнав о своей свободе, он решил всего себя посвятить процветанию Гвианы. Вырвать из оцепенения эту громадную страну, влить свежую кровь в ее преждевременно ослабевший организм, извлечь из этой земли богатства, в ней таящиеся, обрабатывать угодья, доставляя себе все необходимое на месте, развить коммерческие и промышленные связи — одним словом, превратить французскую колонию в удачливого соперника соседней английской колонии — таков был грандиозный план Робена, который он надеялся осуществить.

Для подобного предприятия нужны были чрезвычайные силы и средства. Иностранец, посвященный в тайные планы инженера, без колебания назвал бы его безумным, оценив имеющиеся у инженера ресурсы.

Да и вправду сказать, этот смельчак, еще накануне бывший изгнанником, лишенным отчества, пятнадцать лет не имевший ни малейшей связи с цивилизованным миром, с помощью пяти белых и трех негров вздумал атаковать доселе непобедимого великана! Он замахнулся на то, чего не сумели осуществить могучие компании, да и сами правительства. Он затеял извлечь из старой болотной тины, из этой бездонной глотки, пожравшей столько жизней за два с половиной века, золото и кровь колонистов, погибших от невыносимых тягот.

Он отомстит за жертвы Куру, преобразует тропический могильник в плодородное поле, он заставит Гвиану вернуть захваченное, найдя в ней самой пути для ее спасения.

Чистое безумие, могут сказать. Но безумие высшей пробы, и до того только дня, когда, созерцая торжество этой беспредельной отваги, потрясенный Старый Свет заявит: «Безумец был гением». Подобно тому, как термит разрушает корабль — гору дерева, как капля воды точит скалу, а бесконечно малое становится причиной бесконечно большого, так и преданность одной идее надежнее всего пробивает мрак невежества, а неутомимый и непрестанный труд сметает со своего пути любые препятствия.

Большая тень Малуэ, которая всегда парит над этой неизведанной землей, должна была восторжествовать от радости, когда Робен, гордо подняв голову, обратился к Гвиане: «За нас двоих!»

Инженер досконально изучил равноденственную зону. Для него не существовало секретов в прошлом. Он сумел извлечь из горестной истории нашей колонии все философские и экономические уроки. Настоящее особого значения не имело. Он охотно превращал его в абстракцию, предпочитая думать только о будущем. Этот полный дерзкого вызова мечтатель был глубоко расчетлив. Робен не имел никаких предрассудков по отношению к Гвиане и, что покажется совсем уж парадоксальным, не питал никаких иллюзий. Он трезво и точно оценивал ситуацию, не преувеличивая ни своих надежд, ни предстоящих трудностей.

Впрочем, мы скоро увидим его в деле.

— Со времен экспедиции капитана Лавардьера в тысяча шестьсот четвертом году две главные причины мешали успешной колонизации,— говорил он своим детям и Никола.— С одной стороны, распыление сил, маленьких или больших, приводимых в эту часть Американского континента, а с другой — недостаток снабжения. В самом деле, не подлежит сомнению, что своей плохой организацией Гвиана, где насчитывается всего двадцать четыре тысячи колонистов, рассеянных между Ояпоком и Марони*, обязана заведением иезуитов, вокруг которых сгруппировалось местное население, тогда еще довольно многочисленное. Без миссий, расположенных на острове Кайенна, в местечках Апруаг, Ла Конте, Ояпок, Куру, Синнамари и Коннамана, колонисты скорее всего сконцентрировались бы

* Расстояние между этими крайними пунктами составляет 320 км. С учетом глубинной границы, проходящей по Риу-Бранку, одному из притоков Амазонки, треугольная поверхность колонии составит примерно 18 000 квадратных лье. (Примеч. авт.)

в какой-то части острова Кайенна. Нет необходимости долго пояснять, милые мои дети, почему такое распыление сил на огромной территории может вести лишь к плачевным результатам. Поселки, лишенные связи, неспособные оказать помощь друг другу, неминуемо должны были прийти в упадок. Между тем так просто было собрать в одной доступной местности все отряды, посланные из метрополии, усердно работать для улучшения любой ценой условий жизни, пускай трудных поначалу, и не ослаблять при этом наличные силы. Разве не дает нам пример Петр Великий, который на болотах вокруг Невы возвел чудесный город, носящий его имя?.. Но хочу продолжить и перейти к вопросу о снабжении, который все еще недооценивается, между тем именно недостатки снабжения стали невольной причиной всех наших бедствий. При отъезде из Франции все экспедиции запасались продуктами только на время плаванья. Никто из организаторов не понимал, что Гвиана в принципе не является страной изобилия, что, несмотря на плодородие, там надо заново создавать условия для жизни эмигрантов. Девственный лес, который после раскорчевки способен на щедрую отдачу, не может уже на второй день предоставить маниоку, пряности, кофе, какао, хлопок, сахарный тростник... что там еще? Не только производство всех этих ценных продуктов длится долго, но вам также хорошо известно, что тропические леса, со всем их бесплодным великолепием, не способны прокормить даже охотника, не говоря уж о больших скоплениях колонистов, не привыкших к приключениям и опасностям, которыми изобилует местная жизнь. Итак, требуется какая-то пища, пока производится раскорчевка леса. Если не приняли заблаговременно мер для полноценного снабжения строительных участков, привезя все необходимое для жизни из метрополии, то вскоре начинается голод. А он тянет за собою страшных спутников в виде болезней и всяческих дурных побуждений, на которые провоцирует людей пустой желудок.

Именно вследствие непостижимой небрежности в снабжении происходят те ужасные несчастья, которые бросают зловещую тень на нашу Экваториальную Францию. Эпидемии, лихорадка, бунты, грабежи, репрессии по отношению к местному населению — на что только не способны гибнущие от голода!

А ведь так просто наметить предварительно места колонизации, соорудить там жилища, особое внимание уделить завозу скота. Если бы плантации, разбросанные по дальним краям, концентрировались на острове Кайенна, в районе Тур-де-Лиль, Рура и на берегах Макуриа, где

наиболее плодородные земли, а леса богаты разными породами деревьев, то остальную часть колонии легко было бы снабжать быками и коровами, привезенными из Европы, чье мясо теперь составляет основу рациона эмигрантов Венесуэлы, Бразилии и даже Пары, расположенной в нескольких лье от нашего Ояпока. Внедрение домашнего скота стало бы главной опорой для акклиматизации белых в этой стране, достаточно населенной в наше время, тогда как Гвиана прозябает на голодном пайке из куака и сушеной рыбы!

Поскольку превратности судьбы забросили нас на берега этой огромной реки, почти неизвестной цивилизованному миру, видевшей так мало европейцев, давайте совершим здесь то, что не удавалось еще никому в других местах территории. Создадим образцовую колонию Марони! Нас немного, но мы обладаем преимуществом полной акклиматизации и глубокого знания местных условий, всех плюсов и минусов нашей приемной родины. Мы не только себя обеспечили продуктами, но можем еще прокормить сотни людей. Голод побежден, а это значит, что повержен главный враг колонизации.

Конечно, я не рассчитываю только нашими силами добиться такого процветания и роста производительности, каких вскоре потребует цивилизация. Проживи мы еще хоть сто лет, наших жизней все равно не хватит. Но мы создадим необходимую основу успеха. Когда у нас будет в руке инструмент, мы найдем ему применение. Местная почва изобилует золотом. А поскольку золото — огромный стимул, можно даже сказать — единственный двигатель человеческих усилий, то мы завоюем богатство. Станем искателями золота. Когда у нас будет слитков на несколько сот тысяч франков, создадим колонию «Полуденная Франция».

Я все сказал. А теперь — за работу!

Это второе воплощение, превратившее колонистов в рудокопов, было развлечением для гвианских робинзонов. С помощью трех негров бони, чья глубокая привязанность к семье и беспримерная выносливость делали их просто незаменимыми, Робен с сыновьями и Никола соорудили приспособления для промывки золота, неутомимо копали русла рек огромного бассейна. Индейцы — увы! — неспособные к длительной и серьезной работе, вскоре вернулись к своим кочевым привычкам. Однако инженер одержал крупную победу, ограничив периметр их блужданий сравнительно небольшим пространством. Так что теперь краснокожих можно было найти в известном месте в определен-

ное время, когда возникала потребность в тяжелой работе, например, вырубить участок леса. Краснокожие беспрекословно соглашались стать на какой-то срок дровосеками и очистить от растительности участки земли под золотые прииски. Эти зачатки оседлости и системной работы имели для индейцев огромное значение.

Итоги первых дней, на первый взгляд бесплодные, не обескуражили упорных тружеников. Добыча от промывок была смехотворной, и требовалась вся энергия, чтобы не забросить столь неблагоприятную деятельность. Невезение длилось месяцами, но их решимость добиться успеха не ослабевала. И в конце концов этот яростный труд был вознагражден. Производительность, долго не превышавшая нескольких сотен граммов, на четвертый месяц выросла до четырех килограммов. К концу года в их распоряжении находилось уже почти тридцать килограммов драгоценного металла, что составило девяносто тысяч франков!

Второй год оказался намного более щедрым. Средняя добыча оставалась на том же уровне, но в один прекрасный день они напали на «карман», как говорят горняки, и извлекли оттуда двадцать килограммов металла в течение месяца.

Между тем Ломи и Башелико отправились в Коттику, большую деревню бони. Через два месяца они привели оттуда каждый по женщине и еще четырех молодых негров из племени, с которым породнились молодые семьи. Прибытие крепких работников стало большим подспорьем для нарождавшейся колонии. В это же время Никола и Анри спустились к Сен-Лорану, а оттуда отплыли в Кайенну. Робен стремился закрепить ситуацию, придать законный статус владения территории, на которой вела разработки его маленькая компания. Хотя у инженера и не было причин таиться, он предпочитал взять концессию на имя Анри. Молодой человек вместе с Никола направился в департамент внутренних дел и с обязательством уплаты восьми сантимов за гектар получил концессию на десять тысяч гектаров, с правом разводить домашний скот и вести поиски золота.

Впервые за двенадцать лет они снова увидели цивилизованную жизнь! Сколько событий произошло за этот долгий срок... С какой жадностью опустошали они книжные прилавки, пораженные тем, что такое же пристрастие к чтению проявляли простые рабочие. Друзья щедро запаслись оружием, боеприпасами, разными инструментами и одеждой, купили кое-что из лекарств, не забыли и о ртути, использование которой должно было удвоить добычу золота.

Робинзоны возвратились к себе и вновь принялись за работу с таким усердием и увлеченностью, что не минул еще

третий год, а запасы драгоценного металла у них составили огромную цифру — двести килограммов!

Величина этой цифры пусть никого не удивляет. Ведя добычу собственными силами и только для себя, наши герои избегали всех тех расходов, которые тяжелым бременем ложатся на золотые прииски и снижают их прибыльность, иной раз даже наполовину. Кроме того, они совершенствовали свою технику, применили большое количество удачных производственных нововведений, что дало разнообразную и значительную экономию.

Они могли бы со своим честно заработанным капиталом в шестьсот тысяч франков уехать в какую-нибудь цивилизованную страну и, грубо говоря, на все наплевать. Но перед ними стояла возвышенная цель. Они рассматривали это золото как банковский депозит* и далеки были от мысли использовать хоть крупицу для личной выгоды. Золотоискатели даже ничего не изменили в своем скромнейшем образе жизни.

— Вот теперь хватит,— сказал наконец инженер.— У нас уже есть достаточная база для колонизации, как я вам говорил когда-то. Теперь осталось привлечь сюда рабочие руки, которые преобразят весь этот край. Надеюсь, вскоре мы заготовим достаточно пищи для новых иммигрантов. Настал момент превратить рудокопов в фермеров, чтобы заняться разведением скота. Но будем действовать методически и до прибытия рогатой скотины устроим для нее надлежащие укрытия, позаботимся о пастбищах. А потом, поскольку в Гвиане коровы отсутствуют, отправимся покупать их в Пару. Найдем шхуну, а если на рейде окажется паровое судно, постараемся его использовать. Деньги для нас не проблема, главное — действовать быстро.

Энергия робинзонов преодолела все препятствия, тяжкие дни остались позади. Их новое обиталище, с которым нам еще предстоит познакомиться, протянулось на добрых три километра. Это обширная саванна с густой травой, такая растет в прибрежной зоне и известна под названием «гвинейской». Пастбище** нашли отличное, на нем свободно прокормится и десять тысяч голов скота.

Робен решил сам отправиться в Пару (северный штат Бразилии, с центральным городом Белемом), чтобы совершить столь значительную сделку. Он уехал в сопровождении Эдмона и Эжена, восхищенных, как школьники на каникулах, предстоящим путешествием. Бесконечно дол-

* Депозит — положенный в банк на хранение капитал.

** Участок, где скот выращивают на подножном корму, в Гвиане называется «аттери», в Бразилии — «фазенда», а у австралийских овцеводов — «ран» — загон. (Примеч. авт.)

гий переход от Кайенны в Белем, обычно осложняемый течением и встречными ветрами, завершился без происшествий, хотя и измотал всех томительным ожиданием.

Инженеру повезло: он нашел пароход, на котором один из крупнейших торговцев Гвианы ежемесячно привозил продовольственные припасы для города. Робен договорился тотчас по прибытии в Кайенну, что отправится вместе с судовладельцем покупать свое стадо, а затем доставит животных водным путем к водопаду Гермина. В Белеме торговец какое-то время занимался своими делами, чем с выгодой для себя воспользовался Робен. Он успел тщательно отобрать двух-трехмесячных телок, и, невзирая на бразильские законы и плутни местных землевладельцев, купил стадо из двухсот голов по ничтожной цене — от ста до ста десяти раисов за килограмм живого веса, в пересчете — по 32—33 сантима.

Его сыновья крайне удивлялись столь низкой стоимости по сравнению с непомерной гвианской — два франка двадцать сантимов, если случайно где-нибудь продавался бык. Робен пояснил:

— Еще одна нелепость нашей колонии! В Гвиане катастрофически не хватает говядины. Время от времени сюда забредает какой-нибудь корабль из Кайенны, и наши землячки умоляют бразильцев продать им мясо. И те кобелятся и, пользуясь обстоятельствами, дерут втридорога, да еще делают вид, будто оказывают великую милость... Не проще ли поступить, как мы: купить живую скотину и спокойно ее вырастить...

Владелец парохода оказался весьма пунктуальным, и все стадо в полной сохранности — двести телок и пять бычков — без помех доставил к водопаду Гермина. Тотчас же возникло огромное затруднение, которое могло помешать осуществлению всего проекта. Действительно, как перевезти стадо через пороги, которые еще можно проскочить на туземных пирогах, но для большегрузных лодок это непреодолимый барьер?

Однако Робен все предусмотрел. Тщательно изучив каменистую гряду, проделав множество замеров воды, он нашел глубокий — а значит, и не такой стремительный — фарватер вдоль правого берега. Шириной до двадцати пяти метров, фарватер тянулся вдоль водопада, и крутой берег его подготовили заранее для тяги судов бечевою. Невольно подумаешь: люди воистину сильные способны извлечь для себя пользу из всего. Умение приспособить случайное к житейским потребностям составляет у них одно из главных достоинств.

С помощью сыновей инженер заблаговременно скон-

струировал просторный плот, снабженный бортовой сеткой, с двойным кольцом пустых бочек, абсолютно непотопляемый. Стадо высадили на берег, и тридцать животных тут же перевели на плот, подогнанный к заранее сделанному причалу. Телки из Пары отличались небольшим ростом и весом не больше трех центнеров. Поэтому девять тысяч килограммов было нетрудно выдержать плоту, рассчитанному на вдвое больший груз. Робинзоны рьяно потянули за бечеву, как делают моряки на европейских каналах, и без особых затруднений провели драгоценный груз через опасную теснину. Но это не все, от водопада Гермина предстояло еще проделать путь к водопаду Петер-Сунгу, расположенному в пятидесяти километрах вверх по течению. Аттери колонистов находился в десяти километрах от нижней части этого водопада, таким образом, плоту надлежало проследовать еще сорок километров до места высадки.

Эдмона, Эжена и Шарля оставили для охраны стада, согнанного на широкий полуостров, покрытый сочной травой. Ангоссо с двумя сыновьями, Робен, Никола и Анри сопровождали гребцами первую партию животных, которая и прибыла благополучно к месту назначения через два дня плавания. На возвращение пустого плота ушло двенадцать часов: течение помогало. Всех коров разделили на пять групп, и каждая проделала тот же путь. Так что через пятнадцать дней изнурительного труда усадьба «Полуденная Франция» обрела наконец свое бесценное сокровище в полном объеме. Две сотни рогатых новоселов резвились в саванне, к величайшему изумлению индейцев, для которых подобный спектакль был никогда не виданным зрелищем.

В скором времени Робен ближе познакомил краснокожих с необычными животными, доверив охранять их. Такое занятие отлично соответствовало привычке туземцев к ленивому бродяжничеству, и они с легкой душой согласились стать «vagueros». Новые обязанности индейцы выполняли столь ревностно и начальник колонии так щедро вознаграждал их бдительность, что лишь очень немногие коровы стали добычей тигров, этих злых демонов мирных пастбищ.

В разведение скота робинзоны вложили не меньше героических усилий, нежели в поиски золота. Их труды окупались в равной степени удачно. За шесть лет стадо увеличилось почти в пять раз, так что к тому времени, с какого начинался наш рассказ, тысяча великолепных животных с аппетитом щипала траву на обильных землях саванны, невзирая на естественную убыль, связанную с болезнями и с необходимостью кормить колонистов.

Теперь могли приезжать иммигранты. Голод был побе-

жден, безбедное существование большой группы людей обеспечено навсегда. Количество жвачных с обширных *аттерри* только множилось, несмотря на растущее потребление.

Расчет очень прост. Тысяча коров, пасущихся в саванне, приносят не менее шестисот телят в год. Допустим, что в худшем случае от различных болезней или нападений хищников из них погибает двести, не достигнув зрелого трехлетнего возраста. Сто пятьдесят достаточно для воспроизводства и пополнения стада. Остается двести пятьдесят животных для ежегодного потребления. При том, что каждая корова дает как минимум двести килограммов чистого мяса, колония «Полуденная Франция» могла предоставить будущим поселенцам пятьдесят тысяч килограммов свежего мяса в любой год! Заметим, что эта оценка весьма занижена!

Итак, ни малейшего сомнения в способности чудесной фазенды снабжать пищей своих обитателей! Саванна площадью в квадратную милю может кормить тысячу голов скота, и она похожа на все прочие пастбища; чем больше помещаешь там животных, тем больше и прокормит — разумеется, при сохранении надлежащих пропорций.

Скотоводы между тем снова превратились в искателей золота и не покидали больше ни мотыги, ни рудопромывочного желоба. Добыча драгоценного металла продолжалась с переменным успехом, и резервный фонд округлялся.

Первого ноября 187... года Робен заявил своей семье, собравшейся в полном составе:

— Дети мои, все готово. Богатство у нас в руках. Изобилие царит в колонии, природа побеждена. Настал заветный час! Мы должны призвать сюда рабочие руки, которых так не хватает Гвиане, мы должны использовать богатства, таящиеся в этой земле,— извлекать золото из почвы, промывать золотоносные пески, дробить кварц, культивировать плодородную почву, заставить ее производить кофе, какао, хлопок, руку, пряности и сахарный тростник. Вот какой должна быть наша цель!

Мы найдем индийских кули для сельского хозяйства, а негров с берегов Африки — для шахт. Из белых нас интересуют искусные ремесленники, их привлечет щедрая оплата. А вот самое лучшее: Мартиника перенаселена, и мы создадим условия для иммиграции прекрасных мартиникских мулатов, таких разумных и трудолюбивых, которые хорошо освоили тонкие ремесла метрополии... Они не боятся усталости и акклиматизации и с первых дней станут отличными помощниками...

Согласно плану, намеченному в первые дни, эта послед-

няя и существенная часть нашей программы будет выполняться только с того момента, когда мы будем располагать необходимыми техническими средствами для промышленных разработок. Для этого надо бросить громкий клич к индустрии Старого Света. Мы нуждаемся в двигателях, паровых машинах, копрах, усовершенствованных промышленных машинах, в сельскохозяйственных орудиях и инструментах...

Никола более других компетентен в этих делах. Он поедет во Францию и Англию. Там закупит все, что нужно, и вернется как можно скорее. Анри, Эдуард и Эжен говорили мне о своем желании не покидать колонию. С другой стороны, Шарль был бы не против повидать Европу, о которой у него сохранилось весьма смутное воспоминание. Итак, он будет сопровождать Никола.

А теперь, дети мои, у вас еще целых восемь дней для сборов. Золота хватает. Можете зачерпнуть из общей кассы сколько надо. Денег не экономьте, но расходуйте их обдуманно и с толком. Ведь мы, южные американцы, также можем сказать вслед за нашими северными согражданами: «*Times is money...*»*

Таковы события, произошедшие в подготовительный период, когда робинзоны приступили к осуществлению своего замечательного предприятия. Да простят мне читатели те многочисленные подробности, на первый взгляд не связанные с главным действием. На самом же деле они необходимы в изложении этой правдивой истории, составляя ее органическую часть. Если бы автор только сочинял, то он мало бы заботился о реальности или даже простом правдоподобии. Но его совесть велит сообщать читателю только подлинные факты, для сбора коих он и отправился на место действия в огромный тропический край. С другой стороны, живо чувство долга перед Гвианой, где ему был оказан столь сердечный прием, и желание вернуть этой мало изведанной земле заслуженную славу.

Десять месяцев спустя Шарль объявил о своем возвращении в письме, которое мы поместили в начале предыдущей главы. Вполне понятно нетерпение, с каким родители и братья ожидали встречи с ним, легко объяснимо и беспокойство матери из-за неясной задержки сына. Глубокая тревога охватила всю семью при виде резкого подъема воды в реке, по которой удалился Шарль вместе с Никола, своим преданным спутником.

* Время — деньги (англ.).

Пирог с трудом балансировали на частых беловатых волнах, река вздулась сверх всякой меры. Поднявшись почти на два метра, уровень воды как будто стабилизировался, хотя огромная масса ее все время прибывала в Марони.

Настала ночь, но робинзоны продолжали плыть, освещая путь восковыми факелами, которых в лодках хватало. Нет ничего мрачнее этого ночного плавания, когда мертвую тишину нарушает только прерывистое дыхание гребцов, доходящих до изнеможения. Нет ничего фантастичнее огненной пляски факелов, своими красноватыми отблесками пронзающих тьму, в которой тонут арки могучих деревьев с ветвями, похожими на колонны склепа.

Прошли уже довольно большое расстояние, не заметив ничего необычного, как вдруг сидевший на носу Ломи испустил громкий крик при виде темного предмета, плывущего навстречу. Медленно кружась, он приближался к пирогу.

Робен перегнулся через борт лодки, посветил и в ужасе отпрянул от мертвого негра, чье лицо было обезображено глубокой раной. Бездыханное тело еще раз мелькнуло в водовороте и вскоре исчезло, унесенное течением.

— Вперед, дети мои, вперед! — сдавленным голосом подал команду инженер, очень надеясь, что его жена, лежавшая в другой лодке, не заметила этих страшных останков.

Проплыв еще метров пятьсот, они услышали звук, похожий на лязганье больших ножниц, к нему примешивалось легкое звяканье чего-то металлического, как будто от сотрясения. Мертвый индийский кули, узнанный по мелькнувшим в свете факелов серебряным браслетам, плыл по течению. Безжизненное тело рвали на куски с поддюжины кайманов. Руки и ноги его уже отгрызли ликующие земноводные, а торс с окровавленной головой, слишком крупный для этих жадных глоток, нырял и снова появлялся на поверхности. Скоро он исчез в темноте.

Пирог пролетел стрелой, не нарушив отвратительного пиршества кайманов. Охваченные тоскливым ожиданием ужасного несчастья, робинзоны до боли сжимали рукоятки весел, которые гнулись от напора, и продолжали свой стремительный ночной бег.

Вдруг факелы выхватили из крошечной тьмы светлое пятно. Подплыв, путники разглядели лодку, привязанную к дереву. Якорный канат ее напругся до предела под

натиском бушующих волн. Посредине лодки возвышалась труба маленького парового двигателя вертикального устройства.

Сомнений не оставалось. Лодка принадлежала Шарлю. Она была плотно загружена инструментами, оружием и продуктами, но людей на борту не оказалось.

Окинув содержимое посуды быстрым взглядом, друзья продолжили путь, когда вдруг обнаружили, что берега реки совершенно скрылись под водой. Повсюду простиралось настоящее беспредельное озеро.

В ту же минуту с левой стороны раздались душераздирающие крики, вслед за ними прозвучал выстрел.

ГЛАВА 6

Гнездо четвероруких.— Лодка призраков.— Неожиданный визит.— Служители старой гвианской феи.— Ночные приключения.— При свете факелов.— Ужас Ломи.— Весла и гребной винт.— Изумленный негр.— Тревога.— Пропаавший груз.

Все еще находясь в приятном плену цивилизованной жизни, храня воспоминание о комфорте и безопасности, Шарль и Никола внезапно очутились в условиях первобытного мира. Старая гвианская фея, не признавая их больше за своих родственников, как будто развлекалась, расставляя на каждом шагу ловушки и препятствия. Ее ворчливая угрюмость подготовила пришельцам, как говорят в театре, драматический выход.

Но молодых людей не изнежили удобства и роскошь большого города, который, впрочем, ослабляет только слабых, а натурам самобытным и сильным дает лишь новый заряд. К тому же оба они были парижанами, а парижанин — это сгусток нервной энергии, неколебимой стойкости, это человек, готовый к любой борьбе. И для этого вовсе не обязательно родиться между предместьем Тампль и улицей Рошюар или же быть вписанным в реестры гражданского состояния мэрии Пантеон.

Если Париж является неоспоримым центром, определяющим жизнь целой Франции, тем сердцем, которое заставляет ритмично пульсировать весь могучий организм нашей милой родины, то несметное количество французов вправе называть себя парижанами. Подобно красным кро-

вяным тельцам*, они несут в самые удаленные уголки тела нерушимые принципы мысли и действия. Красные кровяные тельца распространены по всему организму. Парижане циркулируют повсюду. Они есть в Сен-Дени, их встречаешь в Нью-Йорке и в Шанхае. Вполне возможно, что настойчивые наблюдатели обнаружили бы их и в городе Питивье, который вместе с Ферте-су-Жуар мог бы торжественно именоваться беотийским полисом**.

Итак, два наших гвианских парижанина вдруг оказались лицом к лицу с многочисленными опасностями, из которых одна выглядела смертельной. Они немедленно и самым естественным образом превратились вновь в бесстрашных робинзонов.

— Ну и что! — беззаботно провозгласил Шарль. — Видали мы кое-что и похлеще!

— Это уж точно, — подтвердил Никола, который в подобной обстановке не мог придерживаться иного мнения. — Эй! Да ты что делаешь?

— Переодеваюсь поудобнее! Никто не знает, что может случиться. Бери с меня пример! Видишь ли, мои изящные обмотки и роскошные туфли из желтой кожи в один прекрасный момент способны помешать удержаться на воде! И к черту мою охотничью амуницию! Погуляем босиком, мои подошвы еще не отвыкли от прежней жизни: помесь белого с четвероруким!

— Хорошая идея, — согласился Никола, немедленно разуваясь.

— Отлично! Вода поднимается не очень быстро, мы успеем завершить свой туалет или, вернее, избавиться от него... Ты замечал когда-нибудь, что брюки — в высшей степени неудобная одежда?..

— Неужели ты собираешься...

— Нет-нет, успокойся! Я не заставлю краснеть тропических дриад!*** Но две матерчатые трубки, замкнувшие мои ноги, дьявольски меня стесняют! Я обрежу их повыше колена и превращу свои «неподражаемые» в чудесные пляжные трусики.

* Красные кровяные тельца, или эритроциты — безъядерные клетки крови животных и человека, содержащие гемоглобин и переносящие кислород ко всем органам.

** Беотийский полис. — Полисами назывались города-государства в некоторых областях Древней Греции, в том числе и в Беотии, в которых члены общины имели право на земельную собственность и были равны перед законом.

*** Дриады — в греко-римской мифологии лесные божества, покровительницы деревьев.

— Bravo! И я тоже...

— Как тебе угодно... Вот мачете — незаменимый спутник. Пускай он остается в ножнах, привешенных к поясу. Ай!.. Мой револьвер. Сохранился ли еще воск в нашем разоренном домике? Есть! Отлично!

— Да на что тебе воск?

— Ну скажи мне, ты еще гвианский робинзон или уже не робинзон? Этот персонаж привык одолевать любые препятствия, противопоставляя им меры предосторожности, самые простые, даже совсем пустячные на первый взгляд!

— Но... Если...

— Смотри, что я делаю, и выполняй вслед за мной то же самое. Ты согласен, что в нашем положении револьверы должны быть всегда наготове?

— Просто необходимо...

— А как ты этого добьешься, если в облике тритона* будешь барахтаться в мутной воде? Гляди, как устрашающе поднимается ее уровень...

— Черт подери, я не понимаю, как...

— То-то и оно... Мои знания не слишком обширны, но мне известно, как следует поступать в таких случаях. Беру немного воска и быстро его разминаю, пока не станет совсем мягким, затем покрываю тонким слоем все пять патронов своего кольта — он у меня только пятизарядный, но стреляет безошибочно... Эта пленочка воска не подпустит воду к пороху и капсюлю, предупредит осечку. Так что мой «Сэмюэл Кольт» заговорит в нужный момент, без хрипа и кашля... И я уверен в своем оружии, а это кое-что значит...

К восхищению Никола примешивалось изумление при виде этих безмятежно-хладнокровных приготовлений — в такой-то момент! Да еще при этом весело шутит...

— Ей-богу, ты меня удивляешь! И где ты все это узнал?

— А разве я не твой достойный ученик? Ты преподавал мне немного теории, а я применю ее к месту и в нужную минуту... Но хватит болтать! Ты готов? Вода прибывает безостановочно. Еще четверть часа, и мы попадем на закуску к пиратам...

— Черт возьми! А наш раненый?

— Я не забыл, и мы прежде всего позаботимся о его спасении.

— Но как?

— А вот так. У меня крепкие кисти, и мне неведомо

* Тритоны — в греческой мифологии морские божества с телом человека и рыбьим хвостом.

головокружение. Хижина стоит у подножия громадной оливы. Ее нижние ветки в пяти метрах над землей, не меньше. Вода никогда не поднимется на такую высоту. Я взберусь наверх. Устроившись там, сброшу якорный канат, а ты прицепишь к нему концы от гамака. Я все это подниму, и вот уже наш раненый болтается, словно люстра, между небом и водой. Но давай торопиться, смотри, какое море вокруг! Бедняга не выберется вплавь...

Вода уже доходила Шарлю почти до колен. Он взял молоток и несколько железных скоб, предназначенных для стенок промывочных желобов. Первую скобу молодой человек вбил в полутора метрах над землей, подтянулся на ней на мощных руках, являя чудеса ловкости и балансирования, Шарль сумел удержаться на первой «ступеньке», всаженой в гигантское дерево, достигавшее не менее трех метров в диаметре. Затем юноша вбил вторую скобу и выполнил предыдущий маневр. Повторив операцию несколько раз, он вскоре оседлал самую толстую ветвь, простиравшуюся как раз над хижиной.

— Ну-ка, подавай мне раненого! Скорее! А затем присоединяйся ко мне, мы тут вполне удобно устроимся!

При всем изяществе своей фигуры Шарль был крепким и мускулистым, как борец. Злополучный директор, неподвижно лежавший в гамаке, вскоре раскачивался в могучих руках своего спасителя, словно канарейка в подвешенной на дерево клетке.

— Порядок! Все отлично! Теперь забирайся ко мне, через несколько минут на суше станет не очень уютно!

Никола не заставил себя ждать. Он вытащил документы из карманов куртки своего компаньона, заботливо свернул их трубочкой, прикрепил к поясу компас и стал с трудом взбираться на дерево.

— Ой, какой копуша... Поторопись, поторопись! — нетерпеливо кричал молодой человек.

— Сейчас, сейчас... Ты ведь не хочешь, чтобы погибли наши планы, наши права на собственность и все эти «папирас» департамента внутренних дел...

— Ох, черт! Ты прав, компе...* А ну-ка... Оп! Давай сюда... Ну, наконец-то... А наш раненый неплохо устроен. Дышит потихоньку. Его состояние как будто не ухудшилось. Ну, располагайся поудобней... Будем ждать, как развернутся события. Что ты обо всем этом думаешь?

* Искаженное креольское от *фр.* «compagne» — кум, приятель, дружище.

— Ничего определенного,— наморщив лоб, ответил парижанин.— Все произошло так быстро и неожиданно, что не было времени поразмыслить.

— Но все же, твои догадки?

— Увы! Почти никаких...

— Признайся лучше, что ничего не понимаешь.

— Верно. Ничего. А ты?

— Да и я. Однако этот умирающий, которого кто-то положил под цветком виктории, увенчанным головой аймары... Наводит на какие-то мысли. Я допускаю, что пожар мог возникнуть из-за небрежности пьяницы... Но наводнение, направленное в точно назначенный пункт, и не для того, чтобы гасить пламя, да еще после сильного взрыва... вот что кажется подозрительным. Откуда оно взялось?

— Я думал об этом. В гвианских лесах, по-моему, не могут скрываться таинственные существа, по своей прихоти насылающие воды и гром.

— Если только эти воды и гром не явились от минного заряда, подложенного под скалистую перемычку, что образует естественную плотину, водораздел между двумя бассейнами...

— Стоп! Стоп! Твоя идея не так плоха...

— Это просто предположение. Поскольку я не верю в колдовство, то стараюсь мыслить в естественном направлении.

— Возможно, ты прав. Но как это произошло?.. А главное — с какой целью?

— Как? Пока не знаю. Что касается мотива, то он наверняка связан с попыткой убийства, жертвой которой стал этот человек. Наводнение, как мне кажется, вызвано желанием завершить в определенный момент начатое пожаром. Разве мы когда-то не использовали в целях обороны средство еще более ужасное и не менее загадочное? Целая армия змей — это тебе не оловянные солдатики...

— Как бы там ни было, а катастрофа полная. Золотой прииск превратился в кладбище. Только подумать, что все рабочие погибли... Неужели мы одни уцелели в этой передрыге, а наши люди расстались с жизнью?..

— Я мало их знаю, но кажутся они довольно шустрými и сметливыми, надеюсь, что им удалось как-то выскользнуть. Ну, а мы с тобой попали в хороший переплет... «Хороший переплет» — это для красного словца, из жаргона большого города... Что же касается реального «переплета», то я вижу только эту мерзкую серую массу,

которая плещется под ногами, да еще ночь скоро накроет нас непроницаемой пеленой...

— А если нам попробовать посигналить? Быть может, кто-нибудь из рабочих спасся, как и мы, на деревьях?..

— Хорошо бы...

Молодой человек поднес пальцы ко рту и, используя знакомый охотникам прием, издал долгий и пронзительный свист.

Прерывистый ответный свист донесся издали, из-под раскидистых деревьев, чья темная масса уже понемногу смешивалась с ночной мглой.

— Мы не одни,— сказал Шарль своему спутнику, понизив голос.— Но больше не надо свистеть. Кто знает, друзья там или враги...

Кто-то подавал встречный сигнал, то долгий, то короткий, причем всякий раз из новых точек, как будто он исходил от людей, объезжавших на лодке залитую водой поверхность.

Двое европейцев притаились под листьями, стараясь не шевелиться. Все утонуло в ночном мраке. Свист по-прежнему раздавался время от времени, звучал он мягко, вкрадчиво. Потом резко и громко залаяла собака. Раненый издал слабый стон.

— Тихо! Тихо! — прошептал Шарль.— Ни слова, или мы погибли.

Затем он добавил, обращаясь к своему спутнику:

— Эти люди явно не с прииска. Либо сильно ошибаюсь, либо нам скоро откроется тайна, окружающая нас. В любом случае, будь начеку!

— Есть! — тихим, как дыхание, шепотом ответил Никола, стиснув рукоятку мачете.

Четверть часа прошло словно четверть века. Только те, у кого неведомая опасность среди необъятного дикого простора заставляла бешено биться сердце, смогут понять эту бесконечную тоскливую тревогу.

Затем посылались легкие всплески, как будто от весел. Собака, наверняка вышколенная надлежащим образом, больше не лаяла, но из глотки у нее вырывалось сдавленное, прерывистое повизгивание, свойственное животным ее породы, когда они нападают на след. Этот скулеж ищейки становился все более различным и вдруг внезапно прекратился под деревом, послужившим укрытием для двух друзей и раненого.

Шарль и Никола, чьи глаза уже освоились с темнотой, заметили смутное черное пятно на более светлом фоне

воды. Пятно медленно перемещалось без малейшего шума и удлиненной формой напоминало пирогу. Собака слабо скулила, будто чья-то рука крепко сжимала ей морду.

Ствол оливы, сплетенный из твердых и сухих волокон, чутким резонансом ответил на весьма слабый толчок, от основания до самой макушки — настолько велика звукопроводимость этого удивительного дерева. Толчок мог последовать только от носа пироги, уткнувшейся в ствол. Догадка друзей тотчас же подтвердилась, ибо вслед за толчком до их ушей донесся тихий неразборчивый голос.

Шарль зарядил свой револьвер, придерживая спусковой крючок, чтобы не производить шума. Его нью-кольт представлял собой великолепное орудие с коротким стволом очень крупного калибра. Несмотря на небольшие размеры, этот револьвер отличался высокой точностью, огромной убийной силой. Чтобы максимально обезопасить обращение с пистолетом, изобретатель снабдил его тремя стопорными вырезами. Шарль, не очень привыкший к этому, поленился долго нажимать спусковой крючок при заряджении, и третий вырез издал характерный щелчок.

Пирого медленно отошла, описала полный круг с оливою в центре и вернулась к исходному пункту. Сидевшие в лодке на сей раз хранили молчание и минут десять занимались какой-то загадочной работой. Тонкая кора растительного гиганта тихо трепетала, ее вроде бы чем-то прокалывали, скребли, но друзья не могли угадать точной причины еле слышного шума.

Шарль, не решаясь изложить свои мысли товарищу из-за конспирации, готов был допустить, что странные визитеры мостят подрывную шашку к подножию дерева или же — кто знает?.. — обкладывают ствол полотняной трубкой с динамитом. Сильный взрыв, предшествовавший наводнению, делал эту гипотезу не такой уж беспочвенной.

К счастью, она не оправдалась. Таинственную работу у основания дерева завершили, и, к великому изумлению двух белых, громкий и звучный голос с весьма заметным горловым акцентом раздался вдруг над водой.

Два хриплых крика «Ренга!.. Ренга!..» прозвучали один за другим, затем последовала длинная фраза на неизвестном языке, похожая на заклинание. Вслед за этим несколько голосов опять прокричали дважды: «Ренга!.. Ренга!..» И пирога медленно удалилась с тем же легким плеском, который знаменовал ее приближение.

Шарль разрядил пистолет и первым нарушил молчание.

— Право же, мой дорогой Никола, мы с тобой плаваем в сплошном загадочном тумане... Я-то думал, что хорошо знаю все секреты леса, но, видно, он сильно изменился за время нашего отсутствия...

— И в самом деле, какого черта надо было этим паломникам со своим «Ренга»!.. Никогда не слышал такого словечка. А это странное бормотание, еще более непонятное, чем натуральный овернский диалект...

— Хоть бы месяц выкатился из-за туч, а то лишь рожки показывает... Посветил бы на этих жрецов уж не знаю какого божества...

— Ты бы мог тогда послать им в подарок одиннадцатимиллиметровую пулю, или, по крайней мере, продырявить им пирогу, или выбить кому-то глаз... Возможно, нам бы стало яснее, что следует предпринять...

— Ну да, и нас бы настигали стрелами...

— В такую-то ночь?.. Вряд ли... Опасности никакой.

— Подведем итоги: они не причинили нам никакого вреда. И было бы свинством с нашей стороны проявлять враждебность к людям, пускай немного сумасбродным, но безобидным, по крайней мере пока мы не получим более полной информации...

И в этот момент диалог был прерван новым плеском воды. Только теперь не тихим, а мощным, как будто его производила лодка с четырьмя гребцами, которые махали веслами что есть силы. Долегал еще звук ускоренного дыхания, похожий на хрип загнанного коня. На беду, луна вновь спряталась за тучу, однако не сразу, и молодой человек успел заметить темное пятно, которое быстро приблизилось к месту, несколько минут назад покинутому пирогой.

Дыхание становилось более возбужденным и хриплым, оно сопровождалось быстрыми всплесками воды. Это походило на шум, который производит человек, плывущий саженками, а еще больше — на шум от плавников китообразного. Этот человек или животное — существо неопределенное и почти невидимое — остановилось у подножия дерева, засопело с тем прерывистым отфыркиванием, которое знакомо каждому пловцу, и шумно зашлепало по воде.

— Черт подери! — ругнулся выведенный из равновесия Шарль. — Хотел бы я знать, что там такое... Кто идет? — заорал он во всю глотку. — Кто идет?..

Молчание.

— Последний раз... Кто идет? Или я стреляю!

Отфыркивание и сопение возобновилось с удвоенной

силой. Теряя всякое терпение, возбужденный Шарль кое-как прицелился и нажал на спусковой крючок.

В патронах револьвера нью-кольт весьма значительный заряд пороха, необходимый для убойной силы пули и для поддержания точной траектории ее полета. Так что выстрел прокатился громом, отразившись далеким эхом под ветвями и над водой. Сопровождавшая его вспышка была ослепительной.

Раздался ужасающий вопль. Один из тех непостижимых криков, которые заглушают великую симфонию ночи сильное великого оркестра под управлением тропической Эвтерпы... * Изумленные, встревоженные, робинзоны впервые слышали подобный крик.

Загадочный посетитель сделал резкое движение и погрузился в глубину вод, которые брызнули фонтаном от его падения.

— Я попал,— ликующим тоном заявил Шарль, вталкивая патрон в цилиндр пистолета.— Клянусь честью, тем хуже для него! Слишком надоела эта песенка!

— Что правда, то правда,— подхватил Никола.— И долго будет продолжаться подобная история?.. Слышишь — там какие-то крики, вон в той стороне, ближе к заливу...

— Да-да, верно... Но что это? Или мне померещилось? По-моему, я вижу огоньки.

— Клянусь Богом, я тоже вижу! По крайней мере, новые пришельцы не прячутся! Они могут быть только друзьями!

— Что со мной?! Горячечный бред? Или я спятил... Никола! Ну да! Я слышу свое имя... Меня зовут, кличут... И твое имя тоже прокричали... Никакого сомнения! О Боже! Неужто правда...

— Шарль! Никола! — зывали голоса, с каждым разом все громче и ближе.— Шарль!.. Никола!.. Где вы?..

— Мой отец! Братья! — ошеломленно воскликнул юноша.

— Месье Робен!.. Милые дети!..— срывающимся от волнения и радости голосом закричал парижанин.— Мы здесь... Мы здесь!..

— Где же вы?!

— Отец! Ко мне, отец!..— повторял Шарль, вторично стреляя из пистолета.

* Эвтерпа, современное написание Евтерпа — в греческой мифологии одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии и музыки.

Громкий звук и яркая вспышка помогли робинсонам, которые гребли что есть мочи, не переводя дыхания, точнее определить направление.

Лучше других освещенный, инженер выделялся в центре дымного светового круга, образованного восковым факелом, бросавшим отблеск и на лоснящийся торс Ломи, стоявшего на носу лодки.

Подплыв под самое дерево, он поднял глаза, разглядел наконец двух людей, сидевших на ветке, а возле них — гамак с безжизненно распростертым, горящим в лихорадке телом несчастного директора прииска.

— Отец!.. Отец!.. Мы здесь! А где мама?..

— Шарль!.. Дитя мое! Мой дорогой мальчик! — срывающимся от волнения голосом воскликнула мадам Робен, чья лодка подошла в этот момент к дереву. — Скажи, ты не ранен?!

— Все в порядке!.. Все в полном порядке, мама! Главное, что мы теперь вместе!

— Шарль, Шарль! — радостно твердили братья. — Неужели это ты?..

— Ну конечно, собственной персоной! Ах, милые мои друзья... И Никола здесь! И еще целый сундук приключений, доложу я вам, от бульвара Монмартр до этой оливы, на которой мы сейчас обитаем!

— Вы можете сами спуститься? — спросил Анри.

— Конечно, здесь лесенка! Но действуем по порядку. Особенно следите в оба, когда я стану эвакуировать госпиталь!

— У вас раненые?

— Один раненый, которого вы можете заметить снизу. Он в гамаке.

— Эй, Ломи, что с тобой, дитя мое? — обратился Робен к негру, не отвечая своему сыну.

Чернокожий атлет с расширенными от ужаса глазами и разинутым ртом не в состоянии был вымолвить ни слова. Его негнувшийся палец указывал воджо робинзонов на странную эмблему, которая нам уже известна: голова аймары и цветок викторнии, прикрепленные к стволу дерева.

— Что это, Ломи?

— О! — Бони задышался от возбуждения. — О муше!.. Этот зверь там... Это знак Водяной Матушки... Теперь я умру...

— Да ты свихнулся, мой мальчик, со своей Водяной Матушкой.

— О хозяин! Водяная Матушка убивает всякого, кто увидит ее знак...

— Да ну же, успокойся, ты говоришь чепуху... Лучше помоги мне принять этого человека, вот он спускается в гамаке, и надо его поудобней устроить в лодке.

Ломи, весь дрожа, повиновался, и едва месье Дю Валлона уложили на подстилку из листьев, которые служили прежде прикрытием от палящего солнца, как Шарль и Никола, соскочив со своего воздушного поста с ловкостью и быстротой двух обезьян, кинулись душить в объятиях всех своих родных.

Молодой человек слышал восклицание своего приятеля бони. Он поднял голову и увидел на высоте человеческого роста два предмета, точно такие, какие они с Никола обнаружили над раненым месье Дю Валлоном.

— Ты говоришь, что это дело рук Водяной Матушки. Ну ладно! Хорошенькую же она работу проделала, твоя гвианская наяда*, если довела нашего раненого до такого состояния да еще напустила на золотой прииск я уж не знаю сколько миллионов гектолитров** воды! К счастью, паводок начинает опадать. Мы должны, отец, если ты согласен, разыскать наших людей. Надеюсь найти их где-нибудь на ветках, как стайку носух, в ожидании спада воды. Мне бы еще очень хотелось снова прижать к груди любимое ружье «чокбор», бесподобное оружие, я привез для каждого из вас по экземпляру...

Было бы неосторожностью продолжать плавание в ночной темноте, по тонкому слою воды, который оцетинился многочисленными препятствиями. Ведь повсюду торчали вешками пеньки, едва видимые даже днем, а уж крошечный мрак делал встречи с ними особенно опасными. К тому же первая пирога, загруженная до предела благодаря трем новым пассажирам, пошла бы ко дну от легкого толчка.

Поэтому лодки прикрепили к дереву длинными лианами для того, чтобы они могли опускаться вместе с понижением уровня воды.

Ночь минула без осложнений, а полные юмора рассказы Шарля о своей поездке в Европу даже сняли общую усталость и разрядили напряженную атмосферу. Едва забрезжил утренний свет, как Шарль с превеликим насла-

* Наяда — в греческой мифологии божество рек, ручьев, источников.

** Гектолитр — мера емкости жидкостей, равная 100 литрам.

ждением раскопал драгоценное ружье, погребенное под слоем ила. Оно действительно ничуть не пострадало, настолько совершенной была его конструкция, о которой позаботился многоопытный фабрикант, знаменитый Гиннар. Ствол, затвор и все прочие металлические части Шарль тщательно протер жиром носухи, лучшим средством против ржавчины, и вскоре уже смог продемонстрировать восхищенным братьям достоинства современного изделия стрелковой техники.

Между тем шестеро мужчин, оставленных на произвол судьбы с момента обнаружения месье Дю Валлона, подали сигнал о своем местонахождении криками и выстрелами. Бедняги были ни живы ни мертвы. Только появление белых смогло вывести их из оцепенения. Они нашли спасение на деревьях, потеряли при этом часть провианта, однако сохранили багаж. Ущерб оказался незначительным. Наконец наступила торжественная минута, когда робинзоны заняли места на борту великолепной паровой лодки, которую нашли на том же месте, где пришвартовали накануне. Никогда еще суденышко не видело подобного экипажа.

В то время, как начинавшего приходить в себя раненого устраивали на корме под тентом, инженер с видом знатока изучал конструкцию вертикальной паровой машины с большой печью, позволявшей также топить дровами. Робен поиграл с маленьким усовершенствованным регулятором, благодаря которому можно было молниеносно сбрасывать пар, и полюбовался ловко вмонтированной аппаратурой, предназначенной для смазки этого металлического организма, такого простого и мощного. Инженер был поистине ошеломлен техническим прогрессом за минувшие двадцать лет.

Дрова заготовили за несколько минут, котел нагрели, давление быстро поднялось, и вот уже клапаны окутались белыми облачками пара. Пирог, в которых разместились шестеро сопровождающих, лодка должна была тянуть на буксире. Анри с детской радостью ухватился за руль, а Шарль и Никола следили за работой двигателя.

— Отец,— с улыбкой сказал юноша,— Анри у нас рулевой, Никола и я — по очереди кочегар и механик. А ты будешь капитаном! Согласен?..

— Но, дитя мое, должен тебе признаться, что в данный момент мне весьма недостает технических знаний... Быть может, попозже я и не откажусь.

— Если ты не примешь звания капитана, то я преду-

преждаю: хочешь ты или нет, а мы будем именовать тебя адмиралом!

— Ну, это слишком много чести... Даже страшно становится,— улыбаясь, отвечал счастливый отец.— Что делать — я сдаюсь и принимаю командование, которое ты мне столь любезно предлагаешь, мой милый маленький судовладелец!

— Отлично! Капитан, судно к отплытию готово!

— В таком случае — полный вперед!

Привыкшие к этой команде Ломи и Башелико опустили весла в воду и приготовились рвануть с места. Славные ребята, вполне естественно, не имели никакого представления о гребном винте. Они напрягли свои мощные мускулы и безуспешно попытались сдвинуть тяжело груженную лодку, когда вдруг машинный свисток два или три раза пронзительно просигналил.

Потрясение было столь велико, что негры бросили весла и совершенно окаменели, с разинутыми ртами и округлившимися глазами, растопылив руки, не в силах вымолвить ни слова. Их объял настоящий ужас, когда от загудевшего винта пролегла борозда белой пены, а паровик, прыгая по волнам, повлек за собой пироги с головокружительной скоростью.

Если бы рядом с ними не было их дорогих белых друзей, то, вне сомнения, они перепрыгнули бы через борт, рискуя разбить себе головы, лишь бы убежать подальше от лодки, обладавшей таким могучим и грозным *пиэи*, что она передвигалась совсем одна, безо всякой помощи, да еще в пять раз быстрее, чем пироги с опытными гребцами.

— Ох!.. Ну, эти белые... Ох, мамочки! Ох, батюшки!.. О!..

Эти восторги и восклицания все еще лились без устали, порожденные невиданным чудом, когда судно уже достигло устья притока.

— Смотрите-ка,— встревоженно воскликнул Шарль,— моих лодок не видно на месте!

— Быть того не может! — отозвался Никола.— Хозяину накрепко приказали дожидаться нашего возвращения. Тягостное предчувствие закралось в сердце Робена.

С паровика открывался широкий обзор большого участка Марони. Воды могучей реки сливались на горизонте с небом, такие же свинцово-серые, а далекий противоположный берег был оторочен бесконечной полоской зелени. Однако напрасно водил Шарль в разные стороны

свой замечательный морской бинокль, ощупывая взглядом малейшие выступы береговой линии. Большие барки исчезли.

— Нас обокрали,— сказал молодой человек, слегка побледнев.— Не стоило доверять бывшему каторжнику. Никогда себе не прощу! Но он не может уйти далеко, мы обязательно его догоним, а уж там — берегись!..

— Шарль, дитя мое,— заметил инженер,— боюсь, что ты ошибаешься. Я знаю этого человека. Ручаюсь за него головой. Он готов ценою жизни защищать доверенное ему имущество. И если его нет на месте, то это значит только одно: с ним произошла какая-то трагедия.

ГЛАВА 7

Несчастный английский миллионер.— Мнимый больной.— Фантазии мономана.— Беспредельная навигация.— Страдания семьи «маньяка».— Крушение «Карло-Альберто».— Спасатели.— Страх перед землей.— Навигация продолжается.*

Питер-Паулюс Браун два десятилетия был самым удачливым ножовщиком в Шеффилде. В течение двадцати лет сталь этого опытного фабриканта, превращенная в бритвы, ножи, ножницы, щипчики для ногтей, перочинные ножики, держала первенство на рынках двух миров. Жюри выставок в Вене, Брюсселе, Париже, Лондоне, Мадриде и Филадельфии наградили английского мастера несметным количеством медалей. Питер-Паулюс Браун переплел в сафьян** все полученные им дипломы, на всех языках мира. Не без гордости он демонстрировал эту солидную стопку почетных документов, превосходившую по объему его настольную Библию. Что касается медалей, то они сияли пышным созвездием на бледно-серых стенах конторы фабриканта, представляя собой своеобразную планетарную экспозицию, в центре которой искрилась «Sheffield-Star» — «Звезда Шеффилда». Изобретательно изготовленная из скрещенных лезвий самого разного вида, она была, как говорится во Франции, витриной дома. Легко понять безо всяких объяснений сладостное чувство, которое всегда испытывал Питер-Паулюс при

* Мономан, или маньяк — человек, болезненно одержимый какой-либо идеей, которой подчинены все его поступки.

** Сафьян — тонкая мягкая цветная кожа особой выделки.

взгляде на этот символ своего труда, одновременно служивший знаком его широкого признания.

В общем, все шло как нельзя лучше, и мы нисколько не преувеличили, назвав Питера-Паулюса Брауна самым счастливым ножовщиком Шеффилда — а их там немало. Но на исходе двадцатого года своей деятельности почтенного фабриканта все более стали одолевать весьма серьезные размышления. А именно о том, что жесткая щетина на подбородке, которую все так же легко косили его лезвия, уже поседела на щеках, отороченных некогда лишь легким юношеским пушком. Иначе говоря, Питер-Паулюс внезапно обнаружил, что он причастен к операциям стрижки и бритья целого поколения...

Ножовщик стал всерьез подумывать об отдыхе и тут же приступил к ликвидации своей фирмы. Миссис Браун — Арабелла для счастливого Питера-Паулюса — вполне покорная решением своего повелителя, как и всякая добродетельная англичанка, одобрила идею и нашла, что это *perfectly well**. Впрочем, для нее это имело мало значения. Она даже не ведала, где находится их фабрика, и никогда не покидала коттеджа. Только раз в год, когда наступал жаркий июль, она сопровождала своих юных дочерей, мисс Люси и мисс Мери, на пляж в Остенде.

Операции по распродаже фирмы дали на время новый толчок деловой активности Питера-Паулюса. Но когда все было кончено, настал день, который всей своей бездельной тяжестью навалился на плечи неутомимого труженика. Ему тут же стало не хватать привычной производственной атмосферы; стука молотков, скрежета ножей, шипения точильных брусков, пылающих горнов... И Питер-Паулюс, владелец ста тысяч фунтов, в переводе на наши деньги — двух с половиной миллионов франков, — затосковал, как может тосковать только англичанин. Все валилось из рук, все вокруг стало абсурдным, и ничего не осталось в нем от ловкого и умелого промышленника.

Бывший фабрикант разыгрывал роль крупного вельможи, но все это смахивало на пародию. Перепробовав всяческого рода легкодостижимые удовольствия, которых скучающий в поисках развлечений миллионер может разрешить себе вволю, — выигрывая пари и проигрывая, посозерцав петушинные бои, схватки боксеров, истребление крыс безухими и тупорылыми собаками, — Питер-Паулюс пришел к выводу, что все эти благородные заня-

* Просто замечательно (*angl.*).

тия совершенно не дают душевного комфорта. Тоска вновь охватила его, еще более горькая, неотступная и невыносимая.

Миссис Арабелла, совершенно убитая переменами в настроении мужа, вздыхала втихомолку, не отваживаясь на какие-либо вопросы, и делала вид, что ничего не происходит. Но все обстояло как нельзя хуже. В один прекрасный вечер Питер-Паулюс вдруг вернулся домой, сияя от радости. Его губы, давно разучившиеся смеяться, морщились в гримасе, которая означала любезную улыбку, а черты лица, всегда неподвижные, как у покойника, излучали довольство.

Гордо распрямившись, он подошел к своей жене:

— Арабелла, я полагаю, что у меня был сплин!*

Питер-Паулюс имел причудливое обыкновение говорить дома по-французски. Он навязывал своей семье французский язык и неукоснительно изгонял английский из всех бесед, даже самых интимных.

— О!..— продолжал он.— Сплин! Это сплин, как у лорда Гаррисона, у лорда Баркли, как у баронета Вилмор, как у нашего великого Байрона!..

— О! Мой дорогой!..

— Говорите по-французски, пожалуйста...

— Мой дорогой!..

— Отлично... Очень даже хорошо! Ах! А я и не подозревал, думал, что схожу с ума... О! Какая радость... Сплин, как у всех выдающихся джентльменов! У меня сплин!

Миссис Браун, не задумываясь о некоторой странности столь радостной демонстрации болезни, пользующейся почему-то особой симпатией у потерявших всякую надежду, счастлива была увидеть благотворную перемену в настроении мужа.

Что касается Питера-Паулюса, то испытанное им торжество от столь благородного заболевания, свойственного лицам самого высокого круга, держало его в бессонном возбуждении всю ночь. Ему мерещилось, как он путешествует по всему свету, гонимый неизбывной тоской. Он пересекал бездны, которые манили его сладким головокружением самоубийства, вскарабкивался на горы и переплывал океаны. Однако душевные страдания не исчезали, и Питер-Паулюс принялся размышлять о способах свести счеты с этой жизнью. Повеситься — ведь это так по-английски! Или утопиться, но все утопленники слыш-

* Сплин — хандра, тоскливое настроение (считалось, что оно связано с заболеванием селезенки).

ком синие... Огнестрельное оружие обезобразит лицо. От яда будут корчи внутренних органов. Бедняга мягко улыбался при мысли об удушении углекислым газом, хотя этот способ смерти предпочитают незначительные личности.

Огнине его жизнь обрела цель. И такой целью стали поиски средств расстаться с жизнью. Потому что в конце концов человек, объятый сплином, должен кончить самоубийством. Но Питер-Паулюс был еще только на пути к этому. Сплин давал ему постоянное занятие. Не без зависти члены Фокс-клуба, где он значился вице-президентом, восприняли эту великую новость. Иные — ничтожное меньшинство — от души сочувствовали ему, другие отнеслись завистливо и ревниво — где только не угнездится зависть! — или же решительно подвергали сомнению заблуждение компаньона. Но это не смущало Питера-Паулюса; он, как человек настойчивый и целеустремленный, вознамерился немедленно подавить скептиков и победоносно утвердить свою репутацию ипохондрика*. Счастливчик прыгнул в кеб и погнал его по медицинским знаменитостям, которые в Англии, как и везде, считают себя обладателями всех знаний мира, и еще более того.

Бедный «больной» обречен был — увы! — испытать жестокое разочарование. Напрасно он один за другим нажимал дрожащей рукой электрические звонки четырех профессоров — доктора Кэмпбелла, доктора Гастинга, доктора Нахтигаль, доктора Гарвея. Поочередно его осматривали, выстукивали, выслушивали и в один голос заявляли, что размер селезенки мистера Брауна — четыре с половиной сантиметра от верхней до нижней точки и что означенный мистер Браун, таким образом, может совершенно не опасаться ипохондрии!

Не опасаться!.. Эти ученые боялись сказать правду. Никогда еще умирающий не бывал столь безутешен, выслушивая свой последний приговор, как Питер-Паулюс перед лицом грубого ультиматума, осуждавшего его на здоровье.

— Английская медицина глупа и бездарна! — разозленно кричал он, забывая, что для англичанина все английское — самое лучшее в мире. — Арабелла, я отправляюсь к парижским врачам!

И Питер-Паулюс Браун из Шеффилда, схватив плащ и чемодан, бросился на железнодорожный вокзал, оттуда

* Ипохондрик — человек с угнетенной психикой, погруженный в свои действительные и мнимые болезни.

переместился в порт Ньюхэйвен, а там вскочил на пакет-бот, идущий в Дьепп, двенадцать часов промучился от морской болезни и, наконец, высадился в отеле «Континенталь», еще более обуреваемый своей придуманной болезнью и свежий, как майская роза.

Питеру-Паулюсу понадобилось два месяца, чтобы добраться от гостиницы «Континенталь» до Вандомской площади, к профессору Д. Двести метров за два месяца — согласитесь, это немного, особенно для человека, пораженного такой болезнью, которая вызывает острейшую потребность движения. Но, как гласит легенда, дорога в ад вымощена добрыми намерениями. А другой ад находится на мощенных камнем бульварах, на покрытых асфальтом авеню, впрочем, ад весьма приятный, имеющий свойство придавать самым светлым намерениям прямо противоположный результат.

Вот почему Питер-Паулюс маршировал под неумолчный барабанный бой своего сплина и не давал этому музыкальному инструменту ни минуты передышки. Изысканные ужины — мы говорим только об изысканных ужинах — заняли прочное место в его существовании. Двенадцать часов ежедневно или, скорее, еженощно, хорошо знакомые полуночникам рестораны наперебой предлагали островитянину все имеющиеся у них формы развлечений, столь необходимые для «его селезенки».

«Его селезенка!..» Когда он торжественно произносил эти два слова: «Моя селезенка!..», то этим Питер-Паулюс исчерпывал все. И поскольку он щедро платил, как настоящий чокнутый англичанин, поскольку его чековая книжка всегда готова была раскрыться, чтобы заранее оплатить самые причудливые фантазии, то селезенка Его Милости вызывала к себе почтительное отношение. Ночные прожигатели жизни повторяли словечки обладателя этого удивительного органа, а дневные газеты оказывали честь Питеру-Паулюсу, посылая к нему репортеров.

Мы припомним только некоторые из сумасбродных выходов бывшего ножовщика. В одном из ресторанов действовал красивый фонтан, в бассейне которого плавали рыбы. Питер-Паулюс пожелал, чтобы в фонтане била струя шампанского, потом извлек обалдевших карпов и заменил их сотней вареных раков. В другой раз он заставил сконструировать маленькую гильотину, шедевр инженерной точности, и не приступал к поеданию яиц всмятку до тех пор, пока их не разрезали со всем изяществом с помощью стального треугольника.

И так далее в таком же роде. Каждое утро Питера-Паулюса, готового лопнуть от потребленных яств и напитков, торжественно препровождали в гостиницу, поскольку сам он передвигаться не мог, будучи в стельку пьян. Такое замечательное житье не могло бесконечно продолжаться. И в одно прекрасное утро Питера-Паулюса, за неимением сплина, скрутил самый натуральный гастрит*. Он кончил тем, с чего собирался начать, и вызвал доктора Д., признавшего у него запущенную болезнь и обрисовавшего ее печальные последствия.

— Видите ли, милорд, гастрит...

Питер-Паулюс все это жуткое время, то есть с момента появления в Париже, разыгрывал из себя лорда.

— У меня не было никакого гастрита, это моя селезенка...

— Нет, милорд. Ваша селезенка здесь ни при чем. У вас не сплин, а гастрит.

— У меня... не сплин?..

— Нет.

— Сплин, как у лорда Гаррисона... как у лорда...

— Гастрит, повторяю вам! Но успокойтесь,— продолжал врач, видя, с каким оригинальным субъектом имеет дело,— гастрит — болезнь нынче весьма распространенная и вполне переносимая, особенно, когда она протекает в хронической форме.

— Я даю вам сто фунтов, если мой гастрит станет хроническим, даю вам эти деньги немедленно!

— Я сделаю все, что в моих силах, милорд, вы останетесь довольны!

Доктор Д. сдержал слово. Похудевший, осунувшийся, неузнаваемый, Питер-Паулюс отправился через три недели в Шеффилд, увозя с собой, в общем-то, весьма почтенную болезнь, достаточно изысканную, обнаружением которой он был обязан к тому же парижской знаменитости. Если он не смог стать Манфредом**, то довольствовался ролью Фальстафа***. Это уже кое-что.

Но счастье и несчастье идут рука об руку. Бедняга Питер-Паулюс, на сей раз действительно больной, не мог больше без удержу отдаваться любимым прихотям — вкус-

* Гастрит — острое или хроническое воспаление желудка.

** Манфред — романтический герой одноименной драматической поэмы английского поэта Дж. Байрона.

*** Фальстаф — сэр Джон Фальстаф, персонаж нескольких драматургических произведений В. Шекспира, обжора, сластолюбец и весельчак, притом изрядный трус.

ным блюдам и крепким напиткам. Скука его заполонила, а вместе с нею — невыносимое отвращение к жизни.

— Путешествуйте, а лучше всего путешествуйте по морю,— в один голос советовали ему доктор Кэмпбелл, доктор Гастинг, доктор Нахтигаль и доктор Гарвей, эта четверка незыблемых и неумолимых, всегда во всем согласных эскулапов*.

Питер-Паулюс схватил тугую пачку банкнот, свою неразлучную чековую книжку, плед и чемодан и кинулся в Саутгемптон в сопровождении миссис Арабеллы, мисс Люси и мисс Мери.

Пароход «Нил» королевской почтово-пароходной компании готовился к отплытию. Он держал курс на Вера-Крус, с заходами в Сен-Томас, Порто-Рико, Сан-Доминго, на Ямайку и Кубу. Питер-Паулюс закупил две каюты, обосновался в одной как человек, привыкший к комфорту, и с нетерпением стал поджидать команды капитана: «Полный вперед!»

Вскоре прокричал гудок парохода, труба окуталась паром, зашумел гребной винт, и «Нил» двинулся вперед, унося в далекие края Питера-Паулюса с его гастритом. У путешественника на душе было не все спокойно, побаивался он психологического напряжения, хорошо знакомого тем, кто пускается в дальнее плавание. Через какой-нибудь час переходит оно в стойкую головную боль, сопровождаемую конвульсивными сотрясениями диафрагмы**. Тогда все салоны пустеют, словно по мановению волшебной палочки, длинный полуют лишается всех любителей морских красот... Пассажиры, терзаемые печально знаменитой болезнью, пошатываясь, добираются кое-как до своих кают, плотно закрывают двери и... об остальном легко догадаться.

Миссис Арабелла, мисс Люси и мисс Мери отдали фатальному первому часу обильную дань, но Питер-Паулюс стойчески держался в обществе нескольких бодряков, на которых решительно не действовала ни килевая, ни бортовая качка.

Странное дело, он ощущал в набрюшной области некое брожение, однако не мог бы назвать его неприятным. Сопровождалось оно затяжными зевками во весь рот.

— Ао!..— вырывалось из горла.— Ао!.. Гм, это мой

* Эскулап — шутливо-ироническое прозвание медика (нарицательное от имени римского бога врачевания).

** Диафрагма — грудобрюшная преграда.

гастрит всему виной,— изрекал глубокомысленно бывший фабрикант.— Гастрит не желает меня покидать...

Внутреннее щекотание продолжалось, и отчаянная зевота все больше раздирала рот.

— Ао!..— вздыхал наш герой.— Я голоден!.. Ао!..— Питер-Паулюс, зевнув, шумно выдыхал воздух.— Ао!.. Ну конечно, это голод. Стюард! Быстрее сюда! Подайте-ка мне все эти хорошенькие штучки, которые есть там у вас на кухне...

Метрдотель разрывался на части, а Питер-Паулюс уписывал за обе щеки с таким аппетитом, что перед ним бледнела тень сэра Джона Фальстафа, этого соперника нашего Гаргантюа.

И утром, и в последующие дни путешественник работал челюстями и заливал в глотку неустанно, словно ошавший от голода кайман. На борту английского пакетбота подают еду пять раз в день, он исхитрился удвоить это количество, нисколько не заботясь о жене и дочерях, надолго, впрочем, уединившихся в каютах. И островитянин-обжора, которому океан явно шел на пользу, самозабвенно повторял:

— О!.. Флотские макароны! Мне нравятся флотские макароны... О! Очаровательная печень трески...

Между тем бедные женщины хирели и чахли, но на это решительно было плевать чревоугоднику, который пил и ел за четверых.

В эту пору Питер-Паулюс представлял собой человека пятидесяти лет, с каштановой бородкой и все еще густой шевелюрой. Внешний облик его никак не вязался с натурой маниакального эгоиста*. У него был высокий, открытый лоб мыслителя. Светлые глаза навывкате, с несколько рассеянным взглядом, необычно поблескивали под густыми полосками бровей. Орлиный нос, слегка покрасневший от обильных возлияний, не был лишен благородства, улыбка открывала хорошо сохранившиеся зубы, а жесткие складки в уголках губ свидетельствовали о несокрушимой воле.

Улыбался он редко, но смеялся громко и спазматически, и его смех внушал страх. Рост его превосходил пять футов и десять дюймов**. Он был худощавый, но мускулистый, немного сутулился, как это часто бывает с людьми

* Маниакальный эгоист — человек, патологически сосредоточенный только на своих личных интересах.

** Приблизительно 1,8 м.

физического труда. Его руки с узловатыми, поросшими шерстью пальцами были огромны, а ноги, обутые в башмаки на низком каблуке, напоминали по размеру и форме два скрипичных футляра.

Если Питер-Паулюс не ел, то молча бродил в одиночестве. В любое время дня и ночи на него могли наткнуться в каком-нибудь из бесчисленных закоулков большого судна. Хлестал ли проливной дождь с раскатами грома и ураганными порывами ветра, огромная тень медленно возникала на панелях лестниц нижней палубы и скорбно шествовала взад-вперед, не произнося ни слова, бесчувственная ко всему. И это был Питер-Паулюс, герметично закупоренный в водонепроницаемый плащ, неизменно выпускавший клубы дыма из трубки, одной из тех уродливых деревянных трубочек с коротким мундштуком, через которые укрادкой глотают дым убийцы на внутренних тюремных дворах. Глухой черный костюм был неизменной одеждой Питера-Паулюса, не претерпевавшей никаких изменений даже в Антильском море, превращаемом тропическим солнцем в жаркую баню.

Во время стоянок появлялись бледные и совершенно разбитые миссис Арабелла с двумя юными дочерьми, радуясь поводу вырваться хоть ненадолго из своего заточения. Бедные женщины, чей организм решительно не принимал условий плавания, никак не могли освоиться с движениями судна... Напротив, для Питера-Паулюса остановки были несносны, он уже привык есть, пить и спать, только качаясь на волнах.

Прибывши в Вера-Крус, мистер Браун впал в полное отчаяние из-за вынужденной задержки судна, грузившего уголь и принимавшего на борт багаж. Шесть дней без плавания — это было неслыханным мучением! Но упорный и целеустремленный миллионер нашел выход. Он нанял маленькую шхуну и стал курсировать вдоль берегов, к полному своему удовольствию, предоставив несчастным женщинам коротать время на борту. Что вы хотите — лечить гастрит было главной задачей Питера-Паулюса Брауна из Шеффилда!

«Нил» возвратился в Саутгемптон без помех, и на второй же день глава семейства поднялся на борт «Галифакса», совершавшего рейсы в Нью-Йорк. Этот пароход попал в жесточайший шторм. Миссис Арабелла, мисс Люси и мисс Мери едва не погибли от ужаса и страданий, но Питер-Паулюс причащался за обеденным столом двенадцать раз. Он все больше и больше влюблялся в кочевой

быт. Море стало для него самым желанным местом, необходимым условием существования.

Целых два года без перерыва длилась эта жизнь убежденного космополита*. Семейство Браун видели в Сиднее и Йокोगаме, Монтевидео и Гонконге, в Сан-Франциско, Панаме, Адене, Бомбее, Шанхае, Калькутте... Питер-Паулюс находил земной шар слишком маленьким для нужд своего гастрита. Каким бы богатым он ни был, но и подумать не отваживался о том, чтобы увеличить размеры нашей планеты. Одно только обстоятельство мешало полноте его счастья, одно черное пятно омрачало светлый горизонт. Заходы в порты. Ах, если бы он мог найти средство помешать кораблям останавливаться! Если бы им встретился однажды «Летучий Голландец»**, и капитан этого блуждающего судна взял его на борт, Питер-Паулюс был бы счастливейшим человеком во всем Соединенном Королевстве.

Между тем мистера Брауна осенила блестящая идея. Поскольку пароходы, эти железные чудища, напичканные углем и по горло залитые кипящей водой, бегают слишком быстро и прибывают слишком рано, то почему бы ему не поплавать на паруснике... Слово у Питера-Паулюса никогда не расходилось с делом. Он нашел в Лондоне большой трехмачтовик водоизмещением восемьсот тонн, который направлялся в Английскую Гвиану, с грузом угля для Демерары.

Для маньяка, чья жизнь до предела заполнена гастритом и морской качкой, было совершенно безразлично, куда плыть — в Гвиану, или иное место, или еще куда-нибудь. Мало значили для него и постоянные страдания, физическое истощение его жены и дочерей. Питер-Паулюс запросто готов был подвергнуть близких медленной казни ради того, чтобы сохранить им мужа и отца.

Трехмачтовик назывался «Карло-Альберто». Это было старое генуэзское судно, купленное английским фрахтовщиком и приспособленное для перевозки угля в Гвиану. Экипаж состоял из семи матросов, капитана, его помощника и юнги. Оборудование парусника выглядело примитивным, комфорт отсутствовал. Учувывая выгодную сделку, капитан кое-как приспособил каюту для пас-

* Космополит — здесь: человек, отказавшийся от постоянного пребывания на родине и путешествующий по всему миру.

** «Летучий Голландец» — легендарный корабль-призрак, встреча с которым в море якобы сулит кораблю гибель.

сажиров, и мистер Браун, восхищенный перспективой долгого безостановочного плавания, объявил, что все замечательно.

Загруженный до отказа, «Карло-Альберто» плелся, словно заваленная камнем баржа, делая в час не более трех с половиной-четырёх узлов. Кроме того, борта его оказались не вполне герметичными и, хотя пробоин в них не было, из-за постоянного просачивания воды приходилось часто прибегать к помощи насоса. Таким образом на трехмачтовике создались все необходимые условия, чтобы сделать морской переход бесконечно долгим.

Между тем Питер-Паулюс пожирал свежие продукты и первосортные консервы, которыми запаслись для Его Милости. Все шло как нельзя лучше первые тридцать дней, и «Карло-Альберто» прибыл в точку пересечения 54-го градуса западной долготы с 7-м градусом северной широты. Отсюда он собирался прямым курсом идти к берегам Французской Гвианы, чтобы использовать восточно-северо-восточное течение для достижения Демерары, но здесь вдруг обнаружилась на корабле изрядная пробоина. Экипаж бросился к насосам и работал не покладая рук, чтобы облегчить судно, скверное состояние которого пророчило неизбежную гибель. К несчастью, штиль установился раньше, чем течение подхватило трехмачтовик. Его капитан не имел даже возможности посадить корабль на прибрежную мель. Он старался любой ценой удержаться на плаву и ждать ветра. Восемь дней «Карло-Альберто» наполнялся водой, как губка, несмотря на все усилия доблестных матросов, и при полной безучастности Питера-Паулюса, который ни минуты не был встревожен. Агония парусника началась в доброй сотне миль от берега. Подул бриз*, но, увы, слишком поздно. Корабль тонул, и это всем было ясно. Спустили на воду большую шлюпку, дамы разместились там первыми, следом за ними мистер Браун с неразлучными плащом и чемоданом. Наспех погрузили немного провизии, бочонок с водой, секстант и компас, затем капитан перерезал фал** своего гибнущего судна и последним занял место в шлюпке, держа в руке национальную эмблему — он хотел спасти хотя бы этот обломок своей разбитой судьбы.

Через полчаса трехмачтовик исчез с поверхности

* Бриз — ветер, дующий с берега в море (береговой бриз) и с моря на берег (морской бриз).

** Фал — снасть (канат) для подъема парусов или флага.

моря, корпус его улегся на мягкое илистое дно, и лишь брам-стенъги* уныло торчали над бегущими желтоватыми волнами.

Питер-Паулюс, который боялся остановки, успокоился, видя, что плавание продолжается. И хотя палящие лучи солнца падали почти отвесно, а его жена и дети изнемогали от жары и нервного потрясения, он находил все это очаровательным и подбадривал своим звонким «all right!» матросов, которые начинали уже косо посматривать на англичанина. Двадцать четыре часа бесстрашные моряки энергично боролись со стихией, преодолевая отчаяние, но никак не могли достичь берега, казалось, убежавшего от них. Силы людей, если и не мужество, уже ослабли, когда они заметили красивую шхуну, державшую курс к северо-востоку. Немедленно подняли белую тряпку на кончике весла. Сигнал бедствия был замечен, шхуна тотчас развернулась и взяла курс на шлюпку. Потерпевших кораблекрушение спасли, и Питер-Паулюс удовлетворенно продолжал плавание. Так счастливо встреченным кораблем оказался «Сафир», небольшое французское судно с военно-морской базы в Кайенне. Оно доставляло провизию в исправительную колонию Сен-Лорана. Тали** были приведены в движение, и лодку вместе с пассажирами легко подняли на борт корабля. Его командир, капитан-лейтенант Барон принял пострадавших со всей любезностью, характерной для офицеров французского флота.

Питер-Паулюс ликовал. Даже не поблагодарив капитана, предоставившего свою каюту в распоряжение дам, чудак поинтересовался, сколько может продлиться плавание.

Полагая, что потерпевший стремится скорее попасть на берег, офицер поспешил его успокоить и пообещал бросить якорь в Сен-Лоране через двадцать четыре часа, если прилив позволит преодолеть каменную гряду в водах Марони.

— Но я не хочу на берег... Я нахожу остановки несносными... Даю вам сто фунтов, если вы отвезете меня как можно дальше...

Капитан «Сафира» с большим трудом втолковал Питеру-Паулюсу, что военное судно не может подчиняться

* Брам-стенъга — верхняя оконечность мачты.

** Таль (тали) — корабельный грузоподъемный механизм с ручным или механическим приводом.

прихоти первого встречного и что он обязан следовать положенным курсом. Затем офицер добавил:

— В Сен-Лоране я буду только четыре дня. Если вы желаете возвратиться со мной в Кайенну, то можете подождать прибытия французского парохода, который доставит вас в Демерару.

— Но я не хочу в Демерару! Я желаю плавать! Мне нужна только навигация! Потому что плавание необходимо для моего гастрита...

Ветер и приливная волна объединились против Питера-Паулюса. Так что «Сафир», как и пообещал его капитан, через двадцать четыре часа бросил якорь в виду Сен-Лорана.

Несчастный островитянин был безутешен. И не только из-за перспективы четырехдневного пребывания на суше, но еще и от самой мысли о неподвижности. Тут не представится возможность, как в морских портах, нанять какой-нибудь катер и носиться вдоль берегов в ожидании отъезда. Единственные лодки, которыми располагал Сен-Лоран, принадлежали дирекции исправительной тюрьмы, и они не могли покинуть колонию без приказа старшего начальника.

Но мистер Браун проявлял удивительную находчивость, когда речь заходила об удовлетворении его эгоизма. Едва лишь «Сафир» обосновался на рейде, как чудаковатый пассажир прямо с борта очень тщательно обследовал берега великой реки с помощью подзорной трубы, которую удалось спасти во время крушения. И он заметил на другой стороне — то был голландский берег — мачту, венчавшую какое-то судно.

— А это что там такое? — спросил Питер-Паулюс у капитан-лейтенанта.

— Это голландский пост Альбина.

— Военная база?..

— Нет, — пояснил офицер. — Время от времени туда причаливают торговые суда, чтобы загрузиться деревом, да еще раз в месяц заходит «Марони-Пэкет» за почтой.

— О!.. — задумчиво изрек островитянин. — Мне бы хотелось наведаться на этот пост, помогите мне, пожалуйста, капитан!

— С превеликим удовольствием. Я предоставляю в ваше распоряжение вельбот с четырьмя матросами. Поездка займет не больше часа.

— Великолепно! — коротко подытожил Питер-Паулюс, расцветший при мысли о предстоящем плавании.

Бедные безропотные жертвы, миссис Арабелла, мисс Люси и мисс Мери, покорно последовали за всемогущим мономаном и вскоре, совершенно разбитые, оказались перед очаровательным домом голландского комиссара. Молодого человека лет тридцати, шотландского происхождения, звали Мак-Клинтон. Он со всей учтивостью позаботился о дамах, пребывавших в расстройстве чувств и нуждавшихся в отдыхе. А в это время Питер-Паулюс, клопоча вулканом, бродил на солнцепеке в поисках какой-нибудь заваливающей лодки.

Боясь, как бы гостя не хватил солнечный удар, комиссар почти насильно затащил его в дом,— до такой степени выходивший из себя навигатор ненавидел сушу...

Вслед за этим бедняга Мак-Клинтон вынужден был прослушать бесконечную историю Питера-Паулюса, от распродажи его фирмы до кораблекрушения, узнать про сплин, медицинские консультации, гастрит, навигацию, про насущную потребность англичанина в водной стихии, для удовлетворения которой необходимы были всевозможные плавательные средства, от громадного парохода до микроскопической лодочки.

— О!..— завершил мистер Браун.— Я хочу плавать! Я должен плавать все время! Если не найдется хотя бы маленькой лодки, то я сойду с ума... немедленно!

— Однако,— заметил комиссар, исчерпав все аргументы,— в моем распоряжении нет лодок и кораблей. Думаю, что вам лучше остаться на «Сафире», который выйдет в море через четверо суток.

— Я сойду с ума!

— Послушайте, миссис Браун больна, ей нельзя сейчас путешествовать.

— Миссис Браун тоже сойдет с ума, она так переживает за мое здоровье! Скажите, а там кто-то причалил к берегу, я видел маленькую лодку... Чья она?

— Это пирога, она принадлежит двум неграм-бошам.

— Я куплю пирогу и двух негров.

— Но это вольные люди, и я не советую вам покушаться на их свободу. Однако если вы желаете подняться по реке, то они охотно вас повезут, разумеется, за плату.

— Конечно! Я заплачу. Мой гастрит не может ждать!

Этот чертов тип умел найти неотразимые аргументы.

Он посулил такую щедрую плату, что двое бошей, соблазненных перспективой немедленно заполучить изрядное количество «кругляшков» (пятифранковых монет), согласились катать мистера Брауна и его семью до прибытия «Марони-Пэкет», то есть пятнадцать дней. Корму их пироги, к счастью довольно просторную, прикрывал ли-

ственный тент. Магазины Кепплера, расположенные возле комиссариата, снабдили отъезжавших продуктами, затем Питер-Паулюс, фрахтовщик и капитан в одном лице, вместе с семьей занял места на легком суденышке.

— Я нахожусь на реке,— сказал он, пожимая руку любезному голландцу,— и у меня только маленькая лодка, но все-таки это навигация!

Затем англичанина повезли к водопаду Гермина, который боши преодолели с такой же легкостью, как и их собратья бони. Все шло хорошо первые пять дней, но черным гребцам, не привыкшим к особой требовательности, надоело выполнять повелительные указания своего пассажира, который желал двигаться безостановочно, не давая им ни минуты передышки. Они пошептались между собой и, не обращая внимания ни на грозные окрики Питера-Паулюса Брауна из Шеффилда, ни на его пистолет, которым тот бездумно размахивал, в один прекрасный вечер высадились на голландском берегу Марони, неподалеку от водопада Петер-Сугу.

Волей-неволей мистер Браун вынужден был уступить и согласился провести ночь на земле. Он плохо спал и ничего не ел.

Знаменитый гастрит пробудил его на утренней зорьке. Он громогласно окликнул негров, но ответом была зловещая тишина. Пока белые спали, черные предательски улизнули, как они обычно и поступают в том случае, если им навязывают непомерную работу. И без малейших угрызений совести они бросили на произвол судьбы в гвианской глубинке Питера-Паулюса Брауна с пледом и чемоданом, его жену и двух дочерей.

ГЛАВА 8

Загадки множатся.— В хижине.— Жертва гремучей змеи.— Незаменимое лекарство.— Трогательная благодарность.— Спутник браконьера.— Бернаш — потомок капиталистических гусей.— Странные обычаи краснокожих: женщина рождает — болеет мужчина.— Как «умыть собаку».— Незаменимый друг.

Внезапные катастрофы уже неоднократно обрушивались на гвианских робинзонов. За двадцать лет, которые прожили они на диких просторах, масса неприятностей и разочарований послужила результатом тщательно продуманных планов, чей успех казался несомненным. Но

исчезновение лодок, доверенных освобожденному каторжнику Гонде, было бедствием, ни с чем не сравнимым. Не только потому, что их существование и даже сама судьба были поставлены под угрозу. Впрочем, что значили материальные потери для людей, привыкших к любым лишениям, испытывавших уже не раз нечеловеческое напряжение. Они вполне обходились скудным пропитанием охотника и рудокопа. Но это происшествие означало отсрочку грандиозного плана, составленного в общих интересах. Это значило, что крупный район, прилегающий к Марони, еще на долгое время останется пустынным. Девственный лес будет осужден на молчание, никто не потревожит золото плодоносных рек, колонизация затормозится. Наконец, само дело цивилизации испытает сокрушительный удар.

Надлежало ли снова ехать во Францию, снова закупать промышленные товары, столь бесценные в местных условиях, и потерять еще год?.. Целый год! Это вечность в нынешнюю эпоху, когда еще быстрее, чем мертвые герои баллад, движутся вперед живые!

Робен мгновенно оценил все значение постигшего их несчастья, представил все его последствия. То, что лодки украдены, не вызывало ни малейшего сомнения. Гипотеза стихийного бедствия отпадала. Флотилия не исчезла бы так бесследно, не оставив хоть самых ничтожных знаков для зорких глаз робинзонов. С другой стороны, инженер не ставил под сомнение честность Гонде. Еще до своего освобождения каторжник неоспоримо доказал, насколько он человек надежный и преданный. Кому же следует приписать этот коварный и страшный удар? С какой целью он совершен? Что же это за дерзкие существа или настолько могущественные, что осмелились напасть на таких людей, как Робен, его сыновья и их доблестные помощники негры?..

Пока легкая лодка скользила по волнам Марони, а прерывистый чих машины раскалывал знойный застывший воздух, робинзоны жадно ощупывали взглядом проплывавшие мимо берега. Их капитан погрузился в раздумья. Жалобный стон раненого заставил его вздрогнуть. Дю Валлон вышел из летаргического состояния, в котором находился с того момента, как Шарль и Никола подобрали его у подножия панакоко с ужасной раной в груди. Изумление креола от самого факта, что он все еще находится среди живых, сопоставимо было лишь с огромной благодарностью, которую он пытался засвидетельствовать сво-

им спасителям. Шарль вполголоса рассказывал ему о драматических событиях, последовавших после загадочного нападения, жертвой которого стал директор: о пожаре на золотом прииске, наводнении, обстоятельствах спасения... Не забыл и о таинственных эмблемах, прикрепленных ночью к стволу дерева, на котором они с Никола укрывались.

Директор прииска, еще не в силах заговорить, смог только выразить свою признательность, слабо пожав руку молодому человеку. Никола, более искушенный в колониальной медицине, чем все красные и черные *пиэй* тропического региона, освободил рану от перевязки. Он промыл пораженную область и покрыл ее слоем ваты, смоченной соком сассафра*. Эта ароматическая жидкость обладает антисептическими и высушивающими свойствами, она дала немедленное облегчение креолу, который спокойно задремал.

Его сон длился около двух часов, приступ лихорадки разбудил несчастного. Впрочем, эта болезнь не приобрела у него тяжелых форм, и Никола надеялся подавить ее вспышку щедрой дозой хинина. Прислушиваясь к стонам больного, Робен никак не мог избавиться от мысли, что — прав он или нет — есть какая-то тайная связь между попыткой убийства и похищением Гонде.

Инженер подсел к раненому, не решаясь его расспрашивать. Но тот с интуицией, свойственной горячечным больным, казалось, понял желание Робена.

— Вы в состоянии меня слушать?.. — тихо спросил тот.

— И даже отвечать... — сказал раненый слабым, как шелест, голосом.

— Ваше положение требует большой осторожности. Я боюсь утомить вас.

— Нет, нет... У меня не очень сильная лихорадка. Говорите...

— Есть ли у вас враги или, по крайней мере, завистники?

— Нет.

— Кто-то был заинтересован в вашей смерти?

— Не думаю. Скорее наоборот... Принск «Удача» не мог функционировать без меня... Его рабочим и служащим как раз лучше, чтобы я остался в живых...

* Сассафра — дерево семейства лавровых; эфирное масло, добываемое из его коры и древесины, употребляется в парфюмерии и медицине.

— Вы можете припомнить обстоятельства, при которых вам нанесли эту рану?..

Дю Валлон, по всему видно, с усилием напрягал память. Еле слышным, прерывающимся голосом он поведал о забастовке рабочих, о странных шумах, которые они слышали по ночам, о приведенных в негодность инструментах и о ловушках, разбросанных под ногами старателей, об ужасной смерти одного из них.

— Думаю, что я имел дело с похитителями золота. Промывочные желоба работали ночью, это я определенно установил. Но вот кто эти воришки?.. Никогда не видел на прииске посторонних людей, разве что нескольких индейцев.

— Вы не заметили ничего необычного?

— Нет. Впрочем, один из них, крупный старик с седыми волосами, настоящий гигант, запомнился мне... Уж больно жуткое у него лицо, и выражение какое-то странное. Он бродил возле реки, а при встрече с соплеменниками никогда не пил тафии. Последние полмесяца мы его не видели.

— Вас не утомил разговор?..

— Нет. Но лихорадка держится... Я еще должен сказать вам несколько слов... Кто знает, смогу ли я беседовать завтра...

Коротко сообщив о первых ночных происшествиях, которые подтолкнули его на дежурство возле громадного дерева панакоко, он продолжил:

— Я выстрелил в том направлении, где светились два глаза. Услышал невообразимый крик. Затем было такое чувство, что на меня навалилась огромная туша, целая гора... Отлично помню ощущение холодной кожи, влажной, скорее даже липкой... Четыре человека, вместе взятые, не сравнятся ни весом, ни размерами со странным существом, душившим меня. Впечатление длилось не более двух секунд, а затем мне нанесли страшный удар в грудь. Я потерял сознание, однако перед этим успел заметить темный силуэт, его можно было принять за человека... Он соскользнул по лиане, протянутой между землей и нижними ветвями. Как будто здоровенный паук болтался на ниточке паутины...

— Ну и... это все?

— Все,— подтвердил раненый, совершенно обессиленный.

от напряжения.— Больше ничего не знаю. Как бы там ни было и что бы ни случилось, я хочу выразить всем вам свою самую искреннюю благодарность...

Инженер собирался ответить молодому человеку какими-то сердечными словами. Вдруг до лодки донесся с берега неимоверный шум и грохот. Взору открылись несколько хижин индейцев-эмерийонов, возведенных на лесных вырубках, которые образовывали просвет в густой чаще.

Никола сбросил пар, лодка замедлила бег и вскоре ткнулась носом в песок.

— Возможно, индейцы нам кое-что расскажут.— В голосе Шарля звучала надежда.

Он легко спрыгнул на берег, за ним последовали отец и Анри.

— А ну потише, ничего же не слышно! — обратился юноша к двум краснокожим, которые, стоя у порога большой хижины и вооружась жестяными ящиками из-под топленого сала, что есть мочи тарабанили по ним кулаками.— Что вы вытворяете? Громыхаете, будто глухие!

— Мы должны помешать Йолоку* забрать к себе большого человека и маленьких человечков!

— В хижине больные, и эти несчастные изгоняют злого духа. Зайдем туда.

Друзья вступили в жилище, заполненное густым дымом от сгоревших ароматических трав, и увидели сидевшую на полу индианку. Она держала на коленях ребенка лет пяти-шести, который казался мертвым. Никогда еще не видели робинзоны, чтобы человеческое лицо воплощало такую пронзительную скорбь, как у этой женщины. Безумными глазами созерцала молодая мать, совершенно убитая горем,— а это, конечно, было ее дитя, ведь только матери дано так страдать,— маленькое существо, чьи посиневшие губы покрыла густая пена.

Она увидела белых, вскочила на ноги, протянула умирающего ребенка к Анри, словно говоря: «Спасите его!» — настолько велико доверие к европейцам у этих первобытных детей природы. Глаза ее жадно впились в молодого человека, ловя каждое его движение. Она ожидала, не отводя взгляда от его губ, затаив дыхание, обезображенная горем.

Одна нога у мальчика опухла и почернела, она была облеплена пластырем из какого-то кровавого месива.

* Индейское божество. (Примеч. перев.)

— Этого ребенка только что укусила змея,— сказал Анри, хорошо знакомый с обычаями лесных обитателей.— Женщина убила змею, растолкла ее и приложила к ране. Однако малыш погиб. Бедная мать!

— Нет, нет! — воскликнул Шарль.— Погоди-ка! Одну минуту!

Юноша помчался к лодке, поспешно вскрыл небольшой ящик, достал оттуда дорожную аптечку и стремглав возвратился в хижину.

— Ведь он еще не умер?.. Не умер?..

— Нет, пульс прощупывается...

— Хорошо, положи его на землю, но так, чтобы голова была повыше...

Не теряя времени молодой человек раскупорил флакон голубого стекла с притертой пробкой, достал из обитой фиолетовым бархатом коробочки маленький шприц с градуированным поршнем и с полой металлической иглой. Наполнив шприц на одну треть жидкостью из флакона, Шарль ввел иглу под кожу бедра и нажал на поршень. Несколько капель вещества проникли под эпидерму и тотчас же рассосались. Юноша повторил операцию на торсе, на брюшной полости, в общей сложности введя под кожу около двух кубических сантиметров жидкости. Затем стал ждать.

Женщина, прямая и застывшая, словно в каталептическом припадке, неотступно следила за таинственной процедурой. Она ни на секунду не отводила от мальчика глаз, в которых, казалось, сосредоточилась вся ее жизнь. Прошло пять минут. Пять минут тоски и тревоги. И вдруг индианка вскрикнула, из глаз ее потекли слезы. У маленького умирающего дрогнули и приоткрылись веки.

— Он спасен,— радостно заявил Шарль.— Через час будет ходить. А завтра окончательно выздоровеет.

Робен и Анри, пораженные и счастливые, не верили своим глазам.

— Шарль, милое мое дитя, ты нашел сильнодействующее лекарство от змеиных укусов?..

— Ну да, причем и от самых опасных змей! А та, что укусила мальчика,— банальная гремучая змея, как ты можешь видеть по кольцам, оставшимся на коже... Но, к сожалению, не я автор открытия. Тем не менее счастлив его применить...

— А вещество, которое ты использовал для подкожного впрыскивания, называется...

— Марганцово-калиевая соль.

— Ты везешь эту чудесную новинку из Парижа?

— Да, отец. Из Парижа через Рио-де-Жанейро.

— Как это?

— Я был в Музее естественной истории, в Париже.

Мне на глаза попала статья доктора Пьетра-Санта в «Гигиенической газете», весьма серьезном издании. Я узнал, что доктор Ласерда нашел противоядие от змеиных укусов, проводя эксперименты в лаборатории физиологии в музее Рио-де-Жанейро. Это противоядие — марганцово-калиевая соль, чье действие против ферментов давно было известно, но ее никогда не пробовали применять при лечении ядовитых укусов. Эксперименты проводили на собаках, искусанных змеями типа кобры. Удалось спасти всех животных, к которым применили новый метод, а вот остальные погибли. Все лечение состоит, как я уже показал, в подкожном впрыскивании раствора марганцово-калиевой соли. А раствор этот получается при разведении одного грамма соли в ста граммах дистиллированной воды...

— Просто замечательно!

— И к тому же недорого стоит, а какое верное средство... Вы уже убедились в успехе моего первого опыта!

Действительно, за время короткого и интересного экскурса в область физиологии к ребенку вернулось сознание. Он улыбался своей матери, которая плакала от переполнявших ее чувств и бросала благодарные и преданные взгляды на белых чудесников.

Между тем густой дым, заполнявший хижину, постепенно рассеялся, и Робен с сыновьями заметили высоко подвешенный гамак, в котором распростерлась какая-то человеческая фигура, издававшая громкие жалобные стоны.

— А это что за человек?..

— Мой муж,— тихо ответила индианка.

— О!.. Я больной! Очень тяжелый больной!.. О!.. — доносился голос из гамака.

Видя, что на него обращен всеобщий интерес, мужчина принялся рычать и завывать, словно красная обезьяна.

— Эй, компе,— повысил голос инженер,— скажи мне, что с тобой случилось!

— Вы разве не видите... Мне так плохо, потому что моя жена родила маленького человечка...

Возглас удивления вырвался у белых при столь необычном заявлении. Они знали об этой особенности индейского быта, но до сих пор не наблюдали ничего подобного.

Так это правда! В тот момент, когда жена становится матерью, когда святые обязанности материнства даруют ей право на максимальное уважение и заботы мужа, этот последний, забывая о своем долге, разыгрывает недостойную комедию, свидетелями которой стали трое белых.

Действительно, самые добросовестные путешественники единогласно подтверждают существование такого варварского обычая: среди прочих — Ле Блонд, Шомбургк*, Видаль**, комендант Буйе и доктор Крево.

Когда жена рожает, ее муж растягивается на койке, стонет и причитает десять дней. Сразу же после родов женщина, эта бедная мученица, в такой момент не получающая ни от кого никакой помощи, идет к реке, купает новорожденного, сама совершает омовение и, едва держась на ногах, возвращается к своему мужу, обязанная ухаживать и заботиться о нем вместо того, чтобы самой получать помощь, столь необходимую в ее состоянии...

Она поддерживает костерок из ароматических трав под гамаком «больного мужа», принимает на себя все хозяйственные заботы и подносит жалкому бездельнику *матете*, вид укрепляющего питья, которое заменяет *винные гренки*, хорошо известные нашим роженицам.

Это было бы смешно, если бы не было так отвратительно.

И вот эта бедная мать, чей младенец, едва ли четырех дней от роду, исходил криком в своем маленьком гамаке, умудрилась убить змею, напавшую на старшего сына. Она нашла в своей любви силы противостоять его агонии, выполнить все ритуалы, диктуемые суевериями ее расы.

Раненый малыш задремал, убаюканный тягучей индейской мелодией, которую тихо напевала мать. Настал момент спросить ее, не видала ли она на реке три большие лодки. Увы, поглощенная несчастьем, женщина ничего не заметила. Не сказали ничего вразумительного и двое индейцев, которые священнодействовали с жестяными коробками, изгоняя злого духа.

Робинзонам оставалось только откланяться. Довольные совершенным добрым делом, они оставили в хижине

* Шомбургк, точнее: Шомбургк, братья Роберт Герман (1804—1865) и Рихард (1811—1891) — английские путешественники, по происхождению немцы, в 1835—1844 годах исследовали Гвианское плоскогорье. Буссенар скорее всего упомянул старшего брата, который руководил экспедицией.

** Видаль де ла Бланш-Поль (1845—1918) — французский географ, основатель научной школы «географии человека».

несколько безделушек, немного провизии и уже собрались уходить, когда индианка поднялась и громко позвала:

— Мата-ао! Мата-ао!

Собачий лай послышался в ответ, и в хижину вскочил небольшой пес, виляя хвостом.

— Вы гонитесь за ворами,— сказала она на своем языке.— Плохие люди хотят вам зла, таким добрым.

А затем обратилась к Шарлю:

— Вы спасли моего ребенка. Краснокожая женщина бедна, но мое сердце богато признательностью. Самое ценное, что у меня есть,— это собака. Она очень привязчивая и верная. Это лучшая собака на реке. Знает всех зверей и будет с вами охотиться. Наведите ее на след воров, и она их отыщет. Это преданный сторож, вы сможете спать спокойно. Ее никто не проведет, у нее замечательный нюх.

Индианка подозвала пса, взяла его на руки и торжественно вручила Шарлю, приговаривая при этом:

— Матао, этот белый человек отныне твой хозяин. Люби его и слушайся, как меня. А теперь прощайте! Память о белых навсегда останется в моем сердце. Пускай же и они вспоминают иногда о матери, обязанной им жизнью своего ребенка.

Взволнованные этим трогательным подарком и деликатностью, с которой его преподнесли, робинзоны неторопливо двинулись к своей лодке, пообещав замечательной женщине провести ее на обратном пути.

Шарль уже разместил на корме нового «компаньона», крутившего головой во все стороны и слегка растерянно вилявшего хвостом. Никола ждал только команды запустить машину. И вдруг снова появилась индианка. Она несла какую-то крупную птицу со связанными на спине крыльями.

— Возьмите! Пусть еще будет с вами этот *бернаш**. Он ручной. И еще более бдительный, чем собака. Самый надежный охранник!

Она постояла на берегу, пока лодка отчаливала, а затем убежала.

Ломи и Башелико, слывшие самыми ловкими охотниками в верховьях Марони, с большим удовольствием приняли в свое общество четвероногого спутника, а достоинства морского гуся оценили очень высоко. Знавший все легенды племени, Ломи рассказал, как благодаря своей

* Морской гусь.

чуткости бернаши не раз предупреждали негров бони о нападении племен бошей и оякуле. Герой Коттики Бони всегда возил при себе гусей, которые криком подавали сигнал о приближении голландских солдат.

Что же это такое *бернаш*? — поинтересуется европейский читатель, который, может, подзабыл древнюю историю. Бернаш — всего-навсего собрат тех смелых перепончатопалых, которые спасли Римскую республику, когда галлы, властители Рима после победы при Аллии, вели осаду Капитолия*. Это гусь. Вы убеждаетесь, что порода не измельчала и не выродилась, тени стражей Капитолийского холма воистину могут гордиться подвигами своих дальних потомков. Итак, гусь — птица независимости, что традиционно на берегах Марони так же, как и на берегах Тибра. Учитывая заслуги замечательного пернатого, мы просто обязаны посвятить ему несколько специальных строк. Бернаш, как и обычный гусь, хранит в грудной клетке сердце героя, но отличается коротким клювом, выпуклым и как бы усеченным, чьи края снабжены внутренними чешуйками, образующими нечто вроде дискового сцепления, и потому не выступают наружу.

Окраска спины бернаша изменяется от пепельно-серого до черного, боковые части головы, лоб и горло — белые, тогда как темя, затылок, шея, верхняя часть груди, маховые крылья и хвост — абсолютно черные. Эта птица водится в умеренных областях Приполярья, встречается в Европе, а также и в тропиках. Она хорошо известна в Египте, где ее почитают особо за исключительную привязанность к потомству. Бернаш легко приручается, его преданность хозяину напоминает другого пернатого — *агами***.

Бернаш робинзонов, выросший рядом с Матао, составил с ним дружную компанию. Горсть куака, размоченного в воде, довершила знакомство пернатого с новыми хозяевами. Гусь немедленно стал всеобщим любимцем.

Что касается Матао, то, напуганный шумом и движением машины, он сначала жалобно скулил, однако не делал никаких попыток броситься в воду, чтобы спастись на

* Капитолийские гуси — гуси, которые жили при храме Юпитера в Риме на Капитолийском крепостном холме и использовались во время ритуальных обрядов; по преданию, своим гоготом разбудили сторожевых воинов Капитолия во время ночного нападения галлов на крепость в 390 г. до н. э.

** Агами, или трубач — южноамериканская птица размером с петуха. Оперение черное с голубовато-зеленоватым отливом.

берегу. Казалось, умное животное вняло рекомендациям хозяйки и хотело строго им следовать. Пес покрутился на месте несколько минут, а потом свернулся калачиком у ног Шарля, доверительно положив ему голову на пальцы.

Матао был представителем очень любопытной породы индейских собак, которых краснокожие дрессируют с неподражаемой терпеливостью и упорством. Эти животные способны на столь смелые и резкие выходы, что поражают самого опытного охотника. Верный и незаменимый спутник автохтонов* Экваториальной Америки нисколько не походит на обычную собаку. Он невелик и скорее смахивает на шакала со своей удлинненной приплюснутой мордой, прямыми и заостренными ушами, рыжеватой мастью и пышным хвостом. Иностранец не назовет его ни красивым, ни приятным. Но какое бесподобное животное! Какой безошибочный нюх! Какая сила и выносливость! И высочайшая степень преданности хозяину. Настоящий alter ego первобытного браконьера, чьи охотничьи угодья простираются на шестьдесят тысяч квадратных лье, молчаливый или грозно шумный, вкрадчивый или стремительный, атакующий или убегающий, легко меняющий лес на саванну, горы — на болотистую низину, в зависимости от команды. И никогда — ни единого просчета; пойдет по любому запутанному следу, знает все хитрости и уловки лесного зверья, не ведает усталости, очень долго может обходиться без пищи и воды — такова индейская собака.

Преследуя любую местную дичь на земле, на воде, на деревьях, она легко берет след обезьяны и тапира, ягненка и косули, тигра или гокко, рыбы или выдры — как и каймана, и даже самого человека в случае необходимости. Так что индеец никогда не возвращается с пустыми руками, что нередко приключается с охотниками всех стран. Если его идущая по следу собака, например, натывается по дороге на одну из этих маленьких и таких вкусных земляных черепах, то она умудряется ловким ударом лапы и с помощью морды перевернуть черепашку на спину, чтобы та не убежала. И при этом нисколько не снижает скорости бега и ни на йоту не отклоняется от направления следа! Воистину с такой собакой охотник не останется голодным. Управившись с дичью, его хвостатый

* Коренные жители.

друг возвращается по своим следам и аккуратно подводит хозяина к каждой из перевернутых черепашек, так что тот собирает еще дополнительный «урожай»...

Легко понять, что для краснокожего такой помощник незаменим, и он дорожит им сверх всякой меры. Индеец готов отказаться от очень лестных предложений, пожертвовать сотней литров тафии, ружьем, боеприпасами и чем угодно, лишь бы не расставаться со своей собакой. В наше время, когда из-за промышленной добычи золота оживились транспортные связи между верховьями и низовьем Марони, иногда можно купить такую собаку. Она стоит от двухсот до трехсот франков. Но подобные случаи — редчайшее явление.

Чтобы дать четвероногому другу настоящую выучку, индеец готов перенести любые трудности, и только невообразимое терпение способно их преодолеть. Методы дрессировки весьма необычны. Прежде всего он должен предохранить животное от укусов ядовитых змей, и для этого ему делают прививку, такую же, как и гвианским жителям. Если владелец хочет «натаскать» собаку на определенного рода дичь, то он добывает это животное: ягненка, гокко, поросенка и проч. Берет его кости, прокаливает их, мелко дробит, смешивает с другими компонентами, известными только ему, после чего вводит полученную смесь в собачий нос при помощи маленькой палочки. Эту операцию повторяют в течение целого месяца, чередуя ее с охотой, чтобы приучить воспитанника ко всякому виду дичи. Когда собака обретает способность безошибочно преследовать специально «изучаемое» животное, краснокожий несколько дней моет ее особым составом, секрет которого ведем лишь ему одному (это продукт вымачивания, свой для каждого из видов животных). Вот теперь собака становится *намытой*, то есть дрессированной, натасканной — одна на ягуара, другая — на кабана, на козую и т. д. Однако большинство индейских собак «намыты» на всех местных животных.

Таков был и Матао, новый воспитанник гвианских робинзонов. Индианка подарила им собаку в такой момент, когда подобный дар имел для них значение воистину неоценимое, и уже очень скоро замечательное животное оправдало ту высокую оценку, которую дала хозяйка своему любимцу, вручая его своим благодетелям.

ГЛАВА 9

Огонь без дыма.— Первый выход Матао.— След.— Метка на дне бутылки.— О чем рассказала пробка.— Подозрительный муравьед.— Стрельба в ночи.— Подвиг бернаша.— Потрясение робинзонов.

Предпринятые гвианскими робинзонами розыски с целью обнаружить пропавший груз могли бы показаться совершенно излишними человеку, мало знакомому с первобытной жизнью. А надежда французов на успех предприятия должна выглядеть еще более иллюзорной.

Трудности затеянного дела казались и вправду велики. Сильные и хитрые похитители не оставили никаких следов; они обладали значительным преимуществом во времени; наконец, огромная река не сохраняла ни малейших примет маршрута негодяев. Но вера бесстрашных колонистов в свое умение идти по следу была такова, что они нисколько не сомневались в успехе. Ведь для человека, с детства привыкшего к тяготам полной опасностей и приключений жизни, у природы нет тайн. Его тело натренировано и способно переносить любые лишения. Его органы восприятия всегда начеку и обладают поразительной проницательностью. С неистощимым терпением он умеет различать мельчайшие детали, угадывать едва заметные следы, методом индукции* восполнять недостающие элементы и реконструировать всю картину. Так поступит ученый, умеющий расшифровать изъеденную временем надпись и оживить человеческую мысль, которая казалась утонувшей в веках. Не только примятая травинка, увядший цветок, оцарапанная кора, сдвинутый с места камень, но еще и вид птицы, планирующей вдалеке и внезапно меняющей курс, и чуть-чуть измененный крик животного, и прыжок в воду каймана, запах дыма от костра** очень многое могут сказать человеку, с детства научившемуся читать раскрытую книгу природы.

Такого рода способности не являются, впрочем, при-

* Метод индукции — метод логического умозаключения от частного к общему.

** Некоторые способности индейцев совершенно замечательны. По одному запаху дыма они могут не только назвать дерево, горевшее в отдаленном костре, но еще и точно определяют, кто его разжег: туземцы или цивилизованные люди. Индейцы и негры раскладывают и поддерживают костры по особой системе, так что ошибки очень редки. (Примеч. авт.)

надлежностью исключительно первобытного образа жизни, равноценное встречается и в нашем цивилизованном мире. Разве не наблюдаем мы удивительные действия сыщиков, обладающих интуицией подлинного детектива или эстрадного актера, помогающей им отыскать преступника в огромных лабиринтах Лондона или Парижа?

Все эти качества отличали робинзонов, позаимствовавших методику индейцев и негров и с помощью собственного интеллекта усовершенствовавших обычные приемы расследования. Сведения, полученные от раненого, нисколько не проясняли ситуацию, тайна становилась еще более непроницаемой. И действовать надлежало быстро, ничего не упуская из виду, одним словом, схватывать на лету все озарения и догадки. Одно из двух: либо лодки с грузом спускались по течению Марони, либо же похитители выгрузили добычу на берегу и спрятали ее в глубине леса, предварительно разделив на части.

В первом случае лодка Шарля с ее мощной машиной скоро догнала бы грабителей. Вторая гипотеза, более правдоподобная, нуждалась в тщательном изучении обоих берегов большой реки. Следовало сначала спуститься по течению и произвести разведку, которая подтвердила бы отсутствие или наличие флотилии.

Первая часть экспедиции прошла без помех, но не принесла никаких результатов. Впрочем, можно было ожидать такого итога. Робинзоны спустились до водопада Гермина, крайней точки, какой тяжелогруженные лодки могли бы достичь за двадцать четыре часа, с учетом ветра и течения. Марони хранила угрюмое молчание. Робинзоны расспрашивали встречавшихся на пути индейцев и негров-бони, но те ничего не видели. Значит, флотилия не покидала верховьев реки и скорее всего воры спрятали ее в какой-нибудь бухточке или протоке, замаскировав за густой стеной растительности, тянувшейся по обоим берегам.

Лодка медленно шла на сбавленной скорости. Стоя на корме возле Шарля, Анри пристально вглядывался в однотонно тусклую массу зелени, прорезанную лианами и бугорчатыми стволами, с яркими точками цветов. Его брат, не отрывая бинокля от глаз, рассматривал противоположный берег, до которого было километра полтора, а то и больше. Молодые люди не замечали ничего подозрительного. Как вдруг старший из робинзонов, более часа сохранявший неподвижную позу охотника в засаде, резко дернулся. Он схватил ружье и зарядил его с видом человека, готового тотчас выстрелить.

— Что с тобой, Анри? — тихо спросил отец, не отрываясь от руля.

— Костер,— коротко откликнулся тот.

— Правда-правда,— подтвердил Ломи.

— Да где же ты видишь костер, дитя мое милое? Нет никаких признаков огня!

— А я и не вижу, я его чувствую.

— Ты чувствуешь... дым?

— Да, отец.

— Не понимаю.

— Ну вот же, вот... Огонь горел пять минут назад, вон там... в сотне метров. Его только что загасили.

— О!.. О!..— с восхищением причмокнул Башелико.— Дорогой компе Анри, ты сказал правильно, да-да!

— Совсем недавно горящие угли полили водой, и я отчетливо различаю запах теплой смоченной золы... Ветерок доносит до меня испарения... а к ним примешивается другой запах... сейчас, сейчас скажу!..

Ноздри Анри раздувались от усилий и возбуждения.

— Готов биться об заклад, что они жгли дерево сас-сафра!

— О, компе! — восторженно воскликнул Ломи.— Ты прав, прав!

— Анри точно сказал,— в один голос подтвердили Эжен и Эдмон, вдыхая маленькими порциями влажный болотный воздух.

— Стоп! — скомандовал Робен.

Никола сбросил пар, лодка замедлила бег и остановилась. Была уже половина пятого пополудни. Следовало подумать и о ночлеге; так что капитан все равно скомандовал бы остановку, если бы ее не ускорил инцидент, столь незначительный на первый взгляд.

Высадку произвели осторожно, с оглядкой. Робен и его сыновья слишком хорошо знали хитрости и уловки обитателей девственного леса, чтобы броситься туда вслепую, наугад.

Шарль свистом подозвал собаку. Умное животное навестило уши, потянулось, зевнуло и громко фыркнуло. Молодой человек легонько приласкал ее, нагнул голову к земле:

— Ищи, Матао, ищи!

Животное медленно двинулось вперед, сделало два или три круга поблизости, минут на пять исчезло из поля зрения и возвратилось стремглав, когда Шарль чуть слышно пощелкал языком.

— Путь свободен,— заявил юноша,— можно отправляться. Ты не возражаешь, отец, чтобы мы с Анри шли впереди?

— Хорошо, дитя мое, но при условии, что Ломи и Башелико будут рядом с вами.

— О, муше, мы тоже пойдем! Мы согласны, да, да! — хором вызвались черные братья.

Четверо молодых людей, с заряженными ружьями в правой руке и с обнаженными мачете — в левой, последовали за собакой, которая без малейших колебаний привела их к костру. Он был расположен в глубине леса и совершенно скрыт за нижними ветвями и корневищами огромного дерева сассафра.

— Браво, Анри! — восхищенно воскликнул Шарль.

— Тсс!..

Матао выказывал признаки беспокойства. Он петлял вокруг дерева и, по всему видно, порывался взять след, который учуял его безошибочный нос.

— Кликни своего пса,— сказал Анри,— и давай исследуем костер.

— Ты угадал все как по нотам, мой дорогой брат.— Шарль не скрывал своего удовольствия.— Лагерь оставили недавно. Горящие угли залили водой, и люди, бывшие здесь только что, имели основание прятаться, раз убежали так быстро.

— Черт подери! Но всего этого слишком мало. Надо знать, кто они, сколько их, в каком направлении двинулись... в этом загвоздка! С нею справиться нелегко.

— Думаешь?

— Ну, я тебя не узнаю, дорогой малыш! Годичное отсутствие так тебя переменило?

— Но ты же, Анри, самый опытный из нас. Все тайны леса для тебя открыты! Ты настоящий дикарь!

— Спасибо за комплимент, месье парижанин!

— Я не то хотел сказать. Ты же знаешь... Кто способен на большое, не всегда способен на малое... А ты можешь и то и другое лучше, чем кто-либо из нас.

— Еще раз — благодарствую... Попробую оправдать столь высокую оценку моим скромным достоинствам. Итак, кто такие наши незнакомцы?.. Нет, каково! Они уничтожили все следы. Глупцы! Разве это им поможет? Тем более что они не все предусмотрели.

— Как это?

— А взгляни-ка на Ломи, спроси у него, на что он показывает пальцем.

Негр и в самом деле, не говоря ни слова, указывал на легкий округлый отпечаток, оставленный на золе каким-то непонятным предметом.

— Что это за штука? — допытывался Шарль.

— Всего-навсего дно оплетенной бутылки, из нее заливали огонь водой.

— Верно! Видны даже рубчики от плетенки!

— Интересно, принадлежит бутылка белым, индейцам или неграм?

— Скоро узнаем. Черт возьми! — радостно воскликнул молодой человек после нескольких минут тщательного осмотра. — Случай помогает как нельзя лучше!

До сих пор Анри не сделал ни одного шага, чтобы ничего не нарушить в рельефе почвы. Не покидая своего места, он схватил ружье за приклад, изогнулся, вытягивая руку как можно дальше, кончиком дула исхитрился подтолкнуть к себе небольшой круглый предмет и поднял его левой рукой.

— Пробка от бутылки! Первоначально в ней было вино. Могу утверждать, что ее раскупоривал белый.

— Откуда ты знаешь?

— Что касается содержимого, то все очень просто, здесь моей заслуги нет: пробка все еще пропитана винными парами.

— Но, — заметил Шарль, — хотя индейцы обожают тафию, они не отказываются и от вина, если представится случай. Поскольку у меня веские основания предполагать, что бутылку взяли из моего багажа, то безрассудно допустить, будто индейцы могли проигнорировать мой великолепный медок*.

— Согласен. Но я не думаю, что в местном быту широко известен штопор. Индейцы довольствуются тем, что проталкивают пробку внутрь бутылки. А вот на этой пробке — след стальной спирали... Погляди-ка сюда, на красном воске виднеется печатка одной из лучших фирм колонии: «Адольф Балли-младший и сыновья».

— Ты прав, Анри, как всегда. Нюх у тебя потрясающий!

— Ба! — скромно отвечал молодой человек. — Всего-то нужно немного методичности и внимания. А вот и еще один... Хм! Никак не ожидал увидеть его здесь. Ей-богу, очень странно! Такие следы оставляет большой муравьед.

* Медок — виноградное вино из местности Медок поблизости от г. Бордо, центра французского виноградарства.

Наш старый приятель Мишо давно приучил нас к своим отпечаткам... Ошибка исключена. Вот выступы от передних когтей, подвернутых на подошвах ног.

— А вот и отпечатки задних лап, которые опирались на почву...

— Верно! Но, Шарль, не замечаешь ли ты некоторую странность, может быть, единственную?

— Нет, а что здесь необычного?

— А то, что муравьеды, как и все стопоходящие животные, идут иноходью, то есть одновременно передвигают ноги с одной, потом с другой стороны. А этот почему-то брел шагом, ноги двигались по диагонали, раздельно.

— Значит, ты полагаешь, что этот муравьед...

— Я ничего не полагаю. Просто констатирую аномалию, и это дает мне тем больше пищи для размышлений, что след муравьеда — единственный, который мы обнаружили... Надо бы понаблюдать за этим зверем. Завтра увидим, что думает на этот счет наш новый друг Матао.

При звуке своего имени пес завилял хвостом, а потом пустился вскачь вокруг сассафра. Он примчался через полминуты. Морда измазана чем-то красным, словно он окунул ее в кровь.

— Ты погляди... краска рúку!

Пес мотался взад-вперед, призывая Шарля следовать за ним.

Молодой человек отлучился и почти сразу же появился снова, держа в руках сосуд с индейским орнаментом. Тыквенную бутылку, еще хранившую остатки краски руку, разведенной на растительном масле, скорее всего бросил здесь какой-то индеец, совершавший ритуальный туалет.

— Вот видишь,— сказал юноша брату,— это, должно быть, индейцы.

— Находка лишь доказывает, что краснокожие были здесь, но я не менее убежден в присутствии белого. К тому же бутылка мне кажется весьма подозрительной. Ну подумай сам, как это люди, столь заботливо уничтожающие мельчайшие следы своего пребывания, вдруг не заметили пропажи такого предмета... Либо я сильно ошибаюсь, либо эту бутылку специально оставили, чтобы ввести нас в заблуждение, убедить, вроде здесь была только группа краснокожих...

— Раз дело обстоит так, возвращаемся к лодке. На первый случай мы знаем уже достаточно.

Недоумение робинзонов только возрастало от обилия предположений, порожденных последней находкой. Они

устроили домашний совет и единогласно решили стать на ночлег на месте, только что покинутом незнакомцами. О том, чтобы провести ночь в шлюпке, нельзя было и думать. Мадам Робен, падая с ног от усталости, нуждалась в нормальном отдыхе. К тому же центральное место в лодке занимал раненый, спавший на подстилке из листьев, а для второй постели места не хватало.

Решили разделить отряд на две части. Робен, его жена, Эдмон, Эжен, Шарль и Ломи останутся на земле, и Матао с ними. Охрану лодки доверили Никола, Анри и Башелико. Они по очереди будут нести вахту и заодно присматривать за Дю Валлоном. Оставленный на свободе бернаш предупредит робинзонов о любом подозрительном движении.

Наметив план действий и распределив роли, восемь мужчин с привычной ловкостью принялись соорудить не одну, а сразу две хижины. Они скрупулезно изучили местность и выбрали самые крепкие деревья, способные противостоять такой катастрофе, которая некогда чуть не стоила жизни Робену и его сыновьям.

К наступлению ночи оба укрытия были готовы. Одно заметное издалека, его воздвигли на месте столь поспешно загашенного костра. Другое, напротив, тщательно замаскировали лианами и зеленой массой ветвей. Легкие хижины находились метрах в сорока друг от друга, и между ними расчистили довольно широкий проход, позволявший из второго укрытия видеть абсолютно все, что происходит в первом. В обоих раскинули гамаки, потом семья в полном сборе поужинала в стоявшей на виду хижине, в центре которой пылал огонь. Его должны были поддерживать всю ночь. Когда пришло время укладываться спать, робинзоны бесшумной волчьей походкой перебрались в другую хижину. Самый изощренный глаз не различил бы ее в ночной темноте даже в трех метрах.

Ломи остался один возле костра, которому умышленно дал погаснуть, а затем, пользуясь темнотой, натолкал веток и листьев в койки, подвешенные к балкам, имитируя спящих там. После чего навалил на тлеющие угли несколько охапок сухих толстых поленьев и присоединился к семье, в беззвучном смехе корча хитрую негритянскую гримасу.

— Все в порядке, Ломи? — Робен понизил голос до шепота, обращаясь к молодому негру.

— Все готово, муше, бонбон... Если злые люди придут в ту хижину, они поймаются на крючок...

— Очень хорошо, дитя мое, теперь ложись спать. Я первый заступаю на дежурство, на один час. Меня сменит Шарль, потом Эдмон, потом Эжен. Ты станешь на пост в предутреннее время.

Крик совы донесся со стороны лодки. Этот сигнал Анри подавал с таким совершенством, что на него нередко откликались и птицы. Крик означал, что на борту все спокойно. Ломи ответил длинной птичьей трелью, затем лагерь погрузился в тишину.

Европейцы с большим трудом привыкают к необычайной протяженности тропических ночей. Это бесконечное и монотонное чередование часов крайне изнурительно. Полная темнота — ни зари, ни сумерек, — и она длится двенадцать часов в сутки, с первого января до тридцать первого декабря! Смертная мука! Тем более что при всегда одинаково высокой температуре жителям тропического региона неведомы ни мягкие осенние вечера, ни свежие летние рассветы умеренной зоны. Так что если утомленный лесным бездорожьем путник за шесть или семь часов крепкого сна восстановит свои силы, то бессонница подстережет его уже в два часа утра и приневолит к слушанию импровизированного концерта, который ежедневно закатывают дикие обитатели леса.

Если какой-нибудь добавочный повод — приступ лихорадки, чрезмерная усталость, неотложное дело — присоединяется к обычным волнениям, то ночь в лесу способна привести в отчаяние.

Хотя и давно привыкшие к этой видимой аномалии ночей, по-зимнему долгих и по-летнему знойных, робинзоны, угнетенные неопределенностью нависшей угрозы, испытывали ту смутную тревогу, от которой не может избавиться даже самый закаленный характер. И бессонница терзала их в первую половину ночи; они долго крутились в своих гамаках, прежде чем оказаться в сладких объятиях сна. Наконец усталость и тревожнения взяли свое, они мирно заснули к тому моменту, когда очередь нести вахту подоспела для Ломи.

С прямым торсом присевший на корточки негр подпер обеими руками слегка склоненную голову и сторожко вглядывался в темноту. Его поза была очень характерна для людей черной расы. Он не отводил взгляда от светлого пятна очага в центре легкой конструкции соседней хижины, а напряженный слух его пытался различить по-

сторонний звук в тихом шелесте и бормотании ночного леса.

Вахта длилась уже четверть часа, когда Ломи почудилась какая-то тень, медленно выходящая из темной зоны деревьев... Действительно, она выдвинулась к полянке, освещенной отблесками очага. Непонятная тень удлиненной формы остановилась на границе светлого пятна и как будто пыталась заглянуть внутрь хижины. Этот силуэт не мог принадлежать человеку. Он скорее походил на огромное четвероногое, а мелькавшие блики огня придавали ему временами фантастические размеры и очертания.

— Ого! — тихо пробормотал Ломи. — Да кто ж он такой, этот зверь?..

Матао подполз к негру, тихо скалясь и наострив уши, готовый пружиной ринуться вперед.

Человек или животное, но явно одушевленное существо, сделало еще два шага, и бони с удивлением увидел, что оно было увенчано длинным и широким султаном, который странно колыхался и покачивался.

И снова, растянув рот до ушей, бони залился беззвучным смехом. Он осторожно взял ружье, зарядил его, нажимая пальцем на курок, чтобы избежать клацанья пружины, и не спеша приложил к плечу. Дрова вдруг ярко вспыхнули, и негр узнал громадного муравьеда. Судя по всему, животное пребывало в состоянии экстаза. Движения султана имели особое значение. Радостно-возбужденное состояние выражалось этими прихотливыми наклонами огромного хвоста.

— Ну, что ты хочешь, таманду?.. — бормотал бони себе под нос. — В той хижине ты не добудешь муравьев, нет! Если не уберешься тотчас в лес, то я pošлю тебе хорошенькую пулю, и из тебя приготовят отбивную котлету...

Ломи держал муравьеда на прицеле. Он уже собирался выстрелить, когда отчетливо различил человеческую фигуру, стоявшую у дерева, в двух метрах позади животного. Но это видение мелькнуло и тотчас исчезло.

В этот момент со стороны реки, находившейся в тридцати метрах от засады, донесся громкий тревожный лай. Бернаш подавал сигнал. Затем прозвучали два выстрела. Негр больше не раздумывал. Он разрядил ружье в муравьеда, который подпрыгнул на месте, выпрямился во весь рост на задних ногах и растворился в темноте.

Храбрый Матао вырвался вперед и застыл как вкопанный, когда его позвали легким свистом.

Разбуженные выстрелами, робинзоны вскочили одним

прыжком, бесшумно вооружились, не произнося ни единого слова, и заняли оборону с восхитительным хладнокровием.

Невдалеке послышался крик, который издает испуганная обезьяна-ревун.

— Это Анри,— шепнул Робен жене.— Успокойся, дитя мое, все обстоит хорошо. В кого ты стрелял, Ломи? — спросил он у негра, который, стараясь не шуметь, перезаряжал свое ружье.

— В чересчур любопытного муравьеда. Он заглядывал в ту хижину, смотрел на койки... Я подумал, что это нехорошо, это не бонбон... И я поймал таманду на мушку.

— Муравьед!.. В такое время, и в таком месте! Да это просто невероятно!

— Муше, вы не знаете, а я видел человека, возле того дерева, да...

— Ты видел человека?

— Да, муше. Я думал, что это таманду, но это не он.

— И мне кажется... Уверен, что твой муравьед совсем не то...

Самая элементарная осторожность повелевала робинзонам не шевелиться и ни за что не покидать хижины. Так они и поступили, и каждый попытался вновь обрести на своем ложе столь резко прерванный сон. Напрасные усилия. Никто и глаз не сомкнул до той самой минуты, когда нежное воркование токкро возвестило, что солнце наконец прогоняет мрак.

Самые высокие макушки деревьев окрашивались в фиолетовые тона, и густая тьма начинала проясняться. Индейская собака заворчала, но тут же стала вилять хвостом.

— Ну как! — воскликнул радостный голос.— Вам тоже сегодня досталось на орехи!

Анри появился так внезапно и так незаметно, что один лишь Матао учуял его приход. Мадам Робен кинулась в объятия сына, который нежно прижал ее к груди.

— Ты не ранен, дитя мое?

— Нет, мама, успокойся! И наши компаньоны живы-здоровы. Вы же слышали мой сигнал?

— Да, мой друг,— ответил инженер.— Но что там у вас приключилось?..

— Ей-богу, решительно не могу разобраться! Я прилег возле месье Дю Валлона и спокойно отдыхал. Обычно при таких обстоятельствах я дремлю одним глазом...

Неожиданно и очень громко залаял бернаш, вы должны были его слышать. Я почувствовал, что лодка плывет по течению. Сразу же отмотал в воду канат с железной скобой, которая служит у нас вместо якоря. Крюк зацепился за грунт, и лодка тут же остановилась. Тем временем Никола, очнувшись от сна, заметил какую-то черную тень на воде, скользившую за лодкой. По контуру он принял ее за каймана, выстрелил в него, и земноводное исчезло. Между нами говоря, в этого каймана я не очень-то верю. Скорее всего наше крепление к дереву он перегрыз не зубами, а хорошо отточенным мечете.

— Ты думаешь, что это человек?

— Не сомневаюсь. И наш песик уже сослужил нам хорошую службу!

— Сдается мне, Ломи, что муравьед принадлежит к тому же семейству, что и кайман твоего компе.

Анри взглянул на отца с любопытством:

— Что за муравьед? А вы-то стрельбу открыли по какой мишени?

— Вот я и говорю, что муравьед явился Ломи, как твой кайман — Никола. И если наш друг стрелял со своей обычной снайперской точностью, то муравьед убрался с хорошим куском свинца под шкурой.

— Скоро мы это выясним. Матао нас поведет.— Анри слегка потрепал собаку по холке, приговаривая: — Ищи, Матао, ищи... человека!

Умное животное втянуло носом влажные испарения земли и, не издав ни единого звука, шагом двинулось к хижине, где еще дымилось несколько головешек. Робинзоны обнаружили на почве большое расплывшееся пятно крови и множество мелких красных пятен, направление которых, вполне понятно, совпадало с движением раненого животного. Анри углубился в лес и уже через какие-нибудь четверть часа появился вновь, неся великолепную шкуру муравьеда, выделанную на индейский манер. От этой кожи, запятнанной красным, как и земля, исходил слабый запах свежепролитой крови.

— Держи, Ломи,— сказал юноша другу,— шкура твоя. Там еще под хвостом торчит маленький обломок гибкого бамбука, с его помощью хвост шевелился. Человек, носивший эту шкуру нынешней ночью, насколько я могу судить, сильно ранен в плечо. Если он не мертв, то дела его весьма плохи, так как я нашел следы тех, кто его уносил. Друзья мои, мы еще дешево отделались!

Минут через десять солнце уже сияло вовсю. Волны света струились по деревьям, от них ярко искрилось вдалеке огромное полотно воды.

— Тревога! — прозвучал громкий голос Никола.— Тревога! Лодка на реке!

Робинзоны бросились к берегу. И действительно, метрах в трехстах они увидели большую парусную лодку, медленно плывшую вниз по течению. Рослый индеец, ничуть не скрываясь, управлял шкотом* паруса. Другой мужчина — белый или только одетый по-европейски — сидел у штурвала.

Паровая машина робинзонов остыла со вчерашнего дня. Анри и Эдмон вооружились веслами и в сопровождении Шарля и Никола бросились вдогонку за утренними путешественниками.

— Дети мои, будьте осторожны! — напутствовал их Робен перед отплытием.

Шарль показал ему небольшой автоматический карабин.

— Там шесть патронов. Это мой пулемет. А вот и броня,— добавил он, поднимая с носовой части легкого суденышка пластину листового железа, служившую передним сиденьем. Юноша изогнул ее дугообразно и укрепил меж бортовых опор в виде щитка.

— Теперь пули нам не страшны! Дружно за весла! Вперед!

Робинзоны довольно скоро поравнялись со второй лодкой, хозяин которой, казалось, никуда особенно и не спешил, спокойно совершая водную прогулку.

— Стой! — крикнул ему Анри, когда голос его уже мог быть услышан.— Стой!

Краснокожий не выпустил из рук шкота и даже не повернул головы.

— Этому парню придется сейчас познакомиться с моими кулаками,— разгневался старший из робинзонов, который не отличался терпеливостью.— Ведь это — одна из лодок Гонде, не правда ли, Шарль?

— Абсолютно убежден!

— ...А еще и сам Гонде! — голосом умирающего слабо крикнул человек у штурвала. С трудом приподнявшись,

* Шкот — снасть (канат), при помощи которого растягивают паруса и управляют ими.

он показал свое лицо, обезображенное кровоподтеками и глубокими ранами.

— Вот это сюрприз! Берем индейца на abordаж! Налегли на весла!

Лодки стукнулись бортами.

Шарль и Анри перепрыгнули одновременно. Краснокожий наконец вышел из состояния невозмутимости. Он медленно распрямился во весь рост и с высоты его, не произнося ни слова, окинул пристальным взглядом обоих братьев. Если этот человек, как говорят на театре, рассчитывал произвести эффект, то замысел его вполне удался.

Вообразите гладкое безбородое лицо зловеще-мрачного вида, отвратительно размалеванное красками руку и генипы. И эта физиономия венчала длинное несуразное туловище, с такой же вызывающей старательностью разрисованное вдоль и поперек киноварью.

А в центре этой поразительно живой экспозиции бросался в глаза очень странный рисунок. На широкой груди гримасничала голова айма, разинувшей непомерную пасть, а весь живот покрывал огромный цветок *victoria regia*, воссозданный с поразительной точностью.

— Ах, черт побери! Этот чудак наверняка должен быть одним из наших воришек. Что же касается загадочных эмблем, уже нам знакомых и так сильно нас заинтриговавших, то на сей раз мы их видим на живом объекте, и я был бы совсем не прочь получить от этого типа необходимые разъяснения! Пора бы отыскать ключ к загадке!

Анри тяжело опустил руку на плечо мужчины и сказал ему по-креольски:

— Мой мальчик, нам с вами нужно кой о чем потолковать. Следуйте за нами на берег, а там уж решим, как с вами поступить.

Индеец и бровью не повел. Его большой рот с длинными зубами приоткрылся, и двое молодых людей — озадаченные, изумленные, растерянные — услышали невообразимую фразу, произнесенную на ломаном французском со смехотворной напыщенностью:

— Я есть английский подданный... Я приказываю вам дать мне возможность продолжать навигацию!..

ГЛАВА 10

Бессердечный англичанин.— Ангелы преданности.— Угроза девственному лесу.— Сухой паек.— Капитан Вампи опьяняет залив.— Целомудрие Питера-Паулюса Брауна.— Краснокожие анабаптисты.— Кокетство на экваторе.— Гвианские паразиты.— Похищение.*

Брошенный гребцами на голландском берегу в верховьях Марони, Питер-Паулюс Браун из Шеффилда кричал, бесновался, впадал в мрачную и бессильную ярость. Он грозил кулаком деревьям, взывал к небу, сыпал проклятия на головы неблагодарных негров и сулил гвианским лесам английскую интервенцию.

— ...Фрегат!..** Два фрегата!.. Броненосец!.. С солдатами Ее Величества, призванными консулом... Целая эскадра, с пушками сэра Уильяма Армстронга, явится на эту реку, чтобы покарать вас... О!.. Я — английский подданный. Правительство Ее Величества никогда не бросает на произвол судьбы своих подданных!

Во время плаванья Питер-Паулюс обычно бывал молчалив и безобиден. Поглощенный эгоизмом человека, который вечно голоден и вечно переваривает пищу, он ограничил свой мир стенками собственного желудка, не думая больше ни о чем, даже о своей семье.

Поскольку он обеспечил жизненное благополучие миссис Арабеллы, мисс Люси и мисс Мери, то единственной их заботой должна была стать полная сохранность внутренних мистера Брауна. А так как одна лишь «навигация» способна заставить функционировать эти внутренности, то Питер-Паулюс несколько не сомневался, что жена и дочери с величайшим наслаждением бороздили водную часть нашей планеты.

Бедные женщины страдали, не смея протестовать против каторги этого иступленного космополита, и замыкались в своей взаимной нежности. Трудно представить что-либо грациозней и очаровательней, чем это трио. Мать, еще молодая и очень красивая, казалась старшей сестрой двух девушек. Несмотря на семейный союз с маниакальным психопатом, миссис Браун не утратила ни высоких душевных достоинств, ни свежести природного ума.

* Анабаптисты — христианская религиозная секта, члены которой отвергали иконы, церковную иерархию, личную собственность.

** Фрегат — трехмачтовое скоростное военное парусное судно.

Со времени превращения мужа в Вечного Жида* — селезеночного или, скорее, желудочного — она умудрилась завершить образование своих дочек и с пользой распорядилась выпадавшими ей моментами отдыха, к сожалению, весьма редкими среди бесконечных маршрутов по всему миру.

Итак, мисс Люси и мисс Мери были вполне благовоспитанными юными девицами и вдобавок прелестной внешности. Их нередко принимали за близнецов, хотя одной минуло девятнадцать, а другой — восемнадцать лет. Обе — блондинки, у обеих пышные волосы отливали тем восхитительным светло-пепельным блеском, который так смягчает и просветляет лица. По странной прихоти судьбы большие черные глаза придавали им выражение твердости, что в сочетании с немного грустной и болезненной внешностью усиливало очарование сестер. Их маленькие ручки, изящные и вместе с тем крепкие, охотно пожимали протянутые навстречу ладони с истинно английской сердечностью, а стройные ножки — редкая вещь в Соединенном Королевстве! — могли бы соперничать с ногами записной парижской красавицы.

Бедные дети, как и их мать, страдающие от тягот дороги, выглядели бледными, изрядно похудевшими. Но им достаточно было совсем немного покоя, чтобы восстановить прекрасный естественный цвет лица, — он составляет национальную привилегию англичанок! — не потеряв при этом своей изысканности.

Они объездили столько стран, видели столько всякой всячины, наблюдали жизнь такого множества народов, с честью выбирались из таких трудных ситуаций и сталкивались с такими опасностями, что нынешнее их положение, сколь странным оно ни казалось, не было чем-то из ряда вон выходящим. Это одиночество, эта заброшенность на берегу неизвестной реки — простая случайность, еще один инцидент на долгом пути...

Большинство женщин в их положении терзались бы отчаянием, полагая себя погибшими. Эти же, напротив, пытались извлечь пользу из передышки, спасавшей их на время от килевой и бортовой качки, и были бы почти счастливы, если бы мистер Браун не страдал столь же остро от прямо противоположных чувств. Мания главы

* Вечный Жид, или Агасфер — персонаж христианского апокрифа, человек, со словами «Иди, иди!» нанесший удар Христу во время его пути на Голгофу, к месту распятия; в наказание был обречен на нескончаемые странствования вплоть до второго пришествия Спасителя на Землю.

семейства представляла для них священный предмет. Они скорее отдали бы себя на растерзание, чем позволили жалобе сорваться со своих уст.

При бегстве боши проявили достаточно такта, чтобы оставить белым их вещи и продукты. Вообще негры честны по натуре. Если по обстоятельствам они не могут сами нарушить взятое обязательство, которое их тяготит, то в качестве реванша всегда найдут приличный повод избавиться от чего бы то ни было. Не припомню случая, чтобы бош или бони украл деньги. Очень редко они осмеливаются присвоить немного провианта, необходимого им на дорогу в родные места, но и то лишь, когда полностью лишены средств к существованию.

Короче говоря, у Питера-Паулюса была хижина, где он мог укрыться вместе с семьей. У него были подвесные койки и продукты питания. А поскольку сезон дождей уже миновал, англичанин мог не опасаться непогоды. Но законченный мономан думал вовсе не о том! Как только он очутился на твердой земле, а его диафрагма перестала вибрировать в такт движению судна, мистер Браун превратился в злобного дога. Напрасно обращала к нему нежные слова миссис Арабелла, напрасно пытались приласкаться к отцу милые девушки, — ничем невозможно пронять человека, у которого желудок давно заменил сердце.

Но волей-неволей Питер-Паулюс должен был отказаться от «навигации», и это приводило его в ярость. Если бы он знал нравы негров верхней Марони, то набрался бы терпения, понимая, что вынужденная стоянка не продлится долго. Почтение, которое испытывают к белым боши, бони, даже юка и полигуду, таково, что негры никогда не пожелали бы по своей воле наклепать на европейцев несчастье. Это чувство, глубоко в них укоренившееся, подпитывается благодарностью за добрые дела белых, но вызывается также и страхом наказания. Они отлично знают, что колониальные власти не шутят, что они рискуют все потерять и ничего не выиграть, грубо обращаясь с путешественниками.

Так что с полным основанием можно было ждать через несколько дней появления лодки, посланной дезертирами, но уже с другими гребцами. Вполне вероятно, что и сам вождь, заинтересованный в поддержании добрых отношений с властями, явился бы собственной персоной спасать покинутых.

Но в этом направлении Питер-Паулюс не размышлял. Побушевав какой-нибудь час, он успокоился. Меланхолически открыл банку мясных консервов, разорвал фольгу в коробке с печеньем, предложил жене и детям по кусочку

мяса, присел на корточки и стал нехотя закусывать.

Не прекращая размалывать пищевой брикет своими мощными коренными зубами, Питер-Паулюс тяжело вздыхал. Не подумайте только, что он хоть в малейшей степени был обеспокоен странным, если не угрожающим, положением двух своих дочерей и жены. О нет! Он завидовал их аппетиту и сожалел, что не может с такой же быстротой опустошать маленькую жестяную банку, из которой они грациозно клевали скудный завтрак. Кроме того, мозги Питера-Паулюса сверлила неотвязная идея. Вот бы выдолбить лодку! Но для этого и месяца мало... К тому же у него нет никаких инструментов. Ах! Если бы сейчас несколько славных стальных изделий из Шеффилда!

— О!.. Я бы построил плот... Very well, именно плот...

Но появление двух кайманов, которые медленно скользили по воде с полуоткрытыми пастьми, пресекло в зародыше эту ленивую фантазию на морские темы... От клацанья их челюстей, которые рептилии закрывали время от времени с ужасным звуком больших ножниц, Питер-Паулюс вмиг оцепенел.

— О!..— печально пробормотал он.— Я — пленник этой реки. Судьба послала мне жестокое испытание... О!..

— Мой друг, мой милый Питер,— нежно сказала миссис Арабелла на хорошем французском языке,— будьте мужественны! Невезение скоро кончится. А потом, мы все так вас любим, мы позаботимся, чтобы вам было хорошо! Правда ведь, Люси? Правда, Мери?..

— Конечно, дорогая мамочка,— откликнулись обе девочки, нежно обнимая отца, всегда надутого, как индюк.

— О!..— тянул он свое, но уже по-английски.— I am lost!* Чувствую, что я умираю. Эта солонина отвратительна. И неподвижность меня добьет.

Чтобы мистер Браун заговорил по-английски, требовались воистину серьезные обстоятельства.

Восемь дней миновало без происшествий, но также и без каких-либо перемен в существовании, столь необычном для всякого новичка и уж совершенно нестерпимым для ножовщика из Шеффилда, которого терзали желудочные недомогания и муза странствий.

Питер-Паулюс проводил дни, разжигая костры в надежде привлечь внимание какой-нибудь лодки и часами обозревая водную гладь. Увы! Река оставалась пустынной. В антрактах между этими действиями он с регулярностью хронического ревматизма вскрывал консервные банки с солониной, жевал говядину или баранину, морщась от

* Я погиб! (англ.)

брезгливости, закусывал тунцом или сардинами в масле. Его меланхолия переросла в ипохондрию, и он больше не говорил по-французски.

Наутро девятого дня он бросил по обыкновению несколько охапок хвороста в костер и унылым взором окинул горизонт. И тут из его груди вырвался радостный вопль.

Три пироги, забитые до отказа пассажирами, чьи кирпично-красные торсы так рельефно выделялись на фоне легких коричневых скорлупок, изо всей силы гребли к стоянке европейцев. Радость и надежда засветились на лице Питера-Паулюса, из глотки его тут же стали вылетать французские слова:

— Арабелла! Идите сюда! Мери! Люси! Глядите! Глядите!.. Маленькие лодочки... С добрыми индейцами... О! Они заберут нас! Мы вернемся на пароход! Какая радость!..

Затем англичанин принялся размахивать своими длинными руками, как бы передавая нечто важное по азбуке Морзе, заполняя весь берег громовыми раскатами своего «ур-ра!».

Краснокожие причалили с неизменной индейской невозмутимостью. Лица их ничем не выдали удивления, вызванного неожиданным спектаклем.

Последний радостный крик Питера-Паулюса застрял в горле.

— Ах! Мери! Люси! Арабелла! Прячьтесь! Не смотрите на них! Эти краснокожие *very shocking!** Ах! Эта непристойная нагота ужасна, отвратительна!

Одевание новоприбывших действительно могло смутить и не таких пуритан, как англичане, чья стыдливость не позволяет им называть вслух даже некоторые детали туалета.

И мужчины, и женщины, и дети, облаченные в солнечные лучи и собственное целомудрие, выступали с трогательным простодушием, достойным наших библейских прародителей в догреховный период их жизни.

Единственной уступкой приличию со стороны прибывших были калимбе**. Прочие элементы одежды отсутствовали. Их заменяли ожерелья, браслеты и подколенные подвязки — у женщин, мужчины носили еще несколько перьев в волосах. Только один красовался в рубашке. Голову он прикрыл старой фетровой шляпой мышинного цвета, а при ходьбе опирался на трость, которая при

* Очень возмутительны (англ.).

** Набедренные повязки.

ближайшем рассмотрении оказалась держателем садовой лейки. Явные знаки старшинства указывали, что перед англичанином — вождь племени.

Он протянул руку Питеру-Паулюсу и сказал:

— Бонжур, муше.

Поскольку девушки и их мать ретировались в хижину, а мистер Браун надеялся столкнуться с индейцами, то он подавил отвращение, не желая углубляться в тему вызывающе скандального внешнего вида пришельцев.

Питер-Паулюс пожал протянутую руку:

— Имею честь приветствовать вас!

— Я капитан Вампи.

— Угу,— пробормотал себе под нос англичанин,— этот джентльмен знаком со светскими обычаями. Он представился весьма приличным образом... Капитан Вампи! — Бывший фабрикант повысил голос, обращаясь к индейцу. — А я — мистер Питер-Паулюс Браун из Шеффилда!

— Ну да, ну да,— подтвердил индейский вождь, не понявший ни единого слова.

— Позвольте, капитан, навести вас на некоторые размышления... Одежда ваших солдат и ваших дам слишком легка, и по этой причине я не могу их представить миссис Браун.

Индеец понял из сказанного не больше, чем из предыдущей фразы. Но англичанин сопроводил свою речь столь выразительной пантомимой, что капитан Вампи смекнул:

— Вы хотите, чтобы я надел штаны!

Затем вождь перевел эти слова с креольского на индейский для своего окружения. Один из мужчин тут же притащил из лодки плетеную корзину, извлек из нее старые, протертые брюки, заляпанные маслом и краской,— славные останки униформы морского пехотинца. Капитан Вампи торжественно погрузил свои ноги в две матерчатые трубы и перепоясался лианой, предоставив рубашке вольно трепыхаться вокруг тела.

Такая покладистость тем более удовлетворила Питера-Паулюса, что и другие индейцы стали облачаться в подобные штаны, костюмируясь «*сoгап роруло*»* без малейших возражений и тем самым проявляя искреннее желание угодить европейцу**.

* На публику (лат.).

** Колониальные власти требуют от индейцев и негров, чтобы они надевали брюки, вступая в поселок. Жандармы без церемоний бросают их за решетку, если те не желают подчиняться этому правилу. (Примеч. авт.)

Женщины и дети остались в одеждах Адама и Евы, но, право же, на войне как на войне! Главное, что выдержан принцип.

Пока мистер Браун готовился отпраздновать появление гостей и раскупоривал несколько бутылок тафии, миссис Арабелла и юные девушки предстали восхищенным и изумленным взорам краснокожей ватаги.

Индейцы редко видят белых женщин, и красивые лица, белокурые волосы и европейские одежды привели их в полный восторг. А мисс Люси еще осенила счастливая идея рассыпать нитку своих гагатовых бус* и подарить женщинам и детям по бусинке. Такая щедрость девушки в сочетании с обильной выпивкой, о которой позаботился ее отец, подняла взаимоотношения новых знакомцев до уровня исключительной сердечности.

Эти краснокожие, впрочем, были уже наполовину цивилизованы благодаря частым контактам с французами Сен-Лорана и голландцами Альбины. Если они и не отказались полностью от кочевой жизни и сохранили обычаи предков, то общение с белыми в какой-то мере облагородило их. Обычно племя жило в деревне на голландском берегу, что наискосок от исправительной колонии. Хорошо отстроенное и красиво расположенное селение состояло из тридцати хижин, в центре его возвышалось жилище Вампи.

Капитан Вампи** — не выдуманный тип, это влиятельная фигура у индейцев галиби. Его власть, официально признанная голландским правительством, простирается на всех индейцев побережья, от косы Галиби до слияния рек Ав и Тапанаони, то есть более чем на двести километров. Как и все люди его расы, Вампи — космопо-

* Гагатовые бусы — бусы из так называемого черного янтаря, или гагата,— плотной блестящей разновидности каменного угля; из гагата делают различные украшения.

** Я лично был знаком с капитаном Вампи и провел с ним немало приятных дней. Мы вместе охотились и ловили рыбу. По моей просьбе он «опьянял» с помощью растения *Robinia picou* бухту Рейтер возле Сакуры. Вождь подарил мне большой лук и стрелы. Это самый ценный дар, на какой способен индеец ради своего компе, а я действительно стал товарищем храброго краснокожего. Одна из его жен изготовила для меня прекрасную глиняную посуду, которую я увез во Францию. Вампи крещен, но от полигамии (форма брака, при которой каждый может состоять в браке одновременно с несколькими супругами) не отказывается. (Примеч. авт.)

лит, способный дать фору и самому мистеру Брауну. Постоянно в движении, перемещаясь по воле своей фантазии, он живет повсюду, и нет у него иной цели, кроме свободы дикого зверя, ради которой он жертвует всем.

Индеец воистину не умеет подчиняться иным правилам, кроме своего каприза. Если он полагает, с основанием или без оно, что какое-то обстоятельство может сковать его свободу, то в одно прекрасное утро он решительно трогается с места, в спешке погрузив на пирогу женщин, детей, багаж, котлы, собак, провиант. Он бросает свой участок и устремляется куда глаза глядят, вплоть до созревания урожая. Для него не существует иной заботы, кроме материальной. Котел, кувшин, металлическая пластина для приготовления муки, лук и стрелы — вот его «*vade tecum*»*, столь же мало обременительное, как у философа Древней Греции.

Его религия, представляющая собой примитивное манихейство**, приспособлена ко всем условиям кочевой жизни. Он верит в антагонизм добра и зла и делает все, чтобы усмирить злого духа и угодить доброму. Отличаясь заметной склонностью к смирению с судьбой, что роднит его с мусульманским фатализмом, индеец никогда не чувствует себя несчастным. За редкими исключениями, это философски настроенный тип, который старается как можно дольше спать, поменьше работать и побольше пить тафии. В общем, он мягок, а точнее — равнодушен.

И напрасно тратили силы миссионеры во все времена, стараясь обратить краснокожих в христианство. Те позволяли крестить себя и свидетельствовали по отношению к «монпе» (*mon pére*) такое же почтение, какое испытывали ко всем белым. Так и получилось, что лейтенант Вампи, который превратился потом в капитана, стал именоваться Симоном, другой индеец принял имя Жан-Пьера, третий — Поло (Поля)... И все они были крещены не единожды, а многие — по десятку раз...

Объясним, почему это происходит.

Члены гвианского французского клира принадлежат

* Иди со мной (*лат.*). В смысле: набор необходимого.

** Манихейство (по имени основателя — Мани) — религия, возникшая в Персии в III в. н. э. Представляет собой синтез зороастризма и христианства. В ее основе — зороастрический дуализм, признание двух начал бытия — противоборствующих царства света, добра, духа и царства тьмы, зла, материи. (*Примеч. перев.*)

к конгрегации маристов*. Они совершают частые и дальние поездки. И весьма редко какой-то миссионер дважды посещает одно и то же место. Отлично зная, что проповеди завершаются раздачей тафии, пускай и в небольших количествах, краснокожие охотно группируются вокруг священника, которого называют «монпе», и даже сами просят их окрестить, поскольку это неизменно служит поводом к празднику. Ничего не зная о прошлом неофита**, марист проводит с ним обряд посвящения, который лукавый индеец уже выполнял — и часто неоднократно — с другими миссионерами.

Беседа между Вампи и мистером Брауном быстро бы зачахла, если бы капитан не прикладывался частенько к кувшину, усердно наполнявшемуся Питером-Паулюсом.

Индеец изъяснялся на плохом негритянском языке, европеец — на французском, с англосаксонским пронормированием... Оба не понимали друг друга, и с обеих сторон слова превращались в нечто совершенно неразборчивое... Но в сознании капитана Вампи зацепилось несколько английских словечек благодаря контактам с голландцами. Например, понятия «джин», «фунт», «гинея», «шиллинг» были ему знакомы. Питер-Паулюс толковал о пироге и сопровождал свою речь телодвижениями гребца. Вампи отвечал «фунтами» и «флоринами». Вскоре они уразумели друг друга.

Тем временем миссис Арабелла и ее дочери вели бесвязную беседу с индианками, дополняемую жестикულიацией, которая нередко воспринималась в прямо противоположном смысле. Все поражало англичанок в этой удивительной и совершенно непредвиденной ситуации. В ту минуту, когда им хотелось обогатить какой-нибудь значительной мыслью эти бедные мозги или пробудить тонкое чувство в душах убогих созданий, собеседница неожиданно бросалась к бутылке тафии, жадно всасывала огромный глоток, отрывала от своей груди младенца, напичканного молоком, и вливала в желудок маленького беззащитного существа такую дозу спиртного, перед которой отступил бы европеец.

Большинство индианок были некрасивы, но не без претензий. Маленький рост, угловатые фигуры, выступаю-

* Марист — член религиозной конгрегации, посвященной Деве Марии.

** Неофит — «новообращенец», новый приверженец какой-либо религии или какого-либо учения.

щие скулы, морщинки вокруг глаз делали их малопривлекательными. Но кокетство на берегах тропической реки не менее развито, чем на берегах Сены или Темзы. И юные и старые без исключения носили широкие подвязки на ногах — чуть пониже колена и чуть повыше щиколотки. Эти красные подвязки затягивались настолько туго, что нарушали кровообращение. От повышенного давления икры чудовищно раздувались, вот эта их толщина и служила образцом элегантности.

Поскольку мускулы ног переставали работать и теряли эластичность, передвижение женщин становилось весьма затруднительным. Жертвы варварского обычая ступали на кончиках пальцев, приобретая шаткую и неловкую походку, как у гусыни.

А впрочем, имеем ли право злословить по поводу подвязок и пухлых икр бедных дикарок, которые немногим уступают цивилизованным дамам с их корсетами и шнурованными ботинками...

Между тем мисс Люси, у которой уже два дня страшно чесалась подошва ноги, почувствовала себя совсем плохо и вынуждена была уединиться в хижине — настолько невыносимым стал этот странный зуд. Индианка с любопытством последовала за ней. Девушка сняла обувь. Один из пальцев слегка опух, и маленькое розовое пятнышко чуть заметно выступало на белой коже. Еще два таких же пятнышка оказались на подошве ноги.

Зуд нарастал с такой силой, что мисс Люси, невзирая на присутствие нетактичной туземки, принялась жестоко скрестить свою ногу.

— Не надо чесать. Будет хуже. В ногу забрался клещ. Дайте, я вам помогу с ним управиться.

Девушка не понимала по-креольски, но уловила в словах женщины сочувствие и показала ей пораженную ногу.

— Так и есть,— покачала та головой.— Я это умею. Я уберу клеща.

С помощью булавки она обвела каждую из маленьких точек, а потом вскрыла кожу над ними с такой ловкостью, что Люси ничего не почувствовала. Не прошло и двух минут, как умелая врачевательница показала ей на кончике булавки три маленьких белых пузырька, размером с просыное зерно. Юная англичанка сразу испытала огромное физическое облегчение.

— Подождите немножко,— сказала индианка.

Она вышла из хижины, разыскала курившего соплеменника, отсыпала из его трубки на ладонь немного пепла и вернулась к мисс Люси. После извлечения пузырьков на коже остались три маленькие дырочки. Индианка заполнила каждую табачным пеплом и велела девушке надеть обувь.

— Теперь все в порядке. Вы никогда не ходили босиком. А это злой клещ, он заползает в ноги белого человека. И его бывает много-много. Он делает очень плохо...

Успокоенная этим странным и спасительным вмешательством, мисс Люси уже собиралась поблагодарить импровизированную знахарку, как вдруг, к своему ужасу, заметила, что та сунула себе в рот булавку с таким видом, точно намеревалась ее проглотить.

Но девушка тут же осознала ошибку, увидев, что булавка насквозь прошла нижнюю губу и с тремя или четырьмя другими образовала маленькую стальную бороздку.

Чтобы объяснить необходимость булавок для этих добрых людей, щеголяющих в столь незамысловатых костюмах, придется сказать несколько слов о том, что такое «la chique», или клещ, по словам индейцев.

La chique, или *puce pénétrente* (проникающая блоха), представляет собой очень маленькое насекомое, но бесконечно более неприятное, нежели обыкновенная блоха. Главные районы обитания — Антильские острова и Южная Америка, где она встречается повсеместно. Много этих насекомых в песке, пыли, особенно в заброшенных хижинах. Блоха быстро и незаметно проникает между кожей и мышцами, не вызывая при этом никаких неприятных ощущений. Питаясь соками тела, она скоро увеличивается в объеме, достигая размеров горошины. Ее инвазия (или вторжение) обнаруживается к концу второго дня, когда в месте проникновения появляется сильный зуд. Головка и туловище насекомого теперь виднеются лишь черной точкой сквозь прозрачность кожи. Миниатюрный вампир, удобно расположившись в живом организме, вскоре откладывает яйца. Растущая семья очень многочисленна. Юные блохи атакуют ткани, приводят к злокачественным язвам, иногда смертельным; нередко приходится ампутировать пальцы.

Эта болячка частенько поражает босоногих негров и краснокожих, но и те и другие обладают удивительным искусством вырывать маленького монстра из мест внедре-

ния. Но и при всей их способности нет надежной защиты от паразитов, и вовсе не редкость негр или индеец без одной или нескольких фаланг. К тому же ноги туземцев бывают покрыты язвами, называемыми «крабами», и «чау-ау», которые очень плохо поддаются терапевтическому лечению.

Избавляться от паразитов доверено прежде всего женщинам. И при такой операции булавка — первейший инструмент. Но где же носить эти «хирургические аксессуары», если нет ни футляра, ни подушечки для иголок, ни кармана?.. Проблему разрешили своеобразно. Индианки проделывают в нижней губе сквозное отверстие, которое остается после заживления губы, и вводят в этот своеобразный «футляр» булавки с загнутыми наружу кончиками. Металлические «стебельки» зажаты естественным сокращением ткани и не скользят, а очень забавно вибрируют, когда индианка смеется, говорит или нередко — увы! — рыдает.

Женщин несколько не обременяют эти инородные тела, они едят и пьют, не обращая на них никакого внимания. Присутствие булавок становится для них настолько привычным, что они вынимают их даже без помощи рук, одним движением зубов и языка.

Таково было назначение столь заинтриговавшего мисс Люси процесса во время извлечения паразитов. Стоит лишь заметить, что подобная операция вовсе не страшует европейца от новой напасти такого рода.

Между тем обмен маловразумительными словами и жестами между Питером-Паулюсом Брауном и капитаном Вампи все еще продолжался. Индеец, превратившийся в «голубую макаку» — креольское выражение, означающее крайнюю степень опьянения, — желал немедленно заняться приготовлениями к отъезду. Уже вторично он повторял мистеру Брауну, что имеет своей целью «опьянить бухту», что ему требуется четыре дня для ловли и копчения рыбы, а после этого он вернется и заберет англичанина с его семейством. Но белый собеседник упрямылся, как каталонский осел*, не принимая никаких доводов.

* Каталонский осел, т. е. осел из Каталонии, гористой области на северо-востоке Испании, где для перевозки грузов по крутым и узким тропам чаще всего использовались ослы.

— Я хочу уехать сейчас же! Вы понимаете? Сейчас же! Я даю вам много гиней, фунтов, флоринов... даю чек на центральный банк Суринама!

Напрасный труд. Решения индейцев незыблемы. И все, чего мог добиться Питер-Паулюс, продолжая настаивать на своем,— это вообще больше не увидеть капитана Вампи с его племенем. Скрепя сердце англичанин вынужден был принять условия краснокожего и провести на суше еще четыре невыносимых дня.

Галиби уехали. Мистер Браун, сгорая от нетерпения, кое-как высидел уже тридцать шесть часов, деля свое время между вскрытием консервных банок и разжиганием костров.

Он хранил угрюмое молчание и наблюдал не без зависти, как его жена и дочери с аппетитом завтракают и обедают, тогда как он сам, лишенный радостей «навигации», хирел и чах, с глубоким отвращением пережевывая мясную тушенку и рыбу в масле.

Минула половина второй ночи после отъезда индейцев. Очаг светил словно фара. Питер-Паулюс мирно посапывал во сне. Внезапный плеск весел ворвался в его дремотное оцепенение. Мистер Браун вздрогнул и вскочил на ноги, сон тут же слетел с него. Он заорал во всю силу своих легких, допытываясь, кто идет. Весла перестали грести, плеск утих. Трехэтажная ругань зазвучала в ночи: англичанин не любил церемониться. До его слуха донесся хруст ветвей. Огонь заколебался и стал быстро гаснуть от неизвестной причины. Воцарилась полная темнота.

Питер-Паулюс собирался протестовать против грубого и незаконного вторжения в частное жилище, но не успел. Чьи-то жесткие и сильные руки схватили его, опутали веревкой, заткнули рот кляпом.

Затем бесцеремонно поволокли через кустарник и швырнули на дно лодки. Он не в состоянии был ни пошевелиться, ни что-то крикнуть остающимся женщинам, чье положение становилось ужасным. Впрочем, Питер-Паулюс Браун вряд ли много размышлял на эту тему.

Плеск весел возобновился, лодка тронулась с места и закачалась на воде.

«А, все равно,— подумал ошарашенный англичанин, с трудом приходя в себя.— По крайней мере, это — «навигация»...»

ГЛАВА 11

Мытарства Питера-Паулюса.— Как обокрали бывшего каторжника.— Отважный негодяй.— Таинственные появления и исчезновения.— Мистер Браун желает плавать.— Снова капитан Вампи.— Лицом к лицу с вором.— Секундное замешательство.— Бегство мошенника.

Читатель помнит поразительную фразу, произнесенную плывшим вместе с Гонде индейцем в тот момент, когда гвианские робинзоны взяли приступом их лодку. Тем краснокожим, столь причудливо размалеванным краской руку и маслом карапы, говорившим по-французски с непередаваемым английским акцентом, той живой картиной, отразившей на человеческой коже загадочные проделки Водяной Матушки, словом, тем странным персонажем был Питер-Паулюс Браун!

По какому невероятному стечению обстоятельств бывший ножовщик из Шеффилда, страдавший хроническим желудочным расстройством и манией перемещения, оказался в подобном виде и в таком месте, с координатами 5°40' северной широты и 56°40' западной долготы?..

Как ни старался Робен, но ничего не сумел выудить из этого оригинала. Видя, что навигация прервана, а все протесты бесполезны, англичанин замкнулся в себе и сохранял стоическую бесстрастность, которой мог позавидовать последний потомок индейцев арамишо. Впрочем, у инженера и его сыновей хватало забот, чтобы не ломать себе голову над загадкой, рано или поздно разрешимой. Большую пирогу привязали к паровой лодке, и робинзоны взяли курс на свой лагерь, к великой радости Гонде.

Бедняга находился в плачевном состоянии. С разбитым лицом, весь в кровоподтеках, он едва держался на ногах и с трудом отвечал на вопросы.

— Ах! Месье Робен, какое счастье снова встретиться с вами! Со мной так ужасно обращались, избили, обокрали. Ваш сын доверил мне свое имущество, а его отобрали у меня силой. Но мы все найдем, и очень скоро! — Энергия как будто постепенно возвращалась к бывшему каторжнику.

— Послушайте, Гонде, но что же все-таки произошло? Расскажите, не упуская ни одной подробности... Главное, нам нельзя терять ни минуты.

— Сейчас, месье, сейчас... Но прежде позвольте задать вам один вопрос.

— Говорите.

— Вы ведь не подозреваете меня, не правда ли? Вы не допускаете, что я мог что-то украсть у вас, у моего благодетеля? И не ставите под сомнение мою бдительность?

— Нет, Гонде. Мне приходила на ум мысль о катастрофе, за которую вы никак не можете быть в ответе.

— Хотя, по правде говоря,— вмешался Шарль,— ваше исчезновение показалось нам довольно странным.

— Увы,— печально ответил бывший узник,— я могу повторить лишь одно: если оступился один раз, то не можешь больше рассчитывать на доверие честных людей.

— Вы ошибаетесь, мой сын вовсе не думал выражать вам недоверие. Мы имели в свое время достаточно доказательств вашей честности, чтобы теперь приписывать злой умысел.

— Спасибо, месье Робен, спасибо на добром слове. Я отыскал бы вас всех в течение трех дней, если бы грабители не отдали меня этому безумцу, который нещадно отколотил меня и заставил плыть вниз по реке.

Питер-Паулюс, храня презрительное молчание, с вызывающим видом повернулся спиной к европейцам.

— Но кто же вас ограбил?

— Я ничего не могу понять во всей этой истории. Верно только то, что они размалевали англичанина, усадили его в мою лодку и сказали: «Ну, а теперь плавайте на здоровье, мистер Браун, в вашем распоряжении лодка и ее владелец». Он ответил: «Хорошо»,— и приказал мне: «Плывите в Сен-Лоран, у меня украли чековую книжку, я должен сделать об этом заявление». Я собирался плыть по заливу, но он страшно разозлился, чуть не до смерти избил меня своими кулачищами. Пришлось спускаться по Марони, под угрозой новой расправы.

— Йес,— соблаговолил произнести Питер-Паулюс.— Мою чековую книжку украли. Все мое состояние попало в руки негодяев. А вы были их соучастником, потому что хотели помешать мне продолжать навигацию. Я имел намерение сделать заявление властям этой ничтожной страны...

— Сэр...— начал было Робен, но его грубо прервали.

— Я есть мистер Питер-Паулюс Браун из Шеффилда,— сухо отрезал краснокожий из Великобритании.

— Ну, хорошо, мистер Питер-Паулюс Браун из Шеффилда,— на отличном английском языке ответил Робен,— прежде всего я призываю вас успокоиться. С вашим богатством ничего не случится, потому что в Сен-Лоране нет банка, к тому же воры не смогут долго использовать вашу подпись... Вот такой совет дает вам от всей души месье Робен, француз, колонист и гражданский инженер.

— Вы — мошенник. Я прикажу повесить вас и всю вашу семейку, когда броненосец Ее Величества прибудет для бомбардировки этой страны.

Инженер звонко расхохотался и, пожав плечами, отвернулся от безумца.

Но Анри выпрямился во весь свой гренадерский рост перед заносчивым англичанином, приложив палец к его расквашенному киноварью плечу.

— Мистер Браун из Шеффилда, — сказал юноша, слегка побледнев, — я вам настоятельно советую взвешивать слова, а если хотите, то и приказываю. Вы злоупотребили своей силой по отношению к этому человеку, — он указал на Гонде, — и знайте, что по отношению к вам я располагаю такими же аргументами. Чтобы вы не ссылались на плохое знание нашего языка, перевирая или неправильно толкуя сказанное мною, я формулирую свой приказ по-английски.

— Анри, — тихо сказал инженер, — оставь в покое беднягу, быть может, у него от солнца мозги съехали набекрень. К тому же потеря денег и смехотворный облик, который придали ему неизвестные злоумышленники, служат смягчающими обстоятельствами.

Робен повысил голос, обращаясь к Питеру-Паулюсу:

— Мистер Браун, вы — наш гость! Ваша персона священна для нас! Мы готовы угодить любым вашим желаниям...

— Грязная тварь! — пробормотал Гонде. — Он оплакивает потерю состояния и ни единым словом не заикнулся о жене и дочерях, которые попали в лапы бандитов!

Лодка, тянувшая баркас на буксире, причалила к берегу. Мадам Робен услышала последние слова, произнесенные ее мужем и бывшим каторжником. Ее сердце, жены и матери, сжалось. Она даже не обратила особого внимания на экстравагантный вид прибывшего маньяка.

— Бандиты! — воскликнула она. — Женщина, молодые девушки — у них в руках! О! Мой друг, мои дорогие дети, надо вызволить их как можно быстрее!

— Я сам только что узнал об этом прискорбном событии, — заметил Робен. — Надо выяснить у Гонде все, что ему известно о похищении. Мы разработаем план действий и без промедления возьмемся за дело.

— О да! Конечно! Бедная женщина! Бедные дети! В каком ужасном положении они очутились!

Весь отряд вновь расположился в хижине. Двое негров-бони остались часовыми при лодках. А Гонде, удобно устроившись на подвесной койке, долго рассказывал о событиях минувших трех дней.

— Прошли уже сутки, как месье Шарль выехал на разведку в верховья Марони, и двенадцать часов, как вы отправились ему навстречу. Вода в реке угрожающе прибывала, хотя состояние атмосферы никак не объясняло этот резкий подъем ее уровня. До меня донесся глухой взрыв, уж не знаю, чем он был вызван. Похоже, что взорвали очень крупный подземный заряд пороха. Но как проверить это предположение? Кантоны Верхней Гвианы такие пустынные! Кто мог заложить заряд и с какой целью?

— Правда, правда,— поддержал Робен.— Этот взрыв за несколько минут до наводнения заинтересовал нас в высшей степени...

— ...Независимо от опасности, которой нам удалось избежать, и от опустошений, которые вода произвела на золотом прииске,— подхватил Шарль.— Разработки теперь надолго станут невозможными. К тому же я боюсь, что большинство рабочих, спасшихся от огня, погибло в воде.

— Как бы там ни было, невзирая на всю невероятность предположения, наши мысли сходятся. Но продолжайте, Гонде, продолжайте! Слушаем вас внимательно. Успех экспедиции зависит от вашей точности.

— Мы расположились перекусить на правом берегу реки. Баркасы прочно стояли на якоре, и для пущей надежности я в каждом еще поставил по человеку. В это время мы увидели европейскую лодку. В ней было восемь человек, а на корме устроен французский балдахин. Четверо негров гребли изо всех сил. Под тентом находился офицер морской пехоты, в полной парадной форме, в сопровождении двух солдат того же рода войск и капитана в одежде военных надзирателей. Еще один пассажир, краснокожий, носил старую шляпу и рубашку.

Ага, сказал я себе, это офицер из гарнизона Сен-Лорана, проводящий, по-видимому, гидрографические работы.

Капитан повернул штурвал, и шлюпка причалила возле наших. Я тотчас ее узнал. То была одна из крупных лодок исправительной колонии, окрашенная в белое, с характерной конструкцией деревянных бортов по типу черепичной укладки. На корпусе еще виднелись черные буквы «С» и «Р», разделенные якорем.

Офицер ступил на берег в нескольких шагах от нас. Лет тридцати пяти, в чине капитана, со значком ордена Почетного легиона. Потом я заметил, что железная решетка, отделявшая гребцов от пассажиров, убрана. Надзиратель, вместо того чтобы собрать и охранять негров с заряженным револьвером, как предписывает инструкция, сошел на берег вместе с капитаном. Я с удивлением констатировал, что оба вооружены до зубов. Каждый носил на поясе

револьвер крупного калибра да еще охотничье ружье на плече. Ну, это понятно, если любишь охоту. Но револьвер на маршруте, где нет ни воров, ни диких животных,— это выглядело странным. Однако меня это не касалось, и свои размышления я оставил при себе.

Я поднялся с места и почтительно снял шляпу перед офицером, который прикоснулся пальцем к околышу белой каски.

«У вас есть разрешение? — строго спросил он.— Ваши права на выход... покажите мне их».

Я вытащил из кармана разрешение, выданное старшим начальником, без которого ни одна лодка не имела права покидать территорию исправительной тюрьмы.

Он прочел и спросил:

«Так это вы Гонде?»

«Да, капитан».

«Освобожденный из заключения, совершающий рейсы между Сен-Лораном и Верхней Марони?»

«Так точно, капитан, и осмелюсь сказать, что я честно работаю с тех пор, как искупил свою вину».

«Ну, честно... Еще посмотрим. Мой мальчик, власти внимательно следят за вами. Есть подозрения, что вы активно занимаетесь контрабандой. Ввозите золото без уплаты налога и надуваете казну на восемь процентов».

«Но, капитан, клянусь вам...»

«Хватит! А что в ваших лодках?»

«Товары, привезенные из Европы,— пищевые продукты, сельскохозяйственный инвентарь, техника для добычи золота. Пункт назначения — прииск возле водопада Петер-Сунгу».

«Товары из Европы... Покажите-ка мне ваш груз».

Я должен был повиноваться и подчинился приказу без возражений. Он прочел ваше имя на ящиках и спросил:

«Робен... А это еще кто?»

— Наглец! — в один голос воскликнули возмущенные робинзоны.

— Я повторяю его слова. Он продолжил осмотр и заявил: «Эти инструменты английского производства. На них требуется въездная пошлина. Она оплачена?»

«Думаю, что оплачена, поскольку все доставлено сюда на шхуне «Dieux-Merci», так что груз обязательно прошел транзитом через Кайенну».

«Ничего не знаю. Вернее, сомневаюсь в этом. А где владелец?»

«В лесу. Он должен завтра вернуться».

«Мой мальчик, вы плохо играете свою роль, вы очень

неумелый контрабандист. Бесполезно ломать комедию. Я вас арестую, а груз подлежит конфискации».

— Но этот человек не имел никакого права! — с негодованием воскликнул Робен. — Ясно, что он не мог служить в нашей армии! Это не офицер, а какой-то негодяй, укравший форму для совершения подлого пиратства!

— Тут я почувствовал, что не могу больше молчать, что готов взорваться. Хотя в положении освобожденных мы всегда находимся под бдительным наблюдением властей, не имеем права ни продавать, ни покупать, ни выезжать, ни возвращаться без разрешения, и хотя мое сопротивление могло повлечь суровое наказание, я решил протестовать, даже если бы не пришлось больше возвращаться в Сен-Лоран, а просить гостеприимства у вас... Но я не успел выполнить свое намерение.

Тот, которого я считал офицером, приставил мне пистолет к груди и громко крикнул. Четверо негров и двое солдат под командой надзирателя кинулись к лодкам и в одно мгновение связали моих перепуганных людей.

Меня взяли последним — запеленали так, что я и пикнуть не мог. Тут произошел странный инцидент, на первый взгляд совсем пустяковый. Моя собака пыталась меня защищать. Она бросалась на капитана с лаем, укусила его за руку и разорвала гимнастерку от локтя до запястья. Он зарядил ружье и сразил бедное животное наповал. Кровь текла у него по руке. Он вытер ее носовым платком, и я отчетливо увидел на коже одну из отвратительных татуировок, так хорошо знакомых всем, имевшим несчастье отбывать каторгу...

— Ну я же вам говорил, — возбужденно вмешался Робен, — этот человек, запятнавший свой мундир, — какой-то бандит, удравший из тюрьмы, а надзиратель и негры — соучастники его преступлений.

— Я сразу об этом подумал, хотя носил он форму очень естественно и выражался довольно культурно. Но и я не простачок, знаю, что среди каторжников встречаются ловкие пройдохи и комедианты. Впрочем, я мог не опасаться за свою жизнь, так как не было еще случая, чтобы беглые решились пойти на убийство. Им отлично известно, что в случае поимки смертная казнь им будет обеспечена.

Меня грубо швырнули на дно тюремной лодки, на борту которой неподвижно сидел индеец. Я упал на ящики, банки, корзины, загромоздившие всю лодку, и ударился так сильно, что потерял сознание.

Очнулся я глубокой ночью, лежа на спине. Обмотали меня веревками так плотно, что и пальцем не удавалось пошевелить. Флотилия плыла. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что мы пересекли Марони и достигли голландской территории. Во всяком случае, берег был очень близко, потому что ветви иногда заслоняли звезды. Затем движение прекратилось, мы застыли на месте. Остановка длилась долго, уже забрезжил рассвет, когда мы снова двинулись в путь.

— Не кажется ли вам, Гонде, что воры — у меня достаточно оснований называть их именно так — спрятали там наш груз, который должен был сильно возбуждать алчность этих беспринципных людей?..

— Ей-богу, месье Робен, вполне возможно. Короче говоря, дело они обстригали очень ловко. Я же говорю, что ничего бы не заподозрил, не будь татуировки так называемого капитана. Я принял бы на веру, что ваши товары конфискованы, тем более что этот человек исчез ночью, как и все его спутники.

— Да что вы говорите?!

— Сущую правду, месье. Наватра, то есть вчера утром, я обнаружил, что нахожусь на реке, в устье которой мы стояли прежде на якоре. Шайка краснокожих окружала нас. Я этих людей раньше не видел, выглядели они весьма подозрительно. Насчитывалось их десять человек. Русло реки было перегорожено огромным, недавно срубленным оливковым деревом. Сообщение между нижним и верхним течением было полностью прервано.

Своих людей я не нашел возле себя. Но появились другие компаньоны: европейская дама, две юные девушки и белый мужчина, которого женщины называли своим отцом. Я ничего не понимал во всей этой истории и чувствовал, что схожу с ума. Индейцы не обижали пленных, хотя белый тип осыпал их ругательствами. Наоборот, они смотрели на женщин с изумлением и не без почтительности.

Короче говоря, я не знаю, что произошло ночью после этого странного дня, потому что заснул как убитый. А когда проснулся, то европейская дама и обе девушки уже исчезли. Вот тогда мои приключения достигли высшей точки неправдоподобия. Абсолютно голый англичанин оказался привязанным к дереву, а вождь краснокожих, старик злобного вида, заканчивал его «расписывать», приводя в то состояние, в каком вы его наблюдаете в данный момент.

Нас посадили в лодку. Я с удивлением узнал один из наших баркасов, только совершенно пустой, если не считать нескольких консервных банок. Их, видно, оставили, чтобы мы не сдохли с голоду. Я хотел отправиться разыскивать вас, но мой палач стал боксировать, и волею-неволей пришлось его сопровождать. И вот тогда выпал счастливый случай встретиться с вами.

— Все это,— заметил Робен,— мне кажется сейчас менее странным, нежели можно было предположить. Эти проходы и возвращения, внезапные исчезновения европейцев, появление краснокожих имеют целью запутать нас, направить по ложному следу. Маскарад с англичанином — всего лишь грубая проделка индейца, кривлянье от полноты чувств, можно не придавать ему значения. Наши товары должны быть неподалеку отсюда. Они спрятаны на том или на этом берегу. Я отдаю предпочтение голландскому, тем более что, по вашим словам, лодка могла пересечь Марони позавчерашней ночью.

— Да, месье.

— Эти негодяи считают себя очень находчивыми, а на самом деле они — жалкие простачки. Украденные предметы могут находиться только здесь или в том пункте, куда вас доставили прошлой ночью. Вторая версия представляется более правдоподобной. Главное для нас — пошевелиться... Мы не можем позволить бесконечно водить себя за нос. Какого черта, в самом деле! Такой крупный груз не может исчезнуть, словно плетеная корзинка. Ну что, Гонде, вам трудно будет узнать это место, не так ли?

— Увы, это правда, месье Робен.

— Но я слежу за нитью событий. Ведь лодки останавливались ночью только один раз?..

— Да, месье.

— И при вашем возвращении сюда вы увидели англичанина с его семьей, которых доставили в то же время, что и вас?

— Абсолютно верно.

— Наш оригинал, возможно, узнает место высадки или хотя бы направление, в каком их вели... Надеюсь, он согласится нас проводить.

Питер-Паулюс, присевший на корточки среди хижин, под своей пышной расписной оболочкой сохранял невозмутимость истинного индейца. Ничто не задевало его, он ничего не желал ни видеть, ни слышать.

Робен приблизился к нему.

— Мистер Браун, хотите снова увидеть жену и детей, снова обрести свое богатство?

— Я желаю совершать «навигацию», — процедил тот сквозь длинные зубы.

— У вас будет «навигация», мистер Браун, обещаю вам. Но прежде вы должны нам помочь отыскать то место на берегу, где вы находились до похищения.

— Нет.

— Вы отказываетесь?

— Йес. Я нахожусь тут для «навигации», а не для помощи вам. Я есть английский подданный и не желаю связывать мое существование с вашим.

— Но тревога о семье... забота о денежном благополучии...

— Моя семья вас не касается. Мои денежные дела не касаются такого авантюриста, как вы.

— Ну, вы — нахал, мистер Браун... К тому же совершенно бездушный отец.

— Я есть английский подданный, и у меня большой желудок.

— Ладно. Поступайте как знаете. Вы абсолютно свободны в своих действиях и суждениях. Мы оставим вас здесь, а свою работу выполним сами. Провизии вам хватит на неделю.

— Я заплачу за еду.

— Но у вас же нет ни шиллинга.

— Я — знаменитый промышленник из Шеффилда. У меня кредит в банке...

— Ну, тогда заложите в банк туманы Марони, поджидая нашего возвращения, и — будьте здоровы!

Пока Робен вел переговоры с англичанином, Никола разогревал паровик. В момент завершения беседы давление пара в котле достигло необходимой отметки. Робинзоны заняли места на борту, и лодка на всех парах понеслась к голландскому берегу. Переход совершили за четверть часа, потом поисковая группа по уже известной системе стала медленно обходить территорию, жадно вглядываясь в нескончаемую завесу зелени.

Поиски были долгими и трудными, несмотря на изощренный опыт европейцев и безошибочный нюх индейской собаки. Наконец, выбившись из сил, Робен собрался командовать остановку, чтобы заготовить дрова, так как топливо было на исходе.

— Стоп! — внезапно вскричал он при виде большой индейской пироги, привязанной к корневищу. Ее корма выступала из густых зарослей мукумуку.

Присевший на корзине индеец неспешно покуривал самокрутку, свернутую из листка маго. Робен окликнул краснокожего.

— Эй! Компе! Эгей!

— Эй! Компе! Эгей! — эхом отозвался индеец.

— Чья это лодка?

— Капитана Вампи.

— А где он?

— Там, на земле, вместе с моим отцом!

Полдюжины краснокожих, привлеченных свистом пара, вырывавшегося из клапанов, высыпали из чащи.

Робен, Анри и Шарль вместе с двумя неграми-бони высадились на берег. Вскоре они оказались посреди довольно многочисленной толпы, окружившей маленькую хижину.

— Бонжур, Вампи!

— Бонжур, Ломи, бонжур, Башелико, бонжур, муше! — отвечивал капитан, хорошо знавший сыновей Ангоссо.

— Что делает здесь капитан Вампи? — поинтересовался инженер.

— Я искал белого муше, его мадам и маленьких мадемузель.

— А откуда ты идешь?

— Я опьянял бухту, чтобы ловить много рыбы, потом ее коптить.

Трое европейцев вместе с неграми вошли в хижину, и прежде всего им бросился в глаза священник, сидевший около подвесной койки. У него были седые волосы и борода.

Две юные девушки с безутешным выражением лица тихо плакали, слезы струились по щекам. В гамаке лежала европейская женщина, охваченная, по-видимому, тяжелейшим приступом лихорадки. Она непрерывно и жалобно стонала.

Священник поднялся с места при виде вошедших людей, которые почтительно приветствовали его.

— Ах, господа! Да будет благословенным ваш приход! Вы можете оказать большую услугу этим несчастным юным девушкам и их больной матери. Я возвращался с верховьев Марони, когда нашел их вчера на французском берегу. Они поведали мне свою душераздирающую историю. В довершение всех несчастий их отец куда-то пропал. Я намеревался сопроводить их до Спервайна, когда узнал, что индейский капитан должен вскоре при-

быть за ними. Я их тотчас привел сюда, надеясь увидеть здесь и главу семейства. Увы, моим надеждам не суждено было сбыться! Скажите, есть ли у вас хинин? Эту бедную даму с утра терзает жесточайший приступ лихорадки, а я бессилен с ним бороться, мои запасы медикаментов совершенно исчерпаны.

Робен не успел ответить на обращение. Гонде, который тихо приблизился и незаметно выступил вперед, вдруг обнажил мачете и резким прыжком ягуара бросился на священника.

— Это он! Бандит! Это он! Фальшивый кюре! Он не больше священник, как наш капитан! Ко мне, люди! Хватайте мерзавца!

Молниеносным жестом так называемый священник отбросил в сторону устремленное на него оружие. Затем, проскользнув под гамаком с ловкостью натурального хищника, кинулся прочь из хижины и исчез в лесу прежде, чем наблюдатели этой странной сцены успели сделать хотя бы одно движение.

— Не смейте его преследовать! — зычным голосом распорядился Робен. — Он наверняка не один! Мы можем попасть в засаду! Необходимо избежать ловушки!

Однако совершенно обезумевший Гонде, вне себя от ярости, ничего не слышал и не внимал никаким советам.

Он бросился вдогонку за злоумышленником, и верный пес Матао помчался за ним. Громкий лай еще долго раздавался в лесу, пока не утих вдалеке.

Бывший каторжник отсутствовал уже более четверти часа, и робинзоны начали опасаться, как бы он не стал жертвой собственного безрассудства, когда общий вздох облегчения вырвался из груди. Появился Гонде, весь исколотый и исцарапанный колючками и острыми листьями. Но он сиял.

— Подлец! Я узнал его по голосу! — запыхавшись, проговорил бывший каторжник. — Он изобразил из себя старика, загримировавшись и посыпав мукой бороду и волосы. Но меня не проведешь!

— Держите! — Гонде бросил к ногам Робена черную сутану, от которой бандит освободился по дороге, чтобы сподручней было бежать. — Вот видите, маскарад для него — дело привычное! Разве не прав я, когда говорил, что никакой это не священник и не офицер, а один из наших воришек?! На сей раз ему удалось ускользнуть, но нет худа без добра, потому что в пятидесяти шагах отсюда я сделал важное открытие.

ГЛАВА 12

Ценные сведения зеленого листка.— Временные препятствия.— Самодельная лебедка.— Бедная мать!.. Бедные дети!.. — Как «извлечь солнечный удар». — Немного туземной медицины.— Бегство индейцев. — Сильные, «как тапиры». — Признательность краснокожей женщины.— А теперь — домой!

Счастливым случай привел Гонде к открытию действительно впечатляющему. Он попытался, впрочем без успеха, идти по следам загадочного существа, которое, обнаружившись под сутаной миссионера, растворилось в непроходимой зеленой чаще. Гонде не сомневался в том, кто мог быть этот отважный негодяй, с равным изяществом носивший одяние миссионера и военную форму. Такая легкость приспособления к совершенно различным ролям могла быть свойственна лишь человеку, закаленному во многих испытаниях, не ведающему предрассудков, готовому на все, короче говоря, одному из больших «аристократов» того земного ада, который называется каторгой.

Несмотря на интуицию собаки Матао и ее великолепный нюх, бывший каторжник скоро понял всю бесполезность своего преследования. И не только бесполезность, но и опасность. Такова запутанность огромного цветника гвианской феи, настолько непроходимы девственные заросли, чреватые многообразными ловушками и угрожающие самой жизни, что в этом лесном лабиринте охотник сам превращается в дичь, так что и Гонде в один прекрасный момент мог запросто оказаться заложником незнакомца, если бы тот решил перейти в наступление.

Бедняга понял это очень скоро и подозвал к себе собаку, умерив ее охотничью прыть. Однако усердный пес успел притащить к нему в качестве трофея черную сутану, небрежно брошенную на куст. Теперь Гонде возвращался, чутко озираясь и прислушиваясь к враждебному лесу. Верная ищейка бежала в трех шагах впереди, не ускоряя и не замедляя движения, часто и прерывисто втягивая черным, как трюфель, носом разнообразные лесные ароматы. И человек тоже был начеку, пристально вглядываясь в каждый штрих окружающей картины — малой части бесконечно великого... Старая привычка лесного обходчика, от глаз которого ничто необычное не должно ускользнуть. И он недаром сохранял предосторожность — иначе бы не заметил выступающего из земли основания одного

из этих жестких, коричневых, древесных черешков, на которых держатся листья пальмы-макупи.

Любой человек, незнакомый с условиями первобытной жизни, равнодушно прошел бы мимо торчащей из земли деревяшки. Между тем такой сложный лист достигает трех метров длины, а кончик его в объеме — не меньше человеческого пальца. Нет, такой грубой ошибки Гонде не мог совершить. Лист был зарыт! Выступавший черенок имел не более десяти сантиметров и был срезан наискосок, как будто мачете.

Бывший каторжник удостоверился, что режущие кромки растения не содержат никакого ядовитого вещества, и для пущей предосторожности ободрал мачете деревянистый стебель. Затем наклонился и потянул изо всей силы. Лист вывернулся целиком, со всеми своими смятыми отростками, не потерявшими еще зеленой свежести.

«Однако же,— основательно рассудил Гонде,— этот лист зарыли совсем недавно, и не может быть, чтобы только один... Должны найтись и другие... Будем копать!»

Матао, готовый приняться за любую работу и наблюдая, как человек стал ковырять мачете землю, тут же с большим энтузиазмом поддержал его усилия и заработал лапами и носом с таким рвением, будто собирался добыть из норы броненосца. Уже через несколько минут трудолюбивое животное раскопало добрый квадратный метр зеленой подстилки, образованной из тщательно уложенных листьев. Следует, правда, сказать, что толщина взрыхленного слоя земли не превышала двадцати сантиметров.

— Ты смотри!..— удивился Гонде.— Да это прямо-таки силосная яма! И что там может быть под листьями?.. Шерш, Матао, шерш! Ищи, моя храбрая собака!

Подбодренный голосом и жестом человека, Матао с еще большим усердием стал рыться в яме и внезапно, выдернув зубами плотный слой свалывшейся зелени, провалился почти по уши в какую-то пустоту среди срезанных растений. Гонде показалось, что когти животного скребут по твердой и гладкой поверхности, которую собака была не в состоянии преодолеть.

— Ко мне, Матао, ко мне! — тихо скомандовал он.

Ищейка выскочила из дыры и, напрягшись всем телом, со вздыбленным хвостом и вытянутой мордой застыла в той прекрасной стойке, от которой сладко замирает сердце даже самого опытного охотника.

— Черт подери, да что бы все это значило? — Гонде был крайне заинтригован.

Он наклонился и просунул мачете в глубину выемки. Кончик оружия наткнулся на твердое, издав при этом металлический звук. Дрожь пробежала по телу каторжника от макушки до пяток. Встав на четвереньки, он жадно разгребал землю, рвал корешки, скреб и царапал, не щадя рук и ногтей, а затем, обливаясь потом, с ноющей поясницей, весь ободранный и исцарапанный, бросился к робинсонам, отдав строгий наказ собаке:

— Оставайся на месте, Матао! Жди меня!

Умное животное вильнуло хвостом, как бы подтверждая: «Приказ понят!» — и не сдвинулось с места, храня позу окаменевшего изваяния.

Весь эпизод длился не более четверти часа. Вскоре Гонде присоединился к робинсонам, начавшим переживать из-за его долгого отсутствия. От безумной радости бедняга стал заикаться, он никак не мог отдышаться, весь его облик пронизывали тревога и торжество.

— О!.. Месье Робен! Вот это находка! Очень важная находка! Идемте же! Скорее! О, Боже! Так распорядилась судьба! Вы будете счастливы! Мне повезло!..

— Да успокойтесь, Гонде! Возьмите себя в руки! Что же стряслось, объясните мне наконец! Что вы такое нашли, славный мой приятель?..

— Месье Робен, идите... Идите скорей! Вы многое видели в своей жизни, но такое, клянусь, еще никогда не попадалось вам на глаза!

— Да что же это, что?!

— Ну... там собака... она караулит... паровую машину! Нет, нет, я не спятил! — Гонде почувствовал, что возбуждение способно придать его словам оттенок неправдоподобия. — Я трогал! Я видел! Это хорошо спрятано! И упаковано как надо. Блестит, как серебро. Идемте же! Прошу вас, идите скорей!

Исполненные живого любопытства, Робен, Шарль и Никола устремились вслед за Гонде. Нет, бывший каторжник ничего не выдумал, не сошел с ума. В какой-нибудь полусотне метров возвышался над раскопками холмик земли вперемешку с увядшей зеленью, а на нем торжественно застыл Матао, словно воплощение самой бдительности. Тонкий луч солнца, проникая сквозь вершины деревьев, золотой нитью доставал до самого дна ямы и заставлял искриться трубы и краны очаровательного парового двигателя.

— Это наша машина! — восторженно вскричали Шарль и Никола.

— Спасибо, Гонде.— Робен был взволнован.— Вы оказали огромную услугу нашей колонии!

— Но это не все. Там находятся и копры, они расставлены вокруг машины. Я их на ощупь определил... И что-то еще... чертовски тяжелое,— продолжил каторжник, который снова энергично раскапывал грунт.

— Наверняка это наши баллоны с ртутью! — догадался Шарль.— Отец, ты слышишь: ртуть! Отныне можно приступать к разработкам золота. Какие у нас планы?..

— По-моему, все ясно. Извлечь как можно скорее наши орудия производства, столь счастливо найденные, погрузить их снова на лодку и вернуться домой. На этот раз будем охранять понадежней, не правда ли, Гонде?..

— О да, месье Робен! Теперь уж ни один смельчак или хитрец меня не проведет!

— Но как же нам перенести такую массу железа?.. — задумался вслух Анри.

— А для воров тут не было проблемы...

— Наверное, их было больше, чем нас...

— Но у нас же есть еще индейцы капитана Вампи... Если мы им хорошо заплатим, они не откажутся поработать носильщиками!

— Пустые разговоры! — засмеялся Шарль.— Ты разве не помнишь, Никола, когда мы заказывали в Европе все эти машины и материалы, то всегда выдвигали условие: чтобы они были в максимально разобранном виде, удобном для транспортировки... Просили даже следить, чтобы отдельные части и секции весили не больше тридцати килограммов...

— Ну, это же вполне естественно, ведь при нынешнем состоянии колонии, когда нет ни дорог, ни выючных животных, люди тянут груз на своих плечах...

— Так что наши копры весят всего по тридцать килограммов, только на пять килограммов больше нормы, установленной правительством. Что касается самого паровика, то конструктор Дебэйе придал ему необычайно скромные размеры, и это при том, что машина обладает очень большой мощностью... Шесть человек смело могут ее нести на ровной доске до самого берега!

— Bravo! Итак, за работу! — заключил Анри, поигрывая своей атлетической мускулатурой.— Ты в ответе за все, мой маленький Шарль!

Пока робинзоны, развив кипучую деятельность, заняты переноской груза, вернемся в хижину, чьи обитатели еще не пришли в себя после дерзкой выходки Гонде

и бегства того, кого все принимали за подлинного священника, настолько хорошо играл негодяй свою роль.

Сперва растерянные и немного пристыженные, индейцы, как достойные представители своей подвижной и переменчивой расы, вновь обрели привычную беззаботность. Две юные мисс, расстроенные исчезновением отца и болезнью матери, тихо плакали в объятиях мадам Робен.

Бедные дети с душевным смятением наблюдали, как быстро меняется лицо их милой матушки. Взгляд потускнел, в нем не было больше жизни, губы судорожно сведены, из горла вырываются бессвязные слова и хриплое, прерывистое дыхание. Обильный пот струится по искаженному лицу, обретшему оттенок восковой бледности.

Напрасно мадам Робен, давно знакомая со всеми фазами и особенностями ужасной гвианской лихорадки, пыталась утешить несчастных девушек. Самая трогательная нежность и забота лучшей из матерей и лучшей из жен были в данный момент бесполезны.

— Моя мама погибла!.. Моя мама умирает! — рыдала Люси.

— Мадам! — стонала Мери. — Спасите ее! Помогите!..

— Мои милые бедные дети! Терпите и надейтесь! Все, чему нас научил долгий и болезненный опыт, все, на что способна искренняя преданность, мы все испробуем, мы используем малейшую возможность!.. Надо только дожидаться окончания приступа...

— Но она же умрет!

— Посмотрите, какая она холодная!

— О, Боже! Она не узнает нас больше!

— А этот бред... какие-то бессвязные слова...

— Мама! Это я!.. Мы здесь, рядом с тобой!

— Надейтесь, дети мои, надейтесь! Я думаю, что через час приступ пойдет на убыль. Тогда попробуем хинин...

— О мадам! Но для чего ждать!

— Так надо, — твердо отвечала мадам Робен. — Хинин, принятый во время приступа, может усилить его интенсивность, а это очень опасно для вашей больной матери.

— А опасность еще не так велика в данный момент? — Девушки отчаянно искали хоть маленький лучик надежды.

— Нет. Если мы сможем предупредить повторение

приступа или, по крайней мере, смягчить его, если он снова обострится, то ваша мать скоро выздоровеет.

— О! Мадам, как вы добры! И как мы вас любим! — Девушки пытались улыбнуться сквозь слезы.

— Но ведь я — женщина... И я — мать... — просто отвечала мадам Робен.

В эту минуту молодой бони неловко, но почтительно выдвинулся на авансцену, держа перед собой большой флакон с прозрачной жидкостью.

— Ломи, дитя мое, — сказала мадам Робен, — что это ты затеял?..

— Маленькая индианка дала мне этот флакон, чтобы вылечить белую мадам от солнечного удара...

— Но у нее нет солнечного удара!

— А я думаю, что есть, мадам. И все краснокожие люди так думают.

Поскольку разговор шел на креольском наречии, девушки переспросили:

— Что он сказал, мадам?

— Этот добрый негр полагает, что ваша матушка страдает от солнечного перегрева, и он просит меня дать ей лекарство, которое креолы используют в подобных случаях.

— И мы тоже вас просим, мадам, — воскликнули девушки, с благодарностью поглядывая на черного богатыря. — Ведь это лекарство безвредно, не так ли?

— Совершенно безвредно, но я боюсь — увы! — что оно также и бесполезно. Однако не имеет значения. Не хочу вас лишать хотя бы ничтожного шанса. Давай свой флакон, Ломи!

Бони приблизился и вручил жене изгнанника сосуд из прозрачного стекла с расширенным горлом, один из тех, которые в Европе служат для хранения консервированных фруктов. Он был наполнен водой и содержал еще некоторое количество зерен маиса. Там же на дне лежал серебряный перстень. Горлышко закрывала простая тряпка, обмотанная тесемкой.

По всей видимости, больше всего миссис Арабелла испытывала боль в голове, потому что бессознательно, автоматическим жестом прикладывала руку ко лбу, как это делают страдающие менингитом*. Мадам Робен осторожно наклонила флакон, затем перевернула его кверху дном таким образом, что широкое горло, прикрытое ку-

* Менингит — воспаление одной из мозговых оболочек.

ском материи, плотно прижалось ко лбу. Ловко удерживая склянку в таком положении, женщина как бы застыла в терпеливом ожидании.

Обе девушки, крайне удивленные и заинтригованные, стали свидетелями странного явления. Вода во флаконе, сохранявшая, вполне понятно, уровень температуры окружающей среды, вдруг как бы вскипела и забулжила. Зерна маиса запрыгали во все стороны и стали стягиваться к центру вследствие вихревого движения, как это бывает с горохом в кипящем котле. Вода казалась действительно закипевшей, потому что крупные пузыри самопроизвольно возникали в ней, исчезали и снова появлялись.

Индейцы и оба молодых негра стали в кружок и с видимым удовольствием наблюдали за необычной операцией.

Все это продолжалось с полчаса. Затем, то ли вследствие того, что острый приступ миновал, как ожидала мадам Робен, то ли потому, что подействовало странное туземное средство, но дыхание больной мало-помалу стало спокойнее и ровнее, лицо медленно обрело естественный цвет, бред прекратился, женщина тихо задремала.

Пораженные и счастливые девушки не верили случившемуся, они горячо обнимали мадам Робен, глаза их увлажнились теперь уже от огромной радости.

— Нет, каково... Ну, каково... — бормотал Ломи, взгляд больших фарфоровых глаз которого с глубоким торжеством перебегал с одной женщины на другую. — Добрая мадам хорошо вытянула солнечный удар... бон-бон... очень даже хорошо...

— Что он сказал? — спросила Люси.

— Переведите, пожалуйста, — поддержала Мери.

— Он сказал, что я хорошо вытянула солнечный удар.

Видя, что юная собеседница не вполне поняла креольское выражение, мадам Робен пояснила:

— Ну, что я излечила больную от солнечного удара, то есть контакт с водой, содержащейся во флаконе, избавил вашу матушку от боли, которую она испытывала...

— Мы охотно этому верим! А разве вы, мадам, не разделяете нашего мнения? Смотрите, какой спокойной стала милая маменька!

— Ах, дорогие дети, я свое мнение держу при себе. Этот странный способ лечения широко практикуется в Гвиане. К нему прибегают и негры, и индейцы, и мула-

ты... А также белые креолы, да и сами европейцы...* И все сходится на том, что средство эффективно. Так что нет такой деревни или самой отдаленной хижины, даже какой-нибудь заброшенной халупы в глухом лесу, где не нашелся бы один из этих пузырьков от консервов, привезенных из Европы. И берегут его как зеницу ока. Он содержит чистую воду, тринадцать зерен маиса и серебряный перстень. Способ применения, как вы убедились, очень простой... Средством этим пользуются, к сожалению, довольно часто... К сожалению — потому что много случаев солнечного перегрева. Я не могу объяснить феномен закипания, которое происходит без видимого повышения температуры воды. Полагают, что оно начинается исключительно в случаях доказанного солнечного удара, и только при контакте с тем участком тела, который поражен экваториальным солнцем. Невозможно дать какое-то разумное толкование этого факта, и мой муж, знающий множество самых разных вещей, тоже не нашел научного объяснения подобного явления.

— Дорогая мадам, ну какое значение имеет научное объяснение, если есть результат, и мы в него верим. Пускай это суеверие, но оно успокаивает... Мы так счастливы видеть улучшение состояния нашей бедной матери... А оно наступило сразу после проделанной вами процедуры...

— Но я тоже очень рада, дорогие дети... Теперь я жду пробуждения нашей больной, чтобы дать ей самое сильное лекарство, героическую панацею от болезней; вызванных лесными миазмами,— сульфат хинина...

Спокойная беседа, вероятно, длилась бы еще долго, но ее внезапно прервал ускоренный отъезд индейцев. Вампи говорил и распоряжался скороговоркой. Он подгонял со-

* Я имел случай испробовать «флакон» на себе через несколько часов после прибытия в Сен-Лоран. Солнечному облучению я подвергся на Марони, возвращаясь с прииска Гермина. Этот солнечный удар осложнился острым приступом болотной лихорадки, и я находился во власти жесточайшего бреда в течение сорока восьми часов. Должен признаться, что применение флакона не принесло мне решительно никакого облегчения. Но фортуна мне улыбнулась, когда я встретил доктора Шаррье, одного из лучших врачей нашего флота. Его заботами я скоро был поставлен на ноги. Нечего и говорить, что доктор Шаррье не применял креольскую «панацею» (панацея — лекарство, исцеляющее от всех болезней) и что все его предписания имели строго научный характер. Как бы там ни было, немалое число заслуживающих доверия лиц уверяли меня, что они выздоровели благодаря «флакону». Так что слепая вера в успех этой туземной терапии представляет собой своеобразный гвианский «культ»... (Примеч. авт.)

племенников быстрее рассаживаться по лодкам. Гребцы уже заняли свои места. И капитан подстегивал отстающих, колотя их налево и направо своим жезлом тамбурмажора. Женщины мчались бегом, прихватив кое-как перевязанные корзины, посадив на закорки одного или двух детенышей, которые удерживались на матерчатой перевязи. Этим бедным созданиям уделял особое внимание великий вождь, как бы торжественно выполняя некий церковный ритуал. Щедро рассыпая тычки и подзатыльники, добрый апостол вел диалог с Робеном, который настойчиво пытался уговорить вождя помочь робинзонам.

— Нет, муше,— неизменно отвечивал тот,— ни за что! Я не могу работать! Я не негр, чтобы таскать этих зверей на своих плечах!

— Послушай, Вампи, я дам тебе тафии... порох... калимбе... ружье... Вели твоим людям поработать немножко...

Посулы ружья как будто поколебали вождя, но только на мгновение, и он тут же затащил свое, с анекдотическим упрямством индейца, которого ничто не в состоянии смягчить или сдвинуть с какой-то точки:

— Нет, муше, нет... Я не могу... нет... Ну, до свидания, муше... Бонжур! Бонжур, мадам! Мы уезжаем...

Шум весел вскоре утих, флотилия скрылась из виду, и Робен, смеющийся и рассерженный одновременно, вернулся в хижину со словами:

— Ну и лентяй же этот старый плут! Горбатого могила исправит... Черт с ним, закончим работу сами. Часа на два осталось... Нам просто необходимо добраться домой нынче вечером, больные нуждаются в лучшем уходе. Для миссис Браун очень важна здоровая обстановка на нашем давно уже раскорчеванном участке. Там можно не опасаться болотных испарений. А что касается месье Дю Валлона, то хотя он окреп и способен переносить любые лишения, мне не нравятся эти возвраты болезни, которым он подвержен. Лихорадка может оказаться для него смертельной.

Погрузка копров, баллонов с ртутью, частей трансмиссии* близилась к завершению. Не забудем, что робинзонов было девять человек, в том числе двое негров-бони и Гонде. Девять таких крепких мужчин способны выпол-

* Трансмиссия — передаточные устройства от двигателя к рабочим органам машины.

нить работу, перед которой спасуют и тридцать обычных гвианских работяг, этих детей лени и безделья.

Оставалась машина. Робен рассчитывал поднять ее с помощью тали, укрепленной на козлах, вроде той, что служит на флоте для установки мачт. Ломи и Башелико, отличные лесорубы, как и все негры в бассейне Марони, за несколько минут свалили пару деревьев средней величины. Брусья поставили вертикально, над тайником. Основания их раздвинули, верхушки связали лианой, так что образовался треугольник. Таль для подъема груза укрепили в верхней части, блок передачи зафиксировали на одном из столбов таким образом, чтобы добиться горизонтальности тягового троса. К счастью, на лодке нашлось немало тонких и прочных просмоленных канатов, было из чего выбирать.

Яма, которую в спешке рыли воры, оказалась неглубокой, и операцию выполнили быстро, без особых трудностей. Котел подцепили к подъемной стреле. Оба негра, «сильные, как тапиры» — так они, смеясь, говорили о себе — подставили могучие плечи под железную массу и поддерживали ее, не сгибаясь. Робен и Анри присоединились к черным геркулесам, и медленно, шаг за шагом, в одном ритме и темпе все четверо направились к реке. Эта изнурительная работа — строго согласованная и без единого слова — заняла четверть часа.

Затем козлы переправили на берег и повторили все операции, предшествовавшие извлечению паровой машины из земли. Только после этого она заняла место на борту лодки. А шедевр современной механики погрузили на просторный баркас Гонде, который незадолго до этого притянул на буксире паровик.

Робен подал сигнал к отплытию. Он торопил с последними приготовлениями, не давая ни минуты отдыха.

— Ну, дети, поспешим! Наши больные нуждаются в покое, необходимо, чтобы уже ближайшую ночь они провели в домашних условиях.

Так что все сборы завершили в мгновение ока. Миссис Браун и месье Дю Валлона с величайшими предосторожностями перенесли под балдахин, на корму. Сестры и мадам Робен поместились рядом.

Робинзоны уже собирались отчаливать, когда никем не замеченная маленькая пирога уткнулась в берег неподалеку. Вероятно, она пришла с другого берега. Какая-то женщина сидела на веслах. К своему глубокому удивлению, семейство Робена узнало в ней ту молодую индианку,

сын которой погибал от укуса змеи и был спасен от неминуемой смерти благодаря находчивости Шарля.

Женщина гребла с необычайной силой и ловкостью, чтобы успеть застать своих благодетелей, и на сей раз вместе со спасенным ребенком привезла и второго сына, новорожденного, которому едва исполнилось несколько недель.

Ее затуманенный слезами взор был устремлен на белых, она печально и признательно улыбалась Шарлю.

Взявши на руки младенца, который забавно изгибался всем своим шоколадным тельцем и встречал новых людей блаженно-бессмысленной улыбкой, женщина прямоком направилась к юноше, спасшему ее ребенка:

— Сегодня утром убили его отца. У меня больше нет хижины, нет рыбы и маниоки. Дети погибли от голода. Молодой белый очень добр. Он не хотел, чтобы краснокожее дитя умерло, когда его покусала змея. Может ли теперь благородный белый накормить сыновей женщины, которая оплакивает убитого мужа?..

Взволнованный Шарль принял на руки индейского малыша и протянул его мадам Робен, осыпавшей младенца ласками. Тот доверительно потянулся к заботливой и улыбающейся женщине.

— Идите сюда, дочь моя, — сказала мадам Робен индианке и указала ей на место возле себя.

Однако та отрицательно покачала головой и втолкнула в лодку своего старшего мальчика, совершенно растерянного и испуганного.

— Вы отказываетесь ехать? — удивилась француженка.

— Нет, не сейчас. Потом. Индейская женщина обязана выполнить свой долг. Она хочет провести в лес белых, чьи руки так сильны, а сердце так великодушно. Она отыскала следы тех, кто убил ее мужа и обокрал белых. Пускай же белые пойдут за ней, она покажет им место, где спрятано их сокровище, а потом отомстит за убитого мужа.

В третий раз робинзоны покинули голландскую землю, пересекли Марони и высадились на французской территории. Индианка не соврала. Пищевые продукты, боеприпасы, сельскохозяйственный и промышленный инвентарь — весь остаток груза, упрятанный похитителями в глубине непроходимой чащи, вернулся к владельцам благодаря проницательности и природному уму индианки, исполненной искреннего желания принести пользу своим благодетелям.

Ничто из вещей не пропало. На месте были даже ящики с динамитом, о котором позаботились Шарль и Никола

в расчете на разработку крупных жил золотоносного кварца.

Поскольку два из трех баркасов Гонде так и не нашлись, а единственный оставшийся был загружен до предела, то решили, что он и совершит первый рейс к поселению робинзонов.

Никола, Шарль и негры-бони поднялись по реке с пассажирами паровой лодки, в то время как остальные сторожили имущество. Впрочем, это была излишняя предосторожность, потому что экваториальные бандиты никогда не совершают повторных нападений.

Через шесть дней, после трех поездок подряд в усадьбу, в распоряжении робинзонов оказались все привезенные из Европы предметы, с помощью которых они надеялись произвести на девственных землях Гвианы мирную революцию труда и процветания.

ГЛАВА 13

Сироты!..— Новая семья, новая любовь.— Креол из Сен-Тома.— Индейские пастухи.— Тайны, непостижимые, как джунгли.— Первое путешествие в страну золота.— Спутники.— По компасу! — Беды и радости старателей.— Скорбный путь.— Первая скважина.— Двое доблестных горняков.— Соперница Австралии и Калифорнии.

Три месяца прошло с того дня, когда гвианские робинзоны, наконец-то собравшись вместе после многочисленных невзгод и переживаний, вступили во владение техникой и домашней утварью, столь таинственно похищенными неизвестными злоумышленниками. Число колонистов еще более возросло, как легко было предвидеть. Ставших сиротами мисс Люси и мисс Мери удочерили инженер и его жена. Бедные дети потеряли свою мать через несколько дней после прибытия в поселок. Для крайне ослабленной бесконечными переездами миссис Браун стал губительным повторный приступ злокачественной лихорадки, против которой оказались бессильными самые преданные заботы и самые обдуманые методы лечения. Проблеск сознания вернулся к горемычной матери в последние минуты жизни. Слабыми пальцами она попыталась сжать руки мадам Робен, устремив на нее жалобный, просительный взгляд, как бы умоляя защитить ее маленьких дочерей.

— Они станут для меня родными детьми,— прошептала на ухо умирающей жена инженера.

Это торжественное обещание, эти несколько слов, произнесенных благородной женщиной с той неповторимой интонацией, которую одна лишь мать способна найти в такую минуту, прояснили черты больной, облегчили ей расставание с жизнью. Она тихо скончалась, не отводя полных любви и сожаления глаз от своих дочерей, обезумевших от горя и отчаяния.

С этого фатального мгновения мадам Робен неукоснительно выполняла взятое на себя обязательство. Люси и Мери заняли в ее сердце такое же место, как и четверо сыновей, и никто из детей не чувствовал себя обделенным, настолько неисчерпаемым запасом материнской нежности обладала эта тонкая, чувствительная натура.

Восхищенные разрастанием своего семейства, юные робинзоны испытывали к новообретенным сестрам привязанность, переходящую в обожание. Никола, негры-бони, старый Ангосо и добрая Ажеда относились к девушкам, как к неземным созданиям.

Не было никаких новостей только о Питере-Паулюсе Брауне, хотя для розыска маньяка предпринималось немало усилий. Невелик был интерес колонистов к этой малопривлекательной личности, но ведь речь шла об отце обеих девушек. А этого с лихвой было достаточно, чтобы стараться его отыскать.

Гонде также превратился в настоящего робинзона. На всякий грех находится милосердие. Бедняга двадцать тяжелых лет искупал миг юношеского заблуждения. Грех его молодости был забыт. Он стал интендантом колонии, и его широкие познания в сельском хозяйстве оказались очень полезны для успеха затеянного дела.

Месье Дю Валлон выздоровел. С гордым выражением лица он обрел прежнюю твердость и энергию. Это был человек образованный, воспитанный, трудолюбивый и исключительно честный. Вполне естественно, что ему удалось завоевать не только уважение, но и симпатии колонистов. И, когда он попросил разрешения остаться с гвианскими робинзонами, Робен и его сыновья с большим удовольствием приняли креола в свое общество.

Директор смог убедиться в географической ошибке, допущенной при первом обустройстве золотого прииска «Удача»; он очень охотно признал, что участок принадлежал не ему, а семье Робена, и поторопился сообщить об этом своим компаньонам, щедро возместив им с помощью робинзонов затраты на предварительные работы.

Месье Дю Валлон остался директором прииска «Удача».

Несколько экспедиций по разведке золотых месторождений завершились успехом. Полсотни рабочих, уцелевших во время катастрофы, описанной в первых главах нашего повествования, были снова наняты. Их обеспечили продовольствием, необходимыми инструментами, и уже два месяца рудокопы трудились не покладая рук. Хижины частично восстановили, территорию расчистили, разбросанные ветки и деревья сожгли в кострах. Все было готово к приему двухсот шахтеров или переселенцев, прибытие которых ожидалось в скором времени в Кайенне. Магазины заполнили, и Мариус, «бакалавр из Маны», занял свой пост кладовщика.

Бесстрашный вожь гвианских робинзонов собирался пожинать плоды двадцатилетнего труда. Земля изгнания преображалась. Всюду царило изобилие. Рабочие могли приезжать со всех концов колонии, они найдут здесь не только самое необходимое, но и сверх того. Несчастья, подобные достопамятному Куру, больше не угрожали региону. Тысячи животных, гордо вздымавших рога, вольготно паслись на богатейших пастбищах. На сотнях гектаров зрел щедрый урожай маниоки, ямса, батата...

Индийские кули, слывшие знатоками сельского хозяйства, основательно и серьезно трудились на полях. Встречались и краснокожие, кочевые повадки которых вполне уживались с пастушескими занятиями. Ягуары, леопарды и пумы, большие любители телят и коров, держались на почтительном расстоянии, поскольку индейцы галиби хотя и почитали лесных владык, но отличались смелостью и безошибочно посылали смертельные стрелы, отравленные ядом кураре*.

Вот на что способна крепкая и умелая хозяйская рука... Вот к чему следовало стремиться и о чем никогда не думать всерьез со времен экспедиции капитана Ларавардьера. Еще с той поры несправедливая тень недоверия была брошена на Гвиану, на эту великолепную землю, познать которую и до сих пор мешали сами люди и обстоятельства.

Как бы ни был Робен спокоен за будущее, но червь сомнения грыз его при мысли о промышленной добыче золота. Воспоминание о минувших событиях питало эту

* Кураре — яд растительного происхождения, которым индейцы смазывали стрелы; обладает нервно-паралитическим действием.

тревогу. Отказались ли от своих планов таинственные враги, разрушившие первоначальное производство?.. Или они собирались с новыми силами, готовые навалиться всей мощью своей изобретательности при повторной попытке организовать прииск? А тот дерзкий незнакомец, единый во многих ликах, неуловимый Протей*, которому беспрекословно повинуются индейцы,— кто он такой?.. И что с ним стало?

Элементы цивилизации в сочетании с элементами первобытной жизни давали несомненный эффект. Если этот белый, с одной стороны, использовал военные хитрости людей своей расы, то, с другой стороны, эмблемы Водяной Матушки, старой и злобной гвианской феи, могли выставаться лишь как пугало для примитивных существ. А тот человек, покрытый шкурой муравьеда, по которому Ломи открыл огонь в устье притока Марони?

Короче говоря, эта странная связь различных событий, эта смесь дикости и цивилизации, комбинация разных способов действия для выполнения какого-то одного преступного замысла давала пищу для размышлений. Поскольку тайны девственного леса всегда непроницаемы, то требовалась величайшая бдительность, и следовало быть готовым ко всему. Ну что ж, робинзонам к этому не привыкать. Через три дня начнется промышленная добыча золота — важнейшая часть программы наряду с сельскохозяйственным производством.

Но, прежде чем говорить о методах, примененных нашими друзьями для добычи драгоценного металла, прежде чем мы проследуем на прииск «Удача», расскажем о том, как традиционно ведутся подготовительные работы. Ведь робинзоны приступали к делу на уже обустроенном, налаженном участке, и мы представили бы в ложном свете эту индустрию, столь мало известную в Европе, если бы обошли молчанием историю долгих лишений, изнурительного труда, различных опасностей, с какими сводила судьба многих старателей долгие месяцы, а также если бы умолчали о больших расходах, нередко пропадавших впустую, перед началом сбора «золотого урожая».

Так что будем двигаться вместе с изыскателем с того момента, когда с картой Гвианы перед глазами он ищет

* Протей — в древнегреческой мифологии морское божество, которое могло произвольно менять свой вид.

в бассейне той или иной реки участок по своему вкусу, на который никто не заявил прав владения.

Сделав выбор, он обращается в Департамент внутренних дел с просьбой о разрешении поисковых работ, какое обычно беспрепятственно выдается. Легко понять, что во избежание ошибок, соперничества или узурпации государство гарантирует частным лицам временное или постоянное право на концессию. *Разрешение на поиск* действительно на один год. Оно должно возобновляться по истечении этого срока, если данная территория не подпадает под общественное владение.

Заключение, написанное по установленной законом форме, публикуется в «Мониторе Французской Гвианы», в просторечии весьма непочтительно именуемом «сплетником»:

«Согласно статьи 11 Декрета от 18 марта 1881 г., регламентирующего поиск и эксплуатацию золотоносных россыпей и рудных жил во Французской Гвиане, месье Х., проживающий в Кайенне, сообщает, что он сделал заявку в Департамент внутренних дел (местное отделение)... (такого-то числа)... месяца 1881 г., внесенную в список... о разрешении на поисковые работы, для получения которого геометр-землемер выдал ему план... (такого-то числа)... месяца 1881 г. под номером 17...

Расположение и пределы территории, составляющей объект данной заявки, а также указание на предельные отметки, разрешенные администрацией, уточнены следующим образом в плане геометра-землемера:

«Территория в пять тысяч гектаров, расположенная в коммуне Х. и в прилегающих районах, ограниченная на севере М... А..., на юге — М... В..., на востоке — двумя участками М... С..., на западе — границей области. Административными отметками являются, к примеру, водопад Гермина на северной линии и прямая, соединяющая *два сырных дерева* с юго-восточной стороны. Включается часть территории, право на которую не использовано господами Д. и Ф.».

Лица, считающие себя вправе протестовать против выдачи этого разрешения, должны подать свои возражения в течение тридцати дней после опубликования данной информации (статья 12 декрета от 18 марта 1881 г.)».

Перед тем как отправиться *на разведку*, золотоискатель прежде всего должен нанять рабочих — негров или индусов, — которые будут его сопровождать. Он выберет самых молодых, крепких и честных, особенно имеющих опыт

в трудном ремесле золотодобытчиков. Их должно быть не меньше шести, с поденной платой от пяти до семи франков плюс питание. Договор о найме заключается на шесть месяцев. Рабочим выдают задаток — от ста пятидесяти до двухсот франков, который они имеют обыкновение растрачивать до последнего су еще до отъезда. Пока вольнонаемные шатаются по значным заведениям, руководитель экспедиции занят заготовкой провизии.

Даже принимая во внимание только самое необходимое и обеспечивая своим людям лишь предписанный правительством колонии минимальный рацион, необходимо заготовить на полгода: куака — 1400 килограммов, бакалейных товаров — 450 килограммов, жира — 180 килограммов, тафии — 150 литров, топленого свиного сала — 55 килограммов, табака в листьях — 35 килограммов, соли, перцу, специй и проч. Элементарная предусмотрительность повелевает руководителю экспедиции увеличить эти запасы по крайней мере на треть, с учетом всяких непредвиденных обстоятельств.

Если золотоискатель — европеец и он не может приспособиться к пище, которую обычно употребляют негры или индусы, то ему следует позаботиться о муке в бочонках, пищевых консервах, сахаре, кофе, чае, а особенно о вине, если он хочет избежать анемии. Да еще не забыть о медицинской аптечке: слабительное, антисептики и непременно — хинин. Предметы лагерного обихода и экипировки слагаются из одеял, подвесных коек, нескольких смен полотняного белья и рубашек. У каждого рабочего должны быть лопата, кирка, мачете, нож и топор. Необходимо иметь в запасе и другие орудия и средства — на всякий случай и для последующих работ, как-то: оружие, боеприпасы, несколько лотков или деревянных блюд для промывки золотоносного песка.

Но вот приготовления наконец завершены. Руководитель экспедиции проследил за размещением груза на судне, то ли в трюмах прелестного пароходика компании «Сеид» «Dieux-Mersi», который трижды в месяц совершает рейсы по Марони с остановками в Синнамари и Мане, то ли на *тануи* (гвинейской шхуне), если он направляется к бассейнам рек Апруаг или Ояпок. Люди подходят поодиночке, поднимаются на борт медленно и неохотно. Грубо говоря, приходится за уши отрывать их от «цивилизованного мира», а впереди ждут двести долгих дней неизвестности.

Начальник экспедиции уже разгуливает на палубе. От солнца его голову прикрывает серая фетровая с широкими

полями шляпа рудокопов, на нем куртка и голубые полотняные штаны с красным шерстяным поясом. Он распекает опоздавших, которые никак не могут расстаться с друзьями, а главным образом — с подружками. Пронзительный свисток «Dieux-merci» рассекает воздух, или же шхуна «Fleur-de-la-Mer»* поднимает паруса... Все расстаются с берегом. Расстались.

Таков пролог всякой разведывательной экспедиции среднего масштаба. От золотоискателя пока требуется немного денег и деловой энергии. Аванс рабочих достигает тысячи двухсот франков. Покупка провианта и орудий производства обходится в две с половиной тысячи, проезд людей и транспортировка груза стоит 250—300 франков. Итак, расходы на разведку составляют примерно десять тысяч франков, включая зарплату рабочим за шесть месяцев из расчета пяти франков в день.

Допустим, что дано разрешение на поиски золота в бассейне реки Марони. «Dieux-merci» бросает якорь перед Сен-Лораном после трехдневного перехода, включая остановки в портах. Едва прибывши, изыскатель пускается на розыски лодок, которые смогут доставить его вместе с людьми и багажом в ближайший к его концессии пункт. Он находит вышедшего на волю каторжника, скажем, Д., который взял подряд на лодочное сообщение между Сен-Лораном и водопадом Гермина. Теперь необходимо произвести перегрузку багажа, а это, поверьте, не так просто — разместить на лодках три с половиной тонны разнообразного груза... Но девиз у золотодобытчика один: терпение и труд. Он сам работает не покладая рук и подает пример другим.

Но это цветочки, а ягодки впереди. Все пустяки по сравнению с предстоящими испытаниями и нередко — увы! — несчастьями, которые подстерегают путников. Через двадцать четыре или тридцать часов экспедиция прибывает на водопад Гермина, который лодки каторжника не в состоянии преодолеть. Одни только пироги негров бошей или бони способны выполнить переход, скорее пугающий, нежели гибельный, и с ним новоприбывшим предстоит вскоре близкое знакомство. Переброска груза усложняется необходимостью расчленения съестных припасов. На одной пироге — бочонок куака и оплетенные бутылки тафии. На другой — инструменты с бакалейными товарами, на третьей — свиной жир и ручная кладь...

* «Цветок моря» (фр.).

Водопад позади, отряд приближается к концессии. Но лучшие дни уже миновали, и трудности возрастают на финишном этапе к заветному Эльдорадо. Наконец появляется приток, открывающий дорогу ко второстепенному речному бассейну, в окрестностях которого находится концессионный участок. Изыскатель заглядывает в свой план, прикидывает на местности, а лодки покидают Марони. Отныне ему будет недоставать ориентиров. И у смельчака останется только компас, чтобы находить нужное направление в огромном и неизвестном пространстве.

Вскоре экспедицию останавливают пороги на реке. Чтобы перейти их, надо разгрузить лодки, весь багаж разбить на порции, не превышающие двадцати пяти килограммов каждая, чтобы мужчины могли нести их на головах, следуя берегом. Перепутанные лианы тормозят шествие, ноги проваливаются в зыбкую почву, колючки вонзаются в кожу. Не важно! Они движутся безостановочно, не спотыкаясь, не жалуясь, вслед за начальником, который расчищает путь ударами мачете. Пустые пироги тянут на канатах. Так путники, осыпаемые мириадами брызг kloкочущей воды, преодолевают каменистую гряду. Затем груз опять размещается на лодках, и весла, мелькающие в руках черных гребцов, вновь заводят свою монотонную песню.

Наступает ночь, люди давно уже нуждаются в отдыхе. Спешно сооружается хижина, разжигается костер. Скромный обед, вполне понятно, поглощается с отменным аппетитом. Несколько глотков тафии и трубка американского табака венчают эту трапезу анахорета*, затем труженики вытягиваются в гамаках, откуда вскоре начинает звучать дружный храп.

Второй и третий день, как две капли воды, похожи на первый, с той только разницей, что отряд должен перейти через два водопада вместо одного. И длится это десять, иногда двенадцать, пятнадцать суток. О! Нескончаемые дни мучительного плавания, которые человек проводит скрючившись в три погибели на скамье, представляющей собой дощечку шириной пятнадцать сантиметров, боясь пошевелиться из опасения нарушить хрупкое равновесие нагруженной до предела лодки, оглушенный жарой, ослепленный потом, хватая ртом, как рыба, душный и нездоровый, насыщенный болотными испарениями воздух. Из каких же стальных волокон сплетены эти черные и крас-

* Анахорет — отшельник, человек, живущий в уединении.

нокожие тела мужчин, неустойчиво махающих веслами без передышки и благодарности или несущих на своих головах пригибающий к земле груз, тогда как одна лишь ходьба или вес собственного оружия становятся истинной мукой для европейца!

Но вот транспортировка груза на пирогах окончена. Река поворачивает к югу, а искомая территория находится на востоке. Надо менять направление. С гребцами рассчитываются и прощаются. Они вернутся назад. Горняки теперь должны полагаться на собственные силы как на единственное транспортное средство. Они возводят на берегу хижину, которая служит временным складом для инструментов, продуктов, вещей. Концессионные земли расположены в двадцати километрах к востоку. Руководитель вновь консультируется со своим планом, выверяет ориентацию по компасу, затем начинает чертить ножом линию, которая, если не возникнет непредвиденных препятствий, приведет к концессии с геометрической точностью. Он возглавляет группу из шести человек, которые трогаются в путь, неся каждый на голове двадцать пять килограммов груза.

Поминутно поглядывая на магнитную стрелку, сжимая рукоятку мачете, начальник экспедиции движется впереди, расчищая путь, рубя лианы и ветки с правой стороны, все время только с правой стороны!* Когда изыскатель полагает, что половина пути пройдена, он подает команду сделать привал. Люди сооружают еще одну хижину, которая станет новым складом. На завтра и в последующие дни они будут переносить сюда весь багаж, оставленный на берегу. Сколь изнурительна эта борьба с природой, чтобы в целости и сохранности доставить на место тяжелые бочонки! Надо брести через девственный непроходимый лес, оцепеневшийся гигантскими растениями с острыми колючками и шипами, изрезанный топкими ручьями, изобилующий болотными зыбкими участками либо же воздвигающий крутые холмы!

И все это время начальник не остается в бездействии. Он отлично знает, что никогда не сможет придерживаться нужного направления с геометрической точностью. Он отыскивает дорогу, обходит гору, рубит дерево, которое ляжет мостом через поток, поджигает непроходимый ку-

* Лесные ходоки всегда помечают правую сторону своего маршрута на случай, если заблудятся. Тогда по срезанным веткам можно снова установить правильное направление. (Примеч. авт.)

старник и бывает уже счастлив тем, что, вымокши под проливными тропическими дождями, с исцарапанным и исколотым лицом, с волдырями на руках, после целого дня изнурительного труда не окажется вдруг перед беспредельным болотом с его сонными предательскими водами.

Но нередко требуется преодолеть и болото. Вот когда начинается настоящая борьба со слепой стихией, стеной встающей перед человеком. И в этой борьбе он торжествует благодаря смелости и терпению. Храбрец идет, возвращается, кружит, бросается в разные стороны и в конце концов отыскивает выход, угадывает лазейку в природном лабиринте. И при всех своих метаниях он не теряет нужного направления. Из сердцевины, казалось бы, непроходимой трясины опытный разведчик устремляется к одному ему ведомой цели, которую только он в состоянии отыскать. Отныне дорога от речного «дебаркадера» до золотого прииска проложена!

Золотоискатель выехал из Кайенны более пяти недель тому назад, и вот весь его груз находится под укрытием третьей хижины, возведенной в глубине леса, на его территории.

Сколько невероятных усилий, чтобы достичь этого первого результата! Сорок долгих дней ушли на то, чтобы отыскать концессию и обеспечить существование семи человек. Читатель помнит, что девственные леса совершенно бесплодны и не содержат никаких ресурсов. «А золото?» — спросит читатель. Наберитесь терпения, до конца еще далеко.

Итак, изыскатель добрался до своей территории. Он не сбился с курса, его ориентация точна, все как будто убеждает, что он не допустил ошибки. Люди его здоровы, настоящие «мóлодцы», и хотят лишь одного — идти вперед.

Собственно, работа, если говорить о разведке, только теперь начинается. Золотоискатель, действующий всегда по определенной системе, направляется проверить какой-либо из участков своей концессии. Его люди несут подвесные койки и инструменты, восьмидневный запас продовольствия. Предполагается, что в этой местности несколько речных бассейнов, необходимо все их обследовать. Вот речушка с быстрым течением, которая змейкой вьется меж двух рядов деревьев-великанов, образующих над нею высокий зеленый свод. Содержат ли золото земли, отстоящие от воды на десять, двадцать, тридцать метров?.. Насколь-

ко богато месторождение? Два этих вопроса необходимо выяснить.

Прежде всего нужно пробраться к берегу. Это нелегкая задача, если учесть, что люди несут тяжелую поклажу, что они вынуждены действовать в сплошных зарослях, где древесные гиганты буквально увешаны и обвиты паразитарными растениями. Тяжелая и монотонная работа мачете длится непрерывно, носильщики продвигаются с превеликим трудом, но все же завоевывают метр за метром, то и дело упираясь в могучие корневища, наталкиваясь на нижние ветви, спотыкаясь о мертвые, упавшие на землю стволы. Но все преграды позади, люди проходят к цели.

Они останавливаются в лесной чаще, сбрасывают груз, хватаются за инструменты и роют первую *изыскательскую скважину*. Это яма длиной два с половиной метра, шириной восемьдесят сантиметров. Глубина же ее варьируется в зависимости от того, насколько близок к поверхности золотоносный слой. Проложив дорогу среди растений и кое-как расчистив «рабочее место», двое мужчин яростно атакуют слой гумуса, который покрывает металлоносный гравий, представляющий собою измельченный кварц.

Один долбит киркой, другой орудует лопатой, а в это время в сотне метров от них изыскатель расчищает еще один пятачок, затем ставит там двух рабочих — копать следующую скважину. Скоро все шестеро за работой; удары отдаются глухим эхом под древесными сводами. Атлетическая мощь и неукротимая энергия сметают с дороги все корни и засевшие в илистой почве пни. Голубоватосерый золотоносный гравий появляется в глубине ямы. Начальник ждет этого момента с той напряженной тревогой, какая сжимает сердце игрока перед зеленым сукном, пока шарик из слоновой кости не завершил своего вращения. Но насколько же острее эмоции человека, который постоянно играет ва-банк, чья жизнь каждую минуту подвергается смертельной опасности!

Руководитель передает землекопу лоток для промывки песка, и тот его тотчас же наполняет породой. Это круглое блюдо из твердого дерева, толщиной от шести до семи миллиметров, шириной сорок пять сантиметров, выдолбленное в форме очень широкого конуса, достигающее в центре восьми сантиметров глубины. Лоток и мачете образуют неразлучный «*vade mecum*» золотоискателя. В лотке помещается около десяти килограммов золотоносного гравия. Со своим драгоценным грузом глава экспедиции направляется к реке, присаживается на корточки

прямо к воде, отбрасывает сначала по одному более крупные скальные обломки, затем наполняет блюдо водой до краев и придает ему вращательное движение, как это делают с решетом. Небольшое завихрение образуется в середине инструмента, и вода с остатками земли постепенно переливается через край благодаря тому же вращательному движению. Масса породы истончается.

Вскоре лоток пустеет. Взгляд не замечает еще ни одной крупницы золота, а видит только черноватую кучку илистых частиц. Горняк наполняет блюдо чистой водой и начинает быстро его потряхивать, благодаря чему жидкость скоро сбегает. Резкий удар ладонью о борт инструмента завершает операцию; золотая пыль, освобожденная от остатков породы, появляется вдруг, словно лучик света на коричневой поверхности лотка. Эта скромная процедура, какой бы простой она ни казалась, требует немалой сноровки и умения. Человек непосвященный обретает их только после многочисленных и неудачных попыток.

Легко понять значение этой работы, которая представляет собой одновременно качественный и количественный анализ грунта. Правда, рудокоп не прибегает к более точным методам измерения. Но такова надежность его взгляда и руки, что никогда он не потеряет ни крошки металла во время промывки, а стоимость золота в своем лотке оценит с такой точностью, как будто взвешивал его на лучших весах. И ничтожно малые золотые песчинки, которые потянут на какие-нибудь двадцать пять сантимов, и те, чья стоимость достигнет пяти франков и более, весом уже около миллиграмма.

Закончив промывку одного лотка, изыскатель покидает первую скважину. Вторую порцию грунта он берет уже из другой скважины, и так поступает и далее, пока не обойдет весь бассейн реки с ее притоками. Количество изыскательских скважин и промытых лотков бесчисленно. Так устанавливаются средняя ширина, глубина и богатство золотоносного слоя. После этого наносится на бумагу план реки с указанием ее направления, все скважины нумеруются, а также фиксируется выход металла из каждого лотка.

Изучив один речной бассейн, немедленно приступают к следующему. Территория проверяется по уже описанному образцу. Составляется топографический рисунок местности — направление и форма берегов, очертания рельефа, наличие впадин и возвышенностей; выводятся средние показатели.

Когда рудокоп исходил свою концессию вдоль и поперек, с востока на запад и с севера на юг, после того, как он четыре месяца махал мачете, копал и промывал, складывал, умножал и делил, он уже знает не только площадь золотоносных зон в бассейне каждого водного потока, но и примерный объем металлоносных пластов, и их продуктивность на кубический метр. Разведка завершена. Теперь известно, достаточно ли богата концессия для прибыльной эксплуатации. Самое время подумать о возвращении.

Этот беглый очерк подготовительной работы к промышленной эксплуатации прииска, сколь бы точным в профессиональном отношении он ни был, не дает полностью представления обо всем, выпадающем на долю изыскателя. Может ли европейский читатель сполна ощутить тяготы, а точнее сказать — мучения, которые испытывают семеро мужчин, на полгода отделенные от всего мира, затопленные растительным морем, вдыхающие смертельные миазмы тропического леса?.. Они спят под открытым небом, проводят дни в ледяной воде рек, питаются соляной, весьма часто испорченной из-за нездоровой лесной атмосферы, их трясет лихорадка — и все-таки добровольные отшельники выполняют свою задачу. Одно из самых тяжелых страданий причиняет им язвенная болезнь, поражающая ноги, и известная в Гвиане под названием *riap-bois**. Длительное пребывание в воде, ядовитые туманы, использование в пищу солонины придают этому заболеванию особенно коварный характер, усугубленный частым контактом пораженных мест с лианами или нижними ветвями, срубленными мачете. Нет золотоискателя, чьи ноги не были бы покрыты ужасными шрамами, — это следствие громадных потерь мускульного вещества. *Riap-bois*, лихорадка и анемия — тройной бич старателей. Заметим, однако, что они отважно бравируют болезнями и переносят их с поистине восхитительным стоицизмом. Несчастные случаи, внезапные катастрофы, опасные болезни — все это для рудокопа лишь простые инциденты, которые ни на минуту не снижают его неукротимой энергии.

Иные добытчики, настигнутые болезнью и совершенно лишенные запасов продовольствия, оказывались заброшенными в самых дальних уголках Верхней Гвианы, по соседству с горами Тумук-Хумак.

* Лесная язва (*фр.*) — болезнь тропических регионов, вызываемая спирохетой, характерна обильными поражениями кожи. (*Примеч. перев.*)

Вы прочитали верно: *лишенные запасов продовольствия*. И это посреди гвианских лесов, где сами индейцы не в состоянии поддержать собственное существование и погибают от голода, если выпадает неурожайный год...

Такое испытание претерпели месье Казальс и месье Лабурдетт*, которые первыми обнаружили золотые месторождения в бассейне реки Марони.

Целых три года они не возвращались в Кайенну. Между прочим, пять недель они провели, питаясь исключительно зелеными бананами и капустой *патава*. Страдания их были ужасны. Сотрясаемые лихорадкой, с ногами, изъязвленными *riap-bois*, со вздутыми животами от постоянного употребления зеленых бананов, они могли разнообразить свое меню только плодами куму (*оопасагрус басаб*), маленькими черными ягодами с вишню величиной. Сваренные в воде и раздавленные, они образуют бульон, который годится только на то, чтобы на время обмануть голод.

Время от времени друзья находили бразильские орехи (*bertholetia — excetsa*), семена в шишках индийской сосны или плоды акажу (красного дерева). Хотя употребление в пищу плодов акажу небезопасно, ими так-сяк можно насытиться, приняв меры предосторожности — обжарив на раскаленных углях и тщательно отделяя семена. Дело в том, что в этих семенах содержится разъедающая основа, которая вызывает очень сильное воспаление губ и полости рта.

Находка черепахи была для изыскателей уже целым событием, подлинным праздником; поимка аймары могла сравниться с лотком, полным чистого золота.

В таких вот условиях мужественные люди выполнили пять разведок — и ни одна не принесла хорошего результата. Только шестая вознаградила их.

Когда после многодневных трудов, этой долгой цепочки удач и провалов, изыскатель убеждается, что его усилия увенчались успехом, он возвращается в Кайенну со

* Работая над второй частью «Гвианских робинзонов», я с душевной болью узнал о смерти месье Лабурдетта. Бесстрашный золотоискатель, после семи лет труда и борьбы, совместно со своим компаньоном и другом Казальсом, с честью заработал крупное состояние. Он умер через два месяца после возвращения во Францию. Эта потеря, глубоко опечалившая всех его друзей, — тяжелый удар по золотодобывающей индустрии Гвианы. (Примеч. авт.)

своими документами. Теперь его задача — найти свободные капиталы для промышленной эксплуатации концессии.

Мы увидим, как организуется это производство, из чего оно состоит. Ведь именно золотодобывающая промышленность могла бы — а особенно должна была бы! — за несколько лет превратить нашу колонию в счастливого соперника Калифорнии и Австралии.

ГЛАВА 14

Организованный хаос.— Устройство прииска.— Новая сфера робинзонов.— Дворец в девственном лесу.— Необходимая роскошь.— Печальная антитеза.— Почему процветают английские колонии? — На реке Фидель.— Технология обогащения.— Импровизированный дуэт.— Королевы прииска.

Подготовительные работы к эксплуатации прииска обходятся, как минимум, в десять тысяч франков и пока не приносят ничего, кроме надежд. Количество золота, собранного во время изысканий, настолько ничтожно, что выручка за него может в счет не идти. Однако наш золотоискатель легко находит компаньонов, готовых сделать начальные взносы, необходимые для крупных разработок. Перво-наперво удачливый изыскатель обращается в Департамент внутренних дел с просьбой о предоставлении постоянной концессии на обследованную территорию, и такое право он приобретает, уплачивая по сорок сантимов за гектар.

Новость о его успехе уже распространяется, как шлейф пыли, и притом золотой пыли. Наш герой устраивается на жилье в Кайенне, изо дня в день встречается со многими людьми, стараясь привлечь к своему делу как можно больше горняков, рабочих других специальностей. Ему требуются пильщики досок, которые на месте смогли бы заготовить материал для сооружения промывочных установок, так называемых «sluice». Людей подобной профессии, к сожалению, почти невозможно найти в Гвиане, приходится преодолевать отвращение и брать их из числа вышедших на волю каторжников. Необходимо нанять нескольких каретников, кузнецов, каменщиков, пускай лишь для сооружения печи. Эти рабочие — увы! — также найдутся только среди бывших заключенных. Нужда свой закон пишет...

Свободные ремесленники не поедут искать богатство за

тридевять земель, в эту Гвиану, о которой столько ужасных слухов, но ни одного правдивого — о необычной щедрости благодатной земли... А какой здесь реальный источник богатства для жителей метрополии, которым часто не хватает дома даже плохо оплачиваемой работы! Какая приманка для тружеников, не знающих иного горизонта, кроме стен своей мастерской или мансарды, — жизнь на свежем воздухе, среди природного изобилия!

Что касается собственно рудокопов или переселенцев, то с ними дела обстоят получше, хотя и тут возникают трудности. В Гвиане не хватает рабочих рук, а власти так мало делают, чтобы наращивать и поощрять иммиграцию негритянскую, китайскую или индийскую!

Как бы там ни было, изыскатель становится директором прииска, перелопатив землю и небо и в конечном итоге наняв на восемь месяцев, за пять франков в сутки плюс питание, от ста двадцати до ста пятидесяти черных обитателей колонии. И каждому выдаст аванс при вручении рабочей книжки — в пределах от ста до двухсот франков.

Полсотни индусов нанимаются на тех же условиях и на тот же срок. Но они будут заняты исключительно добычей золота. Что касается обозных, в чьи обязанности входит транспортировка продуктов, то для этой цели наймут двадцать пять — тридцать китайцев.

Действия, в общем, такие же, как и при подготовке к изысканиям, только в пропорции: шесть к двумстам тридцати. Это соотношение определяет утомительно долгий список необходимых продуктов и вещей, который мы уже приводили в предыдущем случае. Отправка к месту назначения производится на шхунах, чьи борта еле выступают над водой из-за перегрузки, либо на пароходике «Dieux-merci», на узкой палубе которого в этот день будут представлены как будто все образцы человеческих рас. Последующую дорогу с ее переменами транспортных средств мы с вами уже описали.

После колониального парохода или шхун — лодки бывшего каторжника, потом пироги негров бони, преодоление водопадов, высадка на берег, сооружение временного склада... Рабочие валят деревья, обтесывают столбы, заготавливают дранку для крыши. И вот уже рудокопы и обозники, вытянувшись в индейскую цепочку, вступают на путь, ранее пройденный изыскателем. У всех на головах — продукты, инструменты, вещи, расфасованные по двадцать пять килограммов. Куак, смалец, бакалейные

товары в просмоленных мешках, запечатанных таким образом, чтобы предупредить всякий соблазн извлечь что-нибудь оттуда по дороге. Вино и тафия транспортируются в оплетенных бутылках, также накрепко опечатанных из тех же соображений.

Первые ночи проводят на золотом прииске по-походному. Но тут же рудокопы превращаются в дровосеков, с топорами и пилами подступают к деревьям и валят их с поразительной быстротой. Гиганты, связанные лианами, колеблются, не решаются упасть, но потом увлекают друг дружку и обрушиваются с грохотом. Лиственные купола немедленно отделяются от стволов, и лучи солнца впервые озаряют эту победу цивилизации над невежеством.

Поверженные деревья служат материалом для хижин, которые вырастают словно по мановению волшебной палочки. И через несколько дней взорам уже открывается зачаток поселка. Хаос принимает организованные формы благодаря точному распределению работ, где каждому находится дело. Пильщики заготавливают доски, каретники их прилаживают и соединяют в общих конструкциях. Реки освобождаются от загромождающих их водяных растений, золотоносную зону расчищают. Эксплуатация участка начинается.

Прибывшие из Европы Шарль и Никола нашли именно в таком состоянии прииск «Удача», спустя два месяца после начала промышленной добычи золота. Этот участок, чье местонахождение молодой человек точно установил с помощью математических инструментов, не принадлежал, как первоначально думали, компании по обработке наносных грунтов. В ошибке был повинен не месье Дю Валлон, а изыскатель концессии. Креол лишь с недавних пор заменил погибшего горняка. Из-за этой ошибки в расчетах — всего лишь на две тысячи метров — робинзоны стали собственниками уже обустроенной территории. Но они не желали обогащаться за чужой счет, используя случайность. Читатель помнит, что компаньонам директора были щедро компенсированы предварительные расходы, хотя формально они не имели никаких прав на возмещение убытков.

Рабочие прибыли из Кайенны несколько дней тому назад. Деятельность прииска возобновилась под разумным управлением месье Дю Валлона, разработки предвещали солидную добычу. Робен хотел, чтобы все было в полном порядке, когда его семья посетит участок. И этот желанный день наконец настал.

Мадам Робен, обе мисс и братья-бони покинули усадьбу и направились на золотой прииск. Паровая лодка причалила к берегу. Перейдя по легкому мостику, переброшенному над первым ручьем, пассажиры очутились на просторной поляне, наполненной производственным гулом. Их там ожидали. Прибытие гостей ознаменовали приветственной пальбой, из-за чего поднялся переполох на птичьем дворе и взлетели в воздух перепуганные туканы.

Индийский кули в полном облачении и в национальном турбане тут же поднял на вершину длинного шеста французский государственный флаг, полотнище которого запылаало яркими цветами перед изумленными и восхищенными взорами посетителей. Охваченные глубоким волнением при виде священной эмблемы своей родины, робинзоны, не сговариваясь, громко вскричали:

— *Vive la France!**

— Да здравствуют французы экватора! — в ответ им привычно провозгласил не менее взволнованный меcье Дю Валлон, поспешая навстречу инженеру и его семье.

Знакомясь со своим новым владением, робинзоны удивлялись все больше и больше. Директор, получивший полную свободу действий для устройства прииска, превзошел самого себя. Его энергия и отличное понимание особенностей лесной жизни сотворили чудо.

На широком пространстве, тщательно выровненном и очищенном от пеньков, выстроились хижины рабочих. Предназначенные для китайцев и индусов образовывали правую сторону, негритянские — левую. Эти опрятные, гигиеничные, с природной вентиляцией домики, возведенные из жердей и крытые листьями пальмы ваи, приобрели уже красивый цвет маиса и выглядели очень гармонично. Перед некоторыми из них успели разбить палисадники, где тянулись кверху плодовые или декоративные растения. Саженцы банановых пальм стояли рядами от речного дебаркадера до жилищ. Через какие-нибудь два года пальмы образуют тенистую аллею, которая надежно защитит от солнца.

Собственно поселок отступил на сотню метров от аллеи и раскинулся на склоне небольшого холма. Такое расположение было выгодно вдвойне: с одной стороны, оно предохраняло от наводнения, а с другой — легкий ветерок, неоценимое сокровище в Гвиане, постоянно освежал помещения.

* Да здравствует Франция! (*фр.*)

Корпус здания, длиной более сорока метров, шириной двенадцать и высотой около десяти, представлял собой отличный образец колониальной архитектуры. Он возвышался на образующей пол крепкой основе из дерева баго. Его фиолетовые и черные прожилки после протирки маслом карапы высвечивали тонами аметиста и гагата. Косяки из розового дерева, пропитанные древесной смолой, напоминали о старинной мебели времен Людовика XV, этой радости антикваров. Они поддерживали красные балки атласной гладкости, образовывавшие потолочную раму, на которой были уложены тонкие стропила из белой балаты. Очень высокая остроконечная крыша из листьев пальмы вай резко расширялась книзу под тупым углом, окружая весь дом своеобразной верандой шириной в два метра. Вся постройка выглядела очень легкой и элегантной.

Подвесные койки негров и индейцев тихо раскачивались под порывами ветерка, суля блаженный отдых. Все эти чудесные экземпляры самых ценных древесных пород, один вид которых заставлял ускоренно биться сердце краснодеревщика, были срублены тут же, неподалеку. Более того, некоторые из них обтесали в стоячем положении и оставили на своих местах, на крепких, разросшихся корневищах. Это намного увеличивало прочность всего сооружения.

Общая столовая, находившаяся в центре здания и открытая с обеих сторон, к северу смотрела на прииск, а к югу — на девственный лес. Две большие занавеси цвета майса из волокон формиума* ниспадали изящными складками из-под кровли. Одну из стенок почти полностью закрывал поставец** из змеиноного дерева, заменявший буфет, с накладками черного цвета. На поставце высилась посуда из фарфора и небьющегося стекла.

Огромный массивный стол величественно опирался на четыре могучие ножки. Напротив поставца разместили стойку для оружия, на которой выстроились в ряд строгие профили бронзовых стволов. Под этими безупречными изделиями современной оружейной техники, привезенными Шарлем из Франции, расстелили шкуру ягуара, которую избрал своим жилищем огромный сторожевой пес Боб, доставленный из Кайенны месье Дю Валлоном. Этот

* Формиум — растение из семейства лилейных, родом из Новой Зеландии, чьи листья служат сырьем для производства текстильных волокон. (Примеч. перев.)

** Поставец — невысокий шкафчик для посуды.

Геркулес собачьей породы, сильный, как тапир, и храбрый, как лев, отличался мягкой, прямо-таки овечьей натурой. Он по-братски уступил уголок шкуры всеобщему любимцу Матао, который немедленно и с большой охотой принял этот любезный дар.

Налево располагалась гостиная. Ее устали диванами и креслами-качалками, сплетенными из бамбука китайцами с той неподражаемой грациозностью и причудливостью орнамента, которые свойственны только изделиям этих великолепных тружеников. Комнаты для дам, примыкавшие к гостиной, выходили в широкий коридор и на веранду.

С другой стороны столовой и параллельно гостиной располагался рабочий кабинет. Столы кедрового дерева, заваленные бумагами, картами, планами, рисунками, моделями орудий труда и инструментов, были прикреплены к полу. На стенах из оливкового дерева закрепили множество полок с симметрично расставленными образцами редких древесных пород, минералов, окаменелостей, скальных обломков, а также компасы, часы, пedomетры, физические и математические приборы и т. п.

Мужские апартаменты примыкали к рабочему кабинету. Наконец, чтобы завершить описание так хорошо продуманной планировки помещений, надо упомянуть отдельно стоявший маленький флигель, где разместилась полноценная химическая лаборатория. До нее от дома было метров двадцать. Не забыли, конечно, и о кухне с печью, расположив их поблизости от столовой. Кухню доверили просвещенным заботам мэтра Августина, натурального марсельца, бывшего кока на крупном военном корабле, который вскоре приучил обитателей Гвианы к рыбной похлебке с чесноком и к провансальскому фаршу с грибами и луком.

Еще один штрих, показывавший, насколько разумно и предусмотрительно спланировали просторное здание. Из каждого уголка жилища хорошо просматривалось все открытое пространство с хижинами рабочих, помещениями для служащих и для домашней прислуги, с кухнями и продуктовыми магазинами. Значение этого обстоятельства, сколь бы мелким оно ни казалось, трудно переоценить.

Счастливые, словно дети, робинзоны шумными возгласами выражали свой восторг и осыпали благодарностями и похвалами главного творца этих чудес.

— Ну, это слишком шикарно, мой дорогой дирек-

тор,— повторял Робен.— Мы сами на себя не похожи среди всей этой роскоши... Это уже не Гвиана, мы будем нынче спать в условиях изнеженной тропической Капуи*, которую воздвигло здесь ваше волшебное искусство... С другой стороны, это изобилие посреди всеобщей нищеты вызывает у меня чувство неловкости... О! Пусть не смущают вас эти замечания, мой друг! Я слишком признателен вам за то, что вы постарались облегчить пребывание наших дам в этом аду, чтобы добавлять хоть каплю горечи к вашей вполне законной гордости...

— Дорогой месье,— живо отвечивал креол с тем глубоким почтением, которое внушал изгнанник всем, кто его близко знал,— я ждал ваших слов, и они переполняют меня радостью. Вы позволите мне быть откровенным и раскрыть причины моих действий?..

— Говорите, дорогой друг. Вы же знаете о моем расположении к вам. Я с большим интересом выслушаю ваши предложения... Уверен, что они идут от чистого сердца и от пронизательного ума...

Креол покраснел от удовольствия — Робен отнюдь не был щедрым на комплименты и знаки внимания,— скромно поклонился, пробормотал слова благодарности и продолжил:

— Я хотел бы сказать, что после той ужасной жизни, которую вы некогда вели на этой земле изгнания, после вашей неустанной борьбы с тюремщиками, которые вас угнетали, но никогда не побеждали, было бы справедливым пожать наконец плоды своих трудов и не испытывать больше страданий и тягот...

Для каждого, кто знает вашу жизнь, историю вашей семьи, сделанное мною покажется еще и недостаточным, не отвечающим вашим заслугам, несоизмеримым с несчастьями прошлого... Вот одна линия моих рассуждений, но есть и другая, еще более существенная.

Вы говорили, что наши колонии сильно уступают процветающим английским владениям и что ваше сердце патриота страдает от такого сравнения...

— Конечно, и вам хорошо известна цель моего существования — обогатить «Полуденную Францию» новыми идеями, элементами новой жизни...

— Я это знаю. И одна из главных причин нашего оскудения, всеобщего упадка поражает меня тем сильнее,

* Капуя (современное написание Капуа) — город в итальянской области Кампания, в древности славился богатством и роскошью.

что я креол. У француза-эмигранта одна только мысль: поскорее собрать состояние, большое или не очень, а затем без задержки вернуться домой, в цивилизованный город, чтобы наслаждаться жизнью... То есть для него всегда своя рубашка ближе к телу... Плевать ему на то, что десяток лет для достижения своей цели он проводит в жалкой халупе. Он продает, покупает, меняет, старается как можно больше придержать, как можно меньше потратить... Когда его бумажник набит, когда он превратился в губку, вытянул из колонии все, что мог, счастливчик садится на ближайший пароход — только его и видели! Вместо того чтобы улучшить землю, приносящую ему богатство, он бросает ее, как неблагодарный обжора, как эгоистичный игрок!

Англичанин же, напротив, покидает метрополию безо всяких планов на возвращение. Он становится англичанином индийским или австралийским, создает уголок своей родины везде, куда забрасывает его судьба. Если есть у него привычный круг вещей, то он привозит их с собой. Если нет, то он умудряется создать на месте этот «дом», такой важный и дорогой для каждого гражданина Соединенного Королевства. Он умеет торговать и вести свои дела не хуже любого другого, однако не поступает подобно паразитическим натурам, которые только берут и не желают ничего отдавать. Его коммерция обогащает окружающее, а не обедняет. Он живет семейной жизнью и, отдаваясь разным делам, заботится об открытии школы для своих детей. Он желает, чтобы они находились в здоровой городской атмосфере, с домашним комфортом, и добивается этого любой ценой, потому что и завтра будет здесь же, и дети его останутся на этом месте, как и их потомки. Даже сами его причуды и прихоти способствуют процветанию приемной родины. Если бы у француза был нрав английского спортсмена, то он дождался бы, когда приобретенный капитал принесет ему главный приз, а не удирает бы до начала состязания. Он бы выращивал лошадей в Гвиане, и тогда, возможно, в Кайенне ходил бы трамвай, как в соседней Демераре. А то у нас два десятка экипажей и ни одного ресторана или мебелированной гостиницы.

Ах! Если бы все те, кого эта щедрая земля обогатила, не сорвались бы в ту же минуту с места, как бы расцвела наша милая «Полуденная Франция»! Вместо того чтобы ехать кланчить чахлах бычков в далекой Паре, да еще выкладывать при этом золото, на наших тучных пастби-

щах гуляли бы самые лучшие в мире животные, как на лугах Девоншира. Наши истощенные рабочие ели бы кровавый ростбиф, а не сидели бы на голодном пайке из куака и солонины. Там, где торчат ветхие разбросанные хижинки, поднялись бы города; пароходы бороздили бы наши крупные реки; железные дороги связали бы, как в Австралии, золотые прииски и другие предприятия... Наша колония стала бы мощным государством, а не унылой комбинацией сухих пустынь и болезнетворных болот...

— О, все, что вы говорите,— это суровая правда,— подхватил Робен, глубоко пораженный неподдельным волнением креола и пафосом его речи.— Теперь я вас понимаю вполне, и позвольте мне поблагодарить вас от всей души!

— Я хотел сыграть роль англичанина и создать здесь интерьер французского «дома» из самых простых подручных материалов, какими располагает наша колония. За исключением стекла и фарфора, оружия и инструментов, природа дала нам все эти материалы в первичном состоянии. Изумительные образцы древесины, которым позавидовал бы набоб* в своем дворце, еще три месяца тому назад шумели листвою... Мы срубили деревья, обтесали их, отполировали и водрузили на место. Бамбук, из которого сделаны удобные и элегантные кресла, и формиум, давший основу для драпировок, растут среди болот... Там их тьматмущая... А наши гамаки пребывали в состоянии пушистых кистей на хлопковых деревьях. Наконец, на этом участке земли, залитом сейчас ярким солнечным светом, поднимался густой и мрачный лес с гнилостным духом, влажной травой, отвратительными насекомыми, заболоченной вязкой почвой...

Я скажу теперь тем, кто предпочел убраться отсюда с накопленным золотом: вам нравятся наши жилища, вас удивляют удобства нашей жизни, вы, может быть, завидуете нашему счастью... Ну, так за чем стало! Оставляйтесь с нами, берите с нас пример! Вы же видите, как легко достичь этого комфорта, этой роскоши... И закладывайте здесь основы своего будущего! Привезите сюда Францию, и завтра ваши дети станут гражданами большого города. Вместо того чтобы быть в Европе последними среди тех, чьи вкусы и привычки вам чужды, вместо того чтобы

* Набоб — быстро разбогатевший человек, склонный к бросающейся в глаза чрезмерной роскоши.

превращаться в беспородных миллионеров, лишенных натуральной почвы и, может быть, обремененных собственным богатством, станьте первыми французами экватора!

Колониальный ларец нашей родины будет обладать самой крупной жемчужиной! Наряду с Индией и Австралией весь мир признает «Полуденную Францию»!

Мое перо не берется описать волнение, сжавшее сердца присутствующих, когда напряженный голос креола провозгласил эти патриотические слова. В таких сценах каждый предпочитает сам испытывать живительную радость и ликование...

Золотой прииск начинался для робинзонов под счастливой звездой... Вечером устроили праздник. Индусы и негры плясали и пели, стреляли в воздух из ружей, горячительные напитки лились широким ручьем. Даже китайцы потеряли свою обычную угрюмость, их обезьяньи мордочки разгладились, и они развлекались, как никогда. Шумное и суетливое веселье не перешло, однако, границ разумного. Празднество длилось до глубокой ночи, но, когда на заре сигнальный рожок возвестил о начале трудового дня, никто не пропустил его мимо ушей.

Прииск пробуждался слегка утомленный, но радостный. День открывала важная процедура — «бужарон», распределение водки небольшими порциями. Затем следовала раздача продуктов питания. Пока кладовщик Мариус, «бакалавр из Маны», приправлял пищу крупной солью, начальники участков собрались под навесом веранды, чтобы получить распоряжения директора на предстоящий рабочий день.

Расчет был завершен, рабочие возвратились в хижины, чтобы позавтракать и приготовить себе полдник, который они проглотят днем, не прерывая работы, потому что, однажды запущенный, рудопромывочный желоб не ведает остановок.

Точно так же, как правительство определяло нормы питания*, оно устанавливало и продолжительность рабочего дня. За исключением воскресенья, рабочие ежедневно заступали на смену в восемь часов утра, а прекращали

* Мы помним, что ежедневный рацион для мужчины включал 750 г куака или риса, 250 г солонины в течение пяти дней, на шестой — 200 г соленого сала, на седьмой — консервированная говядина и полкило сушеных овощей. Кроме того, каждый рабочий получал по 30 г топленого свиного сала в день для приготовления пищи. «Бужарон» состоял из 60 г водки утром и такой же порции вечером. (Примеч. авт.)

работу в три часа пополудни. Всего семь часов труда. Это немало, с учетом климата нашей колонии:

После утреннего совещания мастера возвращались в поселок, получали необходимое для работы инструмента количество ртуты и в сопровождении своих людей шли к реке, представлявшей главное поле деятельности.

Робинсонам были известны примитивные методы добычи золота, но они не владели промышленным производством — весьма несовершенные инструменты французы мастерили сами из подручных материалов... Так что первое посещение прииска превратилось для них в подлинный праздник. Поскольку дамы пошли вместе с ними, то выбрали утреннее время, когда солнечный жар еще не достигал всей безжалостной мощи. Месье Дю Валлон пришел за ними через два часа после утреннего инструктажа; он уже успел посетить на рабочих местах добрую половину персонала. Директор обладал просто поразительной энергией.

Решили отправиться к речке Фидель, самой ближней. До нее было от дома всего двести метров. Если робинзоны, в том числе и мать семейства, давно привыкли к лесной жизни и могли выдерживать дальние переходы, то по лицам юных англичанок обильный пот струился уже после такой коротенькой прогулки.

Свирепость тропического солнца невозможно передать словами, ее надо почувствовать.

На берегу Фидели работали уже полным ходом три промысловых агрегата. Месье Дю Валлон позаботился о подступах к ним, перебросив доски и мостики через топкие и загроможденные места. Без этой предусмотрительности посетителям пришлось бы карабкаться на отвесные кручи или спотыкаться о поверженные стволы, продираясь сквозь груды ветвей или увязать чуть ли не до колен в зыбком илистом грунте, чтобы добраться до первого рудопромывочного желоба.

Русло реки совершенно исчезло. Срубленные деревья, наваленные с обеих сторон полосами шириной более двадцати метров, громоздились друг на друге безо всякой системы, всюду высились кучи отсеченных ветвей и метровые пни от вчерашних гигантов. Рубка леса предшествовала промысловым работам, ее выполнили два месяца тому назад, и она продолжалась по мере потребности. Ложе реки, перегороженной плотиной выше по течению, опустилось. Вся вода, задержанная перемышкой, пропускаясь через установки и промывала золотоносный гравий.

Зрелище предстало глазам самое живописное. Черные и краснокожие рабочие в своих калимбе орудовали кирками, лопатами, мотыгами, подрубаали корни деревьев, шлепали по жидкой грязи, пели или болтали без умолку, их блестящие мускулистые тела были покрыты потом, словно кувшины алькарразас*.

Sluice, или рудопромывочный желоб, служил в Гвиане главным инструментом для намывания золота. Он представлял собой систему деревянных коробов длиной по четыре метра, так называемых dalles, похожих на огромные гробы без крышек, открытые с обоих концов. Высота стенок у этих коробов — от тридцати восьми до сорока сантиметров, расстояние между стенками — тридцать восемь сантиметров с одного конца, сорок два — с другого. Эта разница в размерах необходима, чтобы вставлять короба один в другой. Так они превращаются в длинный и открытый деревянный канал.

— Вот перед вами рудопромывочный желоб средней величины,— рассказывал Дю Валлон инженеру и его сыновьям.— Он состоит из двенадцати коробов, общая длина достигает сорока метров. Здесь заняты двадцать мужчин и женщин. Восемь человек только на расчистке. Убрав последние остатки растений, они лопатами и мотыгами снимают верхний слой земли, чтобы добраться до золотосодержащей породы. В этом их цель. Они в буквальном смысле слова расчищают почву для восьми землекопов, которых вы видите на дне этих ям. Сильными ударами кирки они долбят сероватый слой, который кажется таким твердым. Раздолбив его, рабочие перебрасывают породу лопатами в ближайший короб, который расположен над их головами.

— Так это и есть золотосодержащий слой? — спросила мисс Люси у мадам Робен.

— Ну да, мадемуазель,— вместо женщины ответил директор.— Это раздробленный кварц, остатки рудных жил. Частицы его самых разных размеров — одни с булавочную головку, а другие — с человеческую голову.

— И золото находится в свободном виде между этими частицами?..

— Они сами содержат его в себе в гораздо большем количестве. Если бы нам удалось размолоть все это до состояния мельчайшего песка, то выход продукции у нас

* Алькарразас — пористый глиняный кувшин, вода в котором охлаждается путем испарения. (*Примеч. перев.*)

удесятерился бы. Но нынешнее положение золотодобывающей промышленности в Гвиане таково, что приходится довольствоваться сбором золота, которое отделилось от кварца. И поступления металла пока еще очень скромные.

— А этот слой кварца очень большой?

— Относительно крупный... Местами его глубина достигает полутора метров, а кое-где — всего лишь сантиметров десяти... Что же касается площади залегания, то она тянется полосами от десяти до двадцати метров шириной с каждой стороны реки. Вот в этом месте слой великолепен, смотрите, как лихо трудятся наши brave землекопы... На этом агрегате работают еще четыре женщины, которые целыми днями сидят на корточках в коробах, удаляя оттуда крупные камни, мешающие прохождению гравия. Есть четыре *волочи́льщика песка*. Они находятся в нижней части желоба, там, где оканчивается последний короб, вооружены изогнутыми мотыгами с длинными ручками и заняты удалением промытой земли, которую сбрасывают по обе стороны лотка. В общем, всего в процессе занято шестнадцать мужчин и четыре женщины.

— Рудопромысловый желоб должен быть очень прочным,— дополнил Анри,— чтобы он мог выдержать немалый вес гравия, а также женщин, выбирающих камни. Первые короба находятся на высоте более двух метров, считая со дна ямы, где роют землекопы, и падение может быть опасным, если желоб с его наклоном в пять сантиметров на каждом метре вдруг обрушится...

— Не пугайте понапрасну дам,— успокоил директор.— Вот глядите — каждый из коробов покоится на двух боковых распорках, а те укреплены на крюках из кованого железа. Крюки держатся на сваях из дерева мутуши, вкопанных в почву больше, чем на метр. А вы знаете их прочность, они соперничают с самим железом!

Раззадоренные присутствием европейцев, горняки налегали на кирки, с яростью обрушиваясь на породу, и одновременно распевали во всю глотку с неистовым пылом. Двое землекопов атлетического сложения, раздолбив изрядный кусок пласта, отбросили свои инструменты и вооружились лопатами, которые тут прозвали «каторжанскими». Длина их ручек составляла не менее двух с половиной метров. Со дна ямы землекопы с неподражаемой ловкостью выбрасывали полные лопаты гравия, попадая прямо на середину лотка, по которому струилась проточная вода. Эта удивительная точность и слаженная быстрота движения казались подлинным чудом. Одно удоволь-

ствие было наблюдать за этими силачами. Огромные лопаты пушинками летали в могучих руках, от непрерывных и ритмичных бросков молочно-белая вода в желобе вскипала фонтанчиками брызг. При этом землекопы еще успевали издавать зычные фиоритуры*. Своими орудиями они совершали настоящие фехтовальные выпады, и железо, описав в воздухе полуокружность, вонзалось в землю точно у босых ног.

Каждый бросок лопаты, отправляемый в желоб, ритмически сочетался с музыкальной фразой, которая повторялась без конца.

— Сами ке волоо! — вопил один из богатырей, и орудие труда взмывало вверх.

— Мун ла-о, бон-бон! — рычал в свою очередь второй, отправляя в желоб порцию породы.

— Сами ке волоо! — заводил первый.

— Мун ла-о, бон-бон! — повторял напарник.

— Что они говорят? — поинтересовалась мадам Робен.

— Что Сами — это вор, а люди там наверху — очень хорошие...

— А для чего?

— Это способ ритмизации движений, аналогичный напевам булочников или кузнецов. Иногда они слагают нескончаемые песни о своих радостях и печалях. Излагают жалобы и упреки, а бывает — вышучивают друг друга... Есть у них и сатирическая жилка, могут не пощадить самого патрона в своих импровизациях, которые называют словом «chanté» или «dolo».

Сами, так называемый «вор», — это индийский кули, занятый на службе в доме... Что касается «мун ла-о бон-бон», по-креольски — «люди наверху хорошие», это о вас, в такой своеобразной манере негр славит ваше великодушие.

И Дю Валлон крикнул землекопам:

— Хорошо, Фидель! Хорошо, Барон! Сегодня получите на ужин двойной «бужарон»!

Как мадам Робен и его братья, Шарль проявил самый живой интерес ко всему увиденному и услышанному. Не без пафоса он предался воспоминаниям:

— Как далеко шагнули эти чудесные установки от бедных ивовых тарелок, которые мы трясли изо всей силы, чтобы найти хоть несколько крупинок золота! И только подумать, нам это казалось верхом мастерства!

* Фиоритуры — мелодические украшения при пении.

Но все-таки старые орудия труда принесли нам удачу. Теперь я бы хотел узнать внутреннее устройство рудопромывочного желоба. Меня удивляет ваше заявление, что вы не теряете ни крупницы золота. Ведь как бы мы ни старались в те времена, а все равно теряли добрую треть золотого песка. Ваш метод, наверное, очень сложный...

— Наоборот, он самый простой. Песок попадает в короб, где вода его измельчает, разъединяет. Внутри короб выложен листовым железом с мельчайшими, как у решета, дырочками, и эта жесьть отстоит на восемь миллиметров от деревянного дна. Она поддерживается спереди двумя ромбовидными цапфами, а сзади — деревянной перекладной. Кроме того, ее опорами служат на обоих концах по два кулачка, которые сжимаются во время прохождения породы и не дают жести сорваться с места.

Нет необходимости говорить, что золото притягивается к ртути при простом контакте. Время от времени ее бросают в короба. Она медленно протекает под металлическую пластину и накапливается у перекладки, где проточная вода все время заставляет ртуть двигаться. Вы знаете, что все тела, включая железо, плавают на поверхности ртути. Тем более — кусочки породы... И все то, что не является золотом, скользит по жидкому металлу и сносится прочь водой, а золото, поглощаемое по дороге, соединяется с ртутью мгновенно. Этот процесс называется амальгамированием.

Заметьте, что пластина с ртутью имеется в каждом коробе, так что амальгамация происходит по всей длине желоба. Если по какой-то, почти немыслимой, случайности крупинка золота ускользнет из пятого, шестого короба, даже из десятого, то она неизбежно задержится в двенадцатом совершенно особым способом. Он называется *кас-сой*, и вполне заслуженно. В самом конце желоба расположен ряд литых пазов, глубиной от восьми до десяти миллиметров, и эти пазы заполнены ртутью. Так что ни одна крупинка золота, даже самая ничтожная, не избежит контакта с такой ловушкой. Драгоценный металл останется в «кассе».

— А велика ли его выработка?

— В этом месте сказочно богатая. Здесь мы находимся в «кармане» и берем около двух килограммов из четырех кубометров. Вы увидите лотки стоимостью пять, шесть франков... А в среднем доходность на речке Фидель — семьдесят пять сантимов с одного лотка.

— Лафлер,— окликнул директор индуса, занятого во-

лочением песка,— и ты, Апаво! Намойте каждый по одному лотку!

Рабочие без промедления приступили к делу и весьма скоро подошли к гостям со своими деревянными тарелями, на дне которых ярко светилось абсолютно чистое золото. Его стоимость, которую можно было определить на глаз, вполне подтверждала данную директором оценку.

Дю Валлон, который и сам за это время успел намыть еще один лоток, сорвал три пальмовых листа, высыпал на них поровну содержимое из трех лотков, после чего свернул листья пакетами и обвязал тонкой лианой, по обычаю гвианских рудокопов.

Затем он с элегантностью настоящего придворного вручил эти пакеты каждой из трех женщин со словами:

— Когда суверены* посещали свои города, то обычно им подносили ключи от городских ворот в знак глубокого почтения и преданности. А вы — королевы золотых россыпей. Соболаговолите же принять первые плоды своих владений!

Юноши-робинзоны и глава семейства улыбками одобрения оценили находчивость директора. Мадам Робен и ее приемные дочери, смущенные и растроганные, с удовольствием приняли предложенные подарки. Но директор не изменил своему серьезному и торжественному тону:

— Примите в знак глубокого уважения и преданности это самородное золото, единственно достойное вас! Его от всей души дарят вам верные подданные...

ГЛАВА 15

*Подъем производства.— Чистая прибыль от рудопромывочного желоба.— Тридцать тысяч франков — на сковороде.— Немного геологии.— Капля воды, победившая сталь.— Еще об английской филантропии**.— Необходимые реформы.— Будущее французских колоний принадлежит людям с цветной кожей.*

Этот первый день, проведенный нашими героями на золотом прииске, завершился увлекательным зрелищем выемки из желоба готовой продукции. Гости вернулись на

* Суверен — независимый верховный правитель.

** Филантропия — то же, что благотворительность.

речку Фидель к трем часам пополудни, к тому моменту, когда хриплый голос трубы возвестил об окончании трудового дня.

Довольные, словно школьники, которых звонок позвал на переменку, рабочие оживленно рассеялись по участку, как будто и не гнули спины с самого утра на изнурительном солнцепеке. Начальники рудопромывочных установок остались возле своих агрегатов, ожидая директора или представителей администрации, чтобы приступить к сбору дневного «урожая».

Заградительный щит перемычки, расположенной в верхней части желоба, был опущен, тоненький ручеек воды продолжал струиться в деревянном канале. Металлическую плиту первого короба сняли с зацепок, потом вымыли щеткой доски и перекладины. Ртуть, впитавшая частицы золота, перетекла во второй короб, где повторили ту же самую операцию, потом в третий короб — и так до двенадцатого.

Все амальгамированное золото находилось теперь в последнем коробе, или кассе, то ли под жестяной пластиной, то ли в поперечных бороздах рифленой отливки. Пустой лоток подставили под нижнюю часть кассы, чтобы собрать последние металлоносные крупы. Пластину и отливку вынули, затем тщательно протерли щеткой, как и деревянные перекладины, кулачки и ромбовидные опоры, к которым пристали замутненные капельки ртути, содержавшие золото.

Лоток сразу на три четверти наполнился гравием, испещренным серебристыми прожилками металла. Мастер тут же промыл этот лоток подобно тому, как это он сделал недавно, демонстрируя работу изыскателя. Затем, когда на его деревянном блюде осталось только некоторое количество ртути, освобожденной от посторонних примесей, старатель натянул на горло тыквенной бутылки кусок сурового полотна и вылил на него жидкий металл. Подобравши другой рукой концы полотняной тряпки, он сильно скрутил ее и отжал над бутылкой. Ртуть просочилась через поры грубой ткани и пролилась на дно сосуда, а в полотне теперь осталась только мутная голубовато-белая масса величиной с куриное яйцо, похожая по цвету на фольгу, в которую пакует шоколад.

Это и была дневная выработка.

— Производительность установки отличная, — заметил Дю Валлон, взвешивая на ладони маленький пакет, перехваченный посредине тесемкой и напоминавший са-

модельные куклы сельских ребятишек.— Потянет на триста граммов. За вычетом двадцати пяти процентов ртути имеем двести двадцать пять граммов первоклассного золота. Один грамм стоит три франка двадцать пять сантимов — вы же знаете, что гвианское золото в цене,— таким образом, дневной доход от этой установки составит...— креол произвел в уме быстрые вычисления,— семьсот тридцать один франк двадцать пять сантимов. Отбросим тридцать процентов на эксплуатацию — агрегат сегодня принес пятьсот десять франков чистой прибыли.

Двенадцать таких установок работали весь день. Есть основания полагать, что средняя выдача продукции у них примерно одинаковая. Вы можете судить по этому краткому отчету о богатстве прииска «Удача».

— Браво, мой дорогой директор! — весело воскликнул Робен.— Соберем поскорее миллионы и обогатим наших союзников и компаньонов, я имею в виду рабочих, которых хочу заинтересовать общим делом. Ведь это содружество мускулов, это товарищество совместно пролитого пота тоже имеет право на прибыли, не так ли?..

— Конечно, месье. Капитал заключается не только в средствах, однажды потраченных миллионером. Постоянные усилия бесконечно малых величин составляют его необходимый компонент. Они имеют право на вознаграждение. Одним выстрелом мы убиваем двух зайцев. Совершаем доброе дело и улучшаем производство. Будучи заинтересованы в том, чтобы выход продукции поддерживался на высоком уровне, рабочие будут внимательно следить, чтобы золото не воровали.

— Отлично!

— А теперь, если вы не против, вернемся в дом, куда придут все начальники участков с полученной за день продукцией. Я взвешу все пакеты, впишу в наши книги выработку каждой установки и общую отдачу реки, затем подведу баланс. Таким образом я буду знать, поднимается или падает производительность каждого желоба, а также стоит ли эксплуатировать бассейн той или иной реки. Затем я положу золотой песок в свой сейф, где он хранится до дня выпаривания ртути. Обычно эта операция производится в воскресенье утром.

— Какой метод вы используете?

— До сих пор я довольствовался примитивным способом прежних золотоискателей. Вы его знаете: амальга-

мированный металл помещают на сковородку и греют на огне. Ртуть испаряется под воздействием жара, и золото приобретает свой желтый цвет.

— И вы теряете при этом двадцать пять процентов ртути...

— Мне повезло, я получил недавно из Кайенны аппарат для выпаривания. Устройство простое, а результаты дает превосходные. Уже два раза я им пользовался, потери ртути ничтожны.

— Еще раз — bravo, мой дорогой директор! Это крайне важно — безупречный испаритель! Хочу его немедленно осмотреть. Ведь это в моей компетенции, — улыбаясь, заметил инженер. — Значение такого аппарата тем более возрастет, чем мы скорее установим паровые молоты и будем дробить кварц. Надо бы усовершенствовать испаритель, хотелось бы этим заняться...

— Ваши намерения очень похвальны, — с живостью отозвался директор. — Дерзайте! И я нимало не сомневаюсь в успехе, о котором прежде и помыслить не могли...

— Будем надеяться, мой милый Дю Валлон. Нам следует трудиться не покладая рук. Это будет грандиозный рывок вперед. Через два-три месяца свисток нашего судна перекроет шумные голоса туканов, и паровые молоты глухо застучат в огромной долине...

— Но ведь рудные жилы есть и на территории нашего прииска...

— Всюду, где есть аллювиальные или наносные земли, встречаются и кварцевые скалы. Одно не обходится без другого. Ведь и золотоносный гравий ведет свое происхождение от раздробленных кварцевых жил. Кажется просто невероятным, что гвианские горняки до сих пор игнорировали такие разработки, а довольствовались скудной прибылью, приносимой промывкой гравия...

— Но вся эта теория рудных жил — пока еще дело темное...

— Заблуждение, мой друг, заблуждение! Оно развеется буквально на ваших глазах. Через пять минут вы будете знать об этом предмете столько же, сколько я, и станете искать рудные жилы не хуже горного инженера.

— Я весь внимание...

— Ну так слушайте. Прежде всего, что такое жила. Вы знаете, что в отдаленные времена Землю сотрясали ужасные геологические катастрофы*. Раскаленное земное

* Геологические катастрофы — разрушительные перевороты

ядро, содержащее в кипящем и газообразном состоянии все химические элементы, все минеральные вещества, разрывало окружавшую его оболочку, раскалывало ее, вызывало трещины, которые исполосовывали твердую кору, состоявшую из доисторических пород, каковы бы ни были их происхождение и крепость.

Вот эти трещины, возникавшие в земной коре, понемногу заполнялись различными веществами, включая металлы или различные минералы с их примесью. Такое заполнение происходило двояким способом: веществами, поступавшими сверху, и веществами, поступавшими снизу. С одной стороны, потоки воды, насыщенной разными элементами, проникали в трещины и испарялись, оставляя на стенках известковые отложения, особенно углекислый натрий. А с другой стороны, металлоносные испарения поднимались из центра Земли и тоже обращались в твердое состояние, подобно саже в дымоходах, соединяясь при этом с продуктами испарения воды.

Вот таким путем чистое золото, вырвавшись из кипящего котла нашей планеты, оказалось плотно перемешанным с каменистыми массами, которые теперь находят в слоях залегания твердых пород в так называемых «окаменевших фонтанах».

Рудные жилы, содержащие разнообразные металлы, сформировались именно таким образом. Но нас интересуют только золотоносные жилы. Я уже сказал, что трещины, возникшие из-за геологических катаклизмов, пересекали все слои земной оболочки. Масса кварца, которая их заполнила впоследствии, местами выходит на поверхность земли. Вот этот кварц и образует рудные жилы, которые возникли в одно историческое время и имеют примерно одинаковое расположение. Их наклон всегда идентичен, но толщина, или мощность пласта, колеблется в больших пределах.

Места, где жилы проходят сквозь плодородный слой почвы и предстают невооруженному глазу, называются *шапками*. Предположим, что какой-нибудь речной бассейн, той же Марони, например (и он в самом деле является таким!), усеян бесчисленным количеством золотоносных жил. Они повторяют все особенности рельефа, взбираются на горы, стелются по долинам, бесконечно

в строении земной поверхности, связанные с вулканической деятельностью, землетрясениями, передвижением ледников и т. п. Современная наука связывает наиболее крупные катаклизмы с периодическими смещениями земной оси.

разветвляясь подобно дереву или артериальному и венозному стволам организма.

Везде, где жила выходит на поверхность, она медленно разрушается и дробится под воздействием внешних факторов. Это объединенное влияние воды и воздуха, росы и ветра, солнца и луны, корней растений, которые играют роль посторонних тел, и тому подобное ускоряет процесс разложения. Вода медленно растворяет минерал, непрерывно его обтекая. Растворимые частицы понемногу уходят, вымываются, потому что в каждой капле содержатся во взвешенном состоянии бесконечно малые крупинцы вещества. Путем такого растворения происходит формирование глин, расположенных ниже золотоносного слоя. При дальнейшем раздроблении кварца золото отделяется от инертного вещества, в которое было прежде «инкрустировано». Оно отпадает в последнюю очередь. Поскольку золото нерастворимо, то оно уносится вместе с более крупными обломками кварца. Драгоценный металл перемешан с песком, также ведущим свое начало от рудных жил, и остается на глинистом слое, образующем водонепроницаемое дно речного потока.

Все это можно кратко суммировать следующим образом: река без конца размывает жилу и понемногу ее растворяет. Она отрывает от нее золото вместе с известковым веществом и катит в своих водах металл вперемешку с камнями. Она обогащается за счет рудных жил. Так что не бывает золотоносных аллювиальных грунтов без жил, одно тесно связано со вторым. Более или менее плотный слой гумуса, производное от растительных остатков, формируется на этом металлоносном пласте. Там вырастают деревья, живут, умирают, возрождаются снова. А природная работа по обогащению руды не прекращается, но она такая медленная, неспешная... Как бы там ни было, действие воды и ветра на кварц таково, что заброшенные разработки через пятнадцать лет полностью преобразуются. Золотоносные пески, а точнее — камни величиной с кулак с цельным изломом и такие твердые, что в ту недалекую пору их не разбить было железным молотком, сегодня измельчены, разрыхлены и готовы рассыпаться в пыль...

— Я понял, понял! — радостно вскричал креол. — Вы хотите современной техникой заменить столетнюю работу воды. Река измельчает кварц за тысячи лет. Вы собираетесь раздробить его молотами за несколько минут, удалить промывкой превращенную в пыль известь и с помощью ртути извлечь золото.

— Ну я же вам говорил, что вы знаете ровно столько, сколько и я!.. У нас есть техника, это главное. Нам нужно много рабочих, чтобы оголить кварц, рыть колодцы, следуя за жилами в глубину, и тому подобное.

Со дня на день мы ожидаем прибытия партии иммигрантов, тогда успех обеспечен. Чтобы не терять времени, машину установим незамедлительно, проверим, как она работает: попробуем раздробить уже обработанные аллювиальные пески. Наша промывка отсела только изолированные частицы золота. А в гравии осталось его немало. Я уверен, что можно из одной тонны добывать золота на семьдесят франков, и почти без применения рабочей силы...

— Какая колоссальная отдача!

— Конечно. Я намереваюсь помочь тем, кто придет после меня, превратить эти скалы в пыль... Железу и стали они не поддаются, но перед нашими зарядами динамита не устоят. Рудные жилы прииска «Удача» пройдут через батареи паровых молотов, как аллювиальные грунты проходят через короба наших желобов.

Чтобы хорошо наладить это предприятие — размах его давно меня соблазняет, потому что от успеха зависит будущее колонии,— я нанял за плату золотом иммигрантов, которые скоро приедут.

— А вы не боитесь, что они окажутся плохими работниками?

— Не важно! Китайцы и особенно индусы конечно же окажутся анемичными. Заступ и лопата непосильны для слабых рук. Но разве у нас нет возможностей влить им в жилы свежую кровь?.. Я думаю, что после надоевших куака и солонины наша говядина быстро восстановит их силы, а мы станем щедрыми.

Вообще я намерен действовать методически и на добыче золота использовать только тех, кто обретет свою прежнюю силу. Так что, когда прибудет первая партия, я направляю на прииск сельскохозяйственных рабочих, живущих в поселке. Разумеется, при условии, что они согласятся на такой переход. Новоприбывшие станут работать в сельском хозяйстве. Вообще же все будут свободны в выборе и найдут занятия по силам.

Уход за плантациями сахарного тростника, маниоки, батата, за деревьями кофе, какао и древесовидным хлопчатником — самое лучшее, чтобы приучить новичков к жизни в тропических лесах. У наших горняков и земледельцев большие преимущества перед жителями Кайенны. Они

могут вволю есть прекрасные европейские овощи: капусту, салат, сельдерей, кресс, репу, морковь и прочее, что в столице можно достать только за большие деньги. Вы ели в Кайенне капусту, привезенную из Америки, и платили за нее пять франков, не так ли?.. А мы имеем возможность предложить столь дорогие продукты даже чернорабочим, и наш бюджет не пострадает.

— Однако, невзирая на весь комфорт и изобилие, мы с огромным трудом добились присылки из Английской Гвианы этих пятисот иммигрантов...

— Вам отлично известна филантропия наших замечательных соседей. Они совершают наезды на берега Кру, Гвинеи и Сенегала, чтобы помешать иммиграции под предлогом борьбы с тайным вывозом людей. Они вздергивают на виселицу, как пиратов, экипажи судов, везущих иммигрантов, но не возвращают несчастных на родину, а отправляют в Египет или Абиссинию под носом у наших представителей.

О! Чудесные филантропы, которые силой навязывали китайцам опиум, избивали своих кули, преследовали и убивали, как диких животных, австралийских туземцев! И еще пытались навязывать режим и условия труда людям, которых к нам посылали! Они не желали, чтобы их использовали в золотодобывающей промышленности, поскольку это, видите ли, слишком тяжелая работа! Вы бы поглядели, в каком ужасающем состоянии прибывали сюда эти несчастные с английских лесоразработок!

Единственная причина, по которой бывшие хозяева так заботились об их судьбе,— это зависть и эгоизм. Они знают, что эксплуатация золотых россыпей в скором времени станет мощным источником силы и процветания нашей колонии. Им бы хотелось избавиться без хлопот от истощенных людей, от балласта, и помешать Французской Гвиане преодолеть отсталость.

Ну, пускай, я не намерен с ними спорить. Я тщательно буду соблюдать все пункты контракта. Иммигранты английского происхождения на весь период найма будут заняты исключительно в сельском хозяйстве. Тем не менее и они внесут вклад в добычу золота, потому что обеспечат наших работников мясом и свежими овощами.

Когда срок найма истечет, они выйдут из-под опеки английских профсоюзов и поступят, как этого пожелают. Вот увидите, они попросятся в нашу ассоциацию золотоискателей.

— Дорогой местье, вы — первый европеец, который

действительно понял всю важность местного снабжения, самообеспечения продуктами. При одновременном ведении полевых работ и добычи золота нам удастся расходовать не больше десяти процентов прибыли, тогда как на других приисках расходы достигают пятидесяти процентов. Это легко объяснимо. Они вынуждены все привозить из Кайенны, оплачивать фрахтовку шхун, а потом услуги лодочников и носильщиков. Вот и выходит, что какие-нибудь двадцать пять килограммов солонины стоят при отъезде двенадцать франков, а по прибытии — в пять раз больше.

Меня удивляет еще и то обстоятельство, что большинство владельцев приисков до сих пор не заменили для речной навигации свои тихоходные и дорогие весельные лодки паровыми, вроде той, что Шарль привез из Европы. Ведь на ней возить грузы удобно и дешево, ее даже и сравнивать с пирогами нельзя ни по тоннажу, ни по скорости.

— Вы забываете, милый Дю Валлон, что у многих наших коллег не хватает средств. Они бы с удовольствием шли в ногу с техническим прогрессом. Вот вам лишь один пример. Молодой и разумный директор прииска «Dieux-Merci» месье Муфле, один из самых образованных гражданских инженеров, который благодаря своей энергии стал замечательным золотоискателем, строит в настоящее время железную дорогу. Ее эксплуатация очень перспективна. Но достаточно ли понимают свои интересы его вкладчики, живущие в Париже, чтобы поощрить его на этом пути.

Поймите, одна из главных причин всех неудач кроется в нехватке ремесленников, рабочих высокой квалификации. А как легко было бы привлечь сюда трудовую элиту... Могу сказать вам, моему другу — хотя вы и белый креол, но не питаете к людям с цветной кожей этого идиотского и несправедливого предубеждения...

Уже хорошо установлено, не правда ли, что белый человек в наших условиях неспособен к долгому физическому труду, его поражают лихорадка и анемия. Лучше всего чувствуют себя здесь африканские негры. Они застрахованы почти от всех бед, которые рано или поздно настигают европейцев, даже басков*, самых крепких из

* Баски — закаленные и выносливые горцы, особый народ, населяющий область на севере Испании — Басконию. Баски частично живут также во Франции и в Южной Америке.

них. Но африканец, увы,— это всего лишь человеческий инструмент... Правда, прочный и надежный, его отличает добрая воля и стойкость в разных испытаниях, но его еще очень не скоро можно будет использовать для тонких и сложных работ. Потребуется поколение, может быть, два, чтобы произошла такая эволюция.

Однако есть одна раса, самая одаренная из всех, такая же выносливая, как африканцы, и такая же образованная, как европейцы, которая могла бы у нас горы своротить. Эта замечательная порода цветных людей обитает на двух жемчужинах французских Антильских островов — Мартинике и Гваделупе. Мартиникский и гваделупский мулат унаследовал от своей черной матери силу и выносливость, иммунитет к болезням тропической зоны. А его белый отец передал ему интеллект, позволяющий с успехом заниматься любыми ремеслами и науками. Это оригинальное скрещение, эта человеческая прививка сотворила чудеса, и все классы молодого островного общества можно считать высшими.

Вы найдете среди «цветных» врачей, адвокатов, инженеров, солдат, моряков, служащих, которые получили образование в метрополии и добились успеха в жизни. Беззаветные труженики, добросовестные и самоотверженные, люди умные и сообразительные — все, за редкими исключениями, становятся отличными работниками.

И средний тип этого населения весьма примечателен. Профессиональная подготовка превосходна. Все механики и кочегары-механики межколониальных пароходов родом с Мартиники и Гваделупы; их собратья в Гвиане того же происхождения, как и наши мастера на сахарных заводах, в механических мастерских, на стройках, в горнорудной промышленности... И эти рабочие получают у себя очень скромную плату, которая немедленно утроилась бы здесь, безо всякого ущерба для наших доходов.

Почему же, вместо того чтобы рыскать повсюду в поисках мастеров и технического персонала, не попробовать организовать широкий приток иммигрантов с Антиль?.. Население там очень плотное, отъезд даже нескольких тысяч человек не причинит вреда местной промышленности. Напротив, я убежден, что исполнение такого проекта принесло бы огромную пользу всем трем колониям. А сколько состояний, которые иначе были бы вывезены отсюда навсегда, будут обращены во благо тех, кто прозябает в наших краях!

— Вы глубоко правы, меесье, я вполне разделяю ваши

мысли о роли и месте цветной расы, тем более что, как вы изволили заметить, я сам являюсь креолом. Я наблюдал за их борьбой и радовался успехам, которыми она достойно увенчалась. Так что я во всеуслышание провозглашаю: будущее французских колоний принадлежит людям с цветной кожей!

ГЛАВА 16

Возвращение Водяной Матушки.— Изыскания в животе черепях.— Как ловкие мошенники могут припрятать сорок тысяч франков.— Злоключения Питера-Паулюса Брауна из Шеффилда.— «Это не он!..»

Наша правдивая история близится к концу. Но прежде чем завершить ее, прислушаемся к рассказу о драматических событиях последних трех месяцев.

Эксплуатация золотых россыпей развивалась как нельзя лучше и приносила большую прибыль. Робинзоны проводили на прииске по двенадцать часов, лишь мадам Робен и ее приемные дочери оставались у себя в усадьбе из-за недомогания жены инженера.

Однажды месяце Дю Валлон, явно взволнованный, сообщил Робену, что его уже несколько дней беспокоят загадочные и совершенно необычные факты. Инженер недолгое время провел на участках, где одновременно обрабатывались аллювиальные грунты и рудные жилы. Целая батарея паровых молотов на реке Фидель функционировала без сучка и задоринки под отличным управлением молодого и смышленного иммигранта с Мартиники, месяцц тому назад прибывшего из Фор-де-Франса.

Паровая машина работала на дровах, свистела и пыхтела, фыркала и выплевывала клубы дыма, к превеликому удовольствию рабочих, которых привлекало и поражало зрелище этого металлического организма. Тяжелые дробилки со стальными головками резко поднимались и увесисто падали в творильные ящики из дерева мутуши, наполовину заполненные обломками золотоносного кварца. Глухие звуки ударов разносились по всей долине — богатейший минерал, обращенный в мелкую пыль, непрерывно промывался тонкой струйкой воды, а затем проходил через ртутные «ловушки».

Многочисленные рабочие — негры, индусы, китайцы — суетились на территории, тащили тачки или толка-

ли полные вагонетки по деревянным рельсам. Другие орудовали кирками и мотыгами, расчищая жильные «шапки», освобождая их от земляного покрова. Третьи сверлили горными бурами твердую скальную породу, которую вскоре должна была разнести на куски могучая сила динамита.

Короче говоря, прииск казался охваченным двойной лихорадкой — трудовой и золотой. И ничто как будто не подтверждало опасений директора.

— Не стану утверждать,— говорил он Робену,— что вот-вот грянет бунт, но у меня здесь около полутысячи рабочих, и я не раз уже констатировал проявления беспорядка, чтобы не сказать больше.

— Но у вас, мой друг, все полномочия для поощрения достойных и наказания скверных... Мы питаем к вам полнейшее доверие и не сомневаемся в справедливости ваших действий.

— Я уже трижды вынужден был наказать, то есть подвергнуть штрафу троих негров, прибывших с последней партией. Такова единственная форма, принятая на прииске, и я прибегаю к ней только в самом крайнем случае.

— И каков был эффект этой дисциплинарной меры?

— Плачевный. Хорошие рабочие, конечно, одобрили, а плохие — полсотни бездельников, прибывших месяц тому назад,— стали выражать недовольство.

— Но вы держались достойно?

— Разумеется. Однако наутро измеритель уровня воды в машине оказался разбитым. И манометр* вырвали из гнезда. Пришлось выставить вооруженную охрану — надежных людей, они сменяют друг друга каждые два часа.

На следующий день, несмотря на принятые меры, наш большой приводной ремень, который я имел неосторожность оставить на месте, был перерезан в двух местах.

— Перерезан!.. Ремень!..— в сердцах воскликнул инженер, возмущенный этим вредительством.

Гнев его был живым и неподдельным, ведь конструкция и изготовление этой важной детали составляли предмет его гордости. Мы особенно ценим сделанное собственными руками. Кожаные ремни, привезенные из Франции, были слишком короткими, а в насыщенной влагой атмосфере скоро подгнили.

* Манометр — прибор со шкалой для измерения давления жидкостей и газов.

Тогда Робену пришла на ум идея изготовить материал, в котором бы хлопковые нити переплетались в несколько рядов, образуя плотную ткань толщиной в полсантиметра, шириной в двенадцать, а в длину — по потребности. И такую ткань он создал, из нее получился превосходный хлопчатобумажный приводной ремень. Он с тем большим успехом заменил кожаный, что его прорезинили с помощью сока балаты. Этот непромокаемый и противогнилостный ремень сослужил уже прииску хорошую службу.

— Жаль, конечно,— продолжал Дю Валлон,— но повреждение тут же ликвидировали. Мы всегда держим запасные части... Вот обо всех этих серьезных симптомах я и говорил. Важно было найти их причину, чтобы предупредить подобные акции в дальнейшем. Я начал тщательное расследование. Правда, оно натолкнулось на непреодолимое сопротивление моих рабочих, даже самых лучших.

— Вероятно, злоумышленники их запугали.

— Вне всякого сомнения. Но я не могу никого обвинить, потому что соучастников наверняка слишком много. Тогда я решился на героический шаг: вчера уволил пятьдесят рудокопов, из них двадцать пять уже сегодня покинут нашу территорию.

— Очень хорошо!

— Все эти люди, как я вам сказал, из последнего набора, ленивые, с дурными повадками. Плуты и мошенники, корчат из себя «философов», как сообщают начальники участков. Некоторые принадлежали к прежнему составу прииска «Удача». Не знаю, что с ними стало после катастрофы, которая чуть не стоила мне жизни. В один прекрасный день они заявили сюда, ничего не говоря о том, где обретались все это время. Я принял их на работу, потому что нам всегда не хватает рабочих рук, и ошибся.

Они внесли первое смятение, рассказывая старые легенды о Водяной Матушке. Вы же знаете, как негры суеверны. Дурацкие болтуны всех переполошили. Этот вздор получил видимость правдоподобия, потому что эмблемы старой гвианской ведьмы снова появились, в сопровождении тех же ночных шумов, какие слышались прежде.

— Ну, тогда можно не сомневаться, что враги наши где-то поблизости.

— Я тоже так думаю. Уверен даже, что у них есть

сообщники среди наших людей. И еще одна неприятность: в последнее время выход продукции уменьшился. Нас обкрадывают, и никакая бдительность не помогает.

Позавчера, накануне вашего приезда, индейцы бродили возле старого прииска. Никто не придал этому значения. Однако ночью устроили такой кошачий концерт в лесу, так тарабанили по корням деревьев, что все проснулось. Наутро голова аймары вместе с цветком виктории красовалась на старом засохшем панакоко, который я давно собирался срубить. Сомневаться не приходилось: нам объявляли войну. Я уже дорого заплатил за выяснение смысла этих знаков. Именно здесь меня чуть не убили полгода назад.

На людей напал неописуемый ужас. Особенно перепугались негры. Я прибыл в сопровождении главного механика и троих кочегаров, все с Мартиники. Сразу стало ясно, что малейшее колебание испортит дело, — надо действовать быстро и решительно. Я шепнул механику, тот помчался бегом и скоро вернулся с двумя динамитными патронами. Выкопали две глубоких ямы с каждой стороны ствола. Через полминуты устрашающий череп, расколотый, вырванный из основания, рухнул с грохотом, который перекрыл и шум взрыва.

— Превосходно!

— Вообразите, на дне воронки от взрыва мы нашли тайник, полный золота. Там оказалось свыше килограмма амальгамированного металла, того, что систематически воровали. Мошенник точно выбрал место для хранения краденого: подступы преграждало суеверие, и наилучшим образом.

Падение гиганта вызвало всеобщее ликование, и рабочие спокойно разошлись по местам.

Видите, какова ситуация. Не убежден, что стук не возобновится нынешней ночью, и надо постараться сплавить моих молодцов побыстрее... Больше, чем на двенадцать часов, оставлять их здесь опасно...

— А что вы намерены делать?

— Рассчитаться с теми, кто отработал свой аванс, затем произвести тщательный осмотр их багажа.

— Вы находите необходимой эту формальность?

— Безусловно. Уверен, что эти двадцать пять человек попытаются нас обобрать на десять килограммов золота, как минимум.

— Неужели?..

— Хотите убедиться? Подождите немного...

Директор вызвал счетовода и поручил ему привести уволенных рабочих.

Анри, Эдмон, Эжен, Шарль и Никола покинули гамаки, в которых отдыхали, и собрались в просторном директорском кабинете. Двадцать пять рудокопов столпились перед помещением, ожидая вызова по именам. Они заходили поодиночке, получали расчет, забирали трудовую книжку и снова молча возвращались на место.

— Каждый из вас получит продовольственный паек на десять дней,— сказал им Дю Валлон.— Когда прибудете в Сен-Лоран, пойдете к месье Шевалье и передадите ему это письмо. Он вас отправит в Кайенну на шхуне или на пароходе «Dieux-Merci». А теперь, господа,— продолжал креол, обращаясь к европейцам,— будьте любезны проследовать за мною на пристань. Вы увидите кое-что интересное. Возьмите machete, прихватите пистолеты. Возможна потасовка, а то и настоящее сражение. Нам нельзя уступать, иначе рискуем потерять плоды своего труда.

Семеро белых поспешно вооружились оружием и подошли к причалу. Там на привязи у берега стояли три большие пироги, заваленные корзинами, гамаками, котлами, кувшинами, бататом, ямсом, бананами... Пассажиры подходили по одному, неся свою провизию, болтая и смеясь. Казалось, они вовсе не замечали присутствия белых, перед которыми еще накануне подобострастно гнулись.

Когда закончилась погрузка, директор холодно обратился к гребцам первой пироги, уже садившимся на весла:

— Эй, ребята, вы забыли, что нам нужно соблюсти последнюю формальность!

— Что желает муше? — поинтересовался хозяин лодки.

— Осмотреть багаж и убедиться в том, что среди вас, порядочных людей, не затесался какой-нибудь прохвост, воришка золота!

— О муше! — с живостью возразил негр.— Мы не воры, нет! Осмотрите хоть весь багаж, вы не найдете там ни кусочка золота!

— Увидим. Будьте любезны, прошу вас облегчить мне работу, открыть эти корзины и выложить содержимое на землю.

Землекопы украдкой переглянулись, потом, не говоря ни слова, выполнили указание с такой быстротой, на какую способна только чистая совесть. Придирчивый

обыск цветного тряпья не дал никаких результатов, к великой радости робинзонов, которым так хотелось верить в невиновность этих людей.

Невозмутимый Дю Валлон действовал методично. Он велел отложить в сторону осмотренное, чтобы избежать путаницы. Большинство предметов, способных укрыть наворованное, было скрупулезно изучено. Внутри тыквенных бутылок металла не оказалось. Жареную лесную куропатку, принесенную в последний момент, рассекли саблей, однако ни в грудной, ни в брюшной полости не нашлось ни крупички золота. Топленый свиной жир, в котором так легко упрятать золотой песок, был совершенно чист.

Негры торжествовали, а робинзоны начинали находить что-то унизительно смешное в занятии своего друга.

— Терпение, терпение,— повторял он,— еще не все...

— Но там же ничего нет,— возражал Анри,— если только эти люди не проглотили каждый по полкило золота, что, между прочим, на желудок давит больше, чем на совесть... Не вижу, к чему могут привести ваши розыски, и полагаю, что они бессмысленны.

— Вы забываете о ружьях.

— О ружьях?..

— Ну конечно! Представьте, что десяток ружей, обычных или двустолок, на две трети заполнен золотым песком, а потом забит пыжами... В каждый ствол запросто войдет пятьсот — шестьсот граммов... Правда, они слишком хитры, чтобы прибегнуть к такому старому способу, давно известному. Однако поглядим...

Владельцы ружей не заставили себя дважды просить, достали шомпола и пропустили их сквозь стволы, демонстрируя, что там пусто.

— Ну вот, видите! — почти взорвался Шарль.

— Погодите! — невозмутимо отвечал креол, принимая ружье от ближайшего к нему мужчины и взвешивая его на руке.

— Следующий!..

Второй негр подал свое оружие. Потом третий, четвертый... В десяти не оказалось ничего.

— Твоя очередь, парень! — сказал директор молодому негру лет двадцати, не больше. Тот почему-то держался все время на расстоянии.

Юноша нерешительно протянул ружье — и что это было! Кусок ржавой водопроводной трубы, так-сяк посаженный на грубое цевье и подвязанный бечевкой. Все это сооружение, казалось, вот-вот развалится пополам.

Легкая улыбка скользнула по лицу директора. Негр стал серым, как зола.

— Ну вот, мой милый Шарль, вам, наверное, встречались очень дорогие ружья, но бьюсь об заклад, что вы никогда не держали в руках ружье, которое стоит шесть тысяч франков.

— Шесть тысяч франков! Да цена этому хламу в базарный день — двадцать пять сантимов, только за железо.

— Согласен. Но два килограмма золота существенно повышают его ценность. Вы спросите: а где они?.. Да в прикладе, в котором выдолбили дыру и тем самым превратили в шкатулку. А отверстие прикрыли металлической пластинкой.

— Вы меня потрясли, Дю Валлон!

Не говоря больше ни слова, директор принялся кончиком ножа отвинчивать два болта, на которых держалась железная пластинка в основании приклада. Затем, подождав проходившего мимо индуса с пустым лотком, взял у него деревянное блюдо и высыпал туда из приклада изрядную горку драгоценного металла, еще амальгамированного. Стоимость его была никак не меньше названной суммы.

— Ну что, господа, какова авантюра?..

Европейцы были скорее опечалены и обескуражены, нежели возмущены.

— О! Это не все, поверьте мне! — продолжал безжалостный директор. — Это только начало, вам еще предстоит удивиться. В двух первых пирогах больше нет ничего подозрительного, но вот третья... Либо я очень грубо ошибусь, либо открою там пикантный тайничок!

— Но я вижу там только четырех черепах, — заметил Шарль. — Их взяли, наверное, для пропитания...

Действительно, лежавшие на спинах бедные животные отчаянно махали лапками, как будто сознавали, какая судьба их ждет.

— По-моему, эти почтенные черепахи серьезно больны, и вы будете крайне озадачены, если я скажу, что они страдают от несварения желудка.

— От несварения желудка?!

— Именно так! И я сейчас же положу конец их мучениям! Эй, компе, — Дю Валлон окликнул хозяина черепах, лицо которого внезапно выразило живейшее беспокойство, — передай-ка мне этих зверюшек!

— Нет, нет, муше! Я не могу! Мы поймали этих черепах, чтобы кушать, мы их не воровали, нет!

— Посмотрим, посмотрим... Ну, поторапливайся! Давай черепах!

— Муше,— в полном отчаянии продолжал бормотать по-креольски растерянный негр,— это не мои черепахи... Что вы хотите с ними делать?.. Забираете у бедных негров их пищу...

— Кончай болтать! Я дам двадцать килограммов говядины за этих жалких тварей! Разве не выгодно?..— пресек директор объяснения негра, забираясь в лодку и выбрасывая оттуда черепах, которые одна за другой тяжко шлепались на землю.

— Ага, замечательно...— приговаривал Дю Валлон.— Я произведу им вскрытие, точнее, вивисекцию. Уже не первый раз мне приходится выполнять геологические изыскания под черепашим панцирем... Интересное явление: попадаются черепахи, до отказа набитые золотом... О!.. Наши молодцы — отменные ловкачи, одно удовольствие знакомиться с ними... Ну вот — я же вам говорил. Они высыпали наворованный металл в черепаху через нижнее кишечное отверстие, потом аккуратно его зашили, чтобы золотой песок не высыпался раньше времени. Черепаха, превращенная в копилку, может прожить в таком состоянии четыре-пять дней, иногда больше. Подумайте, может ли самый изощренный глаз обнаружить дьявольский тайник, если принять во внимание, что животное живо и молчит... Это крупные черепахи, в каждой помещается не меньше двух килограммов золота. Итого — восемь килограммов, украденных у компании...*

Разъяренные мошенники вопили, как стая красных обезьян, и, если бы не шестеро европейцев, бедному директору пришлось бы туго. Но Дю Валлон, не обращая никакого внимания на эти крики, с молчаливой торжественностью высыпал амальгамированное золото на деревянное блюдо лотка, заполнив его до краев.

— А теперь, ребятки, убирайтесь к чертовой матери с вашей бесчестной работой! Нам здесь воришки не нужны.

Один «философ» из банды счел нужным протестовать:

— Нет, муше, мы не украли... Мы только взяли...

Этот странный аргумент заставил улыбнуться белых, удивленных не столько изворотливостью пройдох, сколько их апломбом.

— Золото принадлежит и нам тоже,— продолжал ора-

* Подлинный факт. (Примеч. авт.)

тор.— Добрый Бог положил его в землю и для черного, и для белого. Мы взяли его там, где положил добрый Бог, мы вовсе не воры...

— Это правда,— с достоинством отвечал креол.— Золото, которое находится в земле, принадлежит и неграм и белым. Мы так глубоко понимаем эту истину, что все рабочие прииска стали нашими компаньонами. Кто честно трудится, получает свою долю прибыли. А вы — только преступники, которые обокрали товарищей по труду. Убирайтесь!

В ту минуту, когда директор произносил последние слова, какой-то опоздавший, абсолютно голый молодой негр, медленно спускался от поселка, готовясь занять свое место в пироге. В левой руке он держал плошку с жареным рисом, а правой загребал его пригоршнями, подносил ко рту и жадно глотал.

— А вот еще один,— смеясь, воскликнул Эжен,— из тех, кто не видит разницы между глаголами «брать» и «воровать»! Правда, райская простота его костюма исключает сокрытие краденого!

— Кто знает,— задумчиво заметил Дю Валлон.— Сомнение всегда остается... Эй, компе! — Он резко повысил голос.— Что ты там ешь?

— Это рис, муше,— отвечал тот с глупым видом.

— Ах, рис...— повторил креол, деликатно отнимая у негра тыквенный кувшин.— Черт подери! Ну и тяжелый у тебя рис!

Парень окаменел с тем же дурацким видом.

— Смотрите, господа, вот самый искусный из банды! Он нашел остроумный способ воровства. В его кувшине добрых два кило золота. А сверху он прикрыл его рисом, который и поглощает с большим аппетитом. Через две минуты сел бы в лодку — да и был таков! Думаю, что этому молодцу следует отдать пальму первенства. Ну, как вы находите приключение? Неплохая задумка, а?.. Разделить наворованное, использовать самые странные и неожиданные тайники... А всего — двенадцать килограммов золота! Только подумать! Наши разбойники не брезгают ничем. Первосортный металл, по три франка двадцать пять сантимов за грамм, итого — кругленькая сумма в тридцать девять тысяч франков!

Робен развел руками.

— Клянусь Богом, дружище, их ловкость меня поражает, но ваша проницательность превосходит все мыслимое. Каким замечательным судебным следователем вы бы стали, если бы уже не были отличным золотоискателем!

— Этот опыт дорого стоил, поверьте мне. С другой стороны, да будет известно, что, несмотря на принятые меры, мы несем очень значительные потери. Наши люди неисправимы и все-таки продолжают воровать, а китайские носильщики служат скупщиками. Как бороться с этими безумными макаками, которые глотают золото и ртуть, словно пирожки? Кроме того способа, который я только что продемонстрировал на черепахах, нет другого средства прекратить их деятельность. Волей-неволей приходится списывать на убытки. А теперь продолжим наш визит... Ваше присутствие на прииске поддержит честных рабочих, поступающих по велению совести, и послужит достаточным предостережением для тех, кто еще колеблется.

Директор оказался прав. Его твердость по отношению к дисциплинированным людям, умение разгадать хитрости мошенников и внушительный вид шести европейцев произвели на рабочих в высшей степени благоприятное впечатление.

День заканчивался хорошо. Робен, обеспокоенный недопомоганием жены, хотел, чтобы Никола немедленно отправился в усадьбу в сопровождении шести человек, абсолютно надежных и вооруженных до зубов. Парижанин должен был успокоить мадам Робен относительно ее мужа и сыновей и тотчас возвратиться с новостями. За десять часов можно было вполне обернуться в оба конца.

Паровая лодка отплыла уже довольно далеко вверх по реке, вернувшиеся в дом робинзоны живо обсуждали перипетии недавних событий, когда вдруг яростным лаем залился черный великан Боб. Всегда осторожный, что не исключало беззаветной храбрости, пес не покидал столовой, а глядел в сторону причала и, взъерошившись, хрипло рычал.

Дю Валлон приподнялся в гамаке, удивленный необычным поведением своего верного сторожа.

— Глядите-ка! — воскликнул он. — К нам гости!

— Гости? — переспросил Анри. — Кого это несет нелегкая? Придет же в голову фантазия гулять в такое время и в таком месте!

— Если не ошибаюсь, какой-то европеец в сопровождении двух индейцев.

— Очень странно!

— Первый иностранец на прииске за все время... Надо оказать ему гостеприимство... потом выясним все подробно.

Робен, его сыновья и директор поднялись навстречу незнакомцу, который важно, размеренной походкой шествовал по широкой аллее, усаженной молодыми банановыми деревьями. Если судить о людях по внешнему виду, то пришельца миллионером никак не назовешь. Грубая широкополая шляпа из сухих листьев латании*, дешевая полотняная куртка синего цвета, в нескольких местах разорванная лесными колючками, штаны из такой же ткани,— вот и все его непритязательное одеяние. Один глаз прикрывала повязка, босые ноги были изранены в пути.

Однако держался незнакомец прямо, подтянуто, слегка вытягивая шею при ходьбе. Он словно подчеркивал свой высокий рост. Двое краснокожих сопровождали незнакомца. Подойдя к веранде, пришелец прикоснулся кончиком пальца к полям своей оригинальной шляпы,— такой надменный жест присущ офицерам английской армии в Индии,— и небрежно процедил сквозь зубы дежурную формулу вежливости:

— Имею честь приветствовать вас!..

— Как! Да неужели это вы, мистер Браун?! — изумленно воскликнул Робен.

— Питер-Паулюс Браун из Шеффилда. Именно так, сэр.

— О, мистер Браун, счастлив видеть вас! Будьте желанным гостем!

— Благодарю.

Поскольку островитянин, казалось, своим единственным глазом искал отсутствующих на веранде людей, инженер, внезапно опечаленный при мысли о плохой новости, которую должен был сообщить гостю, продолжил сочувственно:

— Ваши дети в добром здравии, в усадьбе, вверх по Марони, но, к сожалению, ужасная беда настигла их бедную мать...

— Говорите!.. Я слушаю.

— Миссис Браун скончалась, несмотря на все усилия спасти ее. Увы, ей не помогли ни лечение, ни наши заботы.

— Вот как! — произнес англичанин совершенно бесстрастным тоном.— Бог забрал к себе прекрасное создание... А я... Я самый несчастный джентльмен во всей Англии.

* Латания — род пальм с кроной веерных листьев.

— Если боль, которую должна вам причинить эта невосполнимая потеря...

— Да, сэр... да! — бесцеремонно оборвал собеседника Питер-Паулюс. — Огромная боль! Я не могу больше продолжать «навигацию»!

Возмущенные возгласы готовы были сорваться с уст робинзонов от такого чудовищного эгоизма, и только уважение к законам гостеприимства удержало их.

Англичанин невозмутимо разглагольствовал:

— Жалкая, презренная страна. Я потерял чековую книжку. Теперь лишился кредита в гвианском банке. Кончилась провизия, пропали башмаки, злобные комары искушали глаз. Я умирал, когда краснокожие нашли меня и привели мою милость к вам.

— Пусть это вас не тревожит, мистер Браун. Мы переведем раны, вы получите одежду и все необходимые продукты. Что касается денег и кредита, то моя касса в вашем распоряжении. Я вручу вам такую сумму, какую сочтете достаточной для возвращения в Европу. А пока отдыхайте! Пейте, ешьте и не ломайте голову над всякими проблемами.

— Хорошо, сэр.

— Через два-три дня мы отвезем вас к детям.

— Да! Да!

В то время, как двоих краснокожих, державшихся на почтительном расстоянии от грозных клыков Боба, повел на кухню индийский кули, мистер Браун без церемоний расположился за столом и поглощал пищу, словно изголодавшийся удав, запивая ее таким количеством разнообразных напитков, будто вместо горла у него был рудопромывочный желоб.

Отвалившись от стола после трапезы, достойной Гаргантюа, Питер-Паулюс молча переоделся в новую одежду, которую ему принесли, влез в удобные сапоги, с удовольствием притопнул ими и устроился в гамаке с видом человека, желавшего спокойно переварить потребленную пищу.

Как всегда быстро спустилась ночь, бессонная для европейцев, которые не сомкнули глаз, чутко вслушиваясь в тишину. На прииске царило безмолвие. Каждый час один из робинзонов в сопровождении вооруженных мужчин и верного Матао совершал обход открытой местности, потом возвращался в дом, а на смену ему выходил другой.

Напрасный труд: таинственный шум, раздававшийся двадцать четыре часа тому назад, больше не возобновлял-

ся. Водяная Матушка, судя по всему, осталась в подводном жилище, а ее почитатели устроили передышку. Все эти хождения нисколько не потревожили англичанина, который спал как сурок, будто наверстывая упущенное, до девяти часов утра. Его пришлось хорошенько встряхнуть, чтобы чудака очнулся и соизволил перебраться из гамака прямо к столу.

Хотя этот субъект был глубоко антипатичен, робинзоны оказали ему щедрый и великодушный прием. Заносчивого брюзгу, маниакального эгоиста окружили предупредительным вниманием, потому что видели в нем отца двух милых юных девушек,— а был он явно недостоин этого отцовства.

Завтрак подходил к концу, когда со стороны причала раздались радостные крики. Хорошо знакомый сигнал заставил молодых людей вскочить с места, они гурьбой выбежали из столовой. Робен последовал за ними. Свисток паровой лодки раздирал уши, а на берег сходили многочисленные пассажиры, белые и негры. Робинзоны узнали свою мать, которая медленно шла об руку с Никола. Возле нее держались юные мисс и негритянка Ажеда. Ломи, Башелико и их отец, старый Ангоссо, с нетерпеливой радостью устремились к дому.

— Мистер Браун,— сказал инженер англичанину,— ну и повезло вам! Послал вчера за новостями о ваших дочерях и приемной матери, а они вот и сами пожаловали!

Флегматичный Питер-Паулюс почему-то заметно взволновался. Он не произнес в ответ ни слова и как бы прирос к месту.

Мадам Робен, мисс Люси и мисс Мери вступили под навес веранды.

— Дорогие мои,— сказал им бывший каторжник,— хорошую новость можно объявлять без подготовки... Ваш отец нашелся!.. Вот он, перед вами!

Робен сделал жест в сторону Питера-Паулюса, но явно ошеломленный чудака оставался в конце длинного стола и не только не спешил кинуться в объятия своих дочерей, но даже как будто порывался прочь.

Он все делал не так, как прочие, резко дернулся, повязка упала с лица и открыла совершенно здоровый глаз.

Девушки испуганно вскрикнули:

— Это не он!.. Не наш отец! Это фальшивый священник!

— И фальшивый капитан, обокравший меня разбой-

ник! — прорычал Гонде, также прибывший на лодке.— Ну, погоди!

Незнакомец не потерял хладнокровия, нырнул под стол, напряг спину и, приподняв огромное тяжелое сооружение из дерева мутуши, опрокинул его боком, как баррикаду, между собою и робинзонами. Затем, схватив оставленное кем-то по недосмотру мачете, ринулся из дому, в три прыжка пересек открытое пространство и исчез в лесу раньше, чем огорошенные зрители неслыханной сцены успели выбежать следом.

Белые и негры пустились было преследовать бандита, но Робен остановил их громким окриком:

— Не бегите! Этот человек не один. Он увлечет вас на погибель!

Тут обнаружилось, что двое индейцев тоже исчезли.

ГЛАВА 17

Четыре костра на реке Сен-Жак.— Обреченные на заклание.— «Вурафа», священный индейский яд.— Исповедь умирающего.— Водяная Матушка — кто это?..— Навигация Питера-Паулюса Брауна из Шеффилда прервана навсегда.— Слезы отверженного.

На сей раз наши робинзоны избежали грозной опасности, но следовало тотчас позаботиться о предупреждении новых угроз, которые возникнут неминуемо. Присутствие таинственного существа, принимавшего облик то миссионера, то офицера, то путешественника, внушало тем большую тревогу, что невозможно было предугадать его неожиданные обличья.

Человек, который с такой легкостью преображался, так изобретательно и смело выполнял свой загадочный план, никак не мог быть заурядным преступником. Очевидно, прииск притягивал его магнитом, и он наверняка не остановится перед любой крайностью ради достижения поставленной цели. Последняя его попытка проникнуть к ним, с поразительным искусством играя роль английского миссионера, убедительно показала, что он искушен в любых проделках и что новые «военные хитрости» скоро придут на смену прежним.

Европейцы еще дрожали при мысли, что могли бы через несколько часов оказаться в полной власти бандита, что какое-нибудь наркотическое средство сделало бы их

беззащитными перед целой ордой негодяев, соучастников мерзавца. Вполне возможно, что те только и ждали сигнала накинуться и перерезать одурманенных колонистов. Необходимо было покончить с этой угрозой как можно быстрее.

Проведя настоящий военный совет, робинзоны решили собрать мужчин, на верность которых полагались, разбить их на отряды и устроить безжалостную облаву на всех неизвестных, которые прячутся в лесах. Оружие и провиант распределили немедленно, работу приостановили. Рудокопы сошлись вместе, готовые выступить по первому сигналу.

Экспедиция должна была начаться наутро. Но целый ряд необычных, угрожающих происшествий изменил столь тщательно разработанные планы, а скоро вообще сделал их ненужными.

Настала ночь. Было уже одиннадцать часов, когда в направлении строительной площадки вдруг вспыхнул яркий свет, озаряя красными отблесками огромные деревья, стоявшие по периметру золотоносных участков. Сторожевые собаки Боб и Матао всполошились и громко залаяли. В мгновение ока вскочившие робинзоны вооружились и собрались под навесом веранды, готовые к любым неожиданностям. Дю Валлон отправился к хижинам, поднял людей, расставил часовых на трех постах — у причала, возле склада, в поселке — и предупредил рабочих, что им предстоит скоро тронуться в путь.

Огонь, а скорее пожар, питаясь, несомненно, содержащими резину материалами, разгорался все ярче и ярче. Стало светло как днем. Затем прозвучали три громких удара, шумным эхом прокатились по всей долине, вслед за чем раздался ужасающий, леденящий душу крик, который заставил примолкнуть обезьян-ревунов и даже тигров.

Через несколько минут прогремели три новых удара с такими же раскатами грохота. За ними последовала волна воплей и рычания, не имевших ничего общего с человеческими голосами. В призрачном полыхающем свете этой дикой симфонией, казалось, дирижировал сам дьявол, а исполняли ее осужденные на вечные муки. Адский концерт длился с полчаса. Потребовалось все бесстрашие робинзонов, чтобы выдержать, не испугаться и даже не беспокоиться этим тарарамом, совершенно невыносимым для человеческого слуха.

Когда шум прекратился, инженер первым нарушил молчание, в котором пребывали слегка обалдевшие слушатели кошачьего концерта.

— Нам представляется случай, быть может, единственный, лицом к лицу столкнуться с врагами, потому что сейчас они находятся близко. Нас много, мы хорошо вооружены и не ведаем усталости. Вот что я предлагаю: пятьдесят человек во главе с Никола и Шарлем охраняют поселок. Я отправляюсь в разведку с другой полусотней, со мной также идут месье Дю Валлон, Анри, Эжен, Эдмон, Ломи и Башелико. В эту группу включим всех людей с Мартиники, они особенно храбрые и решительные. Двигаемся бесшумно, Матао пустим впереди. Боб останется здесь. Мы установим причину всей этой дьявольщины, а там сориентируемся на месте. Такая экспедиция не представляет никакой опасности, учитывая наши силы и совершенство оружия, которым мы располагаем...

Действительно, у европейцев были великолепные карабины Ветерли-Гинар — семизарядное полуавтоматическое оружие со стрельчато-цилиндрическими пулями. Его убойная сила и точность попадания очень велики, оно незаменимо для людей кочевой и авантюрной жизни: уход за ним прост, а надежность выше всяких похвал. Будучи в Париже, Шарль купил десять карабинов у известного оружейника на avenue de l'Opera, который снабжал стрелковым оружием всех изыскателей. С такими «игрушками» робинзонам не страшна была целая орда чертей из девственного леса.

Отряд под водительством Робена тронулся в путь, бесшумно идя знакомыми тропинками, освещенными отблесками пожара. Через полчаса вышли в долину реки Сен-Жан. Мужчины замаскировались за деревьями, которые образовывали вокруг поляны словно кольцо огромного цирка, и глазам их открылся незабываемый спектакль.

Четыре огромных костра пылали, потрескивая и посылая в вышину снопы искр. Сложенные из гигантских нагромождений веток и поленьев, эти очаги симметрично располагались по углам квадрата, занимавшего возвышенную часть рельефа. В центре стоял нечувствительный к языкам пламени высоченный старик индеец. Он был совершенно гол. Длинные снежно-белые волосы ниспадали на плечи, оттеняя странно энергичное выражение лица, искаженного судорогой гнева. Тело восьмидесятилетнего атлета с выступающими буграми мускулов искрилось в рыжих отсветах костров, словно позолоченное. Пятеро обнаженных индейцев, похожие на золотые статуи, сброшенные с пьедесталов, распростерлись непо-

движно вокруг какой-то темной туши, которую можно было принять за огромного ламантина*.

Шестой индеец, опустив голову, стоял перед стариком, выражая глубочайшее почтение.

Наконец двое европейцев были накрепко привязаны к дереву, ствол которого украшали цветок виктории и голова аймары. Они корчились и стонали от страшной боли, языки пламени лизали их ноги. Старик пошевелил дрова в костре и возвратился к неподвижно застывшему человеку.

— К тебе обращаюсь я, мой сын,— сказал он глухим голосом,— к тебе, самый юный из индейцев арамишо! Ты тоже должен умереть! Белые захватили лес, он больше нам не принадлежит! Тайна золота нарушена. Наше племя должно исчезнуть. Гаду** нас покинул. Умри! Погибни от руки твоего отца Панаолина, последнего из арамишо!

Молодой индеец поднял голову. Старик прикоснулся кончиком пальца к его глазу, и юноша рухнул замертво на землю, среди уже окоченевших трупов своих собратьев.

— А теперь нужно разобраться с тобой,— обратился Панаолин к одному из европейцев, горевших заживо.— Белый, ты меня обманул! Я подобрал тебя, умирающего от голода, когда ты убежал от людей из Бонапарта***. Твое тело истекало кровью, его сотрясала лихорадка. Ты хотел отомстить бледнолицым, которые мучили тебя. Нас объединила одна ненависть, я стал твоим другом и верным союзником. Я призвал тебе на помощь Водяную Матушку, посвятив тебя во все наши тайны. Ты поклялся мне, что

* Американский ламантин — крупное млекопитающее родом с Антильских островов. Это китообразное травоядное, чей вес достигает четырехсот килограммов, в трудах некоторых путешественников еще называют «сиреной» или «морской свиньей». У ламантина серая кожа, слегка шершавая, с отдельными пучками щетины в разных местах, преимущественно в уголках губ и на внутренней поверхности плавников. Эти плавники, которые прячутся под облегающей их кожей, состоят из пяти пальцев, имеющих по пять фаланг с плоскими и округленными ногтями на концах, и отдаленно напоминают человеческую руку. Тело продолговатой формы, похожее на бурдюк, завершается широким и плоским усеченным хвостом, расходящимся веером. Головная часть оканчивается мясистой мордой, имеющей наверху два дыхательных отверстия, носздри. Ум ламантина, его общительный и привязчивый нрав представляют разительный контраст с грубыми формами. Его называют еще «женщиной-рыбой» из-за сосков, которые сильно развиваются во время беременности. (Примеч. авт.)

** Гаду — индейское божество.

*** На мысе Бонапарт находится исправительная колония Сен-Лорана.

обладаешь таким пизэй, который убивает белых людей, как мой пизэй убивает краснокожих. Но ты солгал мне, потому что белые в золотой долине вспарывают чрево земли огненной машиной и забирают золото индейцев, которым принадлежит этот лес и эта земля. Белый! Ты меня предал. Я побежден. Но вурара (кураре) спасет нас от стыда. Вурара убил последних арамишо. Водяная Матушка погибла. Панаолин умрет. Но прежде, чем он прикоснется к своему глазу кончиком ногтя, смазанного священным пизэй, который соединит его с предками, Панаолин вырвет лживый язык у белого!

Потрясенные робинзоны не успели опомниться, как страшный старик схватил нож, раскрыл несчастному рот и одним махом отрубил язык, с жестом отвращения бросив окровавленный обрубок в огонь.

Европейцы выскочили на поляну в тот момент, когда старик подступал к следующей жертве. Он замер на месте, обратив на пришельцев полный ненависти и угрозы взор:

— Вас я тоже ненавижу! Будьте прокляты, белые, погубившие лес и укравшие тайну золота! Я вас презираю и ухожу из жизни!..

Вождь арамишо стремительно поднес руку к лицу и рухнул на грудь трупов.

При свете костров Робен и Анри узнали единственного уцелевшего в этой драме. Несчастный страдалец, чьи ноги превратились в два ужасных черных обрубка, был тот самый незнакомец, который проник в их жилище под видом англичанина.

Отбросив всякое злопамятство, видя в человеке, который еще накануне покушался на их жизнь, только тяжело страдающего мученика, они освободили его от уз, соорудили импровизированные носилки и отнесли в поселок. На складе было много хлопка нового урожая, им плотно укутали искалеченные ноги. Боль стала меньше терзать раненого, и душераздирающие стенания поутихли.

Это был мужчина в цветущем возрасте, с живыми глазами, виски у него слегка серебрились. Лицо, все еще искаженное страданием, однако заурядно правильное, казалось на первый взгляд невыразительным и бесцветным. Но стоило приглядеться внимательнее, как в малоподвижном обличье проступала маска, способная принимать любые очертания, копировать индивидуальности, скрывавшая подлинный актерский талант. Он ничуть не походил на трех персонажей, которых воспроизвел с неподражаемым искусством. Даже теперь, представ в природном

виде, его физиономия инстинктивно пыталась перевоплотиться в чью-то постороннюю, неведомую сущность.

Время от времени сардоническая гримаса* искажала его рот, морщинила кожу вокруг глаз, когда его острый взгляд падал на робинзонов, с любопытством изучавших необычный экземпляр человеческой породы. Но он пересилил себя и глухо сказал:

— Прошу вас, дайте мне тафии!

Странное дело, и этот невнятный голос удивительно подходил к бесцветному лицу. Его речь, лишенная красок, как и внешность, могла волшебным образом видоизменяться по его желанию.

— Тафия! — с живостью возразил Робен. — Даже не думайте об этом!

— Я ведь не ребенок, не правда ли, и не питаю ни малейших иллюзий относительно того, что меня ждет. Знаю, что я погиб безвозвратно.

Инженер пытался протестовать:

— Надежда на выздоровление всегда остается...

— Оставьте! Если бы даже я и выздоровел, то лишь для того, чтобы меня выдали властям этой страны. Они шутить не любят, гвианские власти...

— Но мы не доносчики, — с достоинством заявил Робен, — и не палачи!

— Пусть будет по-вашему. Но жизнь, которую вы сохранили бы моему искалеченному телу, станет лишь постоянным мучением, а у меня даже нет револьвера, чтобы пустить пулю в лоб. К счастью, жить мне остается недолго. Вижу, однако, что вы не прочь узнать кое-что обо мне. Например, по какому стечению обстоятельств я очутился здесь... Ну, послушайте... Эта история немного похожа на вашу, она должна вас заинтересовать.

Робен подал знак индийскому кули, и тот принес бутылку старого рома. Незнакомец жадно отхлебнул большой глоток. Алкоголь сразу его оживил, он как будто забыл на минуту о боли.

— Еще три года тому назад, — раздался глухой, невнятный голос, — я был освобожденным каторжником в Сен-Лоране. Причина, из-за которой я попал в тюрьму, не имеет значения. Отбыв срок, я отпахал еще столько же — пять лет, вольным поселенцем, вернулся в Европу. Жил, как и большинство бывших каторжников... в посто-

* Сардоническая гримаса — злобно-насмешливое, язвительное выражение лица.

янной войне с обществом. Естественно, водил дружбу с воровской компанией, прозябал, как весь трудовой люд, поджидая счастливого случая разбогатеть. И такой шанс представился в Париже благодаря вашему сыну и его компаньону, которые попались на моей дороге.

Однажды вечером я торчал в кафе «Верона», где любят собираться члены гвианского землячества. Прислушивался к разговорам, как человек, постоянно озабоченный поиском документов. Слова о золоте, приисках, рудных жилах заставили меня навести уши. Речь шла о миллионах, обсуждались многообещающие дела, сулившие сказочную прибыль.

«Вот это мне подходит,— сказал я про себя.— Надо пристроиться к лакомому пирожку...»

Я проследил за этими людьми. Узнал, где они живут, выяснил имена, обстоятельства жизни, короче, все, что меня интересовало, и стал тенью ничего не подозревавших дельцов: удалось внедрить одного из моих дружков в их компанию. Это, заметьте, детские штучки для нашего брата, отбывшего срок. Итак, я уже знал достаточно много. Снабженный приличной суммой, которую выдал мне наш банкир, я без колебаний отправился изучать местные условия и прибыл сюда за два месяца до возвращения ваших путешественников.

Поначалу мне везло, как избалованному ребенку. Случай мне благоприятствовал, хотя я научился обходиться без его вмешательства. Я бродил под видом изыскателя в районе водопада Гермина, когда судьба свела меня с давним товарищем по каторге, с этим беднягой Бонне, чью ужасную смерть вы наблюдали.

Десять лет назад Бонне бежал из заключения, был пойман и осужден пожизненно. Однако он совершил повторный побег и к нашей встрече уже три года жил среди индейцев, полностью перенеяв их нравы и обычаи. Мы рассказали друг другу о своих делах без утайки, с той откровенностью, которая свойственна бывшим товарищам по несчастью. Бонне уже изрядно хлебнул первобытной жизни, он признался, что главным поводом его бегства к индейцам арамишо стал поиск огромного сокровища, принадлежавшего этому племени. В существовании богатства он когда-то имел случай убедиться.

Но у меня было для него предложение получше. Я рассказал о деле, связанном с вами. Мы быстро поладили. Завербовать индейцев было делом нетрудным. Эти потомки вымершего племени питали к белым непримиримую

ненависть. Мы выразили такие же чувства и торжественно поклялись помогать индейцам истреблять белое племя. Вы понимаете меня с полуслова, не так ли?.. Речь шла о том, чтобы вырезать всех вас с помощью индейцев, завладеть вашими правами на собственность, захватить золотой прииск, короче, полностью перевоплотиться в вас и стать честными золотоискателями, разумеется, освободившись от индейских союзников...

Цинизм этого человека, столь хладнокровного воровшего о «деле», для исполнения которого убийство служило главным способом действия, вызвал среди слушателей ропот возмущения и гнева.

А раненый отхлебнул еще спиртного и продолжал как ни в чем не бывало, не обращая внимания на произведенный эффект:

— Краснокожие действительно были отличными помощниками, без предрассудков, и располагали методами действий необычными, но безотказными. Они беспрекословно повиновались своему вождю, ну прямо как сектанты горного старца. Вообще суеверия и фанатизм занимают огромное место в их жизни, я бы даже сказал, что наряду с ненавистью к белым это их главная особенность.

Эти суеверия успешно использовались против ваших рабочих, ибо те их вполне разделяли. Вы же знакомы с легендой о Водяной Матушке, не правда ли?.. Ну вот, Панаолин поймал когда-то молодого ламантина и приручил его буквально как собаку. Ламантин выполнял команды по свистку, по слову, по знаку. Он следовал за своим хозяином повсюду, даже освобождал его от гребли, потому что приловчился тянуть пирогу за собой, а временами сопровождал его и на суше, если того требовали неотложные обстоятельства. Панаолин простодушно верил, что стал властелином Водяной Матушки, и никогда не забывал после каждой вылазки оставить в ее честь памятный знак — цветок виктории и голову аймары.

С целью завладеть прииском мы сперва прибегли к способам, которые я назвал бы платоническими. Спекулируя на безграничной доверчивости негров и их склонности к суеверию, пытались запугать их настолько, чтобы они бросили работу и разбрелись. Дикие ночные концерты; ядовитые змеи, брошенные в изыскательские скважины; порча инструментов; барабанный стук по корням, страшное рычание Водяной Матушки вместе с воющим

хором ее почитателей — таковы, в общем, были эти детские выдумки, которые мы использовали. Ловкий, как макака, Бонне забирался с помощью лиан на верхушку громадного сухого панакоко, стоявшего на краю поляны. Хорошо замаскировавшись среди паразитарных растений, он тарабанил что есть мочи по звонкому стволу мертвого великана.

Но однажды вечером директор, человек не робкого десятка, занял под деревом пост и чуть не ослепил на один глаз «Водяную Матушку». Тогда мы решили нанести сокрушительный удар. Тем более что время подгоняло — путешественники прибывали из Европы с чудесной техникой для промышленной добычи золота. Мы подложили мощный заряд под каменистую гряду, образовывавшую водораздел между золотым прииском и бассейном соседней реки. Взрыв породил наводнение, которое, однако, не принесло нам никакой пользы. Воистину дела шли из рук вон плохо, и от насильственных действий мы вынуждены были на время отказаться.

Я располагал иными средствами, вы могли в этом убедиться. Мне пришло на ум воспользоваться своими актерскими талантами, чтобы легко и не подвергая себя опасности завладеть вашими богатствами. Я предусмотрительно захватил с собой из Европы немалое количество разных костюмов, в которые переодевался от случая к случаю, и верил, что мой план удастся, а неудачи отступят. Признаться, что мои перевоплощения в офицера с его дотошностью и в миссионера-утешителя заслуживают высокой оценки. Но этот болван англичанин все испортил. Отдаю должное вашей бдительности и сноровке, однако и судьба к вам была благосклонной, это неоспоримо. Тем лучше для вас. Значит, я «работал» впустую, и наши «военные хитрости» оказались разоблаченными... Но смерть англичанина...

— Как,— вскричал Робен,— вы убили этого бедняка?!

— Нет, нет, это не убийство! Он умер от солнечного удара. Его смерть внушила мне новую идею. У меня было время изучить этого оригинала. Вы его видели мало, и то лишь в фантастическом «костюме», изготовленном мною. Зная, что двух его дочерей нет на прииске, я решил сыграть роль этого типа, внедриться в вашу семью и... сделать на это последнюю ставку. Игра ва-банк! .

Судьба распорядилась иначе. Вы родились под счастливой звездой. Это был крах всех надежд. Панаолин с какого-то времени перестал доверять нам, его подозре-

ния укрепляла цепь наших неудач. Старый негодяй, сознавая свое неизбежное поражение, решил покончить со всем одним махом, истребив и себя самого. Его люди схватили нас, привязали к дереву... Дальнейшее вам известно.

Охваченный приступом горячки, несчастный захрипел. Он снова поддержал алкоголем слабеющее возбуждение и продолжал:

— Месье, я кончил... Силы быстро уходят, мне сдается, что пламя сжигает внутренности. Через несколько минут я умру... и это к лучшему... Я рассказал вам о себе, чтобы вы поняли: я не какая-нибудь заурядность... Простое авторское самолюбие...

Видите ли, я — мятежник новой волны... Меня победили, но я не раскаиваюсь... как в романах, где обезоруженный бандит приходит к назидательному финалу... становится честным парнем...

Ну, все равно... Вы — сильные люди... Вы победили Панаолина, старого гвианского демона... Он был символом этой земли, некогда проклятой, теперь преображенной вашей энергией...

Добродетель свершила то, на что напрасно замахивался порок... А ведь я был человеком умным и сильным... Неужели честь сегодня большего стоит, чем преступление?..

— И вы еще сомневаетесь в этом, в такую минуту! — В голосе Робена звучало неподдельное волнение. — Вы сомневаетесь, когда я заявляю вам о прощении — от своего имени и от имени тех, кто чуть не стал вашими жертвами!

Умирающий устремил на инженера пронзительный взгляд, который понемногу туманился... Две слезинки набежали ему на глаза... Он тяжело дышал, грудь вздымалась с трудом и неровно. Голосом, потерявшим свой саркастический тон, он прошептал:

— Вы правы... месье... Я гнусен... как преступление... Вы велики... как добродетель... Спасибо вам... вы заставили отверженного... пролить первые слезы раскаяния!

Конец третьей части

Эпилог

Гвианские робинзоны сдержали слово. Попрощавшись с метрополией и не имея никаких намерений возвратиться туда, они, следуя примеру англичан, создали свою страну на колониальной почве. Они жили исключительно ради новой родины, посвящая все силы ума и таланта ее развитию, упорным трудом добиваясь чудесного расцвета своего уголка полуденной земли.

Вот уже больше двадцати лет их девизом служат слова: «Родина и труд». Неудивительно, что нынешнее положение робинзонов можно определить одним-единственным словом: «Счастье».

У Робена и его героических друзей здоровая и радостная старость. Гвиана остается такой же гостеприимной, как бы ни пытались спорить с этим ее недоброжелатели и хулители.

Старший сын Анри, покинувший Европу в десятилетнем возрасте, не испытывает желания совершить туда даже увеселительную поездку. Его брат Шарль полагает, что годичное пребывание во Франции вполне удовлетворило его любознательность. У обоих робинзонов есть и более веские причины оставаться на берегах Марони. Анри недавно обвенчался с мисс Люси в мэрии Сен-Лорана. В тот же самый день состоялось обручение Шарля и мисс Мери. Обе молодые женщины, умом и сердцем ставшие экваториальными француженками, не желали больше расставаться со своей приемной матерью. И где же найдется лучшее место для семейной идиллии, чем эта солнечная страна, с ее ослепительными цветами, вечнозелеными долинами, несравненным простором!

Эжен и Эдмон решили, что необходимым дополнением к их колониальному образованию стало бы, как у Шарля, путешествие в Европу. На «Сальвадоре», принадлежавшем трансатлантической компании, с ними вместе отправился в путь Дю Валлон, которого тоже охватило желание побродяжничать несколько месяцев. Впрочем, и новые потребности золотого прииска делали очень полезной эту поездку.

Радость совершенно вскружила голову Никола. Бравый робинзон тоже соединил свою судьбу с красивой женщиной. Он взял себе в жены сестру главного механика, очаровательную креолку с Мартиники, чей ум и доброта соперничали с ее природной грацией.

Бывший каторжник Гонде, всегда приветливый и прямодушный, повел скромный образ жизни и безукоризненно трудился, искупая роковой миг юности.

Единственный признак старости у силача Ангоссо — совершенно побелевшая густая шевелюра.

— Мо фика Казимир (я стал Казимиром),— говорил добрый негр, который и трех дней не проводил без воспоминаний о прежнем друге.

Его жена Ажеда, всегда подвижная и хлопотливая, невзирая на дородность, воспитывала «по-европейски» целый клан негритят, робинзонов будущего, которыми с полным основанием гордились их отцы, Ломи и Башелико.

Все члены этой большой дружной семьи жили то на золотом прииске, то в сельскохозяйственной колонии. Переезды не занимали много времени, их легко и быстро совершала паровая лодка, каждые два дня курсировавшая по этому маршруту. В заключение добавим, что здоровье рабочих было великолепным благодаря хорошему питанию — тучные стада на обильных пастбищах непрерывно росли,— а также заботе Робена.

Как только у какого-либо старателя появлялись даже легчайшие симптомы заболевания, будь то лихорадка или малокровие, его незамедлительно отвозили в поселок на водопаде Петер-Сунгу. Перемена воздуха и условий работы помогала быстрому выздоровлению.

Можно утверждать, что цивилизация в этом уголке земли одержала победу.

Каждое утро, когда трехцветное полотнище знамени возносилось кверху и ярко полыхало на флагштоке, а звуки трубы призывали рабочих к новому трудовому дню, сердце бывшего изгнанника сжималось от волнения, неиссякающая радость жизни наполняла его.

И, наблюдая это вечно пылающее горнило труда и борьбы, в котором ковалось процветание «Полуденной Франции», Робен с чувством удовлетворения и естественной гордости мог воскликнуть: «Дело моей жизни торжествует!» И добавить, глядя на развевающийся флаг: «Все это — моей любимой родине...»

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Гвианские робинзоны. Роман	5
ЧАСТЬ 2. Тайна золота	7
ЧАСТЬ 3. Загадки девственного леса	196

БУССЕНАР Л.

Б 92 Собрание романов. Т. 10. **Гвианские робинзоны:**
Роман: Части 2, 3. /Пер. с фр. В. Брюггена; примеч.
Л. Лебедевой; художник А. Махов.— М.: Ладомир,
1993.— 416 с., ил.

ISBN 5-86218-052-4 (т. 10)

ISBN 5-86218-002-8

В десятый том Собрания романов популярного французского писателя Луи Буссенара (1847—1910) вошло окончание романа «Гвианские робинзоны», впервые полностью переведенного на русский язык.

ББК 84.4 Фр

Б 4703010100-026 Без объявл.
593(03)-93

ЛУИ БУССЕНАР

Собрание романов

Том 10

Редактор Терехина В. Н.

Технический редактор Суровцева С. И.

Корректор Наренкова О. Г.

Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Баскервиль».
Офсетная печать. Печ. л. 13,0. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4595.
С—10.

Научно-издательский центр «Ладомир» при содействии ТОО
«ВРС». 103617, Москва, К-617, кор. 1435.

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
«Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вы получили последний том первой серии трехсерийного Собрания романов Луи Буссенара.

Приводим состав второй серии:

- т. 11. **Из Парижа в Бразилию по суше.**
- т. 12. **Адское ущелье. Сын парижанина.**
- т. 13. **Тайны господина Синтеза.**
- т. 14. **Кругосветное путешествие юного парижанина.**
- т. 15. **Приключения парижанина в Океании. Изгнанник. Побег. Чайник раджи.**
- т. 16. **Охотники за каучуком.**
- т. 17. **10 тысяч лет среди льдов. Приключения мадемуазель Фрике.**
- т. 18. **Остров в огне. Приключения маленького горбуна.**
- т. 19. **Македонский террор. Том-дрессировщик.**
- т. 20. **Зуав Малахова кургана. Под барабанный бой.**

Информация о нашем издательстве периодически публикуется в еженедельниках «Книжное обозрение» и «Книготорговый бюллетень».

Научно-издательский центр «ЛАДОМИР»

**предлагает Вашему вниманию
репринтное издание книги**

Феокрита Мосха Биона

«ИДИЛЛИИ И ЭПИГРАММЫ»

Буколики, или идиллии — особый литературный жанр, возникший в Греции в III веке до н. э. Создателем его считается поэт Феокрит, продолжателями которого в Греции были Мосх и Бион, а в Риме — Вергилий и другие позднейшие буколические поэты. В эпоху Возрождения в жизни воскресает в произведениях итальянских поэтов XVI века — Саннадзаро и Тассо в их «пасторальных» — «Аркадия» и «Аминта». Особенно широкое распространение идиллия получила в Западной Европе XVII—XIII вв.

М. Е. Грабарь-Пассек впервые полностью перевела все дошедшие до нас произведения Феокрита, Мосха и Биона, при этом она стремилась добиться в переводе максимальной точности и по возможности приблизиться к размерам подлинника.

Формат 70×90/16, тв. п., офс. № 1 Объем 328 стр. Тираж 1000 экз.

Наш адрес:

**103617, Москва, К-617, корп. 1435,
НИЦ «Ладомир»**

Научно-издательский центр «ЛАДОМИР»

**предлагает Вашему вниманию
в серии «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»
репринтное издание книги**

КСЕНОФОНТА

«КИРОПЕДИЯ»

Историко-философский роман «Киропедия» Ксенофонта Афинского (430/426—355/354 гг. до н. э.) повествует о жизни и делах персидского царя Кира Старшего (50—60 годы VI в. до н. э.). Исторический колорит играет в романе вспомогательную роль условного фона, на котором рисуется живой образ идеального монарха, подробная картина всей его жизни и созданного им идеального государства.

Особое внимание в романе уделяется процессу развития и воспитания сильной личности, способной создать великую и могущественную империю. Здесь проявился яркий политический и художественный талант Ксенофонта: в своем сюжете, обращенном в далекое прошлое, он точно предсказал события недалекого будущего — объединение Эллады под главенством македонского царя, греко-македонский поход на Восток и создание империи Александра.

Объем книги 334 стр.

Формат 70×90/16, тв. п., офс. № 1, ил.

Наш адрес:

**103617, Москва, г. Зеленоград, корп. 1435,
коммерческий отдел НИЦ «Ладомир»
Телефон: (095) 530-43-20, факс: (095) 530-47-42**

Научно-издательский центр «ЛАДОМИР»

**предлагает Вашему вниманию
произведение знаменитого французского баснописца**

Ж. де Лафонтена

ЛЮБОВЬ ПСИХЕИ И КУПИДОНА

«Любовь Психеи и Купидона» (1669) — это оригинальная творческая переработка известной истории о любви Амура и Психеи, рассказанной Апулеем в «Золотом оселе». Традиционный сюжет этой древней сказки модернизирован Лафонтеном в духе и стиле французского классицизма. Шутливая ирония автора. Его жизнерадостный гуманизм продолжает традиции французского Ренессанса и во многом предвещает философское свободомыслие Вольтера и просветителей XVIII века.

Легкое и изящное повествование, в котором проза перемежается со стихотворными фрагментами, отличается высокой поэтичностью, вызывавшей восхищение Пушкина и его современников и сохранившей свое обаяние и для нашего времени.

*Формат 70×90/16, репринт, тв. п., офс. № 1 Объем 140
стр. Тираж 1000 экз.*

Наш адрес:

**103617, Москва, К-617, корп. 1435,
НИЦ «Ладомир»**

